

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш. Марджани

BIBLIOTHECA TATARICA

Ш.Ф. Мухамедьяров

**Социально-экономический
и государственный строй
Казанского ханства
(XV — первая половина XVI вв.)**

Казань – 2012

ББК 63.3(2Рос.Тат)
М 92

VIBLIOTHECA TATARICA

Редколлегия:

*Р.С. Хакимов, И.К. Загидуллин, А.Г. Ситдииков, Р.Г. Галлям,
С.М. Исхаков, А.А. Бурханов, Л.Ф. Байбулатова*

Составитель и ответственный редактор

канд. ист. наук *Р.Г. Галлям*

Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.) / Репринтное воспроизведение кандидатской диссертации (Институт истории АН СССР, г. Москва, 1951 г.). Сост. и отв. ред. Р.Г. Галлям; авторы предисл. Р.Г. Галлям, С.М. Исхаков, А.А. Бурханов. – Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. – 276 с. + 4 с. вкл.

Данное издание является репринтным воспроизведением кандидатской диссертации – рукописной монографии – ученого-историка и востоковеда Ш.Ф. Мухамедьярова (1923–2005) «Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – середина XVI вв.)», написанной им в конце 1940-х годов под научным руководством академика М.Н. Тихомирова и защищенной в 1951 г. в Институте истории АН СССР (г. Москва). Работа отличается глубоким и тщательным анализом весьма широкого спектра проблем истории Казанского ханства – от вопросов государственного устройства до форм хозяйствования. Исследование является одним из фундаментальных трудов как по истории этого позднесредневекового татарского государства и других тюрко-татарских государственных образований, так и в целом средневекового прошлого народов Поволжья и Приуралья.

Хотя работа отражает достижения отечественной исторической науки середины XX в. в области изучения истории Казанского ханства, будучи одним из классических, непревзойденных образцов монографического изучения проблем его прошлого, ее материалы актуальны и для современных исследователей. Издание представляет интерес и с точки зрения изучения этапов развития отечественного востоковедения, равно как и историографии истории Казанского ханства, Среднего Поволжья и Приуралья, татарского народа.

ISBN 978-5-904735-68-5

© Мухамедьяров Ш.Ф., 2012
© Институт истории АН РТ, 2012
© Изд-во «Ихлас», 2012

Оглавление

Предисловие от редколлегии	5
Введение.....	12
Глава I. Источники.....	15
Глава II. Хозяйство Казанского ханства.....	47
1. Критический обзор высказываний об основном занятии населения Казанского ханства.....	47
2. Свидетельства источников о развитии земледелия в Волжско-Камском крае в XV–XVI вв.	51
3. Вопрос о системе земледелия в Казанском ханстве	60
4. Основные сельскохозяйственные орудия	71
5. Садоводство, скотоводство, бортничество, охота и рыболовство.....	81
Глава III. Феодалное землевладение.....	89
1. Предварительные замечания	89
2. Ханское землевладение	93
3. Крупное феодалное землевладение	96
4. Сойюргал – основной вид феодалного землевладения в Казанском ханстве	114
Глава IV. Положение крестьянства.....	129
1. Вопрос о крепостном праве.....	129
2. Крестьянское землевладение.....	142
3. Общий перечень податей и повинностей крестьян.....	151
Глава V. Ремесло и торговля в Казанском ханстве.....	166
1. Вопрос о татарском феодалном городе	166
2. Город Казань.....	172
3. Внутренняя торговля.....	178
4. Внешняя торговля	182
5. Ремесло в Казанском ханстве.....	198

Глава VI. Государственный строй Казанского ханства	207
1. Вопрос о политическом строе Казанского ханства в буржуазной историографии	207
2. Образование Казанского ханства.....	209
3. Классовая сущность Казанского ханства как государства феодалов-землевладельцев	216
4. Высшие органы власти	218
5. Высшие органы управления	224
6. Местные органы власти.....	227
7. Местные органы управления.....	230
Заключение	238
Источники и литература	241
Список принятых сокращений.....	260
Приложения	
<i>Приложение № 1.</i> Старинный сабан. По материалам Чувашского краеведческого музея в г. Чебоксары	262
<i>Приложение № 2.</i> Татарский текст ярлыка Сахиб-Гирея	263
Русский перевод ярлыка Сахиб-Гирея	266
<i>Приложение № 3.</i> Болгарские археологические памятники X–XIII веков в пределах современной Татарской АССР	267
<i>Приложение № 4.</i> Карта распространения болгаро-татарских надгробных памятников на территории Татарской АССР	269
<i>Приложение № 5.</i> Карта центральной части Казанского ханства	272

Предисловие от редколлегии

Предлагаемая вниманию читателей книга является репринтным изданием рукописи научной монографии известного ученого-историка и тюрколога Шамиля Фатыховича Мухамедьярова (1923–2005)¹ «Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.)», защищенной им в 1951 г. в г. Москве в качестве диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Несмотря на все последующие изыскания в области изучения истории Казанского ханства, в том числе ряда монографий, она, наряду с популярными «Очерками по истории Казанского ханства» М.Г. Худякова, и поныне остается одной из фундаментальных, ключевых работ для понимания сложных, малоизученных процессов, проистекавших в этом позднесредневековом тюрко-татарском государстве. Учитывая возрастающий интерес к истории средневековых тюрко-татарских государств, интенсификацию разработки проблем их истории, этот труд Ш.Ф. Мухамедьярова, посвященный истории государственного образования народов Среднего Поволжья XV – первой половины XVI вв., по сей день не потерял своей актуальности.

Трудные послевоенные 1946–1950 годы, в условиях которых начал свою научную жизнедеятельность молодой исследователь, не были простыми в развитии отечественной исторической науки. После известного постановления ЦК ВКП(б) от 8 сентября 1944 года, специальных его пленумов, разработка проблем истории Золотой Орды и «ее осколков» – татарских ханств XV – третьей четверти XVIII вв., в том числе и Казанского ханства, была фактически свернута. Нарушившие «табу» исследователи, вслед за такими известными

¹ О Ш.Ф. Мухамедьярове см.: Татар энциклопедиясенен шәхесләр исемлеге. – Казан: ТФАНен Татар энциклопедиясе институты, 1997. – Б. 169; Татарский энциклопедический словарь. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 1999. – С. 377–378; Кто есть кто в татарской общине Москвы. – М.: ПИА «Арбат», 2001. – С. 101; Мелуа А.Н. Российская академия естественных наук. – М.-СПб.: Изд-во «Гуманистика», 2002. – С. 681–682; Хамидуллин Б. Доброта аксакала // Республика Татарстан. – 1998. – 24 июня; Бәдретдинов Х.Ф. Мең тамырлы нигез хагы // Зеленодольский регион: проблемы истории и культуры. Сб. статей серии «Восток – Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии». – Казань: Gumanitarya, 2003. – С. 234–250; Бурханов А.А. От редактора // Культурные традиции Евразии. Сб. научных трудов серии «Восток – Запад: диалог культур Евразии». – Вып. 4. – Казань: «Фэн», 2004. – С. 8–11; Хамидуллин Б.Л. По следам Михаила Худякова («Забывтый» труд середины XX столетия по истории Казанского ханства) // Там же. – С. 13–24; Бурханов А.А. Памяти Ш.Ф. Мухамедьярова // Эхо веков. – 2005. – № 2. – С. 27; Бурханов А.А. Ш.Ф. Мухамедьяров // Мәгариф. – 2005. – № 9 (835). – С. 32–33; Татарская энциклопедия: В 6 т. – Т. 4: М–П. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2008. – С. 307; Исхаков С.М. Ш.Ф. Мухамедьяров // Ислам в Москве: энциклопедический словарь. – Нижний Новгород, 2008. – С. 172–173.

учеными-историками, исследователями проблематики, как Х. Атласи, Г.С. Губайдуллин, М.Г. Худяков и др., реально рисковали оказаться во всепоглощающих жерновах сталинских репрессий, отмененных лишь после 1953 г., вслед за кончиной «великого вождя всех народов» И.В. Сталина.

В этот чрезвычайно сложный период, под научным руководством известного ученого-историка М.Н. Тихомирова и была подготовлена публикуемая впервые кандидатская диссертация молодого татарского историка и тюрколога Ш.Ф. Мухамедьярова «Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.)» (судя по титульному листу рукописи, она была завершена в 1950 г.). В этом контексте некоторые идеологические пассажи автора, наличествующие прежде всего во «Введении» его исследования, декларируемый им классовый подход к изучению исторических процессов, всецело господствовавший тогда в отечественной историографии, как и попытку критической оценки «буржуазной историографии» истории Казанского ханства с точки зрения марксистско-ленинской догматики, следует воспринимать как дань сталинской эпохе, социально-политическим реалиям того периода. Учитывая современное состояние исторической науки, некоторые выводы автора могут показаться и устаревшими. Помимо того, имеющиеся в рукописи исследования опечатки, изъяны и недомолвки в области примечаний, пробелы на месте ряда терминов на марийском, удмуртском языках, арабиграфичных понятий на старотатарском языке говорят о том, что она осталась недооформленной в техническом плане. Однако круг рассмотренных и изученных в исследовании злободневных проблем истории Казанского ханства столь велик и значим, содержание же его настолько богато разнообразным фактическим материалом, что вышеуказанные недостатки, обусловленные, прежде всего, самой эпохой, несколько не умаляют достоинств этого сочинения. Оно в известной мере опровергает широко бытующее мнение о том, что в связи с выходом в свет известного постановления ЦК ВКП(б) от 8 сентября 1944 года научная разработка проблем истории Золотой Орды, постзолотоордынских татарских государств в стране была прекращена. Исследование Ш.Ф. Мухамедьярова является ярким свидетельством тому, что добросовестные ученые продолжали изучать обозначенную историческую проблематику и в весьма непростых условиях сталинских ограничений и гонений на науку, а истинная же наука мало подвержена каким-либо официальным штампам и конъюнктуре.

Однако судьба этой рукописной монографии оказалась столь же многосложной, как и судьба самого автора. В отличие от впервые изданных в 1923 г. и с начала 1990-х годов неоднократно переизданных «Очерков по истории Казанского ханства» М.Г. Худякова, труд Ш.Ф. Мухамедьярова до сих пор оставался неизданным, соответственно, малодоступным для широкого круга иссле-

дователей и почитателей истории Казанского ханства. Это выявило определенные трудности и издержки в последующей разработке проблем истории этого позднесредневекового татарского государства, а также других тюрко-татарских государственных образований позднего средневековья, как и в целом средневекового прошлого Поволжья и Приуралья, татарского народа.

Между тем, исследование Ш.Ф. Мухамедьярова учитывает достижения исторической науки, достигнутые в течение последующих нескольких десятков лет, прошедших вслед за выходом в свет классического сочинения М.Г. Худякова. В нем отражены многие малоизученные, дискуссионные вопросы истории Казанского ханства, как проблема его образования, социально-политический строй государства, высшие и местные органы власти и управления, хозяйственно-экономическая жизнь и т.д. Автор широко привлекает разрозненные свидетельства эпохи, содержащиеся в русских летописях, путевых записках современников, болгаро-татарской эпитафике XV–XVI вв., также обнаруживает их в источниках более позднего происхождения – писцовых книгах Среднего Поволжья второй половины XVI – начала XVII вв. Используются исторические источники, неизвестные науке ко времени написания известных «Очерков...» М.Г. Худякова. Часть из них в научный оборот введена самим Ш.Ф. Мухамедьяровым. В их числе, например, текст ярлыка казанского хана Сахиб-Гирея от 1523 г., обнаруженного в начале 20-х годов XX века в с. Мамалай Сабинского района Татарской АССР. В совокупности с материалами специализированных источниковедческих сборников и большого количества многообразной исторической и справочной литературы, это позволило ему значительно продвинуть представления современников о Казанском ханстве как о позднесредневековом государстве татар и других коренных народов Поволжья, о постзолотоордынских тюрко-татарских государствах в целом.

Исследование Ш.Ф. Мухамедьярова ставит своей целью показать не только наличие социально-политических или социально-вассальных, зависящих (по выражению самого автора, «феодальных») отношений в Казанском ханстве, но и вскрыть, по мере возможности, их специфику. Автор предпринял попытку изучить состояние производительных сил как одной стороны способа производства в татарском позднесредневековом обществе. При этом особое внимание уделил развитию сельскохозяйственного производства, т.к. тогда сельское хозяйство выступало основной базой экономической мощи государства. Кроме того, он поставил задачу изучения совокупности производственных отношений, в которые вступают люди в общественном производстве своей жизни, как другой стороны способа производства. Совокупность производственных отношений людей в средневековом татарском обще-

стве рассматривается автором как экономическая структура общества, как его базис.

В целом, этот труд представляет собой попытку обобщения того вклада, который внесли казанские татары и другие народности Среднего Поволжья в развитие государственности, материальную, культурную сокровищницу народов России на определенном этапе своего развития. Этот опыт стал достоянием мировой истории, культуры и цивилизации. Поэтому вполне обоснованно говорить о гражданском подвиге Ш.Ф. Мухамедьярова и о его таланте и смелости как ученого, равно как и его научного руководителя М.Н. Тихомирова, которого Ш.Ф. Мухамедьяров почитал до конца своих дней. В связи с этим, работа воспринимается и как своеобразное свидетельство, документ своей эпохи.

К сожалению, в силу ряда причин (прежде всего, из-за нехватки письменных источников), многие проблемы истории Казанского ханства и поныне остаются малоизученными, дискуссионными. Следует признать, что достичь исследовательского уровня их изучения М.Г. Худяковым и Ш.Ф. Мухамедьяровым в условиях современной исторической науки пока не удастся. Сочинения указанных авторов до сих пор остаются одними из наиболее востребованных и цитируемых в научном мире исследований по истории Казанского ханства. В большинстве работ последних лет по истории Казанского ханства, зачастую базирующихся на выдающихся работах тех же авторов – М.Г. Худякова и Ш.Ф. Мухамедьярова, как правило, дело далее историографических обобщений, смелых, порою сомнительных научных гипотез, не закреплённых должным образом письменными и иными источниками, не продвигается.

Автор столь ценного научного исследования – Шамиль Фатыхович Мухамедьяров родился 17 июня 1923 года в г. Казани, в семье известного врача и государственного деятеля. Его отец, Мухамедьяров Фатых Гарифович (1883–1950), уроженец села Большие Яки (совр. Зеленодольский район Республики Татарстан), в свое время обучался в медресе «Касымия» в г. Казани, был в числе первых высокообразованных врачей-специалистов из татар, крупнейшим специалистом по гигиене, доктором медицинских наук (с 1935 года), профессором (с 1933 года). В течение долгих лет успешно работал на руководящих должностях в системе здравоохранения Татарской АССР, с 1922 по 1927 годы возглавлял Народный комиссариат здравоохранения республики. Он является автором целого ряда трудов по организации здравоохранения, демографии, медицинской статистике, оценке физического развития детей татар, Героем медико-санитарного труда (1923). В честь него названа одна из улиц г. Казани (в Московском районе города).

После окончания средней школы, Шамиль Фатыхович становится студентом Казанского юридического института. В 1946 году поступает в аспирантуру Института истории Академии наук СССР (1946–1950 гг.). В 1951 году успешно защищает упомянутую кандидатскую диссертацию. В 1950–1952 годах работает в Институте языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР. С 1952 по 1955 годы он является ученым секретарем отдела истории и культуры народов Советского Востока Института востоковедения АН СССР. В 1955 г. Шамиль Фатыхович вновь возвращается в Казань, и, некоторое время проработав в Институте языка, литературы и истории КФАН СССР, в 1956–1965 годах преподает в Казанском государственном университете, где с 1959 года заведует кафедрой истории СССР. За время работы в КГУ в соавторстве готовит обобщающие исследования по истории Татарской АССР, которые выходят в свет в 1960 и 1968 годы.

В 1965–1970 годах Шамиль Фатыхович работает старшим научным сотрудником и руководителем группы в Якутском филиале Сибирского отделения АН СССР, читает лекции по истории тюркских народов в Якутском государственном университете.

Вся последующая научная и преподавательская деятельность Ш.Ф. Мухамедьярова связана с Москвой. В 1970–1996 годах он работает в Центре истории народов России и межэтнических отношений Института истории АН СССР (с 1992 года – Институт российской истории РАН). В качестве автора и консультанта принимает участие в подготовке к публикации 2-го и 3-го изданий Большой советской энциклопедии, а также энциклопедии «Отечественная история» (т. 1–3. М., 1994–2000), «Татарского энциклопедического словаря» (1999).

Ш.Ф. Мухамедьяров являлся одним из самых активных российских тюркологов. Его научные интересы были связаны с этногенезом, историей народов Поволжья, Приуралья и Сибири, тюркологией и алтаистикой, историей и этнографией тюркских и финно-угорских народов России; историографией, историческим источниковедением и археографией тюркских народов, государственно-исламскими и межнациональными отношениями в Волго-Уральском регионе, теорией этноса и культуры.

Им издано более 170 научных работ по истории Казанского ханства, Крыма и Якутии, этногенезу татарского народа, средневековой истории тюрков, финнов и угров Поволжья и Урала. Он подготовил к изданию уникальные памятники письменности периода Казанского ханства – ярлыки ханов Ибрагима (XV в.) и Сахиб-Гирея (XVI в.). Его основные работы публиковались в академических изданиях СССР и России, а также за рубежом, в частности в Турции, Финляндии, Японии, Венгрии, Германии и других странах. На его счету многочисленные выступления на различных международных кон-

грессах, симпозиумах и конференциях в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Уфе, Омске, Лондоне, Будапеште и других городах.

Ш.Ф. Мухамедьяров читал специальные исторические дисциплины в Литературном институте (г. Москва), Московском, Чувашском, Восточном гуманитарном, Казанском и Якутском университетах, Казанском педагогическом институте, Московском высшем духовном исламском колледже и других высших учебных заведениях России.

Долгое время Ш.Ф. Мухамедьяров был членом Экспертного совета по истории Российского гуманитарного научного фонда и Диссертационного совета Института этнологии и антропологии Российской академии наук. Он также являлся членом Российского национального комитета тюркологов и Археографической комиссии РАН, членом Президиума, академиком-секретарем и академиком Международной тюркской академии. В 1968 году Ш.Ф. Мухамедьяров был избран членом Постоянной международной алтаистической конференции – РАС (США, штат Индиана, г. Блумингтон). 9 января 1997 года он избирается членом-корреспондентом Российской академии естественных наук по отделению сословных и национальных традиций, а с 29 декабря 1997 г. становится действительным членом-академиком РАЕН.

В 1993 г. Ш.Ф. Мухамедьярову присваивается звание «Заслуженный деятель науки Республики Татарстан». Он являлся профессором Московского высшего мусульманского колледжа. Отмечен правительственными наградами-медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «В память 850-летия Москвы» и другими. В 75-летнем возрасте он совершил хадж-паломничество в Мекку. В последние годы жизни много времени отдавал работе в татарской средней школе № 1186 в Юго-Восточном округе г. Москвы.

Знакомство со многими работами Ш.Ф. Мухамедьярова, особенно посвященными средневековой истории татар, позволяет не согласиться с высказываниями некоторых историков, заявляющих, что история татарских ханств в советское время не изучалась. И в те годы находились исследователи (Н.Ф. Калинин, Г.В. Юсупов, Е.И. Чернышев, А.Х. Халиков, С.Х. Алишев и др.), фактическим материалом своих научных статей и монографий отвергавшие идеологические догмы и псевдонаучные (спущенные сверху) штампы. Отсюда – тот авторитет и огромное уважение, какими Ш.Ф. Мухамедьяров пользовался в научных кругах Москвы, Казани, других центров России, как и за рубежом. Немалую роль Ш.Ф. Мухамедьяров сыграл и в становлении таких известных ученых, как Г.А. Федоров-Давыдов, И.Р. Тагиров и М.А. Усманов, А.Г. Мухамадиев и многих других.

Необходимо отметить, что Шамиль Фатыхович был человеком очень общительным, энергичным и оптимистичным, добрым и жизнерадостным, отзывчивым и благородным. Всегда можно было рассчитывать на его пони-

мание и помощь. В этом неоднократно убеждались и мы – составитель и члены редколлегии данного издания. В частности, первая встреча Р.Г. Галляма с Ш.Ф. Мухамедьяровым состоялась в августе 1993 г. в г. Казани, в ходе работы одной из первых на постсоветском пространстве конференций по истории Золотой Орды, проводившейся Институтом языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского научного центра РАН. А.А. Бурханов познакомился с ним еще в аспирантские годы в Москве (1984 г.), когда дагестанские друзья ему сказали, что в Институте истории АН СССР работает наш «знаменитый земляк». Далее наши встречи с Ш.Ф. Мухамедьяровым на различного рода научных форумах и мероприятиях (конференциях, симпозиумах, семинарах и т.д.) стали частыми – мы встречались то в Москве, то в Казани. С.М. Исхакову посчастливилось общаться с Ш.Ф. Мухамедьяровым наиболее часто, работая с ним в одном институте, а затем и после выхода ученого на пенсию – до последних дней его жизни.

Эти регулярные встречи, когда Ш.Ф. Мухамедьяров рассказывал, размышлял о своей жизни, науке, ученых, оставили на нас неизгладимое впечатление.

Память об этих встречах хранится и поныне. И издание совместными усилиями творческой группы ученых-историков Института истории им. Ш. Марджани АН РТ и Института российской истории РАН рукописи диссертации Ш.Ф. Мухамедьярова «Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.)» является одним из лучших подтверждений тому. О том, чтобы это исследование стало доступным новым поколениям, мечтал Шамиль Фатыхович.

*Р.Г. Галлям, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института истории
им. Ш. Марджани АН РТ;*

*С.М. Исхаков, доктор исторических наук,
старший научный сотрудник Института
российской истории РАН;*

*А.А. Бурханов, кандидат исторических наук,
профессор Института истории К(П)ФУ*

Введение

Советская историческая наука, вооруженная самой передовой теорией марксизма-ленинизма, достигла значительных успехов в разработке истории народов СССР. За годы Советской власти историческая наука Татарской АССР сделала серьезный шаг вперед, преодолев ошибки антимарксистской методологии, извращения школы М.Н. Покровского и буржуазно-националистические тенденции в освещении истории Татарской АССР и татарского народа.

ЦК ВКП(б) в специальном постановлении от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации»¹ вскрыл в трудах отдельных татарских историков и литераторов серьезные ошибки буржуазно-националистического характера, выразившиеся в идеализации Золотой Орды и ханско-феодального эпоса об Идееге. В соответствии с указанием ЦК ВКП(б), Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии Наук СССР приступил к составлению «Истории Татарской АССР»². Серьезным вкладом в советскую историографию Татарстана и татарского народа являются статьи, помещенные в первом выпуске «Материалов по истории Татарии»³.

Конечно, задача более детального изучения отдельных этапов многовекового пути развития народов Татарской АССР не может считаться исчерпанной и требует еще дальнейших исследований.

Одним из таких узловых вопросов следует считать изучение процесса становления и развития феодальных отношений у народов Татарской АССР. Этому вопросу в Советской исторической литературе до сих пор уделялось мало внимания.

Наша работа, посвященная изучению социально-экономического и государственного строя Казанского ханства – государственного образования народов Среднего Поволжья в XV – первой половине XVI вв., ставит своей целью показать не только наличие феодальных отношений в Казанском ханстве, но и вскрыть по мере возможности их специфику.

¹ См.: Пропаганда и агитация в решениях и документах ЦК ВКП(б). Огиз. Госполитиздат, 1947. С. 463–468.

² История Татарской АССР. Т. I. (С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Казань: Татгосиздат, 1950. 709 с. (На правах рукописи).

³ Материалы по истории Татарии. Выпуск I. Казань: Татгосиздат, 1948. 487 с. См. также нашу рецензию на эту книгу в журнале «Вопросы истории» (1950. № 4. С. 143–146).

В основу работы положено известное указание товарища И.В. Сталина: «Первейшей задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества»⁴. Поэтому вся работа построена в свете данного товарищем И.В. Сталиным глубокого анализа сущности способа производства материальной жизни общества, как решающей силы, определяющей характер общественного строя и развития общества от одного строя к другому.

Классическое указание К. Маркса в знаменитом «Предисловии» к «Критике политической экономии» явилось исходным для правильного понимания базиса и надстройки и их взаимодействия в татарском феодальном обществе: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной структуре развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, над которым возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»⁵. При своем анализе особенностей татарского феодального общества автор постоянно опирался на ясное и четкое определение особенностей базиса и надстройки, данное товарищем И.В. Сталиным в работе «Марксизм и вопросы языкознания»⁶.

Этим и определяется проблематика настоящего исследования.

Во-первых, предпринята попытка изучить состояние производительных сил как одной стороны способа производства в татарском феодальном обществе. При этом основное внимание уделяется развитию сельскохозяйственного производства.

Во-вторых, ставится задача изучения совокупности производственных отношений, в которые вступают люди в общественном производстве своей жизни, как другой стороны способа производства. Совокупность производственных отношений людей в татарском феодальном обществе рассматривается как экономическая структура общества, как его базис. Указание И.В. Сталина об исторически изменчивом характере экономического базиса положена в основу при изучении этой проблемы⁷. В качестве основного вопроса при этом выделяется вопрос о собственности на средства производства: в чьем владении находятся средства производства, принадлежат ли они всему обществу

⁴ И. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. 1949. С. 22–23.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I. 1943. С. 322.

⁶ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Издательство «Правда», 1950.

⁷ Там же. С. 3.

или отдельным лицам, группам, классам, использующим их для эксплуатации других лиц, групп, классов.

В-третьих, исходя из положений марксизма-ленинизма о надстройке, предметом изучения избрана политическая надстройка татарского феодального общества. При этом предпринята попытка показать классовую сущность татарского феодального государства, ее активную служебную роль в руках господствующего класса татарских феодалов для эксплуатации и подавления крестьянства.

Таким образом, по замыслу автора, эта работа представляет собою попытку обобщения того вклада, который внесли казанские татары и другие народности Среднего Поволжья в общую сокровищницу культуры народов СССР и всего мира на определенном этапе своего развития. По мысли автора, это даст возможность осмыслить историю народов Среднего Поволжья в составе Русского централизованного многонационального государства как качественно новый и более высокий этап в развитии материальной и духовной культуры этих народов.

С другой стороны, в свете указания И.В. Сталина о том, что «...каждая нация, – все равно – большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций»⁸, изучение качественных особенностей и специфики развития казанских татар следует рассматривать как одно из звеньев борьбы советской науки против пантюркистской буржуазно-националистической идеологии, рассматривающей тюркоязычные народности как единую турецкую нацию вне времени, пространства и исторических условий.

⁸ И.Сталин. Речь на обеде в честь Финляндской правительственной делегации 7 апреля 1948 г. Журнал «Большевик». 1948. № 7. С. 2.

Шамиль Фатыхович Мухамедьяров. 1956 г.
Фотография из архива Казанского федерального университета.

2

Фрагменты (1–2) ярлыка хана Сахиб-Гирея Шейху-Ахмеду и его родственникам. 1523 г.
Из фондов Национального музея Республики Татарстан (ИМРТ КИ-5757).
Общий вид ярлыка см. на следующей странице.

Ярлык хана Сахиб-Гирея
Шейху-Ахмеду и его
родственникам. 1523 г.
Из фондов Национального музея
Республики Татарстан (НМРТ КИ-5757).

ГЛАВА I

Источники

Особенностью источниковедческой стороны нашей работы является отсутствие единого компактного фонда источников, на основании которых можно было бы поставить и осветить вопросы социально-экономической истории Казанского ханства. Это обстоятельство обусловило привлечение разнообразных по своему характеру и происхождению источников как на русском, так и на восточных и западноевропейских языках. Безусловно, попытка восстановить реальную картину социально-экономических отношений в Казанском ханстве на основании отдельных скупых фрагментов, различных источников представляла определенные трудности. Характер источников, например, не дает возможности получить ясное представление о формах и размерах сельскохозяйственного производства и о разделении земельной собственности в Казанском ханстве. Еще раз приходится сожалеть о недостаточности татарских источников, непосредственно отразивших социально-экономическую жизнь Казанского ханства.

Всякого, кто занимался историей Казанского ханства, поражало почти полное отсутствие каких-либо письменных памятников, составленных в самом Казанском ханстве. Еще в 1885 году выдающийся татарский ученый-историк Ш. Марджани с сожалением отмечал: «Казанское ханство сформировалось как самостоятельное государство, будучи довольно слабым. Хотя оно и просуществовало свыше ста лет, но вследствие нападения внешних врагов и отсутствия внутреннего единства, оно пришло в упадок. По-видимому, татарские ученые не смогли составить различные исторические книги и не оставили поэтому нам надежный исторический материал. Если даже такие книги были, то ввиду ограниченного количества их списков, они могли погибнуть во время тех бедствий, которые постигли Казанское ханство»¹.

Русские историки также неоднократно отмечали отсутствие источников казанско-татарского происхождения в русских архивах, хотя Русское государство поддерживало оживленные политические и экономические отношения с Казанским ханством. Сто лет тому назад И.Н. Березин, уделявший большое внимание изучению литературных памятников тюрко-татарских народностей нашей страны, писал: «Такие царства, каково было, например, Казанское, при известной степени гражданственности, должны были обладать

¹ مستفاد الاخبار في احوال قزان و بلغار Ш.Марджани. Мустафадуль ахбар фи ахуале Казан въ Болгар. Том. I. Казань, 1885. С. 119–120.

обширной письменностью, если не литературой, но, к сожалению, остатки этой угасшей независимой образованности не дошли до нас, или дошли в малом количестве; по крайней мере, так приходится заключать по обзору известных в России библиотек»².

Мы не знаем, были ли при дворе казанского хана хроникеры подобно тому, как это имело место при дворе сельджукских³, иранских⁴, хорезмских⁵ правителей.

Что касается других татарских источников, то надо полагать, что значительное количество их было уничтожено огнем при взятии Казани в 1552 г. Не лишено достоверности предположение К.Ф. Фукса о том, что татарские рукописи «увезены бежавшими тогда в Бухарию знатными татарами»⁶.

Если бы сохранились в русских архивах дела по сношениям Русского государства с Казанским ханством, мы могли бы, вероятно, получить ответ и на ряд вопросов социально-экономической истории ханства. О существовании казанских дел мы узнаем из «Описи царского архива» (1575–1584), опубликованной в первом томе «Актów Археографической экспедиции»⁷.

В царском архиве хранились шертные грамоты казанских ханов, шертные списки казанских феодалов и другие документы «татарским письмом»⁸. Так, например, в ящике 32 указаны следующие документы: «А в нем книги старые Казанских царей, и посольства Адделети́фа царя и Магмедъамина́ царя и Аереима́ царя с Великим князем с Иваном с Васильевичем; и книги как Великому князю казанцы изменили и Шигалея́ царя из Казани выслали, а взяли себе царя на Казань Сагиб-Гирея́ царевича Менлигиреева сына»⁹.

Отсылка в специальные казанские дела встречается в других сохранившихся посольских делах¹⁰.

Документы, связанные с Казанью, хранились в архиве Приказа Казанского дворца и были уничтожены во время московского пожара 1627 года. Позднее казанский пожар 1815 г. уничтожил архив Казанского Губернского

² И.Н.Березин. Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках С.Петербурга. Статья вторая. ЖМНП. 1847. Ч. 54. Отд. III С. 33–34.

³ См.: В.Гордлевский. Государство Сельджукидов в Малой Азии. М.–Л., 1941. С. 7–9 (Хроника Ибн-Биби).

⁴ См.: И.П.Петрушевский. Иранские источники по истории Азербайджана. ССИА. Вып. I. Баку, 1949. С. 299–310 («История шаха Исмаила Сефевии» и др.).

⁵ См.: Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II. М.–Л., 1938. С. 323 (Хроника Муниса и Агехи «Фирдаус-уль-икбаль»).

⁶ К.Ф.Фукс. Краткая история города Казани. Казань, 1817. С. 10.

⁷ См.: ААЭ. № 289. С. 335–355.

⁸ Там же. С. 341.

⁹ Там же. С. 338.

¹⁰ Например, см.: Сборник РИО. Т. 41. С. 376.

Присутствия, где, по словам К.Ф. Фукса, хранились старинные документы эпохи завоевания Казани русскими.

В царской России специальной работы по выявлению и хранению случайно сохранившихся старинных татарских источников не велось.

Представители дореволюционной буржуазной историографии даже отрицали наличие у казанских татар собственных исторических источников. Так, например, накануне Великой Октябрьской социалистической революции один из ведущих представителей русского миссионерского востоковедения проф. Н.Ф. Катанов утверждал: «Пересматривая татарские сочинения, касающиеся истории татар, замечаем, что у татар нет своих собственных верных источников и что, если исключить из их сочинений источники арабские, персидские и русские, то не окажется у них ничего своего, достоверного»¹¹.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция дала возможность освобожденному татарскому народу широко развернуть дело изучения своей истории и выявления новых исторических памятников своего богатого прошлого. За годы Советской власти достоянием исторической науки стали такие ценные исторические памятники, относящиеся к эпохе Казанского ханства, как ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 года и замечательные поэмы казанского поэта Мухаммедьяра Махмуда углы «Тохфэи Мардан» (1539 г.) и «Нуры Сыдур» (1542 г.).

Среди всех татарских источников ярлык Сахиб-Гирея является наиболее ценным источником по истории феодальных отношений в Казанском ханстве первой половины XVI века. До Великой Октябрьской социалистической революции этот ярлык хранился в дер. Мамалаевой Мамадышского уезда Казанской губернии у крестьянина Рахматуллы Ахмарова и считался среди крестьян «божьей бумагой», помогающей при различных болезнях¹².

В 1925 году ярлык был доставлен в Академический центр Народного Комиссариата Просвещения Татарской АССР. В этом же году был издан снимок ярлыка, текст и перевод на современный татарский и русский языки на страницах «Вестника научного общества татароведения»¹³. Одновременно в татарском журнале «Наш путь» была помещена статья об этом ярлыке под

¹¹ Н.Ф.Катанов. Краткий обзор татарских исторических книг. ИОАИЭ. Т. XXVIII. Вып. 4–5. Казань, 1912. С. 502.

¹² История открытия и приобретения ярлыка подробно рассказана в предварительном сообщении «Ярлык Сахиб-Гирея» (Вестник научного общества татароведения. № 1–2. Казань, 1925. С. 29–37).

¹³ Ярлык хана Сахиб-Гирея. ВНОТ. № 1–2. С. 29–37. Русский перевод затем несколько раз перепечатывался. См.: Просвещение и жизнь. Казань, 1929. № 6–7. С. 32–33; История Татарии в документах и материалах. М., 1937. С. 101–102.

названием «Ярлык, доставленный в феврале 1925 года в Академический центр» и опубликован текст ярлыка¹⁴.

В настоящее время ярлык, как историческая реликвия татарского народа, экспонируется в историческом отделе Государственного Музея Татарской АССР в городе Казани.

Ярлык выдан от имени казанского хана Сахиб-Гирея (царствовал в Казани с 1521 по 1524 г.) семи лицам, сыновьям и внукам татарского феодала Мухаммеда. Ярлык является подтвердительным, так как подтверждает тарханство этих семи лиц, бывших тарханами при прежних ханах. Ярлык гарантирует не только налоговый, но и административно-судебный иммунитет. Ярлык выдан 929 года хиджры 13 числа месяца сафара, что в переводе на наше общепринятое летоисчисление соответствует 1 января 1523 года.

Верхняя часть ярлыка оторвана и утрачена, так что поврежден текст ярлыка. Нижний край ярлыка обрезан без повреждения текста. В настоящее время размер ярлыка 76, 5 см. в длину и 18 см. в ширину. Ярлык написан на двух частях бумаги, склеенных между собой. Бумага ярлыка желтовато-серого цвета без водяных знаков. Текст написан черными чернилами камышевым пером, почерком «рикка», напоминающим в некоторых местах «таглик». В нижней части ярлыка приложена четырехугольная печать алого цвета с текстом, исполненным вязью красивым квадратным почерком «куфи».

Лексический анализ языка ярлыка показывает значительное арабо-персидское влияние. В ярлыке имеется, кроме имен, 197 слов, из которых: 117 – татарские, 66 – арабские, 14 – ирано-таджикские слова.

В ярлыке Сахиб-Гирея нет традиционной религиозной формулы, с которой начинались обычно монгольские и тюркские ярлыки чингизханидов¹⁵. Вероятно, такая формула и была, так как верхняя часть ярлыка оторвана. Ярлык начинается с имени хана: لعازی صاحب گرای – «л гази Сахб Гирей». Поскольку начало и конец этой строки порваны, вполне допустима реконструкция ее, сделанная издателем на основании традиционной формулы золотоордынских ярлыков и титула Сахиб-Гирея из печати ярлыка: السلطان سوزم الالعازی صاحب گرای – «ал слтан ал гази Сахб Грай сузм»¹⁶.

¹⁴ 1925. № 3. С. 117–118 (1925 елның февралендә гыйльми үзәккә тапшырылган ярлык. «Безнең юл»).

¹⁵ Ср. ярлыки Тохтамышы Бег-Хаджию: «Надеюсь на бога и уповаю на благость и милость его» (Я.О.Ярцов и В.В.Григорьев. Ярлыки Тохтамышы и Сеадет-Гирея. Одесса, 1844. С. 2–3; И.Н.Березин. Ханские ярлыки. Вып. 2. Казань, 1851. [В рукописи ошибочная ссылка на с. 1851, на самом деле с. 3, 13, 18 – ред.].

¹⁶ Ср. начало ярлыка Тимур-Кутлуга: «Тимур Ктл-сузюм» (см.: ИРАН. VI серия. 1918. № 11. С. 1122).

За именем хана следует перечисление группы лиц, до сведений которых доводилась воля Сахиб-Гирея. Упоминание подвластной хану области отнесено к концу формулы обращения ярлыка. Формула обращения ярлыка по порядку перечисленных в ней лиц аналогична золотоордынским и старейшим крымским ярлыкам. Формулу обращения ярлыка можно рассматривать как четырехчленную: 1) обращение к представителям военной знати; 2) обращение к духовенству и администрации страны; 3) обращение к лицам, служба и занятия которых связаны с передвижением и наблюдением за транспортом; 4) обращение к народу. Перечисление лиц первой категории – представителей военной власти наиболее лаконично. В отличие от других ярлыков, здесь упомянуты только эмиры *و أمرا* – «в амра», т.е. эмирам¹⁷. Перечисление военных чинов отсутствует в ярлыках Тохтамыша Бег-Хаджию¹⁸, Менгли-Гирея Ходжа-бию и Махмуду и Мухаммед-Гирея Тоглу-бию¹⁹. Заключительной частью обращения являются слова: *محروسه حمت عن يلافات* – «мхрусэ хмт гн илафат», обозначающие, по мнению издателя, молитвенную фразу во имя спокойствия Казанского ханства и его областей²⁰.

Следующая часть ярлыка представляет собой подтверждение тарханства. Эта часть распадается на два отдела: 1) историческая справка; 2) подтверждение. Историческая справка указывает, что держатели настоящего ярлыка раньше пользовались привилегиями. Эта часть начинается со слов *بو نشان چ یتکه چ* – «Бу ншан иткач...», то есть «Когда дойдет этот приказ...» (перевод издателя ярлыка).

Обращаю внимание на перенесение названия со знака на документе на самый документ. Имею в виду употребление в цитированной фразе персидского слова *نشان* – ярлык²¹. Значит, ярлык Сахиб-Гирея в тексте этого документа назван не ярлыком, а нишаном. Такое употребление слова «нишан» в значении «ярлык» отмечено и в некоторых других документах XV–XVI вв. Ярлык Омар-Шейха XV века назван в тексте этого документа нишаном. В «Шейбани-намэ» Мухаммеда-Салиха и в «Бабур-намэ» «нишан» неоднократно употребляется в значении «ярлыка, фермана, грамоты». Мир Али-Шир

¹⁷ Ср. ярлык Тимур-Кутлуга: «Мое – Тимур Кутлугово слово уланам правого (и) левого крыла; тысяцким, сотским и десятским бегам во главе с темником Едигеем» (ИРАН. VI серия. 1918. № 11. С. 1122–1123).

¹⁸ И.Н.Березин. Ханские ярлыки. Вып. II. Казань, 1851. С. 11–15; См. также: Известия Таврического Общества истории, археологии и этнографии. Т. I. Симферополь, 1927. С. 141–144 (статья «Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш-хана»).

¹⁹ И.Н.Березин. Ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея. Записки Одесского общества истории и древностей. Т. VIII. Одесса, 1872.

²⁰ См.: ИОАИЭ. Т. XXXIII. Вып. I. С. 85. Здесь указано также, что такая фраза встречается лишь в некоторых биратах турецких султанов.

²¹ См.: ИАН. VI серия. Т. XX. 1926. № 12. С. 112–114.

Неваи, автор руководства для составления документов на старо-узбекском языке (XV в.), употребляет слово «нишан» в значении ярлыка. Поэтому можно высказать мысль о некоторой общности в употреблении термина «нишан» в практике тимуридских канцелярий XV века и ханской администрации в Казани.

После подтверждения тарханства ярлык формулирует иммунитетные права держателей ярлыка и подробно перечисляет виды податей и повинностей, от уплаты которых в пользу хана они освобождались. В заключительной части ярлыка имеется специальная фраза, призывающая к соблюдению повелений ярлыка под угрозой соответствующего возмездия в случае нарушения ярлыка.

Ценность ярлыка заключается в том, что он пока является единственным сохранившимся в подлиннике юридическим документом Казанского ханства, проливающим свет на социально-экономический и государственный строй Казанского ханства. Ярлык Сахиб-Гирея положен мною в основу тех разделов работы, которые посвящены характеристике общественно-политического строя ханства. На основании ярлыка я предпринял попытку изучить институт сойюргального землевладения в Казанском ханстве. Перечисление различных чиновников государственного аппарата в формуле обращения ярлыка дает возможность рассмотреть структуру государственного аппарата ханства. Исключительно ценно для характеристики положения феодально зависимого населения ханства перечисление в ярлыке различных видов денежных и натуральных повинностей.

При комментировании ярлыка я старался учесть неоднократные высказывания историков, выражавших опасения относительно того, соответствует ли отраженный в ярлыках строй действительности, так как ханские ярлыки обычно составлялись по определенному шаблону.

Такое мнение относительно золотоордынских ярлыков было высказано в свое время Н.И. Веселовским: «Когда проф. И.Н. Березин задумал использовать ярлыки для своей диссертации «Очерки внутреннего устройства улуса Джучиева», получилась работа далеко неудовлетворительная, потому что следовать за ярлыками без критики нельзя; требовалось провести исследование, действительно ли существовали в Золотой Орде все те подати, которые перечислялись в ярлыках и существовали ли все те должности, которые упоминались в этих документах, или же там был, по преимуществу, набор слов»²².

Такой же критический взгляд на крымские ярлыки был высказан В.Е. Сыроечковским, заметившим: «Поэтому важно, что в дипломатических

²² Н.И.Веселовский. Рецензия на книгу М.Д.Приселкова «Ханские Ярлыки». ЖМНП. 1917. № 3–4. С. 120.

актах встречаются не только названия тех или иных придворных или административных должностей, но называются и лица, занимавшие их. Это гарантирует достоверность сведений актов»²³.

Исследователь феодальных отношений в Азербайджане и Армении И.П. Петрушевский также считал своим долгом заявить о ферманах, исходящих от шахского правительства Ирана и его ведомств: «Историк, пользуясь этими ферманами, как источником, должен отнестись к ним критически. Сличение их условного бюрократического языка с грамотами местных ханов и с данными нарративных источников, помогает нам избежать буквального истолкования выражений шахских ферманов и выявить несоответствие юридической формы и жизненной практики»²⁴.

Признавая вполне правильным такой критический подход к ханским ярлыкам, я старался сведения ярлыка Сахиб-Гирея постоянно сопоставлять с другими источниками. Русские летописи следует признать основным источником для критики ярлыка Сахиб-Гирея и характеристики социально-политического строя Казанского ханства, поскольку нет достаточного количества дипломатических документов и местных нарративных источников.

В качестве дополнительного материала для сравнения терминов из ярлыка Сахиб-Гирея привлекались золотоордынские и другие ярлыки, так как общепризнана относительная общность некоторых сторон социально-политического строя государств, сложившихся на базе распада бывшей Монгольской империи.

Несмотря на свою исключительную ценность как исторического источника, ярлык Сахиб-Гирея еще не подвергался в течение 25 лет новому изучению со времени его издания в 1925 г.

Конечно, я не задаюсь целью произвести полную переработку издания и перевода этого ярлыка, а только ограничиваюсь несколькими поправками в свете изучаемой мною проблемы. Исправление и уточнение перевода ярлыка Сахиб-Гирея возможно лишь в результате подробного сравнительного издания всех дошедших до нас в оригиналах старых тарханных ярлыков Золотой Орды и Крыма. Однако, сколько бы несущественны были мои поправки и толкования, я позволю себе обратить на них внимание.

Ярлык Сахиб-Гирея остается пока единственным подлинным ярлыком Казанского ханства. Недавно обнаруженное в архиве турецких султанов письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда к турецкому султану Мурад-ду II от 27 джумади 831 г. х., т.е. 14 марта 1428 года, нельзя считать казан-

²³ В.Н.Сыроечковский. Мухаммед Герай и его вассалы. Ученые записки МГУ. Вып. 61. История (том второй). М., 1940. С. 21.

²⁴ И.П.Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв. Л., 1949. С. 14.

ским ярлыком, как это неосторожно делает издатель этого письма, доктор университета в Стамбуле Акдес Нимет Курат²⁵. Хотя Улу-Мухаммед и был, по мнению некоторых историков, казанским ханом, но найденное его письмо все же не относится по времени предполагаемого его царствования в Казани между 1438 и 1445 гг. Письмо относится к 1428 году, когда Улу-Мухаммед занимал золотоордынский трон.

В этом письме Улуг-Мухаммед указывает, что во время царствования Баязида в Турции и Тохтамыша в Золотой Орде, между этими государствами были дружественные отношения и поддерживались дипломатические и торговые отношения. Улуг-Мухаммед обращается к Мураду II с призывом возобновить прекратившиеся из-за некоторых распрей сношения послами и купцами. Представляет особый интерес употребленный в письме термин *بازرغان اورتاق* – «базарган-уртак», то есть «купцы-уртаки»²⁶. Может быть, термин «уртак» употреблялся по отношению к купцам и в Казанском ханстве.

Таким образом, кроме ярлыка Сахиб-Гирея, мы не имеем другого татарского актового материала, относящегося ко времени Казанского ханства. Это обстоятельство заставило нас обратиться к актовому материалу ближайшего татарского Касимовского ханства, с которым Казанское ханство поддерживало весьма близкие отношения и было даже связано временами династическими узами.

Из документов Касимовского ханства особо следует упомянуть о татарских завещаниях, изданных В.В. Вельяминовым-Зерновым в монументальном труде «Исследование о касимовских царях и царевичах». Здесь им опубликовано два духовных завещания – *وسیات نامه* («васият-намэ») – касимовских татарских феодалов. Первое завещание относится к 1639 году и выдано Аликей-аталыком сыном Акая мурзы на имя Ак-Мухаммед-сейида, сына Буляк-сейида Шакулова, отца царицы Фатимы, матери Сейид-Бургана и младшего родственника Дост-Мухаммеда-мурзы сына Хан-гильды-мурзы²⁷. Другое завещание, сохранившееся не полностью, принадлежит Кишь-бика-бикачи, супруге какого-то Алла-Кули-имильдяша, сына Султан-Кули-имильдяша²⁸. В.В. Вельяминов-Зернов, издавая завещание Аликея-аталыка, правильно отметил его значение как источника по социально-экономической истории татар и писал об этом завещании: «Сведения о внутреннем быте касимовских

²⁵ Akdes Nimet Kurat. *Kazan hanlığını kuran Uluğ Muhammet hanin yarlığı*. Istanbul, 1937. С. 4–7 (текст), 7–8 (турецкий перевод). Книга издана в серии «Edime ve yöresi eski eserleri sevenler kurumu yayınlarından».

²⁶ Там же. Текст ярлыка. С. 4 (строчка 4).

²⁷ В.В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч. Т. III. С. 232–240.

²⁸ Там же. С. 449–452.

татар находим в одном акте современном, уцелевшем до сих пор»²⁹. По его мнению, это «единственный известный до сих пор старинный акт, писанный на Руси по-татарски»³⁰.

И, действительно, из описания наследства завещателя можно составить представление о составе имущества и характере хозяйства татарского феодала. Ценным является распоряжение завещателя о феодально зависимых от него в различной степени людях, на основании чего можно прийти к выводу о наличии крепостнических отношений в татарском феодальном обществе. Тексты завещаний в целом дают любопытный материал по татарской социально-экономической терминологии. Использование этих завещаний, относящихся к Касимовскому ханству, в качестве дополнительного источника по истории феодальных отношений в Казанском ханстве допустимо, если иметь в виду признанную общность некоторых сторон социально-экономического строя татарских ханств, сложившихся в процессе распада Золотой Орды. Мною использован из этих завещаний материал по терминологии различных категорий феодально зависимых людей при характеристике положения татарского крестьянства Казанского ханства. Язык завещания довольно легкий. Арабо-персидские слова встречаются редко, зато имеется ряд древнетатарских слов. Если принять во внимание особенности правописания и употребления этих древнетатарских слов, язык памятников вполне доступен современному татарскому читателю.

Вопрос о казанско-татарской эпиграфике XV–XVI вв. как источнике по феодальным отношениям Казанского ханства в литературе почти не ставился. Это объясняется тем, что систематическое выявление и изучение этих материалов началось только после Великой Октябрьской социалистической революции.

Впервые обратил внимание на эпиграфические памятники на территории Татарстана Петр Великий в 1722 году, когда по его распоряжению были сняты копии с надписей на надгробиях в с. Болгарах и сделаны переводы³¹. И в дальнейшем внимание исследователей эпиграфики Татарстана, обычно, сосредотачивалось на болгарских надписях. Так, мы имеем публикации И.Н. Березина³², Хусейна Фейзханова³³, С.М. Шпилевского³⁴. К.Ф. Фукс пер-

²⁹ В.В.Вельяминов-Зернов. Указ.соч. Т. III. С. 231.

³⁰ Там же.

³¹ С.Порфирьев. К истории сборника болгарских надписей. (Отд. оттиск «ИОАИЭ», 1922, с. 41–44).

³² И.Н.Березин. Булгар на Волге. Ученые записки КГУ. 1851. Кн. III. С. 100–135.

³³ Хусейн Фейзханов. Три надгробных болгарских надписи. Известия Императорского Археологического общества. Т. IV. Вып. 6. СПб., 1863. С. 395–404.

³⁴ С.М.Шпилевский. Древние города и другие булгаро-татарские памятники Казанской губернии. Казань, 1877. 585, XVI с. Позднейшую литературу вопроса см.:

вым обратил внимание на надпись эпохи Казанского ханства на камне, найденном в Казанском гостинном ряду и в 1817 г. издал русский перевод текста³⁵. Издание некоторых казанско-татарских надписей XV–XVI вв. Ш. Марджани, Х. Фейзхановым, Н.И. Ильминским и С.М. Шпилевским носило случайный характер.

Только в 1927–28 гг. были обследованы татарские надгробные памятники Заказанья³⁶. В настоящее время Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии Наук СССР проводит последовательное изучение всей болгарской и татарской эпиграфики для составления полного корпуса болгаро-татарской эпиграфики. Благодаря этому, уже открыт ряд неизвестных ранее надгробных памятников. По данным Н.Ф. Калинина, учтено 88 памятников XV и первой половины XVI века³⁷.

На приложенной к диссертации карте распространения болгаро-татарских надгробных памятников на территории Татарской АССР по данным Г.В. Юсупова 1949 года указано место расположения 41 памятника XIII–XIV вв., 5 памятников XV в. и 50 памятников XVI века, а также 22 татарских памятников неизвестной даты на территории Чувашской АССР по данным Краеведческого музея города Чебоксары.

Ценность татарских эпиграфических памятников заключается, во-первых, в том, что эти точно датированные памятники указывают на расселение татарского населения в Казанском ханстве³⁸. Во-вторых, они дают ценный материал для изучения структуры татарского феодального общества (на надгробиях, обычно, указываются титулы погребенных лиц). Кроме того, эпиграфические памятники ясно указывают на классовое расслоение населения Казанского ханства. Если каменные надгробия, как правило, принадлежат представителям феодальной знати, то бедные могилы с тесанными из досок и жердей памятниками принадлежат простому народу³⁹.

С.Е.Малов. Булгарские и татарские эпиграфические памятники. Эпиграфика Востока. I. М.–Л.: АН СССР, 1947. С. 44–45.

³⁵ К.Ф.Фукс. Краткая история города Казани. Казань, 1817. С. 42–43. Затем этот камень был подробно описан Ш.Марджани (см.: В.В.Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах. Часть I. СПб., 1863. С. 548–554) и Н.Ф.Катановым (см. его примечание к «Истории города Казани» К.Фукса. Изд. 5-ое. Казань, 1914. С. 23).

³⁶ А.Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI века. Труды ОИТ. Т. I. С. 145–172.

³⁷ Н.Ф. Калинин. К вопросу о происхождении казанских татар. Сборник «Происхождение казанских татар». Казань, 1948. С. 96.

³⁸ Список населенных пунктов, нанесенных на карту распространения болгаро-татарских эпиграфических памятников по данным Г.В.Юсупова с указанием современного административного деления Татарской АССР, дается в приложении № 4.

³⁹ Изображения таких памятников у чувашей приведены в статье С.Руденко «Чувашские надгробные памятники» (см.: Материалы по этнографии. Т. I. СПб., 1910. С. 86).

Переходя к обзору нарративных источников на татарском языке, следует отметить полное отсутствие хроник, предметом которых была бы исключительно история Казанского ханства. Казанское ханство, так же как и предшествовавшее ему Болгарское государство, исключительно бедно произведениями местной историографии. Источником по истории Казанского ханства могут служить «Рисала-и-тавариха Болгария» Хисамутдина аль-Муслими, «Джами-ат таварих» Кадыр Али-бия и сказание о Чингиз-хане и Аксак-Тимуре, включающее в свой состав единственную татарскую летопись. Однако, эти источники изучены далеко недостаточно. Для изучения феодальных отношений в Казанском ханстве они совершенно не привлекались. Имеющиеся издания этих памятников (XIX века) никак не могут удовлетворять современную историческую науку и требуют серьезного пересмотра. Факты социально-экономического характера затрагиваются в этих источниках от случая к случаю. Тем не менее, в общей сумме фактов социально-экономической истории Казанского ханства привлечение данных этих источников не бесполезно. Перехожу к краткой характеристике этих источников.

Книга Хисамутдина аль-Муслими رسالة تواریخ بلغاریه – «Рисала-и-таварих Болгария» («Книга по истории Болгар») была составлена в деревне Ташбилги, в окрестностях города Болгара. Татарский текст «Тавариха» издавался в Казани несколько раз, но все эти издания совершенно не удовлетворяют требованиям научно-критических изданий⁴⁰.

На ценность «Тавариха» как исторического источника впервые указал И.Н. Березин⁴¹.

Среди многочисленных списков «Тавариха» до сих пор не попадалось списка ранее последнего десятилетия XVIII века. Кроме того, исследователи неоднократно отмечали ряд хронологических и фактических ошибок в «Таварихе». Это дало право некоторым исследователям взять под сомнение указанную автором дату составления «Тавариха» в середине XVI века.

Наиболее резкой критике сочинение Хисамутдина аль-Муслими подверг татарский историк Ш. Марджани в своей работе علاله الزمان فی تاریخ بلغار – «Гулалят-уз-заман фи тарихи Булгар ве Казан» («Тяжелые времена в

Также надгробные памятники у татар зарегистрированы Н.Ф.Калининым в с. Шали Пестречинского района ТАССР.

⁴⁰ Мы пользовались изданием, напечатанным в типо-литографии Казанского университета в 1902 году. Привожу полное название этого издания: رسالة تواریخ بلغاریه و ذکر مولینا حضرت آفساق تیمر و خراب شهر بلغار – «Книга по истории болгар и воспоминания о хазрате Аксак Тимуре и разрушении города Болгара».

⁴¹ И.Н.Березин. Описание турецких татарских рукописей в библиотеках С. Петербурга. ЖМНП. 1846. Ч. 50. № 5. Отд. III С. 39.

истории Булгар и Казани»), опубликованной в 1877 году⁴². В защиту автора «Тавариха» выступил К. Насыри⁴³. В ответ на это Ш. Марджани в большой работе «Мустафадуль ахбар фи ахуале Казан ве Болгар», изданной в 1885 г., развивает ранее высказанные критические замечания о «Таварихе». По его мнению, эта книга не является источником, заслуживающим уважения⁴⁴. Ш. Марджани наглядно вскрывает, например, несостоятельность сообщения Хисамутдина аль-Муслими о принятии ислама волжскими болгарскими народами еще при жизни самого пророка Мухаммеда путем критического анализа различных сообщений о сахабитах-сподвижниках Мухаммеда⁴⁵.

По мнению одного из последних татарских исследователей, книга Хисамутдина аль-Муслими составлена не ранее второй половины XVIII века⁴⁶. Окончательное решение вопроса о времени составления «Тавариха» возможно только при условии тщательного исследования его списков, как с точки зрения палеографии, так и со стороны содержания и языка.

«Рисала-и-тавариха Болгария» характерна как яркий литературный памятник религиозно-феодальной идеологии, господствовавшей в Казанском ханстве. Произведение состоит из двух частей. В первой части автор пишет о происхождении названий дней недели, месяцев⁴⁷ и дает географические сведения, в частности, о седьмой полосе земли, куда автор включает территорию Волжской Болгарии.

Вторая часть посвящена описанию распространения ислама в Болгарии и нашествию Аксак-Тимура на город Болгар⁴⁸. Сведения о местах погребения болгаро-татарских святых дают возможность нарисовать определенную картину расселения болгаро-татарской народности на территории Казанского ханства и указывают на большое значение духовных феодалов в Казанском

⁴² Труды IV Археологического съезда. Т. I. Казань, 1884. Отд. второе. С. 51–58 (татарский текст).

⁴³ К.Насыри. Календарь на 1885 г. Статья «Этэфиш вэттахакем».

⁴⁴ Ш.Марджани. Указ. соч. Т. I. С. 80.

⁴⁵ Там же. С. 53–54. (О полемике между К.Насыри и Ш.Марджани по этому поводу см. также сборник «Каюм Насыри. Материалы научных сессий, посвященных 120-летию со дня рождения». Казань: Татгосиздат, 1943. С. 24–26 (в статье М.Х.Гайнуллина); М.Гали. Календарьлар. В кн. «Каюм Насыри. Сайланма эсэрлэр» (избранные произведения). Казань: Татгосиздат, 1946. С. 163–164).

⁴⁶ См.: Али Рахим: О новом списке татарского исторического сочинения XVII века. ВНОТ. № 7. С. 133.

⁴⁷ Сокращенное изложение этой части на русском языке имеется в статье Н.Ф.Катанова «Из области народных примет, верований и преданий татар-мусульман» (Деятель. 1898. № 4. С. 177–185).

⁴⁸ На русском языке изложение этой части дано в статье И.Н.Березина «Булгар на Волге» (Ученые записки КГУ. 1850. Кн. III. С. 143–160).

ханстве, что вполне подтверждается показаниями соответствующих русских источников.

Некоторое значение для истории Казанского ханства имеет составленное в начале XVII в. в Касимовском ханстве историческое сочинение *جامع التواريخ* – «Джами-ат таварих» (Собрание летописей). Это сочинение было опубликовано в 1854 году И.Н. Березиным по рукописи библиотеки Казанского университета⁴⁹. Эта рукопись была недостаточно полной, так как в ней отсутствовали начальные страницы и не было в полном виде заключительной части, относящейся к истории Касимовского ханства. Из-за этого И.Н. Березин не смог определить и автора этой рукописи. Только обнаруженный в 1922 году в библиотеке Г. Баруди новый, более полный список рукописи⁵⁰ разрешил связанные с этим сочинением источниковедческие вопросы. Автор рукописи ясно указан в конце нового списка – Кадыр Али бий, сын Хусум бия, занимавший высокий пост при дворе касимовского хана Ураз-Мухаммеда. Общность ряда сторон социально-экономической жизни Касимовского и Казанского ханства дает нам право привлечь «Джами-ат таварих» для восстановления татарской социальной терминологии.

Особый интерес представляет третий из указанных мною нарративных источников на татарском языке. Я имею в виду сказание о Чингиз хане и Аксак Тимуре, в состав которого включена единственная татарская летопись. Сказание с указанной летописью распространено в многочисленных списках. Первое издание этого сказания было осуществлено в 1819 г. видным татарским ученым начала XIX века Ибрагимом Хальфиным, состоявшим адъюнктом татарского языка при Казанском университете⁵¹. Позднее само сказание и летопись неоднократно издавались и были предметом внимания историков татарского народа⁵². Однако, наиболее ранний список летописи был обнаружен только недавно в Центральном государственном архиве древних актов среди докладных записок известного Оренбургского губернатора В.Н. Тати-

⁴⁹ Описание рукописи см.: И.Н.Березин. Библиотека восточных историков. Т. II. Ч. I. Казань, 1854. С. I–VII.

⁵⁰ Рукописный отдел Научной библиотеки Казанского государственного университета. Фонд Центральной восточной библиотеки. Рукопись № 969.

⁵¹ Ибрагим Хальфин. *احوال جنكز خان و اقساق تيمر* – Ахуале Чингиз хан ва Аксак Тимур («История Чингиз-хана и Аксак Тимура»). Казань, 1819. 91 + 71 с. Летопись помещена на с. 86–91.

⁵² Так, например, Н.Ф.Катанов и И.М.Покровский издали текст летописи с русским переводом параллельно по четырем спискам с комментариями: 1) список 1784 г., принадлежавший татарину Багаудину из дер. Алькеевой Буинского уезда Симбирской губернии; 2) по изданию Ибрагима Хальфина 1819 года; 3) список 1864 г., принадлежавший Н.П.Пантусову; 4) по изданию Р.Джиханшика 1882 года. См.: Н.Ф.Катанов и И.М.Покровский. Отрывок из одной татарской летописи о Казани и Казанском ханстве. Казань, 1905. 46 с. (отд. оттиск из XXI тома, вып. 3-й «ИОАИЭ» за 1905 г.).

щева, в делах Кабинета Правительствующего сената. Список относится к 1732 году⁵³. Новый список был использован А. Усмановым в его работе «Присоединение Башкирии к Московскому государству»⁵⁴. А. Усманов без какого-либо тщательного источниковедческого анализа называет этот список самостоятельной башкирской хроникой (по терминологии А. Усмана «Мухамметова хроника») и ограничивается только указанием на близость сведений «Хроники» с «Сообщениями Алдарбая Исекеева и Кидряса Муллакаева», изданными П.И. Рычковым⁵⁵. А. Усманов совершенно не пытался сопоставить вновь найденный список с ранее известными списками татарской летописи о Казани и Казанском ханстве, хотя бы по изданию Н.Ф. Катанова и И.М. Покровского. Произведенное нами сопоставление текста нового архивного списка с известными списками не оставляет никакого сомнения в том, что перед нами только более ранний список известной татарской летописи, а не самостоятельная башкирская хроника.

Татарская летопись о Казани и Казанском ханстве включает в себя краткую летопись событий, начиная с разорения г. Булгара Аксак Тимуром и кончая походом Петра Великого в Персию в 1722 году. В некоторых списках изложение событий ограничивается более ранним временем. Например, в списке Али Рахима «Дефтер Чингиз-намэ» изложение доведено только до 1680 года⁵⁶.

Сопоставление текста с другими источниками обнаруживает некоторые хронологические ошибки⁵⁷, но описание событий передано достаточно точно. Определенное значение для уточнения правописания татарских имен представляет имеющийся в летописи перечень татарских ханов⁵⁸.

Мы указали только три нарративных источника на татарском языке, так как остальные источники еще не стали предметом внимания историков-востоковедов. В этом отношении характерно высказывание крупного татарского историка XIX века Ш. Марджани, который, устанавливая преемствен-

⁵³ ЦГАДА. Дела Правительствующего сената по Кабинету. № 87/1164. Лл. 900–901 об. На этот список обратил мое внимание старший научный сотрудник Института истории АН СССР Н.В. Устюгов во время моих занятий в ЦГАДА весной 1949 года, за что считаю долгом выразить ему свою признательность.

⁵⁴ А. Усманов. Присоединение Башкирии к Московскому государству. УФА: Башгосиздат, 1949. С. 80.

⁵⁵ См.: П.И. Рычков. История Оренбургская (1730–1750 годы). Оренбург, 1896. С. 68–69.

⁵⁶ Али Рахим. О новом списке татарского исторического сочинения XVII века. ВНОТ, № 7. С. 146.

⁵⁷ См.: Н.Ф. Катанов. О татарских изданиях, касающихся истории Болгарского и Казанского царств. Казанский телеграф. № 584 от 13 января 1895 г. С. 1–2; Н.Ф. Катанов и И.М. Покровский. Отрывок из одной татарской летописи о Казани и Казанском ханстве. Казань, 1905. С. 32–33.

⁵⁸ Об этом списке см. предисловие Н.Ф. Катанова к «Сказанию о зачатии царства Казанского» (Казань, 1902. С. XI–XIII).

ность между древними болгарами и казанскими татарами, отмечает многочисленные произведения болгаро-татарской литературы «Нахдж Эль-Фарадис», «Кисекбаш», «Юсуф Китабы», «Насыйхате Салихин», «Бедевам», «Науруз баиты», «Шахаре Болгар газилэры баиты» и другие книги, написанные 300–400 лет и более тому назад древнетатарским почерком, похожим на почерк эпиграфических болгаро-татарских памятников⁵⁹. Однако, историки лишены возможности использовать эти источники, так как нет не только научно-критических изданий, но даже неизвестны рукописи некоторых сочинений. Татарские источники по истории Казанского ханства полностью еще недоступны и, может быть, перед будущими исследователями откроются когда-нибудь новые рукописи, хранящиеся в советских библиотеках или у частных лиц, а также в иностранных архивах. Не все татарские источники данного периода выявлены. Об этом свидетельствует, например, обнаружение Б. Яфаровым рукописи замечательных поэм казанского поэта Мухаммедьяра Махмуда углы. В 1939 году Б. Яфаров нашел в рукописном отделе библиотеки Института Востоковедения Академии Наук СССР в Ленинграде рукопись поэмы «Нуры Сыдур»⁶⁰, а в 1949 году разыскал там же рукопись второй поэмы «Тохфэи мардан»⁶¹. Кроме того, в 1940 году Н. Исанбетом был обнаружен второй список поэмы «Нуры Сыдур» в Казани⁶².

Язык поэм характерен для казанско-татарского литературного языка XVI века. Встречающиеся в поэме немногочисленные арабско-персидские слова до последнего времени бытовали в татарском литературном языке.

Встречаются татарские слова, вышедшие из употребления, но сохранившие свои следы в корнях других слов или бытующие в отдельных диалектах татарского языка. Поэмы написаны в виде двестиший, каждая строка которой состоит из 11 строк. Такой размер, называемый «фагылатен фагылатен фагылат», характерен для татарской поэзии, начиная с таких памятников болгарской литературы, как «Кисекбаш» и кончая стихами великого татарского поэта XX века Габдуллы Тукая. Рукописи поэм снабжены обычными для татарских рукописей приписками из четырех строчек «пэнд насыйхате» и переплетены с известными татарскими рукописями казанского происхождения. Надо еще отметить, что рукописи написаны алфавитом, обычным для болгаро-татарских литературных памятников. Более подробные сведения историко-ведческого характера о рукописях поэм Мухаммедьяра Махмуда углы мо-

⁵⁹ Ш. Марджани. Указ. соч. Т. I. С. 15.

⁶⁰ Рукописный отдел библиотеки Института Востоковедения Академии Наук СССР. Рукопись № В 343 на 142 листах.

⁶¹ Там же. Рукопись № 321 на 48 листах.

⁶² См.: Н. Исанбет. Казан ханлыгы чоры эдэбиятыннан Мөхəммəдьяр Мəхмүд углы əсəрлəре. Совет эдэбияты. 1941. № 4.

гут быть даны только после тщательного изучения их специалистами-ориенталистами.

На рукопись поэмы «Тохфэи мардан» впервые обратил внимание И.Н. Березин в 1846 году. Он дал тогда этой поэме исключительно высокую оценку: «Довольно большая и замечательная поэма на казанском наречии, обыкновенного татарского письма... Как один из древнейших памятников казанского диалекта, эта поэма заслуживает большого внимания»⁶³. Однако, после Н.И. Березина никто из ориенталистов, к сожалению, не обращал внимания на нее. Таким образом, только в наши дни мы получаем возможность познакомиться с этими памятниками татарской классической литературы.

Автор поэм Мухаммедьяр Махмуд углы в результате борьбы отдельных феодальных группировок при дворе Казанского хана Сафа-Гирея, занимавшего казанский престол с некоторыми перерывами с 1524 года по 1549 год, вынужден был удалиться от двора. Мухаммедьяр Махмуд углы, будучи передовым человеком своего времени, сумел отразить в своих поэмах обострение внутренних противоречий в Казанском ханстве. Он выступает с резкой критикой правителей Казанского ханства. Эта критика в аллегорической форме выражена в поэме «Тохфэи мардан», написанной в 1539 году. Здесь в каждой главе автор затрагивает какой-либо социальный вопрос. Он призывает к справедливости и честности. В поэме получила также отражение борьба отдельных племен, входивших в состав Казанского ханства, против власти Казанского хана. Вторая поэма «Нуры сыдур» написана автором в 1542 году в городе Болгаре, куда он был вынужден удалиться из Казани. Здесь он, будучи хранителем усыпальницы хана Мухаммед Эмина, занимается размышлениями о хорошем хане для Казани. Поэма «Нуры сыдур» представляет своеобразный кодекс норм для будущего Казанского хана. Идея мудрого и справедливого монарха получает в этой поэме полное разрешение. Автор считает, что для благосостояния страны нужно справедливое управление, а не религия. Автор разделил свою поэму на 10 частей, каждая из которых посвящена одному качеству, необходимому для мудрого монарха. По мнению Мухаммедьяра Махмуда углы, хан должен быть справедливым и честным. Автор призывает хана милостиво относиться к бедным и согревать их теплотой своего сердца. Мухаммедьяр Махмуд углы, видя несчастное положение своей страны, раздираемой внутренними и внешними противоречиями, призывает хана быть твердым и преодолеть все и всякие препятствия.

По мнению автора, «золым» (внутренняя борьба, вражда) является причиной гибели страны. Выступая в поэме с идеей мудрого справедливого монарха, автор объективно отразил обострение внутренних противоречий в Казанском

⁶³ И.Н.Березин. Описание турецко-татарских рукописей в библиотеках С. Петербурга. ЖМНП. 1846. Ч. 50. № 5. С. 36.

ханстве, отразил обострение внутриклассовых противоречий среди феодального класса в Казанском ханстве накануне его падения. В этом, по нашему мнению, заключается ценность поэм Мухаммедьяра Махмуда углы как исторического источника по истории Казанского ханства. Безусловно, изучение этих поэм специалистами-литературоведами обогатит наши представления о татарской культуре Казанского ханства и даст в руки историков ценный материал, которым мы сейчас, к сожалению, еще воспользоваться не можем⁶⁴.

Что касается использования записей татарского фольклора в качестве исторического источника по истории Казанского ханства, то на данном этапе научной разработки татарского фольклора ставить этот вопрос в полном объеме преждевременно. Еще не завершена работа по его собиранию и изучению в плане чисто литературном. Недостаточная разработанность марксистско-ленинской татарской фольклористики как науки, привела к серьезным ошибкам, вскрытым специальным постановлением ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массовой политической и идеологической работы в татарской партийной организации»⁶⁵.

Буржуазно-националистические историки татарского народа и татарской литературы сознательно игнорировали произведения татарского народного творчества и не занимались их изучением. Наоборот, памятники ханско-феодального эпоса времен Золотой Орды и религиозно-схоластические литературные памятники, занесенные на берега Волги и Камы с Востока вместе с исламом, провозглашались ими памятниками культуры татарского народа. Недооценка значения татарского фольклора встречается в курсе Г. Сагди «Татар эдэбияты тарихи»⁶⁶, так как автор ограничивается только скупой констатацией факта собирания памятников татарского народного творчества, но не делает их предметом своего изучения. Поэтому я вынужден только ограничиться общим указанием на материалы татарского фольклора, оставив на будущее подробную характеристику их как источника по истории феодальных отношений в Казанском ханстве. Нельзя не отметить, что исследователь должен положить много кропотливого труда для сбора из этих источников

⁶⁴ Приношу глубокую благодарность старшему научному сотруднику Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, кандидату филологических наук Б.Яфарову, за приведенные выше сведения о поэмах Мухаммедьяра Махмуд углы, так как в литературу еще не проникли сведения об этих поэмах. Только о поэме «Нуры Сыдур», кроме указанной выше статьи Н.Исанбэга, имеется краткое сообщение в учебнике Л.З.Заяя (см.: Л. Жәләй. Әдәбияттан хрестоматия-дәреслек. Казань, 1947. С. 14–15).

⁶⁵ См.: Пропаганда и агитация в решениях и документах ЦК ВКП(б). Госполитиздат, 1947. С. 463–468.

⁶⁶ Г.Сагди. *تاتار ئە دە بېيە ت تاريخى* (История татарской литературы). Казань, 1926. С. 189.

фактов социально-экономического порядка, могущих служить полезным дополнением к данным документальных источников.

Татарские загадки и пословицы, при помощи различных метафор, довольно метко характеризуют положение феодалов и крестьян в татарском феодальном обществе. Такова, например, загадка о метле «Ишек артында биле бейлэуле кол ятыр» («За дверью стоит раб с перевязанным поясом») – показывает тяжелое положение татарского крестьянского населения, находившегося в крепостной зависимости от феодалов⁶⁷.

Большой осторожности и постоянного сопоставления с другими видами источников требует использование татарских былин в качестве исторического источника. К числу таких былин (дастаны) относятся былины об Амете, Жик Мергене, Чура батыре. Исторический субстрат этих древних татарских былин едва ли заходит за конец XVI века, когда завоевание Казанского ханства Россией ознаменовало новый этап в истории казанских татар. Эти былины, а также предание о Чаллыном бее подтверждает, по нашему мнению, показания письменных источников о слабой централизации Казанского ханства и наличии сепаратистских тенденции отдельных ее частей.

Из большого и разнообразного татарского фольклора внимание историков и литераторов более всего привлекали легенды об Иски-Казани и об основании Новой Казани. Вокруг этих легенд уже сложилась большая литература. Наиболее ранняя запись этих легенд сохранилась в «Казанском летописце» XVI века⁶⁸, который использовал современные татарские предания. Сопоставлению различных вариантов легенд посвящено исследование П.Е. Заринского⁶⁹, представляющего до сих пор определенный интерес. Из более позднейших публикаций легенд о Казани надо указать на публикации К. Насырова⁷⁰ и С. Вахидова⁷¹.

⁶⁷ Татарские загадки опубликованы Н.Исанбетом: «Табырмаклар» (Загадки). Казань, 1941. 198 с.

⁶⁸ См.: «История о Казанском царстве». 1791. С. 10–14; ПСРЛ. Т. XIX. С. 10–13, 207–210.

⁶⁹ П.Е.Заринский. Сборник исторических и археологических исследований о Казанском крае. Ч. I. Вып. I. Казань, 1880. 75 с.

⁷⁰ قاюم ناسىرىنىڭ موچارچى باسلىماغان ئەسەرلەرئى – Каюм Насыриның моңарчы басылмаган әсәрләре (Не напечатанные произведения Каюма Насыри). Казань, 1926. С. 7–18. Частичный русский перевод публикации К.Насырова принадлежит Н.Ф.Катанову: «Татарские рассказы о старой Казани» (ИОАИЭ. Т. XXX. Вып. 3. Казань, 1920. С. 287–309).

⁷¹ С.Г.Вахидов. Татарские легенды о прошлом Волжско-Камского края. ВНОТ. № 4. С. 82–91.

Кроме распространенных легенд о Казани, надо отметить легенды об озере Кабан⁷², о Черном озере, о Татарской слободе и основании базара в Казани⁷³.

Из исторических песен (баиты) интерес может представить для нас баит о городе Казани, опубликованный в 1881 году К. Насыри⁷⁴. Этот баит начинается с краткого изложения истории Болгарии, освещает состояние культуры в Казанском ханстве и заканчивается описанием взятия Казани в 1552 г. Баит упоминает имена героических защитников Казани Улмэс-батыра и Эбельгалик-батыра.

Проделанный нами краткий обзор татарских источников, имеющих отношение к Казанскому ханству, показывает, что эти источники до настоящего времени еще критически не изучены, не изданы и не переведены на русский и западноевропейские языки. Немногочисленные издания XIX века некоторых памятников никак не могут удовлетворять требованиям современной исторической науки и требуют серьезного пересмотра. Не все еще татарские источники эпохи Казанского ханства обнаружены и выявлены. Все это наглядно показывает трудность изучения истории Казанского ханства, опираясь только на татарские источники. Как ни велико значение татарских источников, непосредственно отразивших жизнь татарского феодального общества, на современном этапе изучения этих источников невозможно на основании их построить историю Казанского ханства.

Поэтому исключительную ценность для изучения социально-экономического строя Казанского ханства приобретают русские источники соответствующего периода, положенные мною в основу настоящей работы. Без использования русских источников ни одно историческое исследование по казанским татарам просто невозможно. Русские со времен Болгарского государства поддерживали оживленные экономические, политические и культурные отношения с народами, жившими на территории Казанского ханства, и в своих письменных памятниках хорошо запечатлели ряд моментов и сторон жизни народов Казанского ханства. М. Н. Тихомиров на это справедливо указывал следующими словами: «Для нас, русских историков, история волжских

⁷² См.: توار يخ بلغار يه – Таварихы Булгария (История Болгарии). Казань: Типография Вячеслава на средства Мухамеда Зарифа сына Хусейна, 1883. С. 61–62; Н.Ф.Катанов. Татарские предания об озере Кабан в гор. Казани. Деятель. 1898. № 1. С. 25–26. Там же приведена литература вопроса.

⁷³ Легенды о Черном озере и о Татарской слободе опубликованы в указанной в предыдущем примечании книге «Таварихы Булгария». Казань, 1883. С. 88.

⁷⁴ См.: Каюм Насыри. Указ. соч. С. 15–16. Русский перевод в статье Н.Ф.Катанова «Исторические песни казанских татар» (ИОАИЭ. Т. XV. Вып. 3. С. 288–292).

татар и болгар имеет колоссальное значение. Без ее изучения мы никогда не поймем связь России с Востоком»⁷⁵.

Наиболее ценный материал по истории Казанского ханства сохранился в замечательных памятниках русской культуры – летописях⁷⁶. Наиболее полное отражение история Казанского ханства получила в московских летописных сводах. Более ранние летописные своды, возникавшие в крупных центрах северо-восточной Руси, не ставили своей задачей освещение всей истории Руси и поэтому мало уделяли внимания своим восточным соседям. Интерес московских летописных сводов к Казанскому ханству объясняется тем, что борьба с татарами была одной из важнейших задач восточной политики растущего вокруг Москвы централизованного Русского государства. «Историческая заслуга Москвы состоит в том, что она была и остается основой и инициатором создания централизованного государства на Руси»⁷⁷.

Обзор ранних летописных сведений о Казани был сделан С.М. Шпилевским и В.В. Вельяминовым-Зерновым⁷⁸.

Если в Московском летописном своде конца XV века⁷⁹, известном в литературе под названием Московского свода 1479 или 1480 г., известия о Казани встречаются нерегулярно, то с конца XV века эти известия в более поздних сводах приобретают последовательный, систематический характер. Это может быть объяснено тем, что летописи в XVI в. приобретают уже официальный характер. Естественно, оживленные экономические, политические и культурные отношения, поддерживавшиеся с 1487 года между Казанским ханством и Русским государством, стали получать широкое отражение в летописных сводах XVI века. Из таких сводов наиболее важное значение имеют Воскресенская и Никоновская летописи. Поскольку не сохранились дела по сношениям Русского государства с Казанским ханством, эти летописи официального характера приобретают значение ценнейшего источника для истории Казанского ханства. В пределах каждого года летописные известия точно датированы с указанием дня и месяца. Воскресенская летопись доводит свои записи до 1541 года⁸⁰, а Никоновская охватывает даже события, происходившие после завоевания Казанского ханства⁸¹.

⁷⁵ Происхождение казанских татар. Казань, 1948. С. 122.

⁷⁶ При характеристике русских летописей как источника по социально-экономической истории Казанского ханства мною использован «Курс источниковедения истории СССР» М.Н.Тихомирова, изданный в 1940 году в Москве.

⁷⁷ И.В.Сталин. Приветствие Москве. Газета «Правда» от 7 сентября 1947 г.

⁷⁸ С.М.Шпилевский. Указ. соч. С. 177–180, 183–186; В.В.Вельяминов-Зернов. Указ. соч. Т. I.

⁷⁹ Полное собрание русских летописей. Том XXV. М., 1949. (Сокращенно – ПСРЛ).

⁸⁰ ПСРЛ. Т. VIII. Первая половина. СПб., 1859.

⁸¹ Там же. Т. XIII. Первая половина. СПб., 1904.

Конечно, нет ничего удивительного, что материал по социально-экономической истории Казанского ханства дается в этих летописях только эпизодически при описании разнообразных политических событий и борьбы между претендентами на казанский престол, при описании феодальных распрей и русско-казанских войн. Следует признать, что русская летопись прекрасно осведомлена во всех этих событиях. Ценный материал дают летописи для восстановления иерархической структуры татарского феодального общества. Важно то, что в летописных известиях встречаются не только названия тех или иных татарских придворных лиц или административных должностей, но называются и лица, занимавшие эти должности. Это обстоятельство гарантировало достоверность сведений по общественно-политической терминологии Казанского ханства.

Кроме Воскресенской и Никоновской летописей, мною в ряде случаев были использованы также Львовская⁸² и Типографская летописи⁸³.

Особо надо выделить «Казанский летописец», называемый также «История о Казанском царстве»⁸⁴. Он по своему характеру значительно отличается от сложившейся веками формы летописи с ее погодными записями и представляет собою целое историческое произведение, объединенное общей идеей. «Казанский летописец» XVI века специально ставит своей задачей описание истории Казанского ханства – от основания до завоевания его Иваном Грозным в 1552 году. «Казанский летописец» представляет один из наиболее популярных памятников литературы русского средневековья. «Сладкая» повесть о Казанском ханстве чрезвычайно нравилась современникам и дошла во множестве списков XVI–XVIII вв.»⁸⁵. Еще в 1905 году Г.З. Кунцевич насчитывал до 195 списков этого памятника⁸⁶.

«История о Казанском царстве», как памятник исторический, начиная с XVIII века широко используется русскими историками. Однако, большинство историков относились к этому памятнику с большим недоверием (например, Н.М. Карамзин, В.В. Вельяминов-Зернов, С.М. Соловьев и другие).

Наиболее резкую отрицательную оценку «Истории» дал С.М. Соловьев, назвав ее «источником очень мутным»⁸⁷.

Историки Казани и Казанского ханства П.И. Рычков⁸⁸, Н. Баженов⁸⁹, В.В. Вельяминов-Зернов⁹⁰, С.М. Шпилевский⁹¹, М.Г. Худяков⁹², другие неоднократно использовали в своих трудах «Историю».

⁸² Там же. Т. XX. СПб., 1910.

⁸³ Там же. Т. XXIV. Пг., 1921.

⁸⁴ Там же. Т. XIX. СПб., 1903.

⁸⁵ М.Н.Тихомиров. Курс источниковедения истории СССР. Том I. М., 1940. С. 133.

⁸⁶ Г.З.Кунцевич. «История о Казанском царстве» или «Казанский летописец». Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905. С. 594.

⁸⁷ С.М.Соловьев. История России. Т.V. С. 1638. Прим. 1.

Первое печатное издание «Истории» было осуществлено в 1791 году⁹³. Второе издание появилось в 1902 г.⁹⁴ в Казани. Наконец, в 1903 г. историческая наука получила научно-критическое издание «Истории», подготовленное Г.З. Кунцевичем⁹⁵ в серии «Полное собрание русских летописей».

В нашей работе использован текст «Истории» по последнему изданию. А.П. Соболевский справедливо назвал текст XIX тома ПСРЛ «прекрасным изданием» «Истории о Казанском царстве»⁹⁶, так как в этом издании использован и древнейший список «Истории» (бывшего Румянцевского музея, из собрания Ундольского, № 774) и наиболее полный список «Истории» (бывшей Казанской духовной академии, из собрания Соловецкого монастыря, 1501/42).

Высказанный когда-то в литературе взгляд о священнике Иоанне Глазатом⁹⁷ как авторе «Истории», нам представляется недостаточно убедительным. Кроме того, вряд ли имеет большое значение установление авторства «Истории», которая, будучи летописным памятником, не дошла до нас в авторской редакции, а в более поздних списках, носящих, безусловно, следы определенной обработки текста позднейшими переписчиками. Конечно, текст «Истории» дает определенное количество фактов для суждения о личности автора, но эти факты недостаточны для окончательного определения личности автора. Текст «Истории» дает право говорить об определенных идеологических установках автора, являвшегося типичным выразителем московской государственной идеологии XVI века – идеологии единовластия великого князя московского.

Мысль автора «Истории» о преемственности древнего благочестия из Рима к Москве, через Киев⁹⁸, минуя Византию, вполне сопоставима с ответом

⁸⁸ П.И.Рычков. Опыт казанской истории древних и средних веков. СПб., 1767.

⁸⁹ Н.Баженов. Казанская история. Казань, 1847.

⁹⁰ В.В.Вельяминов-Зернов. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Т. I. СПб., 1863. (Труды Восточного отделения императорского Археологического общества. Часть IX).

⁹¹ С.М.Шпилевский. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.

⁹² М.Г.Худяков. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923.

⁹³ История о Казанском царстве неизвестного сочинителя XVI столетия по двум старинным спискам. СПб., 1791. VI+X+263 с.

⁹⁴ Сказание о зачатии царства Казанского. Казань: Издание Ф.Т.Васильева, 1902. XV+142 с. Рецензию Г.Кунцевича на это издание см.: ЖМНП. 1902. Ч. 341. Июнь. С. 393–396.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. XIX. СПб., 1903.

⁹⁶ А.И.Соболевский.

⁹⁷ В.Н.Татищев. История Российская. Кн. I. СПб., 1768. С. 12; П.Рычков. Опыт Казанской истории. СПб., 1767. С. 20; Н.И.Новиков. Опыт словаря о российских писателях. СПб., 1772. С. 47; Митрополит Евгений. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. Ч. I. СПб., 1818. С. 272.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. XIX. С. 9.

Ивана Грозного Антонию Посевину, который предлагал по примеру греков примкнуть Руси к унии: «Мы верим не в греков, а в Христа, мы получили христианскую веру при начале христианской церкви, когда Андрей, брат апостола Петра, пришел в эти страны, чтобы пройти в Рим; таким образом, мы на Москве приняли христианскую веру в то же самое время, как вы в Италии»⁹⁹.

Автор «Истории» не скрывает своего отрицательного отношения к воеводам-боярам, преследовавшим свои личные интересы, а не интересы русского государства¹⁰⁰.

Автор «Истории» рассматривает историю Казанского ханства и Московского государства во взаимной связи. Автор стоит на точке зрения генетической связи между Золотой Ордой и Казанским ханством: «Прежде царская слава, и честь, и величество, Большие орды и старые матери ордам весм на преокоянную дочь, младшую Казань»¹⁰¹.

Автор старается подчеркнуть большое историческое значение акта завоевания Казанского ханства, начиная свою «Историю» словами: «Красных убо и новых повести вся достоин нам радостно послушати»¹⁰². Значит, автор рассматривает свою «Историю» как восторженный патриотический рассказ о славном подвиге русских воинов. Автор рассматривает войны, которые вела Москва с Казанью, как справедливые войны, направленные на освобождение исконно русских земель, занятых татарами. Он прямо пишет, что до завоевания Батые «все то русская земля была едина идеже ныне стоит град Казань»¹⁰³. «История» заканчивается своеобразным панегириком завоевателю Казанского ханства Ивану Грозному¹⁰⁴.

Идеология автора «Истории» представляется нам вполне закономерным явлением в условиях централизации и усиления государственной власти московских князей в середине XVI века, когда заканчивается формирование централизованного русского государства. Идеология автора «Истории» представляет собою одно из отражений этого процесса в сфере идеологической. С этой точки зрения, взгляды автора «Истории» можно сблизить со взглядами выдающегося русского публициста XVI века Ивана Семеновича Пересветова, идеалом которого было «сильное централизованное государство, управляемое самим державным государем, который опирается на преданных ему слуг – во-

⁹⁹ См.: Е.Е.Голубинский. История русской церкви. Т. I. Ч. I. 1901. С. 8.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. XIX. С. 25, 93, 287, 375, 378.

¹⁰¹ Там же. С. 20.

¹⁰² Там же. С. 1.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же. С. 186–188.

инников и гражданских чиновников, расширяющих пределы страны и устанавливающих в ней твердую законность»¹⁰⁵.

Автор «Истории», как и Иван Пересветов, представитель служилого сословия и идеолог нового дворянского сословия.

Основным литературным источником для автора «Истории» послужили летописные своды XVI века. Как справедливо утверждает А.С. Орлов: «На стиле казанского летописца сказались заимствования преимущественно из Пахомиева хронографа (содержащего, между прочим, Еллинский летописец, хронику Константина Манассии и повесть о пленении Тройском), из повести о взятии Царьграда турками в 1453 году и повестей о Мамаевом побоище, т.е. произведений, соединенных в русле одного или двух летописных сводов XVI века обобщающего характера»¹⁰⁶. Г.З. Кунцевичем было проделано наглядное сопоставление фактически сходных мест «Истории» с текстом летописей¹⁰⁷.

Казанские источники, использованные в «Истории», «до сих пор как следует не изучены»¹⁰⁸.

Ценность «Казанского летописца» как источника по социально-экономической истории Казанского ханства, поразительна. М.Н. Тихомиров весьма метко охарактеризовал «Казанский летописец» как источник, которым «почти все историки... пользуются из-за богатства фактическим материалом по истории Казани, отсутствующим в других источниках»¹⁰⁹. Мною широко использованы указания «Казанского летописца» о земледельческих занятиях населения Казанского ханства при характеристике степени развития производительных сил в Казанском ханстве. Не менее ценные сведения удалось почерпнуть о развитии различных видов ремесла, а также о состоянии внутренней и внешней торговли. Для характеристики общественных отношений представляют несомненный интерес упоминания о движениях городского населения в Казани против царствовавшей на местном троне во второй четверти XVI века крымской династии Гиреев. По сравнению с официальными летописями XVI века (Воскресенская и Никоновская летописи), «Казанский летописец» изобилует многими деталями и подробностями, которые позволяют исследователю яснее представить те или иные стороны жизни татарского феодального общества.

¹⁰⁵ И.У.Будовниц. Русская публицистика XVI века. М.–Л., 1947. С. 212; Ср. также отношение И.Пересветова и автора «Истории» к боярам (И.У.Будовниц. Указ. соч. С. 214–215 и ПСРЛ. Т. XIX. С. 25, 93, 287, 375, 378).

¹⁰⁶ А.С.Орлов. Казанский летописец. История русской литературы. Т. II. М.–Л., 1945, с. 467.

¹⁰⁷ Г.З.Кунцевич. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905. XVI+XI+681 с. (Летопись занятий археографической комиссии. Т. XVI).

¹⁰⁸ М.Н.Тихомиров. Указ. соч. С. 133.

¹⁰⁹ Там же. С. 132–133.

Таковы, например, записанные в «Летописце» легенды об основании Казани, этнографические сведения о татарской одежде XVI века и татарских праздниках на Арском поле в Казани. Данные о феодальных отношениях в Казанском ханстве рассеяны по всему тексту «Летописца». Поэтому мне представляется чрезмерно строгим приведенный выше отзыв С.М. Соловьева о «Казанском летописце» как источнике «очень мутном».

Из русских источников XVI века литературно-политического характера для истории Казанского ханства особую ценность имеет «История о великом князе Московском»¹¹⁰. Автор этой «Истории» князь Андрей Михайлович Курбский принимал участие в походе Ивана Грозного на Казань в 1552 году. «Как воспоминания очевидца, «История» Курбского является ценным источником»¹¹¹.

Для экономической истории Казанского ханства интересны сведения о земледельческих занятиях чувашей, через страну которых прошел А.М. Курбский со своим полком во время похода на Казань, а также описание цветущего состояния земледелия в Арской земле. Не менее ценно описание татарской Казани.

Из опубликованных русских источников использован также документальный материал, вошедший в различные сборники исторических и юридических актов¹¹².

Из неопубликованных русских источников большое значение для нашей темы имеет разнообразный документальный материал, сохранившийся в фондах Центрального государственного архива древних актов в Москве. Это по преимуществу материалы на русском языке, составленные администрацией русского правительства в XVI веке и в начале XVII века.

Ценнейшим и интереснейшим источником для истории Казанского ханства являются хранящиеся в Поместно-вотчинном отделе ЦГАДА писцовые и межевые книги XVI и начала XVII в. земель бывшего Казанского ханства¹¹³.

Из наиболее ранних книг сохранились копии писцовых и межевых книг города Казани с уездом и города Свияжска с уездом, составленные окольными

¹¹⁰ Русская историческая библиотека. Т. XXXI. Сочинения А.М. Курбского. Пг., 1914.

¹¹¹ М.Н. Тихомиров. Указ. соч. С. 147.

¹¹² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Том первый. 1294–1598. СПб., 1836; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. 1334–1598. СПб., 1841; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб., 1846; С.Мельников. Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний. Т. I. Казань, 1859.

¹¹³ ЦГАДА. Ф. 1209; см.: Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель. Ч. II. М., 1947. С. 11–13.

чим Никитой Васильевичем Борисовым и Дмитрием Андреевичем Кикиным в 1565–1568 гг.

Писцовая книга по городу Казани с уездом сохранилась в Центральном государственном архиве древних актов в Москве в двух списках¹¹⁴. Первый список (кн. 152) представляет собою книгу в кожаном переплете формата info на полубелой бумаге русской скорописью XVII века. Книга ветха, листы подклеены разнокачественной бумагой, часто непрозрачной, углы листов от частого употребления испорчены и потом заклеены. На всех лицевых листах рукоприкладство: «Ди-ак Ан-дрей Мол-ча-нов».¹¹⁵ Книга написана на голландской бумаге с филигранью в виде герба города Амстердама, которая была в употреблении в приказном делопроизводстве последней четверти XVII века¹¹⁶. Таким образом, составление данного списка следует отнести к последней четверти XVII века. Этот список (кн. 152) не является подлинной писцовой книгой, как это до сих пор ошибочно считалось в исторической литературе¹¹⁷, а представляет копию с более раннего списка, который, можно предполагать, является подлинником. Такой вывод напрашивается из многочисленных оговорок в тексте книги следующего содержания: «А что после сего письма в писцовой книге было написано и в том месте листы згнили»¹¹⁸. Вполне естественно, что писцовая книга, будучи в употреблении, могла прийти в ветхость за сто с лишним лет.

Второй список¹¹⁹ представляет книгу в кожаном переплете формата info. Книга написана одним почерком русской скорописью XVII века. По листам скрепа: «В должности секретаря регистратор Дмитрий Иванов» и «С подлинною читал канцелярист Иван Такорев».

Книга написана на бумаге с водяным знаком «Pro patria». Полное изображение филиграни обнаружено нами только на одном листе¹²⁰. По мнению Н.П. Лихачева, бумага с указанной филигранью имитировалась в России в течение XVIII века и даже в начале XIX века¹²¹. Филигрань бумаги нашего

¹¹⁴ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 152, 643.

¹¹⁵ Там же. Кн. 152. Лл. 1–4, 16, 22, 29, 73–74, 120, 123. В списках приказных судей XVII века С.К.Богоявленского имя А.Молчанова не встречается (С.К.Богоявленский. Приказные судьи XVII в. М., 1946. 316 с.).

¹¹⁶ Н.П.Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. Историко-археологический очерк. СПб., 1891. С. 80. Полное изображение филиграни с гербом города Амстердама приведено в этой же книге (табл. 65, № 492).

¹¹⁷ Например: М.Г.Худяков. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923. С. 196.

¹¹⁸ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 152. Лл. 103 об., 107, 110 и др.

¹¹⁹ Там же. Кн. 643. Лл. 1–508 + 8.

¹²⁰ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 152. Л. 400.

¹²¹ Н.П.Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. Историко-археологический очерк. СПб., 1891. С. 81–82.

списка совпадает с филигранью «Pro patria», отмеченной у Н.П. Лихачева для русской бумаги из документа 1770 г.¹²² Таким образом, второй список относится ко второй половине XVIII века.

Во втором списке встречается пропуск ряда слов, которые по смыслу приходятся на испорченные и заклеенные углы листов первого списка.

На обороте последнего листа первого списка находится начало писцовой книги города Лаишева и посада письма Дмитрия Андреевича Кикина 1568 г.¹²³ Во втором списке писцовая книга г. Лаишева представлена гораздо полнее¹²⁴. Надо полагать, что при составлении копии с первого списка во второй половине XVIII в. листы первого списка, содержащие писцовую книгу по г. Лаишеву, были еще в сохранности и затерялись позже (во всяком случае до 30-х – XIX в.).

Таким образом, второй список (кн. 643) представляет собой копию, снятую с первого списка (кн. 152) во второй половине XVIII века для руководства при генеральном межевании земель Казанской губернии¹²⁵, о чем ясно свидетельствует помета наверху первого листа кн. 643 «Из Межевой Канцелярии 2 декабря 1840 г. принять».

Писцовая и межевая книга г. Свияжска с уездом 1565–1567 гг. сохранилась в трех списках. Из них два списка в настоящее время хранятся в ЦГАДА¹²⁶. По мнению А. Яблокова¹²⁷, первый из этих списков (№ 485) представляет подлинную писцовую книгу, написанную на белой, довольно плотной бумаге в 8-ю долю листа скорописью. На верхней доске имеется следующая надпись на синей бумаге: «Свияжск. Книга писцовая и межевая, письма и меры и межевания Никиты Борисова с товарищы 7073, 7074 и 7075 годов, № 485». На корешке этой рукописи напечатано: «Подлинная писцовая книга. Свияжск. 7073, 7074 и 7075 годы, № 432. Архив III вотчин. Царствование Иоанна Васильевича IV». В рукописи не сохранился заглавный лист, а также утеряны первый и последний листы. Рукопись начинается со 2-го листа и заканчивается 380-м листом. Рукопись скреплена дьяком Федором Кузьминым. Второй список писцовой и межевой книги по г. Свияжску с уездом (№ 432) представляет собою копию с книги № 485.

¹²² Там же. Табл. 84. № 582.

¹²³ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 152. Л. 256 об.

¹²⁴ Там же. Кн. 643. Лл. 502–508 об.

¹²⁵ Считаю необходимым указать на ошибочность мнения М.Г. Худякова, признающего кн. 643 подлинной писцовой книгой (см.: М.Г. Худяков. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923. С. 196).

¹²⁶ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. № 485 и 432.

¹²⁷ А. Яблоков. Предисловие в кн. «Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда». Казань, 1909. С. II. Описание рукописей заимствовано также у А.Я. Яблокова.

Третий список этой книги хранится в библиотеке Казанского университета. Этот список сделан в 1810 году по предложению попечителя Казанского учебного округа С.Я. Румовского с древнего списка, найденного в городе Свияжске. В настоящее время местонахождение этого древнего списка неизвестно.

Казанская и московская рукописи взаимно друг друга дополняют в частях, не сохранившихся в том или другом списке. На основании этих двух списков А. Яблоков издал полный текст книги, которым мы и пользовались в своей работе.

Писцовые и межевые книги по гор. Свияжску и по городу Казани с уездами были составлены примерно через 12–15 лет после завоевания Казанского ханства. Нельзя предполагать, чтобы за 15 лет пребывания в составе Русского государства коренным образом изменились социально-экономические отношения на территории бывшего Казанского ханства. Материал писцовых книг может быть привлечен для ретроспективного освещения социально-экономического строя Казанского ханства, времени его завоевания Русским государством. В писцовой книге отразились формы землепользования и социальных взаимоотношений татарского феодального общества эпохи Казанского ханства. Исключительное значение имеют данные указанных писцовых книг для восстановления административной географии Казанского ханства. В писцовых книгах описание селений произведено по дорогам. Сопоставление сведений писцовых книг о дорогах с другими источниками позволило прийти к выводу о том, что «дороги» являлись крупными административными единицами, на которые делилась территория Казанского ханства. Расположение отдельных сведений в пределах каждой дороги в топографическом порядке дает возможность приурочить большинство этих селений на карте и составить оригинальную карту сел и городов Казанского ханства.

Не менее интересными оказались также сведения, извлеченные нами из малоизвестной писцовой книги Казанского уезда письма и меры Ивана Болтина 1603 года¹²⁸. Книга в кожаном переплете формата info на серой бумаге русской скорописью XVIII века на 252 листах хранится в ЦГАДА (фонд 1209, кн. 642).

На всех лицевых листах в середине листа ближе к корешку скрепа секретаря-регистратора Сергея Ленева. На нижнем углу лицевых листов скрепа подканцеляриста Дмитрия Михайлова, а на последующих листах упоминаются подканцеляристы Петр Бородатов¹²⁹, Козьма Марков¹³⁰, Никита Волков¹³¹. На л. 242 об. имеется приписка: «Подлинная писцовая книга по листам за скрепою дьяка Ивана Ларионова, в которой за ветхостью и гнилостью многих

¹²⁸ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Лл. 1–98.

¹²⁹ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Лл. 99–138.

¹³⁰ Там же. Лл. 139–202.

¹³¹ Там же. Лл. 203–242.

слов и речей не значица». Книга написана на бумаге с различными филигранями, среди которых встречается водяной знак 1779 года¹³². На первом листе имеется сверху аналогичная надпись на первом листе кн. 643. «Из межевой канцелярии 2 декабря 1840 г. принято». Таким образом, кн. 642 представляет собою копию, снятую во второй половине XVIII века для руководства при генеральном межевании. Упомянутый в книге дьяк Иван Ларионов, по сведениям С.К. Богоявленского, служил в 1635–1650 гг.¹³³

Ценность данной писцовой книги заключается в том, что она описывает поместья и селения татар, чувашей и других народностей бывшего Казанского ханства. При описании часто отмечается, что тот или иной служилый татарин владеет по старине и, как законное основание своего права на землю, указывает, что «теми жеребьи владели отцы и дядья и братья до Казанского и после Казанского взятья, а они после их теми поместными жеребьи владеют по старине ж без дач»¹³⁴. Значит, сохранилась преемственность владения со времен Казанского ханства. В книге отразились формы землевладения и хозяйства и социальные взаимоотношения, господствовавшие в татарской деревне Казанского ханства. Это и дало нам право привлечь данную книгу для характеристики социально-экономического строя Казанского ханства в период, предшествовавший завоеванию его Россией.

Несмотря на такую исключительную ценность писцовых книг, они до сих пор были совершенно недостаточно использованы для освещения социально-экономического строя Казанского ханства. Попытка восстановления исторической географии Казанского ханства с учетом данных писцовых книг совершенно не ставилась. Начало выявления писцовых книг по территории, входившей ранее в состав Казанского ханства, положено К.И. Невоструевым, снявшим копию с писцовых книг г. Казани с уездом 1564–1566 гг. из Вотчинного III-го архива (рукопись № 556/404)¹³⁵.

Снятая К.И. Невоструевым копия была издана в 1877 году Советом Казанской духовной академии¹³⁶.

В археографическом отношении это издание весьма несовершенно и не может удовлетворять требованиям современной археографии. Это издание имеет много неточностей и ошибок в передаче текста. Язык рукописи в ряде случаев модернизирован. Имеются произвольно допущенные К.И. Невоструевым большие пропуски текста, особенно из описания земель Казанского уез-

¹³² Там же. Лл. 64–65, 242.

¹³³ С.К. Богоявленский. Приказные судьи XVII в. М.–Л., 1946. С. 267.

¹³⁴ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Лл. 69–70, 140, 235–238.

¹³⁵ По новой нумерации, описанная выше кн. 152.

¹³⁶ Список с писцовой книги по г. Казани с уездом. Издан Советом Казанской духовной академии к IV Высочайше разрешенному археологическому съезду в Казани. Казань, 1877. 88 с.

да. Кроме того, нельзя упускать из виду при пользовании этим изданием исключительную тенденциозность целей, преследовавшихся издателем, что безусловно отразилось на характере издания. Это было отмечено еще в 1877 г. В. Иконниковым: «Самое извлечение сделано со специальной целью показать местоположение древних казанских монастырей, соборов и церквей, а также их украшение, богатство, содержание духовенства и различные уголья, принадлежавшие церквам и монастырям»¹³⁷.

Весьма прозрачно была выражена эта же тенденциозность издателем писцовой книги по г. Свияжску с уездом протоиереем А. Яблоковым, который писал о целях, побудивших Казанское церковное историко-археологическое общество к изданию списка указанной писцовой книги: «Поводом к изданию послужило желание общества воспользоваться ценным материалом его при составлении историко-статистического описания церквей и приходов Свияжского уезда»¹³⁸. Такие же цели преследовал профессор Казанской духовной академии И.М. Покровский, впервые использовавший в извлечениях ряд писцовых книг, преимущественно XVII века, по территории Казанского ханства в своих трудах по русской церковной истории¹³⁹.

Тем не менее, эти издания были широко использованы нами, так как мы еще не имеем в своем распоряжении более полных и в научном отношении более объективных изданий, если не считать издание писцовой книги по городу Казани 1565–68 гг. и 1646 г.

Кроме писцовых и межевых книг, из материалов Поместно-вотчинного отдела нами привлекались также различные памятники частных описаний, например, книги отдельные, дозорные и другие, ссылки на которые даны в тексте работы.

Из других фондов ЦГАДА мною использованы некоторые документы из фонда «Грамоты Коллегии Экономии» по Казанскому уезду¹⁴⁰, а также из публикации И. Покровского, в приложении к монографии о Казанском Архиерейском Доме.

¹³⁷ В.Иконников. Библиографические сведения о новых книгах. Университетские известия. Киев, 1877. № 8. С. 3.

¹³⁸ Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Н.В.Борисова и Д.А.Кикина (1565–1567). Казань: Издание Церковного историко-археологического общества Казанской епархии, 1909. С. XIII.

¹³⁹ И.Покровский. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Том I (XVI–XVII вв.). Казань, 1897. 534, X, VIII с.; Его же. Казанский Архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года. Церковно-археологическое, историческое и экономическое исследование. (В память 350-летия существования Казанской епархии. 1555–1905 гг.). Казань, 1906. XII + 482 + XXX + 264 + XVI с.

¹⁴⁰ ЦГАДА. Ф. 281; см.: Путеводитель ЦГАДА. Ч. I. С. 235–237.

Посольские дела по сношениям России с татарскими ханствами и с Турцией из фондов ЦГАДА¹⁴¹, представляющие богатое собрание разнообразных материалов дипломатического характера, дали для моей темы ряд интересных сведений социально-экономического порядка (например, о работорговле, о характере земельного устройства крымских феодалов в Казанском ханстве). Однако, исключительно большой объем специфически дипломатических по своему характеру дел этой группы, включающей три фонда (фонд 89. Сношения России с Турцией; фонд 123. Сношения России с Крымом; фонд 127. Сношения России с ногайскими татарами), не мог быть мною просмотрен отдельно из-за недостатка времени.

Особое место среди использованных источников занимают описания западноевропейских путешественников. Эти описания дают довольно обширный материал по экономике России и сопредельных татарских ханств. Этим объясняется и привлечение их для изучения социально-экономической истории Казанского ханства. Ценность и достоверность того или иного свидетельства путешественника проверялись путем сопоставления с данными других источников, в первую очередь, русских. Конечно, ценность описаний находится в прямой связи с происхождением сообщаемых сведений (т.е., основаны ли эти сведения на личных наблюдениях и источниках описываемой страны или получены из вторых и третьих рук).

Мною широко использовано описание путешествия С. Герберштейна по России в XVI в. Его «Записки о московитских делах», впервые изданные в 1549 году, заслуженно считаются «важнейшим источником по истории Московского государства в этот период»¹⁴².

Для нас весьма ценным является то обстоятельство, что С. Герберштейн, давая краткое описание стран, прилегающих к Московскому государству, составил описание Казанского ханства первой половины XVI века. С. Герберштейн указывает границы татарского государства, описывает занятия татар, дает некоторые сведения о социальной структуре татарского общества. Сведения, сообщаемые С. Герберштейном, внушают доверие и вполне сопоставимы с данными других источников татарского и русского происхождения, так как им широко были использованы эти источники¹⁴³.

Кроме указанных письменных русских и татарских источников, эпизодически привлекались данные археологии, этнографии и лингвистики. Возможность использования археологических источников была чрезвычайно ограничена, так как археологическое изучение Татарстана в дореволюционный

¹⁴¹ См.: Путеводитель ЦГАДА. Ч. I. М., 1946. С. 76–78, 86–87, 85.

¹⁴² С. Герберштейн. Записки о Московитских делах. Пер. И. Малеина. СПб., 1909.

¹⁴³ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Т. I. М.: Соцэжгиз, 1940. С. 191.

период и достижения советской археологии (изучение А.Н. Смирновым развалин городов Булгара и Суvara, археологические экспедиции Н.Ф. Калинина по сельским районам Татарстана), имеющие важное значение для понимания истории Татарстана в древний период и раннее средневековье, прямого отношения к интересующему нас Казанскому ханству не имеют. Лишь в отдельных случаях они позволяют наметить исторические связи изучаемых нами явлений Казанского ханства с более ранним прошлым Татарстана. Только Казанский Кремль был предметом некоторого внимания археологов. Раскопки в Казанском Кремле в 1935 г. под руководством Н.Ф. Калинина дали вещи, характерные для материальной культуры татарского населения эпохи Казанского ханства¹⁴⁴.

Данные этнографии и лингвистики народов Среднего Поволжья были использованы в качестве дополнительного материала при описании земледелия. Однако специфичность этого материала и методов его изучения обусловила весьма незначительную ценность этих источников по сравнению с письменными. Отсутствие достаточно полных исчерпывающих словарей, особенно татарского языка, также не могло не сузить наши возможности. Все же расширение круга источников данными этнографии и лингвистики мы считали не бесполезными.

Таким образом, работа строится на привлечении самых разнообразных источников к решению стоящих перед нею задач. Тем не менее, это расширение круга источников на современной стадии изучения их, особенно татарских, не дает возможности полностью разрешить проблемы феодального прошлого Казанского ханства.

¹⁴⁴ Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. Под редакцией В.В. Гольмстен. М.–Л.: АН СССР, 1941. С. 106.

ГЛАВА II

Хозяйство Казанского ханства

1. Критический обзор высказываний об основном занятии населения Казанского ханства

Обширная территория Казанского ханства была неоднородна по природным условиям. Лесные просторы с зерново-подзолистыми почвами, долины рек, особенно Казанки и Свияги, с серыми почвами и тучными и выщелоченными черноземами, а также степные просторы на юге и юго-востоке страны создавали различные условия развития хозяйства населения Казанского ханства. Леса постепенно сводились, и на их месте появлялись пашни и луговая растительность, а серые лесные почвы постепенно превращались в черноземы. Нельзя забывать, что земля Казанского ханства была страной древней оседлой земледельческой культуры волжских болгар. Хозяйственный уклад народов Казанского ханства определялся многовековым прошлым.

Разнообразие в хозяйстве Казанского ханства не могло ускользнуть от внимания современников. Наиболее ценным источником для изучения хозяйственного строя Казанского ханства являются русские источники. Конечно, отсутствие единого цельного источника заставило нас собирать этот материал буквально по крупицам, среди различных опубликованных и неопубликованных источников. Только извлеченный таким образом материал дал нам возможность набросать в этой главе в общих чертах картину земледельческой культуры Казанского ханства, руководствуясь методологическими указаниями классиков марксизма-ленинизма и установками советских историков земледелия и крестьянства.

Вопрос о характере основного занятия населения Казанского ханства в течение долгого времени является предметом разногласий среди историков. Широко распространено в исторической литературе мнение о весьма низком уровне земледельческой культуры в государстве казанских татар. Часть историков даже утверждает, что казанские татары в старину совершенно не знали земледелия и были народом кочевым. С таким категорическим отрицанием земледельческих занятий у татар выступил еще в 1854 году В.А. Сбоев: «Татары все решительно чужды земледелию»¹. Не менее резко высказался в том же году Г. Фирстов: «Татары не имели собственных земледельческих орудий;

¹ В.А.Сбоев. О быте крестьян в Казанской губернии. Казань, 1854. С. 23.

это не подвержено никакому сомнению, потому что предки их вели жизнь кочевую, которая вовсе исключает земледелие». При этом он декларативно заявляет, что «сабан» есть переделанный малороссийский плуг, а не национальное татарское орудие, хотя и носящее свое название². Аналогичная точка зрения уже в 30-х гг. XX века была высказана Г. Макаровым: «От русских славян этот тяжелый плуг заимствовали и тюркские кочевники наших степей – татары, у которых он уже, конечно, переработанный, под названием «сабан», употребляется до настоящего времени»³.

В отличие от вышеуказанных авторов, категорически отрицавших земледельческий характер занятий казанских татар в более раннее время, другие признавали некоторую роль земледелия в Казанском ханстве.

Так, например, Г. Перетяткович скептически писал: «Земледелием казанские татары вряд ли занимались охотно и с усердием»⁴.

По мнению другого автора: «В эпоху Казанского ханства земледелие у народностей края было в довольно примитивном состоянии. Гоподствующей формой земледелия была подсечная система»⁵.

Недавно, в 1948 году, такая же точка зрения была высказана В.В. Мавродиным, когда он, останавливаясь на занятиях населения Казанского ханства, писал: «... Главным занятием их оставались охота, рыбная ловля, бортничество, пастушеское скотоводство и примитивное земледелие, удельный вес которого, следует отметить, был очень не велик»⁶.

Что касается некоторых исследователей (М.Г. Худяков⁷, Н.Н. Фирсов⁸), признававших преобладание земледелия в Казанском ханстве, то у них совершенно не разработан ни вопрос о характере земледелия, ни вопрос о земледельческих орудиях.

Таким образом, в литературе нет единого мнения о земледелии как основном занятии населения Казанского ханства, а специальной задачи изуче-

² Г.В.Фирсов. Земледельческие орудия восточной полосы России. Казань: Изд. Императорского Экономического общества, 1854. С. 24; См. также его же: Грубые пахотные орудия восточной полосы России. Записки Императорского Казанского Экономического общества. 1854. Ч. I. Кн. 3. Отд. II. С. 208.

³ Г.Макаров. Происхождение и развитие земледелия. М.–Л.: Молодая гвардия, 1930. С. 54.

⁴ Г.Перетяткович. Поволжье в XV и XVI веках. Москва, 1877. С. 12.

⁵ Известия Восточного факультета Азербайджанского государственного университета им. В.И.Ленина. Т. II. Баку, 1928.

⁶ В.В.Мавродин. Русское многонациональное государство и финно-угорские народы (к постановке вопроса). Ученые записки ЛГУ, 1947, № 105. Серия востоковедческих наук. Вып. 2. С. 39.

⁷ М.Г.Худяков. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923. С. 209.

⁸ Н.Н.Фирсов. Прошлое Татарии. Казань, 1926. С. 14.

ния хозяйственного строя Казанского ханства историки перед собой даже не ставили.

Вышеуказанные неправильные ошибочные взгляды по основным вопросам экономического развития Казанских татар могли иметь место только в силу того, что дворянско-буржуазная историческая наука игнорировала изучение истории развития производительных сил и производственных отношений на территории Волжско-Камского края, ограничивалась только изучением войн и придворных интриг казанских ханов и феодалов.

Недостаточную изученность экономической истории казанских татар имел в виду А.Ю. Якубовский, когда писал: «К сожалению, до настоящего времени о них (болгарские земледельческие орудия – *Ш.М.*) не имеется научного исследования, также как никто до сих пор не поставил одного из важных вопросов, а именно, вопроса о том, знала ли земледельческая культура в Булгарах трехполье»⁹.

Этим только и можно объяснить тот факт, что в «Истории Татарской АССР», изданной в 1950 году, при правильной в целом постановке вопроса о преобладании земледелия в Казанском ханстве, очень слабо освещен вопрос о степени развития земледелия (берется под сомнение наличие трехполья в Казанском ханстве) и совсем не освещена техника земледельческих орудий¹⁰.

По отношению к татарскому земледелию можно повторить слова, высказанные в 80-х гг. прошлого столетия по отношению к русскому земледелию: «Истории земледелия у нас вообще нет, а потому, я полагаю, всякая попытка в этом роде должна иметь известный интерес»¹¹.

Причина отмеченных выше ошибочных взглядов на характер и степень развития производительных сил татарского народа вообще, в том числе и в эпоху Казанского ханства, кроется в некритическом антинаучном подходе к используемым источникам и в игнорировании таких ценных исторических источников, как данные археологии, лингвистики, этнографии.

Как известно, господствовавшая до последнего времени монгольская теория происхождения казанских татар отличалась тем, что не проводила коренного различия между казанскими татарами-потомками волжских болгар и древнейших аборигенов Волжско-Камского края и, так называемыми, татарами Золотой Орды. Поэтому показания источников об основных занятиях золотоордынских татар чисто механически переносились и на казанских татар. Так, например, наблюдение А. Контарини о занятиях золотоордынского

⁹ Б. Греков, А. Якубовский. Указ. соч. С. 79.

¹⁰ История Татарской АССР. Т. I. Казань, 1950. С. 157.

¹¹ В. Мозговой. Плуг и соха (историко-экономический очерк). Труды Императорского Вольного Экономического общества. 1881. Т. III. Вып. I. С. 80.

населения, кочевавшего в низовьях р. Волги¹², рассматривалось как источник для характеристики хозяйственного строя Казанского ханства в изданном в 1937 году сборнике «История Татарии в документах и материалах»¹³. Между тем, источники, относящиеся к Золотой Орде, дают характеристику господствовавшего только там социально-экономического строя и не отмечают своеобразия, свойственного территории Казанского ханства с его древней земледельческой культурой. Кроме того, приходится признать неправильными и замечания некоторых средневековых путешественников, которые на основании весьма поверхностного знакомства с бытом казанских татар или на основании сведений, полученных из вторых и третьих рук, составили представление об этом народе, как кочевом или полукочевом. Таковы сведения А. Кампензе, утверждавшего, что Казанская Орда «кочует по степям»¹⁴.

Вызывает серьезное сомнение также утверждение ряда историков о марийском, удмуртском, чувашском и мордовском населении Казанского ханства, как народностях, занимающихся по преимуществу охотой и бортничеством. Таково, например, мнение Н. Фирсова, писавшего относительно занятий различных народностей, вошедших в состав Казанского ханства: «По прежнему они вели скудную жизнь в лесах, занимались звероловством»¹⁵. Значение земледелия в хозяйственной жизни народов Казанского ханства недооценивал также Г. Перетяткович, когда писал, что «промыслы бортный и звероловный пользовались большею симпатией, чем хлебопашество»¹⁶.

Основным направлением хозяйственной деятельности этих народов все-таки было земледелие. Изучая археологический материал финских городищ X–XII вв. на территории северных, лесных районов Казанского ханства, А.П. Смирнов пришел к выводу о большом значении земледелия в хозяйстве финно-угорских народностей Волжско-Камского края. «Можно с уверенностью утверждать, – писал А.П. Смирнов, – что уже в X веке, а возможно и ранее, мы имеем сильно развитое плужное земледелие»¹⁷.

¹² А.Контарини. Путешествии к персидскому государю Узун-Гассану. В кн. «Библиотека иностранных писателей о России». Отд. первое. Т. I. СПб., 1836. С. 97–98.

¹³ См.: История Татарии в документах и материалах. М., 1937. С. 96–97.

¹⁴ А.Кампензе. Письмо к папе Клименту VII о делах Московии. В кн. «Библиотека иностранных писателей о России». Отд. первое. Т. I. СПб., 1836. С. 25 (рус. пер.), 66 (итальянский текст).

¹⁵ Н.Фирсов. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1866. С. 18; Г.Перетяткович. Указ. соч. С. 40, 118, 122.

¹⁶ Г.Перетяткович. Поволжье в XVII и начале XVIII века. Одесса, 1882. С. 4.

¹⁷ А.П.Смирнов. Социально-экономический строй восточных финнов IX–XIII веков нашей эры. Труды секции теории и методологии Института археологии и искусствоведения РАН ИОН. Вып. 2. М., 1928. С. 7.

Собранные нами факты также решительно опровергают мнение дворянско-буржуазной историографии о Казанском ханстве, как «стране, мало тронутой земледелием»¹⁸ и противоречат вышеприведенным утверждениям о том, что земледелие в Казанском ханстве не только не господствовало, но и не было даже важной отраслью хозяйства.

2. Свидетельства источников о развитии земледелия в Волжско-Камском крае в XV–XVI вв.

Древнейшие письменные свидетельства, относящиеся к сложившемуся в VIII–X вв. на территории Волжско-Камского края Болгарскому государству, показывают, что оно уже в X веке было страной относительно высокой земледельческой культуры¹⁹. «Болгары – народ земледельческий и возделывает всякого рода зерновой хлеб, как-то: пшеницу, ячмень, просо и другие», – отмечал Ибн-Руста в начале X века²⁰. Культура земледелия у болгар была настолько высокой, что хлеб мог стать уже в это время предметом вывоза из Болгарии в соседние страны. Исследователь болгарских земледельческих орудий А.А. Штукенберг справедливо писал: «Развитие в то время земледелия в Болгарии было не только результатом плодородия ее почвы, но и значительной культуры ее жителей. Значительное производство хлеба могло быть также только результатом долговременной культуры земли. Большое количество хлеба можно было получить только с большой площади пашни, а распахать большие пространства можно было только сравнительно совершенными земледельческими орудиями, приспособленными к упряжной тяге»²¹. Болгарский хлеб был предметом вывоза в Ростово-Суздальскую землю. Так, например, под 1024 годом летопись отмечает: «И мятеж велик и голод по всей стране тож (Суздальской – *Ш.М.*) бысть; идоша по Волзе вси людье в Болгары, и привезоша жито и тако ожиша»²².

В.Н. Татищев, базируясь на не дошедших до нас летописях, писал: «Болгары волжские с белою Русью, имея непрестанный торг, множество привозили яко жит, тако разных товаров и узорочи, продавая в городах русских по Волге и Оке»²³.

¹⁸ Г.Перетяткович. Поволжье в XVII и начале XVIII в. Одесса, 1882. С. 7.

¹⁹ См.: Б.Д. Греков, Н.Ф. Калинин. Болгарское государство до монгольского завоевания. В кн. «Материалы по истории Татарии». Вып. 1. С. 113–117.

²⁰ Д.А. Хвальсон. Известия Ибн-Даста. СПб., 1869. С. 21.

²¹ А.А. Штукенберг. Земледельческие орудия древних болгар. Ученые записки КГУ, 1896. № 6–7. С. 211.

²² Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. СПб., 1910. С. 144.

²³ В.Н. Татищев. История Российская. Кн. III. М., 1774. С. 248.

Факт вывоза хлеба из Болгарии на Русь неоднократно подчеркивался русскими историками²⁴. А.А. Штукенберг называл Волжскую Болгарию «житницей Суздальской Руси того времени»²⁵. Д.А. Корсаков считал возможным говорить о получении Великим Новгородом хлеба из Волжской Болгарии²⁶.

Высокую оценку земледельческой культуры предков казанских татар – волжских болгар дал выдающийся советский исследователь истории русского крестьянства Б.Д. Греков. Ему принадлежит мысль о такой же развитой системе земледелия в Волжско-Камском крае, как и в Киевщине, унаследовавшей трипольско-скифские земледельческие традиции²⁷. Поэтому он относительно страны волжских болгар в IX–X веках писал, что «труд земледельца здесь оправдывался вполне, и что земледелец кормил своим хлебом не только себя и своих соплеменников, по роду занятий не могущих обрабатывать земли, но в случае нужды имел возможность отдать излишек своего хлеба и тем самым помочь другому народу...»²⁸.

Болгарская земледельческая культура преемственно связана с предыдущей культурой местного населения, так как резкой границы между доболгарскими и болгарскими слоями археологами нигде не замечается.

В 30-х гг. XIII века древнейшие очаги болгарской земледельческой культуры были варварски разрушены монгольским завоеванием. В этом отношении весьма характерны данные археологической экспедиции Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии Наук СССР 1946 года, показывающие страшную картину запустения одного из самых густо населенных земледельческих районов Болгарии – бассейн рек Бездны и Ахтая²⁹.

Но у нас нет данных говорить, что земледельческие навыки болгарского народа были совершенно забыты, и население снова вернулось в состояние, когда земледелия либо совсем не знали, либо пользовались им в незначительной степени.

Крупнейший советский знаток истории Золотой Орды А.Ю. Якубовский справедливо говорит, что «Булгар с его областью был самым важным в Золо-

²⁴ См.: Д.А.Корсаков. Меря и Ростовское княжество. Казань, 1872. С. 102 («Хлеб привозился в Ростово-Суздальской земле из Волжской Булгарии»); Н.Н.Фирсов. Некоторые черты из истории торгово-промышленной жизни Поволжья. Казань, 1898. С. 9 («... из предметов местного болгарского производства на Русь шел хлеб, которым Среднее Поволжье было очень богато»); О Турчинович. История сельского хозяйства России, от времен исторических до 1850 года. СПб., 1854. С. 10.

²⁵ А.А.Штукенберг. Указ. соч. С. 211.

²⁶ См.: Д.А.Корсаков. Указ. соч. С. 101–102.

²⁷ См.: Б.Д.Греков. Крестьяне на Руси. М., 1946. С. 31, 52.

²⁸ Б.Д.Греков. Волжские болгары в IX–X вв. Исторические записки. № 14. М., 1945. С. 5.

²⁹ См. данные из предварительного отчета руководителя экспедиции Н.Ф.Калинина в статье: Н.И.Воробьев. Археологические и этнографические исследования в Татарской АССР в 1946 г. Советская этнография. 1947. № 1. С. 207.

той Орде земледельческим районом»³⁰. Хранящиеся в Государственном Музее Татарской АССР и в секторе Востока Государственного Эрмитажа СССР железные серпы и лемехи из окрестностей болгарского города Биляра по ряду признаков относятся археологами к XIV–XV вв., т.е. к эпохе Золотой Орды.

Что касается земледельческой культуры Казанского ханства, возникшего на территории прежнего Болгарского государства, то она является естественным продолжением болгарской культуры, «благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства»³¹.

И, действительно, русские летописи XIV–XVI вв. указывают на несомненное существование земледелия у народов Казанского ханства. Ценность летописных свидетельств заключается в том, что они позволяют ограничить выводы из этих указаний определенной местностью и, таким образом, наметить основные хозяйственные районы Казанского ханства.

Границей между русскими землями и Казанским ханством была река Сура³², в бассейне которой проживало мордовское население. Описание похода князей Бориса Константиновича и Семена Дмитриевича на мордовскую землю в 1377 году определенно говорит о знакомстве мордвы с земледелием: «И шедша взяша всю землю Мордовскую, села и погосты их и зимницы пограбиша и пожгоша, а самих иссекоша, а жен их и детей полониша»³³.

Напомню еще свидетельство С. Герберштейна, уже относящееся к первой половине XVI в.: «Они (т.е. мордва – *Ш.М.*) живут в селах, разбросанных там и сям, возделывают поля, питаются звериным мясом и медом, изобилуют драгоценными мехами»³⁴. Во время похода Ивана IV на Казань в 1552 году мордовское население снабжало хлебом русскую армию, так же как и чувашское население: «Черемиса и Мордва тогда царю покоряхуся, и вся потребная приношахуся, и хлеб, и мед, и говяды – дарованием, ина же продаваху и мосты на реках делаху»³⁵.

У нас нет недостатка в ярких свидетельствах, говорящих о земледельческом занятии населения Казанского ханства на землях в бассейне реки Свияги к западу от Волги (так называемая Горная сторона *تاو ياعى* – «Тау ягы»). «Казанский летописец» оставил нам следующую красочную характеристику

³⁰ Б. Греков и А. Якубовский. Золотая Орда. Л., 1937. С. 78.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. 1947. С. 23.

³² С. Герберштейн. Указ. соч. С. 103.

³³ ПСРЛ. Т. XXV. С. 194; см. также: ПСРЛ. Т. VIII. С. 26.

³⁴ С. Герберштейн. Указ. соч. С. 103.

³⁵ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 407.

местности, где был основан русскими город Свияжск в 1551 году:³⁶ «Бе бо место и лес велик по нему же подле рек тех, Волги, Свияги, бе бо то место лес велик по нему подле рек тех Волги, Свияги великия луги прилежат и травы велми красны, вдале же от луг, села Казанские стояху, в них же горная Черемиса живет. Две бо Черемисы бе в Казанской области, а языка три, 4 язык варварской, владеяша ими; едина убо Черемиса об сю страну Волги сидит, промеж великих гор, по удолиям, и та словет горная; другая же Черемиса об ону страну Волги живет – и та ся наречет луговая, низоты ради и ревности земля тоя – и вся те луги³⁷, землепашцы и трудницы и злолютые ратники».

Под собирательным названием «горная черемиса» упоминаются чувашаи, а под названием «луговая черемиса» – марийцы. Перед нами, несомненно, картина земледельческого быта, которую можно подтвердить рядом других свидетельств.

Укажу на высокую оценку земледельческого труда чувашских крестьян А. Курбским – участником похода на Казань в 1552 году: «Егда же преплывшася Суру реку, тогда и черемиса горняя, а по их, чуваша зовомые, язык особый ... Черемисский же хлеб сладостейший паче драгоценных калачей, обретесея»³⁸. В печатном издании «Казанского летописца» приведена надпись к одному из рисунков рукописи библиотеки бывшей Московской духовной академии, также свидетельствующая о земледельческих занятиях чувашей: «О присягании горняя черемиссы како привозяху хлеб и мед и всякую потребу в новый град Свияжский воеводам»³⁹. Таким образом, Чувашия была областью развитой земледельческой культуры в составе Казанского ханства и «основным занятием их (чувашских крестьян – *Ш.М.*) были земледелие и скотоводство; а подсобными промыслами являлись охота и рыболовство»⁴⁰.

Ближайшие соседи чувашей к северу от Волги марийцы («черемиса луговая») также занималась земледелием и скотоводством. Прежде чем привести бесспорные свидетельства XVI века, сошлюсь на помещенное в Московском летописном своде конца XV в. описание русского похода 1468 г. на землю мари, уточняющее топографию марийской земли в составе Казанского ханства: «Тоя же зимы в 6 генваря на крещение господне рать великого князя прииде в землю Черемисскую, и многа зла учиниша земли тои, люди иссекоша, а иных в полон поведоша, а иных пожгоша, а кони их всякую животину, чего нелзе с собою имети, то все иссекоша, а что было живота их, то все взя-

³⁶ ПСРЛ. Т. XIX. С. 60.

³⁷ Там же. С. 304 (вместо «луги» правильно написано «люди»).

³⁸ РИБ. Т. XXXI. С. 178.

³⁹ ПСРЛ. Т. XIX. С. 392.

⁴⁰ М.Н.Тихомиров. Присоединение Чувашии к русскому государству. В кн.: Вопросы истории чувашского народа. Чебоксары, 1950. С. 19.

ша, и повоевавшю всю землю ту досталь пожгоша, а за один день до Казани не доходили⁴¹.

«Казанский летописец» XVI века о марийцах пишет: «...вся те люди землепашцы и трудницы»⁴². В специальной главе «О заложении досталние черемисы за царя и великого князя» автор «Казанского летописца» при описании мероприятий русского правительства по отношению к марийцам еще раз указывает на сельскохозяйственные занятия последних: «Он же (т.е. царь и великий князь – *Ш.М.*) возлюбил их (т.е. «черемиса же луговая достальная» – *Ш.М.*), и пожалова на обеде своем, накормив их и напоив, даст семена земные, и коня, и волы на орание (т.е. пахание – *Ш.М.*) ... И преписаше тех оставшихся от воевания живых 93075»⁴³.

Однако, от «Казанского летописца» не ускользнуло разнообразие в хозяйстве марийского населения луговой стороны Волги: «В той же стране луговой ест черемиса Кокшаская и Ветлушская, живет в пустынях лестных, ни сеют, ни орют, но ловом звериным и рыбным, и воиною питаются и живут аки дикий»⁴⁴. Значит, на луговой стороне земледелие было несомненно развито в районах, расположенных к северо-западу от Казани и прилегающих к реке Волге. Но отрицать существование земледелия в бассейне рек Кокшаги и Ветлуги вряд ли можно, основываясь только на единственном сообщении «Казанского летописца». Конечно, роль земледелия в общей экономике этого края могла быть и незначительной. Но существование здесь сельскохозяйственного хозяйства еще известно со второй половины XVI века. Я имею в виду сообщение Симеоновской летописи под 6882 (1374 г.), где упоминаются села по реке Ветлуге при описании одного из походов ушкуйников: «Того же лета идоша на низ Вяткою ушкуйницы разбойницы, свкужившися 90 ушкуев, и Вятку пограбиша, и шедше взята Болгары, и хотеша зажещи и взяша откупа 300 рублей и отгуду разделишася на двое, 50 ушкуев поидоша по Волзе на низ к Сараю, а 40 ушкуев идоше вверх по Волзе, и дошедше Обухова пограбиша все Засурье и Морквашь, и переехаша за Волгу людьи, поромы и насады, павузкы и стругы, и прочя вся суды иссекоша, и сами поидеша к Вятце на конех посуху, и идучи много сел по Ветлуге пограбиша»⁴⁵.

Основным районом высоко развитого сельскохозяйственного хозяйства в ханстве было Заказанье (قازان ارتي – «Казан арты») – территория, ограниченная Волгой с запада, Камой – с юга, Вяткой – с востока и включавшая на севере

⁴¹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 280; см. также: ПСРЛ. Т. VI. С. 187; Т. VIII. С. 153; Т. XX. С. 279; Т. XXIII. С. 218.

⁴² ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 60, 304.

⁴³ Там же. Стлб. 169.

⁴⁴ Там же. Стлб. 60, 304.

⁴⁵ Там же. Т. XVIII. С. 114; см. также: ПСРЛ. Т. XXIV. С. 129–130.

Арскую землю с бассейном реки Казанки. Именно к этому району следует отнести указание И.С. Пересветова – видного идеолога русского дворянства XVI века, призывавшего к завоеванию Казанского ханства – о наличии плодородных и населенных земель в Казанском ханстве: «А слышал есми про ту землю, про Казанское царство, у многих воинников, которые в царстве Казанском бывали, что про нея говорят, применяют ее и подрайской земле угодием великим»⁴⁶. Утверждение И.С. Пересветова вполне соответствует заявлениям его современников, побывавших в Казанском ханстве. Так, например, участник завоевания Казани князь А.М. Курбский оставил следующее описание цветущего состояния татарского феодального землевладения в Заказанье: «В земле той поля великие, и зело преизобильные и гобзующе на всякие плоды; тако же и дворы княжат их и вельможей зело прекрасны и воистину удивлению достойны, и села часты; хлебов же всяких такое там множество, воистину вере ко исповеданию неподобно, аки бы на подобие множество звезд небесных; тако же и скотов различных стад бесчисленные множества...»⁴⁷. Красочное описание плодородия земель в окрестностях Казани принадлежит «Казанскому летописцу»: «Место пренарочито и красно велми, и скотопажно, и пчелисто, и всецemi семяны родимо, и овощи преизобильно, и зверисто, и рыбно, и всякого много угодыя, яко не обрести можно другаго таково места, по всей Русской земле нигдеже, подобно такому месту красотою и крепостию и угодем человеческим»⁴⁸. В другом месте он указывает: «И бысть Казань стольный город, вместо Бряхова, и вскоре нова орда, и земля плодородна, и семенита, именита, и медом кипяща и млеко, и дашася во одержание и власть и в наследие поганым»⁴⁹.

Конкретное описание русских походов по Казанской земле вполне соответствует этим общим характеристикам. Для примера сошлюсь на сообщение о походе на Арскую землю в сентябре 1552 года, когда русские войска много «пожгоша Арские села и деревни, и красоту юртов их погубиша»⁵⁰.

Из татарских источников несомненную картину земледельческого быта и феодального землевладения Казанского ханства рисует ярлык хана Сахиб-Гирея 1523 г., который будет нами рассмотрен в дальнейшем в связи с изучением форм феодального землевладения в Казанском ханстве.

Особо надо отметить упадок земледелия в богатом черноземом Западном Закамье, которое было раньше центром болгарского земледелия. Причина этого, по нашему мнению, заключается в том, что в результате постоянных набегов

⁴⁶ Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1908. Кн. I. Отд. II. С. 68.

⁴⁷ РИБ. Т. XXXI. С. 190–191.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 10–11.

⁴⁹ Там же. Стлб. 13, 210.

⁵⁰ Там же. Стлб. 421; см. также: ПСРЛ. Т. VI. С. 307.

кочевников в эпоху распада Золотой Орды значительная часть населения переселилась на северный берег Камы, в Заказанье, и на Горную сторону, и экономический центром вновь возникшего татарского ханства стал не город Болгары, а Казань. Правда, для конца XIV века мы еще имеем упоминание о болгарских селах при описании русского похода на Болгары в Симеоновской летописи под 6884 (1376) годом. По указанию летописи, русские войска «всю свою волю взявше, а дарагу и таможника посадиша (в Болгарах – *Ш.М.*), а ссуды и села и зимницы пожгоша, а люди посекоша и отидоша с победою»⁵¹. В 40-х годах XVI века еще существовал город Болгар. Здесь находилась усыпальница Казанского хана Мухаммед Эмина, хранителем которой был поэт Мухаммедьяр Махмуд оглы, написавший поэму «Тохфэи мардан» (1539) и «Нуры Сыдур» (1542 г.). Это видно из следующих строк поэмы «Нуры Сыдур»:

*«Тарих тукуыз йөз кырык сикезендә
Мөбарәк мөхәррәмнең унсикезендә
Болгар шәһәре Казан дәрвазасында,
Кеше күндер хәер дәрвазасында.
Мөхәммәт Әмин хан каберендә, и шәһрияр,
Мөҗәвир ирермен бән булып зар»*⁵².

Наличность земледелия в Заказанье и на Горной стороне подтверждается еще одной группой русских источников, заслуживающих в целом полной достоверности своих показаний. Это – русские писцовые и межевые книги Казанского и Свияжского уездов второй половины XVI и начала XVII веков. В этих книгах сохранились прямые указания на землевладение в эпоху Казанского ханства. К этим указаниям я вернусь при характеристике феодального землевладения в Казанском ханстве. Поэтому сейчас ограничусь только указанием, что свидетельства летописей и современников о плодородии земель Казанского ханства полностью подтверждаются писцовыми книгами. По данным книг 1565–1568 гг. почвенные условия основных земледельческих районов Казанского ханства в Заказанье и на Горной стороне были вполне удовлетворительными. По этим книгам в Казанском уезде считалось 20968,5 четвертей доброй земли и только 493 четверти – средней и 6308 четвертей земли неизвестного качества в каждом из трех полей. В Свияжском

⁵¹ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 118; см. также: ПСРЛ. Т. XXIV. С. 133.

⁵² Подстрочный русский перевод:
*«В году девятьсот сорок восьмом
Священного месяца мухаррама восемнадцатого
В городе Болгары у Казанских ворот,
Где всегда много толпится народа,
У гробницы Мухаммед Эмина
Был я хранителем».*

уезде также земля характеризуется писцами как «добрая».⁵³ Малопродуктивные подзолистые почвы были только в крайней северной части Казанского ханства, примыкающей к Вятскому краю.

Таковы свидетельства письменных источников. В качестве дополнительного материала можно указать еще на данные лингвистики и этнографии. Выдающийся советский исследователь древнейшей истории русского народа Б.Д. Греков широко пользуется лингвистическими данными для доказательства положения о том, что «славяне очень давно были хорошо знакомы с хлебными злаками, огородными овощами и сельскохозяйственными орудиями производства»⁵⁴.

О земледелии, как хозяйственной основе жизни народов Казанского ханства, говорит земледельческий характер древнего календаря этих народов⁵⁵. Старинные обряды и поверья народов Среднего Поволжья также связаны с земледелием. У казанских татар до настоящего времени ежегодно справляется старинный национальный земледельческий праздник *صابان توی* – «сабан-туй»⁵⁶ (от татарского слова *صابان* – «сабан» – плуг и от слова *توی* – «туй» – праздник, свадьба). Аналогичные праздники отмечены и у ближайших сосе-

⁵³ См.: Н.Рожков. Сельское хозяйство в Московской Руси XVI века. М., 1899. С. 46.

⁵⁴ Б.Д.Греков. Крестьяне на Руси. М.–Л., 1946. С. 34; см. также: В.И.Пичета. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии. Ч. I (до конца XVI века). Минск, 1927. С. 14.

⁵⁵ Так, например, чуваша делили время на отрезки – ойых (месяц), соответствующие чередованию сельскохозяйственных работ. Первый месяц – ноуруз-ойых – месяц начала нового года, падающий на март (от персидского слова «ноуруз» – новый); второй – пож-ойых – месяц, свободный от земледельческих работ (от «пож» – пустой); третий месяц, когда пашут и сеют яровой хлеб – ага-ойых (от «ага» – плуг или от «ак» – пахать, поднимать новь, сеять яровое); дальше идет летний месяц – сьу-ойых (от «сьу» – лето); сьуртьме-ойых, что означает паровой месяц (от «сьурть» – гноить); месяц невест – хирь-ойых (от «хирь» – невеста; по чувашским обычаям молодая жена после свадьбы прямо выходит на сенокос и участвует в последующих работах, так как должна заработать себе хлеб в новой семье); месяц сенокоса – уд-ойых (от «уда» – сено); месяц жатвы – сьорла-ойых (от «сьорл» – серп); месяц сбора льна – йндинь-ойых (от «йндинь» – лен); месяц молотбы – идэм-ойых (от «идэм» – ток); овинный месяц – авын-ойых (от «авын» – овин) и т.д. См.: Н.И.Золотницкий. Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1875. С. 191–199; В.Сбоев. Исследования об инородцах Казанской губернии. Часть I; Заметки о чувашах. Казань, 1865. Второе издание; см.: Д.К.Зеленин. Библиографический указатель русской этнографической литературы. СПб., 1913. № 1708; Т.С.Пассек. Круг чувашских праздников. В кн.: Академия наук СССР академику Н.Я.Марру. М.–Л., 1935. С. 538–539.

⁵⁶ См.: Н.Семенов. Национальные народные праздники в Татарии, их физкультурное значение. Казань, 1945. С. 18–29 (приведена библиография – 18 названий); Его же. Сабан-туй. Казань, 1929. 68 с.; К.Фукс. Праздники казанских татар. Казань, 1834. С. 22–31; Его же. Казанские татары. Казань, 1844. С. 102–109. Описание сабан-туя; см. также: Г.Тукай. Академик басма. Т. II. Прозаик эсэрлэр. Казань, 1948. С. 15–17.

дей татар. Например, у чувашей новый год совпадал с началом сельскохозяйственных работ в конце марта и начала апреля.

Первым сельскохозяйственным праздником в новом году, справлявшимся в момент яровой пашни, было моление «ага-тойе»⁵⁷. У марийцев имелся такой же весенний праздник «ага-пайрам» (от слова «ага» – соха и от слова «пайрам» – праздник)⁵⁸. Удмурты перед началом пашни под яровые хлеба справляли праздник «акояшки»⁵⁹.

Сельскохозяйственный характер носит и мифология народов Среднего Поволжья⁶⁰.

Если обратиться к терминологии системы обложения местных народов, то опять получим указание на сельскохозяйственный характер их занятий⁶¹.

⁵⁷ Этот праздник совершался ежегодно каждым домохозяином отдельно, но в один и тот же день всей деревней. Справлять «ага-тойе» было обязательным, так как по мнению чувашей, иначе житья не будет уклонившемуся от всей сельской общины. Моление совершалось в поле в тот момент, когда на полосе оставалось пройти последнюю борозду и прикрыть посеянные семена. Ко времени моления в доме напекались специальные лепешки, хлеб, каша и яйца, которые после произнесения молитвы старшим в семье клались в последнюю засеянную борозду и раздавались присутствующим. Затем борозда запахивалась. (См.: Т.С.Пассек. Указ. соч. С. 531; см. также: Н.И.Золотницкий. Указ. соч. С. 183, 194; Г.Комиссаров. Чуваша Казанского Заволжья. ИОАИЭ. Т. XVII. Вып. 5. С. 388.

⁵⁸ См.: И.Н.Смирнов. Черемисы. Казань, 1889. С. 205–206. Описание этого праздника оставил еще капитан Рычков, наблюдавший его в 1769 г. во время поездки по Казанской губернии. (См.: Капитан Рычков. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства 1769 и 1770 году. СПб., 1770. С. 88–89).

⁵⁹ См.: Д.Островский. Вотяки. Казань, 1873. С.34. (Труды Общества естествоиспытателей при КГУ. Т. IV, № 1).

⁶⁰ По верованиям мордвы, возделанная земля имела специальных покровителей, которые назывались у мордвы-мокши «пакс азыр-аву», у мордвы-эрзи «норов-аву». К определенным этапам сельскохозяйственных работ были приурочены мордовские моления (ознома, озкс). Начало весны отмечалось особым молением «шушмонь лангонь озкс», затем специальным молением задабривали мороз – «атю», который иногда побивал яровые посевы и т.д. Специальные духи сопутствовали и покровительствовали мордве, по их верованиям, на каждом этапе сельскохозяйственных работ: «перь-ава» (мать гумна), «авын-азыр-ава» (хозяйка овина) и др. (См.: И.Н.Смирнов. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1895. С. 209, 236, 201). Следы сельскохозяйственного культа хорошо прослеживаются и в мифологии удмуртов. Полевые работы у удмуртов в старину начинались принесением специальных жертв Му-Кылчину (бог – творец земли) и Ю-Кылчину (бог хлеба). По окончании полевых работ производилось специальное моление «бадзымвось». (См.: М.М.Хомяков. Религия удмуртов и древнее право. Труды Научного Общества по изучению Вотского края. Вып. 5. Ижевск, 1828. С. 107–114; М.И.Ильин. Разбор слова «Му-Кылчин». Там же. С. 115–118; С.Т.Первошиков. Порядок общественного, по окончании полевых работ, моления. Там же. С. 154–157; М.Чежегов. Вотские молитвы. Там же. С.160–162).

⁶¹ Судя по двойному значению удмуртского слова «...» [в рукописи удмуртское понятие отсутствует – ред.] – платить и наполнять, и по значению, с которым удмуртское слово «...» [в рукописи удмуртское понятие отсутствует – ред.] даже вошло в русский

Земледельческий календарь и языческая религия народов Поволжья с земледельческим культом в основе ниоткуда сюда не были привнесены, а представляют собою закономерное отражение основного вида занятия местного населения земледелия, исконного на территории Казанского ханства. Оценка приведенных нами фактов лингвистического и этнографического характера не допускает каких-либо возражений, так как у других земледельческих народов мы видим то же самое (например, русские славяне⁶², таджики⁶³, литовцы⁶⁴ и др.).

3. Вопрос о системе земледелия в Казанском ханстве

Установив направляющее значение земледелия в хозяйственной жизни народов Казанского ханства, следует особо рассмотреть состояние земледелия. Основной проблемой, подлежащей разрешению при характеристике земледелия в определенной местности, является вопрос о системе возобновления плодородия почвы, то есть о системе земледелия. Источником для изучения этого вопроса по отношению к Казанскому ханству являются русские писцовые книги второй половины XVI и начала XVII вв., так как татарских источников соответствующего характера в нашем распоряжении не имеется.

Изложение этого вопроса, мне кажется, надо начать с указания на оседлый земледельческий образ жизни населения Казанского ханства. Об этом свидетельствуют писцовые книги, перечисляющие десятки и сотни названий селений. Подавляющее большинство селений, упоминаемых в писцовых книгах Казанского и Свияжского уездов, имеет чисто местную номенклатуру, то есть татарскую, марийскую, чувашскую, а не русскую. Это определенно указывает на существование этих селений в эпоху Казанского ханства, так как, обычно, вновь пришедшее население заимствует географическую номенклатуру у коренного населения и только при освоении незаселенных местностей дает названия вновь возникающим поселениям из своего языка. Конечно, земли Казанского ханства в составе Русского государства не могли быть исключением. Русское население, оседающее во вновь завоеванном крае, воспринимало полностью местную географическую номенклатуру.

язык Вятского края для обозначения участка земли (выть), следует думать, что подать взималась с земледельцев и заключалась в определенной норме зерна, которую нужно было насыпать. См.: И.Н.Смирнов. Вотяки. Казань, 1890. С. 23–24.

⁶² См.: Б.Д.Греков. Крестьяне на Руси. М., 1946. С. 39–40.

⁶³ См.: Н.А.Кисляков. Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием у таджиков бассейна реки Хингод. Советская этнография. 1947. № 1. С. 111–113.

⁶⁴ В.Т.Пашуто. Хозяйство и техника средневековой Литвы. Вопросы истории. 1947. № 8. С. 74–81.

Многочисленные татарские этнографические памятники XV–XVI вв. также прямо указывают на существование в эпоху Казанского ханства сел, при которых эти памятники обнаружены.

В писцовых книгах служилых татар встречаются прямые указания на то, что описанный в них порядок землевладения и система ведения хозяйства сложились до завоевания Казанского ханства. В этом отношении наиболее характерны писцовые книги Казанского уезда 1602–1603 гг., письма и меры Ивана Болтина: «По Нагайской дороге за служилыми татары в поместьях вопче с ясачною чувашею, а владеют отцовскими жеребьи и дядьевых и братьи поместьями, а государевых грамот и выписи с писцовых книг и казанских дач на те поместные жеребьи не клали, а сказали, что владели теми жеребьи отцы и дядья и братья до казанского и после казанского взятъя, после их теми поместными жеребьи владеют по старине ж без дач»⁶⁵. Такое же указание делают писцы при описании землевладения служилых татар по Арской дороге: «... владеют теми жеребьи отцы и их дядья и братья до казанского взятъя и после казанского взятъя. А после их теми поместными жеребьи владеют по старине без дач»⁶⁶. Соответствующие указания имеются и по Галицкой и по Алацкой дорогам⁶⁷.

В более ранних писцовых книгах 1565–1568 гг. аналогичные сведения также имеются, хотя эти книги описывают, в основном, только русское служилое землевладение на территории вновь завоеванного края. Например, в писцовой книге Свияжского уезда встречается указание на ханское землевладение: «... в татарской и чувашской деревне в Нурдулатове порозжие земли, что была царевская Магмед Аминовская, да в той же деревни порозжая же земля, что была мордовская, а пахали прежде сего те обои земли цареву и мордовскую с татарскими и чувашскими землями смесь по полосам...»⁶⁸.

В этой же книге указывается, что местное население исстари владело своими земельными и иными угодьями.

Нет никаких оснований допускать, что за два-три десятилетия, прошедшие со времени завоевания территории Казанского ханства до описания этих земель московскими писцами, могли произойти радикальные изменения массового характера в хозяйственной жизни населения Казанского ханства при свойственной феодализму рутинной технике крестьянского натурального хозяйства. Безусловно, хозяйственный строй, зафиксированный в русских писцовых книгах второй половины XVI века и начала XVII века сложился не в

⁶⁵ ЦГАДА. Ф.1209. Кн. 642. Л. 35.

⁶⁶ Там же. Л. 140–140об.

⁶⁷ Там же. Л. 204 об.

⁶⁸ Список с писцовой и межевой книги города Свияжска с уездом. Казань, 1910. С. 104.

два-три десятилетия после завоевания Казанского ханства, а гораздо раньше. Ретроспективная интерпретация русских писцовых книг второй половины XVI в. и начала XVII века для характеристики уровня развития земледелия Казанского ханства вполне допустима, так как речь идет о широком, массовом, повседневном и долгое время повторявшемся предшествующем явлении на основании известных последующих явлении того же порядка⁶⁹.

Писцовые книги (1565–1568) по территории бывшего Казанского ханства показывают, что главным занятием крестьянского населения в Заказанье (бассейн р. Казанки) и на Горной стороне (бассейн р. Свяги) было земледелие. Учет обрабатываемой или пригодной к обработке земли (пашни паханной, перелога, дикого поля и земли, поросшей лесом) в писцовых книгах неизменно ведется в трех полях. В поместном и вотчинном землевладении также указывается по каждому населенному пункту количество той или иной категории земли из расчета «в одном поле, а в дву потому ж». Это выражение, по мнению многих исследователей, указывает на трехпольную систему земледелия⁷⁰.

Деление на три поля нельзя рассматривать только как удобный технический прием для описания земли. В качестве доказательства сошлюсь на следующее место из межевой книги Казанского уезда письма Н.В. Борисова и Д.А. Кикина 1565–1567 гг.: «... а от розвиловатой сосны прямо к реке х Казани, х тальнику, к ивовому кусту. Направе земля Ички Казанского третьева поля, налеве татарская чювашская деревня Айши»⁷¹. Описанная здесь межа находится в самой развитой в земледельческом отношении области Казанского ханства – бассейн р. Казани. Наиболее раннее прямое указание на трехпольную систему земледелия встречается в описании новых поместных земель Н.В. Борисова и Д.А. Кикина в октябре 1566 года. В этом году были розданы в поместьях государевы села, деревни и пустоши, которые по письму Семена Норматского 1563 г. написаны были в дворцовых селах, а «доход с тех дворцовых сел и деревень, опричь пашни, по его письму не помечен никоторой. А пахали на государя царя и великого князя в тех селах и в деревнях крестьяня живущих вытей десятины на выть по десятине ржи да по десятине яри»⁷².

Отдельная книга дер. Ковалей Казанского уезда письма Домашни Васянина 1617 года совершенно четко различает ржаное, яровое и паровое поля при описании межи между землями Силы Веревкина и толмача Дмитрия Овсянникова: «А мера учинена на Силине земле з Дмитриевого во ржаном поле. На реке Солонице береза суховерховата, на ней грань. А з березы полем по

⁶⁹ С.Б.Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Том I. М.–Л., 1947. С. 9–10.

⁷⁰ А.Советов. О системах земледелия. СПб., 1867. С. 146.

⁷¹ ЦГАДА. Ф.1209. Кн. 152. Л. 223 об.

⁷² Там же. Л. 134 об.

столбом граненым... в яровом поле межа учинена от усаду, у прясла на углу столб, на нем грань. От столба через враг в гору на дуб... В паровом поле межа учинена от реки Солоницы две березки из одново корени, на них грани; да на столб, на нем грань; да на березку кудреватую, на нем грань...»⁷³.

Указание на яровую пашню встречается в писцовой книге письма Ивана Болтина (1602–1603 гг.) при описании земельного спора между служилым татаринном дер. Ертуш Ногаем Терегуловым и крестьянами дер. Черевчи: «Велено размежевать и те межи по старым межам и по старожильцовым речам велено написать в книги, а хлеб, что сеян на опорной земле, велено отписать на государя. И в сыску писцом про тое землю старожильцы деревни Мамедели служилой татарин Кучюк Тянтиков да ясачные татаровя Тогонай Девлекильдеев, Роман Болтачев, Тууш Тянеев, деревни Сейтяковы Юсупов сказали по своей вере по шерти, что та земля, с которой били челом чюваша Черевчи деревни, истари их деревни Черев, а в споре де та земля меж их годы с три. А по смете на той земле посеяно ярюю перелезчи через две изгороди ...торы десятины. И на той земле яровой хлеб отписан на государя и приказано беречи Чюравчи деревни да Мамед деревни чюваше. А как тот яровой хлеб поспеет, и тот хлеб велено пожать и класти в той же деревни Чюравчи до государева указу»⁷⁴.

В дозорной книге дер. Кудайбердеева Ногайской дороги письма Песника Белокурова 1619 года сохранилось описание жалобы ясачных чювашей соседней дер. Кугарчины на притеснения со стороны Василия Аристова – брата владельца дер. Кудайбердеева Савина Аристова. Крестьяне жалуются, что «земля де у них с Савинюю землею Аристова смежно и сее весны учили были оне на своей земле яровую пашню пахати. И тот де Савин брат Василий, приехав на их землю с Савинными людьми и со крестьяны, с самопалы и с саблями из земли их збил»⁷⁵.

Здесь мы сталкиваемся с вполне сложившейся трехпольной системой земледелия, господствовавшей у местного населения Казанского ханства. Заявление «чювашских» крестьян д. Кугарчины в указанном выше споре, что им «ясаку платити не с чево и без пашни в конец погибнут»⁷⁶, весьма характерно, так как указывает на земледелие как на основу хозяйства крестьянского населения края.

Конечно, нельзя категорически утверждать о повсеместном распространении для этого периода правильной трехпольной системы, с правильным чередованием озими-яри-пара и с равенством всех трех полей. Вероятно, в

⁷³ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 153. Лл. 125–125 об., 126–126 об.

⁷⁴ Там же. Кн. 642. Л. 204–204 об.

⁷⁵ Там же. Кн. 153. Лл. 164 об.–165.

⁷⁶ Там же. Лл. 164, 165.

некоторых местах паровая система существовала в виде не правильного трехполья, а в виде нерегулированной паровой системы. Но в основных земледельческих районах Казанского ханства, безусловно, уже преобладала примитивная паровая система в форме так называемого трехполья, при которой пашня разделяется на три поля: одно поле засевалось рожью, другое – яровым хлебом и третье оставалось под паром.

Значит, при такой системе каждое поле пускается один год под пар, другой год – под озимый хлеб, третий год – под яровое, четвертый – опять под пар и так далее тем же порядком⁷⁷. Таким образом, срок перелога в паровой системе сводится к одному году при последующем двухлетнем использовании поля посевами. Структурность почвы восстанавливало паровое поле.

Мнение о господстве паровой системы земледелия в Казанском ханстве вполне согласуется с предшествующими этапами развития систем земледелия на территории Волжско-Камского края.

Как показывают археологические данные, уже в эпоху неолита, а затем среднего варварства, во втором тысячелетии до нашей эры население, жившее на территории Татарской АССР, было знакомо с земледелием: на землях к западу от Волги, в бассейне реки Свияги (северные районы Чувашской АССР, правобережная часть Марийской АССР и Мордовская АССР) было примитивное подсечное земледелие⁷⁸, а в лесостепном Заволжье – мотыжное луговое земледелие⁷⁹.

⁷⁷ С.М.Усов. О системах хлебопашества. СПб., 1854. 52 с. Обстоятельное описание трехпольной паровой системы см.: А.Советов. СПб., 1867. С. 127–194.

⁷⁸ На это указывают многочисленные находки каменных шлифованных и сверленных, а также медных вислообушных топоров. Рубить такими топорами трудно, но легко подсеживать дерево, от чего оно подсыхало и его можно было сжечь. Условия находки этих топоров вне коллективных памятников также указывают на систему подсечного земледелия, когда население переходило с одного мелкого участка на другой. О знакомстве с земледелием населения прибрежных стоянок эпохи среднего варварства говорит находка в 1948 году кварцитовой зернотерки на Карташихинской стоянке (Лаишевский район Татарской АССР). См.: История Татарской АССР. Т. I. Казань, 1950. С. 56.

⁷⁹ Об этом свидетельствуют многочисленные находки особых бронзовых ножей длиной 20–24 см. с прямым лезвием и толстой спинкой (5–6 мм.), которая закругляется к переднему концу. Исследования В.В.Гольмстен таких ножей из клада с. Сосновая Маза (Саратовская область) показали, что они имели рубящее назначение, т.е. этими ножами производилась рубка кустарников на пойме и очистка земли для посева. Находки таких ножей-косарей на территории Татарской АССР расположены в южных районах, а именно: село Дербедень (Акташский район), на территории бывшего Мензелинского уезда, около Билярска и т.д. После очистки земли от кустарников посредством указанных бронзовых ножей-косарей почва взрыхлялась мотыгами, в качестве которых, очевидно, употреблялись находимые в некоторых поселениях Срубно-Хвалынской культуры особые каменные и бронзовые «топоры», «тесла» и «кельты». (См.: История Татарской АССР. Т. I. Казань, 1950. С. 59; Материалы по истории Татарии. Вып. I. Казань, 1948. С. 43).

На высшей ступени варварства, в эпоху ананьинской культуры оседло-земледельческая культура была распространена в Закамье и отчасти в Предкамье, хотя земледелие еще не выходит из стадии мотыжного⁸⁰.

В период, предшествующий болгарскому, т.е. последние два века первого тысячелетия до нашей эры и первая половина первого тысячелетия нашей эры, земледельческая культура местного населения Закамья преемственно продолжает развиваться. Археологические находки культуры этого времени (так называемая, Пьяноборская культура) указывают на дальнейшее усовершенствование земледельческих орудий. Появляются железные мотыги, железные топоры-тесла, применявшиеся для подсеки, хотя сохраняются и старые костяные мотыги. Интенсивное развитие подсечного земледелия было в это время также и на правом берегу Волги.

В итоге непрерывного хозяйственного, социального и культурного развития древнейших обитателей Татарской АССР, в результате преемственной связи на протяжении двух тысячелетий всех его этапов, в III–IX вв. происходит важный технический переворот – переход от мотыжного к плужному земледелию с применением животного тягла⁸¹.

Нет оснований сомневаться в том, что носители древней земледельческой культуры на территории Волго-Камья генетически связаны с татарами Казанского ханства.

Методологически отрицание паровой системы земледелия в Казанском ханстве равносильно признанию длительного тысячелетнего застоя в развитии производительных сил на территории Волжско-Камского края. «Обыкновенно принято считать, что при стихийном развитии сельскохозяйственного производства оно развивается в направлении так называемой паровой системы земледелия»⁸². По мнению И.В. Сталина, «распространение железного плуга» и «дальнейшее развитие земледелия» вполне соответствует состоянию производительных сил в период феодализма⁸³. Если вспомнить, что феодальные отношения в целом признаются Б.Д. Грековым и А.П. Смирновым характерными для домонгольской Болгарии, то трудно сомневаться в наличии паровой системы при развитом казанском феодализме.

⁸⁰ О земледельческих занятиях ананьинцев говорят находки костяных наконечников, изготовлявшихся из крупных трубчатых костей. Наконечник насаживается на искривленную деревянную рукоять и служил своеобразной палкой-копалкой, по мнению А.П. Смирнова. На ананьинских городищах часто встречаются ручные зернотерки (См.: Материалы по истории Татарии. Вып. I. С. 57).

⁸¹ См.: История Татарской АССР. Т. I. С.59; Материалы по истории Татарии. Вып. I. С. 43.

⁸² В.Р.Вильямс. О травопольной системе земледелия. М., 1949. С. 16.

⁸³ И.В.Сталин. О диалектическом и историческом материализме. Госполитиздат, 1949. С. 27.

Нельзя отрицать связь систем земледелия с социально-экономической структурой общества и игнорировать общественные причины, обусловившие смену систем земледелия в связи с изменением способов общественного производства. «Система возобновления запаса перегноя в почве, или другими словами, возобновления прочности почвы, непрерывно разрушаемой обработкой, носит название системы возобновления плодородия почвы или – на производственном языке – системы земледелия»⁸⁴. Классики марксизма-ленинизма установили, что «... плодородие вовсе не есть такое уж природное качество почвы, как это может показаться: оно тесно связано с современными общественными отношениями»⁸⁵. Это значит система возобновления плодородия почвы, то есть система земледелия, непосредственно зависит от изменения способов общественного производства.

Развитие систем земледелия не является простым процессом перехода от экстенсивной формы обработки земли к более интенсивной (например, от перелога к паровой системе) и не может быть объяснено только ростом населения или только чисто местными экономическими причинами вне связи с развитием производительных сил и производственных отношений. Переложная и подсечная системы земледелия по своему характеру возможны только при первобытно-общинном строе и не под силу мелкому индивидуальному хозяйству. Перелог и подсека являются экстенсивными формами земледелия, так как охватывают большие площади земли. По своему производственному характеру эти системы связаны с существованием большой патриархальной семьи и необходимостью определенного кооперирования труда для преодоления неблагоприятных условий труда⁸⁶. Рост производительности труда в сельском хозяйстве был связан с ростом производственной мощности (новые орудия – соха и плуг) и соответствующим ростом интенсивности использования земельной площади. Но возможность повышения производительности труда связана с общественными отношениями и меняется на различных ступенях развития человеческого общества. Возникновение мелких семей и закрепление права пользования землей за этими семьями способствовало переходу к пашенному земледелию, к индивидуальной обработке земли.

«Если обратиться к истории пашенного земледелия или, что нагляднее, к истории его орудий – сохи и плуга, то станет понятным, что они являются элементами не столько общинного, сколько мелкого, раздробленного производства... В лесных областях Восточной Европы пашенные орудия возникли вместе с формированием феодального общества, с возникновением мелкого

⁸⁴ В.Р.Вильямс. О травопольной системе земледелия. М., 1949. С. 15.

⁸⁵ К.Маркс. Нищета философии. В кн. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Т. V. С. 406.

⁸⁶ Таковы, например, выводы П.Н.Третьякова о подсечном земледелии (см. его работу «Подсечное земледелие в Восточной Европе» в «Известиях ГАИМК». Т. XIV. Вып. 1).

индивидуального хозяйства. Самые ранние в лесных областях железные сошники сох и плугов известны в Волжско-Камском районе. Они относятся ко времени образования Болгарского царства»⁸⁷.

Связь новых орудий сельскохозяйственного производства с изменением общественных отношений хорошо подчеркнул Б.Д. Греков: «Ясно, что условия подсечного земледелия не соответствовали этим новым орудиям производства, как не соответствовал родовой строй новой общественной формации. Эта новая формация, базирующаяся на мелком, крестьянского типа, сельском хозяйстве, могла появиться только при условии господства индивидуального мелкого земледелия, где орудия производства и техника труда должны были находиться в полном соответствии со свойствами тяговой силы прирученного животного»⁸⁸. Общественные условия для перехода от подсеки и перелога к паровой системе земледелия на территории Волжско-Камского края возникли в процессе разложения болгарской патриархальной общины еще в домонгольское время. Для феодализирующегося болгарского общества домонгольской поры постепенный переход к паровой системе земледелия был единственно возможным.

Крупный советский исследователь социально-экономической истории Золотой Орды А.Ю. Якубовский еще в 1937 году высказал мнение о необходимости тщательного изучения болгарской земледельческой культуры и степени распространения в золотоордынской Болгарии трехполья⁸⁹.

И действительно, даже при беглом взгляде на археологическую карту Татарской АССР бросается в глаза насыщенность городов и сел в Западном Закамье для Болгарского государства и в Заказанье и на Горной стороне для Казанского ханства, что дает право признать справедливость предположения А.Ю. Якубовского, поскольку значительная плотность населения способствует установлению более совершенных форм земледелия, чем подсека и перелог⁹⁰.

Характер земледелия в болгарское время схематично можно представить себе в следующем виде. Вблизи населенных пунктов: сел и городов трудно оспаривать существование систематически вспахиваемых полей. В более отдаленных от населенных пунктов местах могла быть краткосрочная залежь и только вдали следует допускать существование перелога продолжительностью 15–30 лет.

⁸⁷ П.Н.Третьяков. Сельское хозяйство и промыслы. В кн.: История культуры древней Руси. Домонгольский период. I. Материальная культура. М.–Л., 1948. С. 56.

⁸⁸ Б.Д.Греков. Киевская Русь. М., 1949. С. 60–61.

⁸⁹ Б.Д.Греков и А.Ю.Якубовский. Золотая Орда. Л., 1937. С. 79.

⁹⁰ Ср. мнение В.Р.Вильямса: «Постепенное сокращение периода перелога под влиянием раздела землевладений вследствие естественного прироста населения и под давлением торгового капитала» (В.Р.Вильямс. Избранные сочинения в двух томах. Почвоведение. Т. I. М., 1949. С. 82).

Что касается уже времени Казанского ханства, то ясно, что паровая система земледелия не могла не получить дальнейшего развития и распространения в форме так называемого трехполья.

Мне кажется, что для характеристики землепользования в Казанском ханстве в условиях феодального строя и поземельной крестьянской общины можно смело обратиться к описанию Ф. Энгельсом землепользования в условиях общины – марки: «Община передавала свои поля отдельным лицам только для использования их как пашни и луга, но не для какой-нибудь другой цели... Но и пользование полем и лугом было подчинено контролю и регулированию со стороны общины, что осуществлялось следующим образом. Там, где господствовало трехполье, а это было почти везде, – вся пахотная земля села делилась на три одинаковых по размеру поля; каждое из них попеременно служило один год для озимых посевов, второй год – для яровых, третий год – шло под пар.

Таким образом, село каждый год имело свое озимое, яровое и паровое поле. При распределении земли заботились о том, чтобы каждый член общины получал одинаковую долю на всех трех полях, так, чтобы каждый без ущерба мог подчиняться принудительному севообороту общины, так что озимь он имел право сеять только на своем участке в озимом поле и т.д. Что же касается парового поля, то на все время нахождения под паром оно снова переходило в общее пользование и служило пастбищем для всей общины. И как только кончалась жатва на прочих двух полях, они также снова возвращались в общее пользование до нового посева и служили общественным пастбищем. То же самое относится к лугам после осеннего сенокоса. На всех полях, где происходил общественный выпас, владелец должен был удалить изгороди. Этот обязательный общественный выпас, естественно, требовал, чтобы время посева, как и жатвы, не предоставлялось воле отдельного лица, а было для всех общим и устанавливалось общиной и обычаем»⁹¹.

Именно такой характер землепользования у крестьянского населения Казанского ханства подтверждается цитированными мною раньше свидетельствами русских источников второй половины XVI и начала XVII вв. Я имею в виду, например, указание межевой книги Казанского уезда 1565–1568 гг. о третьем поле селения Ички Казань⁹², факт совместного сева «чювашских» крестьян дер. Кугарчины Ногайской дороги на общей яровой пашне своей деревни в 1619 году⁹³ и т.д.

Писцовые книги совершенно точно и определенно указывают на наличие пашенных полей, принадлежащих владельцам местного (татарского, чу-

⁹¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Т. XV. С. 634–635.

⁹² ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 152. Л. 223 об.

⁹³ Там же. Кн. 153. Л. 204–204 об.

вашского и т.д.) происхождения. Писец тщательно фиксирует границы земельных владений. Приведу одно характерное описание межи между дворцовыми селами Клетли и Бирюли из межевой книги 1565–1568 гг. Здесь имеется указание на межу времен Казанского ханства, потому что упоминается татарское слово «тамга» в смысле «грань»: «... у дорожки пень липовой горелой, а на нем была грань – по старому звати тамгою, а на другой стороне дорожки ямы старая да новая...»⁹⁴.

Не менее характерно и другое описание из этой книги, где упоминаются «царевы тавруи»: «Учинена межа того же сельца Сакуркадыша лесу и лугом, что за рекою за Мешею, с помесною землею казанского старого жильца Дмитрея Малышева деревни Каипа. От реки от Мешы выше деревни Каипа и Сакуркадыша лесом прямо до луга по царевы тавруи поместные с версту, а на лугу у лесу на дубу грань. А от дуба лугом прямо к березе, на ней старое тавро да новая грань. А от березы дубровою по старым таврам и новым граням до бортные сосны, на ней грань и тавра старое. А от бортные сосны к нерозводному лесу, что не в розводе Сакуркадыша, до деревни Каипа да деревни Бими Вишнякова поместная Караулова»⁹⁵.

Участок земли, возделываемый посредством подсеки или перелога, не может иметь строго определенные границы. Только для систематически вспахиваемого поля имеет смысл указывать точные границы участка, так как только такой участок представляет значительную ценность. Для того, чтобы в XVI веке землепользование имело такой сложившийся характер, нужны были века. Устойчивое пашенное земледелие в Среднем Поволжье восходит к болгарскому времени. Мне кажется, можно вполне предполагать, что для Казанского ханства трехпольная система была не новостью. Во всяком случае, невероятность существования в Казанском ханстве примитивной паровой системы земледелия в виде так называемого трехполья требует специальных доказательств.

Наличие паровой системы земледелия уже предполагает применение навозного удобрения для восстановления структурности почвы. Серые лесные почвы и выщелоченные черноземы лесостепного Волжско-Камского края не могли представлять исключения.

В.Р. Вильямс специально подчеркивал «безграмотность и вредность механистического вывода, что чернозем не нуждается в удобрении»⁹⁶. Смысл парового поля заключается в том, что в почву должен был вноситься навоз как необходимое условие для благоприятного разложения и увеличения в почве запаса пищи растений.

⁹⁴ Там же. Кн.152. Л. 200.

⁹⁵ Там же. Л. 231 об.

⁹⁶ В.Р.Вильямс. Почвоведение. Т. I. М., 1949. С. 83.

Сравнительно высокое развитие скотоводческого хозяйства у болгаро-татарского населения не вызывает сомнения. А если учесть значительное накопление навоза при длительном стойловом периоде в условиях Среднего Поволжья, то вполне естественно ставить вопрос о характере использования этого навоза. Оседлый образ жизни местного населения при подчиненном значении скотоводства по отношению к земледелию, безусловно, способствовал использованию ежегодно накапливаемого в больших количествах навоза для удобрения. Особенно трудно отрицать систематическое удобрение старопахотных земель, близко расположенных к населенным пунктам (усадебные и приусадебные участки)⁹⁷.

Не менее интересен вопрос о наличии различных хлебных культур, высевавшихся в Казанском ханстве. Правда, в нашем распоряжении еще мало материалов по этому вопросу. Надо полагать, в силу преемственности развития земледелия между болгарским временем и Казанским ханством, в последнем имели распространение известные в болгарское время сельскохозяйственные культуры. А.П. Смирнов совершенно ясно установил на основании анализа найденных при раскопках болгарских городищ зерен злаков возделывание древними болгарскими культурами следующих культур: пшеница, рожь, ячмень, просо, горох⁹⁸.

Обследование А.Б. Кирьяновым семян растений из болгарских раскопок А.П. Смирнова 1949 года дало интересные результаты, дающие основание предполагать знакомство болгар не только с яровыми культурами, но также и с озимой рожью⁹⁹. Нельзя ли рассматривать широкое применение плуга и сохи болгарскими как один из факторов, способствовавших возделыванию культуры озимой ржи? Нельзя также упускать из виду, что озимый хлеб, занимающий при паровой системе значительную часть посевной площади, был

⁹⁷ А.В.Кирьянов. География использования навоза в европейской части СССР. Удобрение и урожай. 1929. № 2. С. 89–90. (По данным А.В.Кирьянова, стойловый период для Волжско-Камского края равняется 185–203 дням в год; ежегодное накопление навоза на 1 голову скота в год составляет 50,2–62,9 центнеров. Территория Волжско-Камского края расположена на границе подзолистой зоны, где «почти всю массу накапливаемого навоза употребляют на удобрение, и лесостепной зоны, где значение навоза как удобрительного средства, хотя и уменьшается, но все же еще достаточно велико»).

⁹⁸ См.: А.П.Смирнов. Очерки по истории древних болгар. Труды ГИМ. Вып. XI. М., 1940. С. 79.

⁹⁹ При анализе было найдено 7 видов семян сорных растений (подмаренник цепкий, круглец, вьюнок полевой, гречишка вьюнковая и др.), которые, как правило, растут только в яровом поле. Пользуясь случаем принести [приношу – ред.] свою благодарность старшему научному сотруднику экспериментальной лаборатории ИИМК АН СССР Алексею Васильевичу Кирьянову, любезно поделившемуся некоторыми результатами анализа болгарского зернового материала.

наиболее приспособленной культурой к природному стихийному распределению запаса воды в бесструктурной почве осенью и зимой.

Во всяком случае, отмеченные для Казанской губернии в середине XVIII века культуры: рожь, овес, пшеница и полба, также как и горох, ячмень, лен, конопля и чечевица¹⁰⁰, были известны также и значительно ранее, т.е. в эпоху Казанского ханства. По этому поводу с полным основанием можно повторить слова Б.Д. Грекова: «Совершенно очевидно, ... что для развития всех перечисленных культур требуется время, измеряемое не десятилетиями, а столетиями»¹⁰¹.

4. Основные сельскохозяйственные орудия

Познакомившись с системой земледелия Казанского ханства XV–XVI вв., мы должны также остановиться и на применявшихся тогда сельскохозяйственных орудиях.

Земледельческая техника в Казанском ханстве преемственно связана с предшествующей техникой земледелия болгарского народа. Скудость наших источников по этому вопросу в эпоху Казанского ханства заставляет нас, используя данные болгарского периода, только косвенно наметить контуры техники сельскохозяйственного производства в эпоху Казанского ханства. При этом мы были вынуждены также обратиться к некоторым данным более позднего времени, вполне допускающим ретроспективное использование их для эпохи Казанского ханства.

Конечно, эволюция земледельческих орудий в различных районах Казанского ханства, отличавшихся определенными физико-географическими условиями, была различной. Так как географическая среда входит в понятие условий материальной жизни общества, то она оказывает определенное, но не решающее влияние на развитие производительных сил¹⁰², в том числе и орудий производства. Районы наиболее развитой земледельческой культуры (Заказанье, Горная сторона) следует существенно отличать от северных лесных районов Казанского ханства. Лесные районы Казанского ханства, прилегающие к Вятско-Ветлужскому краю, на определенной ступени развития производительных сил стали страной подсечного земледелия, когда участки под посев готовятся в лесу путем рубки и сожжения деревьев¹⁰³.

¹⁰⁰ См.: И.Лепехин. Дневные записки. СПб., 1877. С. 144–145; капитан Рычков. Продолжение журнала и дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства. 1770 г. СПб., 1842. С. 19.

¹⁰¹ Б.Д.Греков. Киевская Русь. М., 1949. С. 41.

¹⁰² См.: И.Сталин. О диалектическом и историческом материализме. М., 1949. С. 18–19.

¹⁰³ Судя по многочисленным заимкам в глуши малмыжских лесов, подсечная система в старину была широко распространена в стране удмуртов. Однако подсечное земледелие в различных местностях находилось на разных уровнях развития. Были некоторые местности,

Многочисленные находки малых сошников в северных районах Татарской АССР¹⁰⁴ дают право поставить вопрос о широком употреблении в лесных пространствах северных районов Казанского ханства, на зерново-подзолистых почвах бесколесной однолемешной сохи. Такая соха, являясь пашенным орудием, свидетельствует уже о значительном уровне земледельческой техники. Однозубую соху следует рассматривать как орудие плужного типа. По своему типу применявшаяся в северных районах бесколесная однолемешная соха, влекомая одной лошадей, относится к известным в русской литературе однолемешным сохам, как «лемех» и «чертеж». От обыкновенного плуга такая соха отличается тем, что не имеет колес и полоза, которые удерживают орудие от погружения в землю; такую соху, поддерживая руками, можно легко поднимать, перебрасывать через крепкие корни; такой сохой легко управлять и регулировать глубину вспашки.

Надо полагать, что в эпоху Казанского ханства в земледельческих лесных районах подсека, в основном, уже выступает в развитом дифференцированном виде, комбинируясь с двухполкой и трехполкой. Представление о такой системе можно получить из описания двухпольной системы земледелия, бытовавшей еще в середине XIX века у удмуртов некоторых волостей Малмыжского уезда Вятской губернии; половина пашни засеивалась рожью (3/4) и овсом (1/4), другая находилась под паром: на следующий год под пар поступала первая половина, а вторая засеивалась и т.д.¹⁰⁵

Нельзя не отметить определенную роль в развитии земледелия на севере страны, которую сыграли болгаро-татарские земледельцы, постепенно продвигаясь в лесные районы и перенося туда свои более совершенные приемы земледелия – трехполье, более усовершенствованные орудия¹⁰⁶.

где существовало подсечное земледелие даже без применения пахотного орудия, т.е. сохи. В литературе имеются сведения, записанные от удмуртов Глазовского уезда Вятской губернии в середине XIX в. Н.Блиновым о том, что деды их «подчеркивали деревья», а когда лес подсыхал – его рубли и жгли, а твердую землю разрыхляли «куштаном» – железной мотыгой – и заборонивали суковатой елью. По сведениям Верещагина, предки удмуртов племени Боння также обрабатывали землю с помощью так называемых «копылов» и ручных грабель. Воспоминанием о такой системе обработки земли является в удмуртском языке слово «горины», которое в переводе на русский язык одновременно означает пахать, рыть и копать.

¹⁰⁴ Б.Д.Греков и Н.Ф.Калинин. Болгарское государство до монгольского завоевания. В кн.: Материалы по истории Татарии. Вып. I. С. 116; А.П.Смирнов. Социально-экономический строй восточных финнов IX–XIII веков нашей эры. Труды секции теории и методологии Института археологии и искусствознания РАН ИОН. Вып. II. М., 1928. С. 74.

¹⁰⁵ Материалы по статистике Вятской губернии. Том I. Малмыжский уезд. М., 1886. С. 58–59.

¹⁰⁶ На это указывает заимствование народностями, живущими в лесных районах, более дифференцированной сельскохозяйственной терминологии от болгаро-татар. Например, такие сельскохозяйственные термины в языке мари восходят к татарскому: «...» [в

Эволюция земледельческих орудий в районах мощных (тучных) и выщелоченных черноземных почв (Заказанье, Горная сторона, Западное Закамье) была иная. Здесь полевое пашенное земледелие возникло из подлинного перелога. Учитывая оседлый характер жизни болгарского народа, мы можем определенно утверждать о последовательном изменении переложной системы и превращении ее в двухполку и трехполку еще до складывания Казанского ханства. Эволюция пашенного орудия в таком случае может быть предположительно намечена следующая: мотыга-рало-плуг. Будучи не в состоянии детально остановиться на эволюции пашенных орудий, так как «вопрос об истории сельскохозяйственных орудий производства разработан еще недостаточно»¹⁰⁷, приходится ограничиться только фиксацией тех или иных археологических находок и некоторыми предварительными выводами.

Первая попытка обобщения фактического материала по болгарским земледельческим орудиям дана в статье А. Штукенберга «Земледельческие орудия древних болгар»¹⁰⁸ и представляется в следующем виде: а) упряжные плуги; б) мотыки; в) плуги ручной тяги (ральники).

Первые болгарские железные сошники вместе с частями плугов найдены в слоях VIII–IX вв.¹⁰⁹ Железные сошники найдены не только в центральных земледельческих районах Болгарского государства, но и далеко на севере, например, на Донды-Карском и других городищах, обследованных А.П. Смирновым по течению р. Чепцы¹¹⁰.

Высокий уровень развития земледельческой культуры способствовал созданию усовершенствованных земледельческих орудий, что в свою очередь

рукописи термин на марийском языке отсутствует – ред.] – коса, «...» [в рукописи термин на марийском языке отсутствует – ред.] – вилы, «...» [в рукописи термин на марийском языке отсутствует – ред.] – овес, «...» [в рукописи термин на марийском языке отсутствует – ред.] – межа, «...» [в рукописи термин на марийском языке отсутствует – ред.] – стог, «...» [в рукописи термин на марийском языке отсутствует – ред.] – солома и т.д. Аналогичные выводы дает изучение удмуртской терминологии, где заимствованиями из татарского языка могут быть признаны такие слова, как сада, лук, амбар, просо и другие. (См.: И.Н.Смирнов. Черемисы. Казань, 1884. С. 24–25; И.Н.Смирнов. Вотяки. Казань, 1890. С. 51; см. также: О.Жирнов. Очерк экономического положения татар Кошкинской волости, Малмыжского уезда. Вятка, 1896. С. 15).

¹⁰⁷ Б.Д.Греков. Крестьяне на Руси. М., 1946. С. 51.

¹⁰⁸ Ученые записки КГУ. 1896. № 6–7.

¹⁰⁹ См.: Б.Д.Греков и Н.Ф.Калинин. Болгарское государство до монгольского завоевания. В кн.: Материалы по истории Татарии. Вып. I. С. 113.

¹¹⁰ См.: А.П.Смирнов. Финские феодальные города. Ученые записки научно-исследовательского института народов Советского Востока при ЦИК СССР. Вып. 2. 1931; Его же. Социально-экономический строй восточных финнов. IX–XIII вв. нашей эры. Труды секции теории и методологии Института Археологии и Искусствознания РАН ИОН. Вып. II. М., 1928. С. 74.

сделало земледелие гораздо более интенсивным. Именно поэтому, отмечая неоднократные находки крупных железных лемехов – ральников, советский археолог О.Н. Бадер счел возможным заявить: «Вооруженные ими (т.е. железными лемехами – ральниками – *Ш.М.*) тяжелые плуги были тогда самыми совершенными земледельческими орудиями в Восточной Европе; они имели также резцы, прикреплявшиеся к дышлу для разрезания пластов»¹¹¹.

Действительно, с развитием производительных сил свойства тучных черноземных болгарских земель, требовавшие глубокой вспашки, обусловили постепенное усовершенствование древнего орудия пашенного земледелия – мотыги и превращения его в деревянное рало, которое уже в VIII–IX вв. было заменено сабаном – болгарским плугом с металлическим лемехом.

Найденные археологами болгарские лемехи треугольной равнобедренной формы достигают в длину до 40 см, в ширину 20–25 см, при весе до 4,5 кг¹¹². Боковые режущие стороны имеют дугообразное очертание. Посредством широкой массивной несомкнутой втулки в верхней части сошник надевался на деревянную часть плуга. Так как деревянные части болгарского плуга не могли сохраниться, то для восстановления его общего вида приходится обратиться к земледельческим орудиям, применявшимся позднейшими потомками болгарского народа.

У нас есть достаточные основания для признания болгарского сабана характерным и для периода Казанского ханства.

В этом отношении весьма ценные указания дал А.П. Смирнов, впервые поставивший вопрос о точной датировке многочисленных случайных находок болгарских сельскохозяйственных орудий. Он пришел к следующим выводам: «... Вопрос об их точной датировке может быть решен условно, *terminus post quem* X век... [так в рукописи – ред.]. Эти орудия широко распространены в северо-восточной Европе... Поздняя дата их не совсем ясна; во всяком случае, в XIV–XV вв. этот же тип продолжал существовать. В коллекции Государственного Исторического музея в Москве имеется один поздний сошник, происходящий из Муранского могильника»¹¹³. Этот могильник, находящийся в 25 верстах от г. Сызрани на р. Усе близ с. Муранки, интересен тем, что если некоторые из его древностей могут быть отнесены к XI–XII столетиям, то одновременное наличие монет золотоордынских ханов XIV века (Узбек хан – 731 г. х. – 1330 г.; Джанибек хан – 747 г. х. – 1346 г.; Бер-

¹¹¹ А.Н.Бадер. Археологические памятники Прикамья и их научное выявление. М., 1950. С. 82.

¹¹² Изображения металлических частей болгарских земледельческих орудий приведены в вышеупомянутой статье А.Штукенберга.

¹¹³ А.П.Смирнов. Очерки по истории древних болгар. Труды ГИМ. Вып. XI. М., 1941. С. 95–96.

дибек хан – 759 г. х. – 1359 г.; Тимур Ходжа хан – 759 г. х. – 1359 г.) ясно говорит о прямой преемственности от болгарского времени к казанскому¹¹⁴.

Общее представление о плуге, применявшемся в эпоху Казанского ханства, можно составить по описанию XVIII века русского путешественника-ученого И. Лепехина¹¹⁵. У нас нет достаточных оснований сомневаться в том, что описанный И. Лепехиным в XVIII в. сабан применялся в эпоху Казанского ханства, так как по мнению такого авторитетного знатока истории земледелия в России, как Б.Д. Греков, сабан такого типа восходит даже к болгарскому сабану¹¹⁶. А.П. Смирнов считает вполне возможным возводить сабан, бытовавший до недавнего прошлого у чуваш, к болгарскому плугу-сабану. По его мнению, металлические части такого чувашского сабана – лемех (терен) и резец (ширт) – совершенно аналогичны болгарским, хорошо известным по ряду музейных собраний Государственного музея ТАССР, Исторического музея в Москве и Эрмитажа в Ленинграде¹¹⁷. П.Н. Третьяков тоже пришел к выводу, что «земледельцы Булгарского царства обрабатывали землю с помощью плуга с железным лемехом, по форме близкого к чувашскому сабану»¹¹⁸.

Также Н.И. Воробьев, останавливаясь на характеристике сельскохозяйственных орудий казанских татар, пришел к выводу, что болгарские сошники «почти целиком совпадают по форме» с таким орудием как «плуг-сабан, который, исчезнув у татар, сохранился кое-где у вотяков и башкир»¹¹⁹. Еще раньше такая же мысль была высказана А. Штукенбергом в 1936 году: «... В болгарском плуге нужно искать прототип инородческого сабана, бывшего в употреблении еще в конце прошлого столетия в Казанской и смежных губерниях»¹²⁰. И действительно, болгарские лемехи и резцы вполне сопоставимы с частями сабана, описанного И. Лепехиным, что делает возможным допущение аналогии и их деревянных частей. И. Лепехин дает описание сабана, бытовавшего во второй половине XVII века в Закамье в бассейне р. Черемшана (село Бесовка)¹²¹.

¹¹⁴ См.: В.Н.Поливанов. Муромский могильник. М., 1896. С. 39, 31.

¹¹⁵ И.Лепехин. Дневные записки... СПб., 1771. С. 126–127.

¹¹⁶ См.: Б.Д.Греков и Н.Ф.Калинин. Болгарское государство до монгольского завоевания. В кн.: Материалы по истории Татарии. Вып. I. С. 116.

¹¹⁷ А.П.Смирнов. Древняя история чувашского народа (до монгольского завоевания). Чебоксары, 1948. С. 28.

¹¹⁸ П.Н.Третьяков. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948. С. 61.

¹¹⁹ Н.И.Воробьев. Материальная культура казанских татар. Казань, 1930. С. 111.

¹²⁰ А.Штукенберг. Указ. соч. С. 216.

¹²¹ Мне представляется целесообразным процитировать полностью данное И.Лепехиным описание сабана: «В селе Бесовка первый раз увидели мы хлебопашное орудие, сабан от жителей называемое. Оно много имеет сходства с плугом; однако не во всем, как из следующего описания видеть можно. Табл. 3 собственно состоит из двух частей: первая назы-

Для восстановления общего вида старинного татарского сабана можно обратиться также к описанию сабана П. Рычковым в «Письме о земледельчестве в Казанской и Оренбургской губерниях», опубликованной в 1758 году в июньском номере русского академического журнала «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие». П. Рычков указывает, что сведения им почерпнуты из собственных наблюдений и «из слов тех людей и крестьян, кои старее и прилежнее других к земледелию упражнялись»¹²². Он указывает, что в Казанской и Оренбургской губерниях вместо плуга употребляется «называемый с татарского языка сабан»¹²³ и дает следующее его определение: «Сабан называется большой пахотный инструмент, в здешних местах у татар и других иноверных народов употребляемой»¹²⁴.

Описание П. Рычкова ценно тем, что он указывает татарские названия частей сабана¹²⁵.

вается припряг А, а другая сабан. Припряг составляет ось с двумя обыкновенными колесами; а сабан сложен из разных частей: первая называется стрелка В, которая не иное что есть, как излучистое долгое бревно. К переднему концу прикрепляется деревянный гвоздь С, на которой надевается веревочная петля, привязанная концами к припрягу. Стрела влаживается в ноги, которые делаются из двух кокорин Д и Е. Горизонтальная часть ног называется лемег и сводится лопаткою; а развилстую часть кокорин именуют ногами d, e. Ноги связывают попеperечной У. В том месте, где стрелка лежит на лемеге, продалбливается четверугольная дыра, сквозь которую пропускают четверугольную палку, называемую клюка: исподний конец клюки в лемеге закрывают накрепко, а в стреле бывает она свободно. На конец лемег надевают ладонь, или железный плоский острый треугольник Н. Расстоянием от заднего конца стрелы аршина на два, продалбливается в стреле на излучине I другая четверугольная дыра понаискось, в которую пропускается железный резец, т.е. длинное и толстое косое лезвие К, которого острие оборачивается к припрягу и конец его должен быть в одной прямой линии с ладонью, и в дыре закрепляется клиньями. С правую сторону к ногам и стреле прибавляется доска, палица называемая L, которая подрезанная резцом и поднятая ладонью, глыбы отворачивает на сторону. Для сего орудия употребляется по крайней мере 4 лошади» (см.: И.Лепехин. Указ. соч. С. 126–127).

¹²² П.Рычков. Продолжение журнала и дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства. 1770 г. СПб., 1842. С. 414.

¹²³ Там же. С. 415.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Привожу описание сабана по П.Рычкову (указ соч., с. 415–417): «Делается он (т.е. сабан – Ш.М.) нижеописанным образом: приискывают и вырубают дерево кривое, кое выделывают так, что очень схожо оно в половину лука, от чего татарами и называется сие дерево сабан ук, то есть сабанной лук. Длинною бывает оно обыкновенно на сажень, или немного больше, с зада утверждают его в розвилины или в розноги, у которых сверху делают две рукоятки, чтобы человеку, кой пашет, взяв их в руки управлять всем сабаном внизу к земле. Оные розноги вытесаны доскою, где большой железный сошник утверждены; оныя розноги и с вытесанною под ними доскою по татарски зовут сабан анас или сабанная матка; к оной матке с правой стороны пришивается веревкою доска шириною в четверть аршина, а длиною в аршин, кои способствуют к тому, чтобы землю на правую сторону отваливало. В предписанной же кривулине, коя сабанным луком именуется,

Железные части болгарского плуга – лемех и резец – весьма сходны с железными частями только что описанных сабанов. Приведенные А. Штукенбергом рисунки лемехов, найденных около Старых Челнов Чистопольского уезда Казанской губернии и около Билярска¹²⁶, поразительно напоминают ту железную часть сабана, которая называется И. Лепехиным «ладонь» и обозначена на его рисунке буквой «Н»¹²⁷. Также болгарские резцы¹²⁸, которые укреплялись, очевидно, в болгарских плугах перед лемехами, весьма похожи на резец, обозначенный и изображенный у И. Лепехина под буквой «К»¹²⁹.

Найденные при раскопках части болгарских плугов, вполне сопоставляемые с сабаном И. Лепехина, также могут быть сопоставлены с частями описанного уже в середине XIX века Г.В. Фирстовым «сабана более распространенного»¹³⁰. По своей конструкции сабан Г.В. Фирстова напоминает сабан, описанный И. Лепехиным. Так что можно также воспользоваться изображением сабана Г.В. Фирстова для более наглядного представления пахотного орудия, которым пользовались казанские татары в эпоху Казанского ханства.

Что касается других сельскохозяйственных орудий, то имеющиеся в литературе описания болгарских кос, серпов и т.д.¹³¹ вполне могут быть отнесены и к эпохе Казанского ханства. Наличие употребленных всех средств кре-

вставляют и утверждают клиньями железный отрез, на подобие косаря, так чтоб он от сошника был впереди вершка на три вперед, остеем [так в оригинале рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова – ред.]. Сей косарь называется у них ширт или резец, коим землю режут, а сошником позади его имеющимся отпахивает с исподи и поднимает пласты. Доскою ж, как выше означено, отваливает их все на правую сторону; вверху ж и на оном сабанном луке от того клина, которым утверждается резец, расстоянием на аршин вделяют еще клин, чтоб за него привязать веревками ось, на которой близ самого переду ставят два колеса: в ту ж ось о середине вделяют деревянные розвилины, у коих на концах продолблены дыры. В них продевают веревки и привязывают ими оглобли, кои делаются с излучинами, точно так как и к боронам. Во оныя оглобли запрягают первую пару лошадей, а еще две пары запрягаются в простыя палки, кои к тем первым оглоблям привязываются веревками; и так в одном сабане обыкновенно шесть лошадей работают. Из передней пары на одной лошади всегда сидит человек, и правит и понуждает их; с стороны идет другой для понуждения всей упряжи, а третий сзади идет, и держась за предозначенные ручки, пашет и управляет сабаном. Но ежели сабан небольшой, то употребляется к тому и по четыре лошади, а при них уже только два человека».

¹²⁶ См.: А.Штукенберг. Указ. соч. Табл. I. Фиг. 2 и 3.

¹²⁷ См.: И.Лепехин. Дневные записки... СПб., 1771. Табл. 3.

¹²⁸ См.: А.Штукенберг. Указ.соч. Табл. II. Фиг. 1–4.

¹²⁹ См.: И.Лепехин. Указ. соч. Табл. 3.

¹³⁰ Г.В.Фирстов.Грубые пахотные орудия восточной полосы России. Записки Императорского Казанского Экономического общества. 1854. Ч. I. Кн. 3. Отд. 2. С. 209. Описание сабана дано на с. 209–217 с указанием частей, изображенных на табл. 2 и 3 (всего 23 фиг.) в соответствующем масштабе.

¹³¹ См.: А.Штукенберг. Указ. соч. С. 218–219.

стьянского земледельческого производства в эпоху Казанского ханства не может быть оспариваема.

Касаясь вопроса о происхождении сельскохозяйственных орудий Казанского ханства, следует категорически отвергнуть вышеуказанную точку зрения Г. Фирстова¹³² и Г. Макарова¹³³, возводящих татарский сабан к украинскому плугу. Генезис татарского сабана следует искать «в конкретной истории хозяйствования этого района, где это орудие имело место в недавнем прошлом»¹³⁴.

Пахотные орудия типа плуга, к которым относится и болгаро-татарский сабан, возникают на определенной стадии развития производительных сил по всей территории лесостепной и степной Европы, от Волжских Болгар до Рима вместе с формированием феодального общества и переходом к мелкому крестьянскому хозяйству. Поэтому ареал распространения пахотного орудия типа татарского сабана весьма обширен, и появление его в хронологическом отношении для различных мест неодинаково. Латинская культура, например, знала такие орудия еще до начала нашей эры (V–I вв. до н. э.)¹³⁵.

Поэтому мнение Г. Фирстова о том, что «когда Русь освободилась из-под долгого и тяжелого рабства, когда основались отдельные татарские царства, когда жители их перешли к жизни более оседлой и занялись сельскими промыслами, они перенесли плуг малороссийский и в свое хозяйство, уменьшив и несколько изменив его»¹³⁶, совершенно противоречит вышеприведенным данным о развитии земледелия и земледельческой техники в Болгарском государстве еще задолго до основания Казанского ханства в первой половине XV века.

Самый факт наличия древнетатарской самобытной терминологии для обозначения пахотных орудий указывает на их длительное знакомство с этими орудиями. Существование в языке казанских татар специального термина для обозначения такого сложного орудия плужного типа для обработки земли, как сабан, следует рассматривать как подтверждение местного происхождения этого орудия. Термин *صابان* – «сабан» в татарском языке служит для обозначения пахотного орудия. Каюм Насыри для слова «сабан» дословно дает такое определение: «орудие для пахания земли» – *یر صوقالارغه بر لندر* («жир сукаларга бер алтдыр») ¹³⁷. В словарях для татарского термина

¹³² См.: Г.Фирстов. Указ. соч. С. 23–24.

¹³³ См.: Г.Макаров. Указ. соч. С. 54.

¹³⁴ В.Н.Третьяков. Подсечное земледелие в Восточной Европе. Известия ГАИМК. Т. XIV. Вып. 1. Л., 1932. С. 25.

¹³⁵ См.: J.Dechelette. Manuel d'archeologie... Paris, 1927. Т. IV. С. 884–885. Приношу благодарность А.П.Смирнову за это указание. См. также: А.В.Арциховский. Введение в археологию. М., 1947. С. 110.

¹³⁶ Г.Фирстов. Грубые пахотные орудия... С. 24.

¹³⁷ К.Насыри. Ләһжәи татар (Толковый словарь татарского языка). Т. 1. Казань, 1895. С. 215.

«сабан» в качестве эквивалента, обычно, приводится русское слово «плуг»¹³⁸. От слова «сабан» в татарском языке имеется ряд производных слов и понятий, указывающих на широкое распространение этого термина среди татар до недавнего прошлого¹³⁹. Архаический характер термина «сабан» и его производных подтверждается такими ранними историческими источниками на татарском языке как ярлык Тимур-Кутлуга 1397 года, где употребляется *صباڭچى* – «сабанчи»¹⁴⁰ в смысле «хлебопашец»¹⁴¹.

Для обозначения сложившегося в лесных районах пашенного орудия типа русской сохи у казанских татар существовал ранее, в марийском и чувашском языке сохранились термины «агавы»¹⁴², «ака», «акапус»¹⁴³. В чувашском языке и теперь еще широко распространены слова и понятия с корнем «ака» или «ага»¹⁴⁴.

¹³⁸ См.: К.Насыри. Полный русско-татарский словарь. Казань, 1892. С. 127; С.Рахманкулов *تاتارچا روسچا لوعات* (Татарча-русча лөгать). Казань, 1913. С. 126; М.Курбангалеев, Г.Газизов и И.Кулиев. *Tatarça-urşça syzlek*. 2-е изд. Казань, 1931. С. 256; Русско-татарский словарь. Казань: Татгосиздат, 1939. С. 133; Русско-башкирский словарь. М., 1948. С. 539.

¹³⁹ Например: *صباڭ سورمك* сабан сюрмак – орать, пахать плугом, земледельничать; *صباڭ بله صوقلامق* – сабан белэн сукаламак – пахать плугом; *صباڭ اشى* – сабан аши – яровой хлеб; *صباڭ اشلغى باسوى* – сабан ашлык басуы – яровое поле; *صباڭ باسوسى* – сабан басуы – яровое поле; *صباڭ توى* – сабан туе – праздник весеннего посева; *صباڭچى* – сабанчи – хлебопашец, пахарь.

Рассмотрение понятий «сабан сюрмак» и «сабан блэн сукаламак» показывает, что они представляют собой образования на «мяк» и «мак». В современном татарском языке инфинитив на «мяк» и «мак» сохранился только в виде пережитка в некоторых словах и окаменелых выражениях, что дает право рассматривать вышеуказанные понятия как архаические (см.: Н.К.Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.–Л., 1948. С. 170–173).

¹⁴⁰ И.Березин. Ханские ярлыки. Вып. 2. Казань, 1851. С. 8 (текст уйгурским шрифтом), 5 (текст арабским шрифтом).

¹⁴¹ Б.Греков и А.Якубовский. Золотая Орда. Л., 1937. С. 85; И.Березин. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. ТВОИАО. Ч. 8. СПб., 1864. С. 437; Его же. Внутреннее устройство Золотой Орды. С. 9 (оттиск).

¹⁴² См.: Ф.Целлинский. Агрономическое путешествие по некоторым уездам Казанской и Нижегородской губерний в 1855 году. ЖМГИ. Ч. 61. № 4. СПб., 1856. С. 3.

¹⁴³ См.: Б.Г.Егоров. Чувашско-русский словарь. Чебоксары, 1935. С. 35.

¹⁴⁴ Например: ак – поднимать новь, сеять
акмали лаптак – посевная площадь
курак акни – травосеяние
ака – пашня
аканатух – выходить на пашню
ака ту – вспахать поле и посеять
ака тырри – яровой хлеб
ыраш аки – пашня под озимое
сураны – пашня под яровые
ака уйахе – месяц пашни, апрель или май
ага-дуй – весенний праздник пашни.

На бытование термина «ака» или «ага» в марийском языке указывает название праздника весенней пашни «ага-пайрам»¹⁴⁵. Так как термин «ага» служил в языке народов Волжско-Камского края для обозначения пашенного орудия типа «сохи», то с течением времени в результате близкого хозяйственного общения с русским населением стал параллельно употребляться созвучный и эквивалентный русский термин «соха», так же как и «сабан» стал обозначаться словом «плуг». Соха, которая была принесена в Волжско-Камский край русскими, по своему устройству напоминала аналогичные орудия местных земледельческих народностей¹⁴⁶, так что вполне возможно допустить параллельное употребление двух терминов «ака» и «соха» и даже вытеснение в некоторых случаях старого термина «ака» и замену его новым.

Не останавливаясь на истории названий других орудий сельскохозяйственного производства, считаем нужным отметить, что неуклонному развитию земледельческой культуры народов Среднего Поволжья (это доказывается многочисленными археологическими данными и т.д.) сопутствовало формирование и развитие в языке этих народов определенных слов и понятий, отражающих это развитие производительных сил. Даже беглый просмотр общих и специальных сельскохозяйственных словарей показывает высокую степень дифференциации татарской сельскохозяйственной терминологии¹⁴⁷.

Слова, обозначающие земледельческие орудия и их части: *трма* – тырма – борона, *себерке* – себерке – борона¹⁴⁸, *اوراق* – урак – серп, *سنك* – сэнэк – вилы, *چالغى* – чалгы – коса, [в рукописи написание понятия «терэн» старотатарским письмом подразумевается, но отсутствует – ред.] – лемех – терэн, *چاбагач* – чабагач – цепь и т.д. Слова и понятия, относящиеся к различным видам сельскохозяйственных работ: [в рукописи написание понятия «тунга серу» старотатарским письмом подразумевается, но отсутствует – ред.] – тунга серу – зябь, [в рукописи написание понятия «орлык, бертек» старотатарским пись-

¹⁴⁵ См.: И.Н.Смирнов. Черемисы. Казань, 1889. С. 205–206.

¹⁴⁶ См.: Кандидат Пель. Хозяйственные заметки о Казанской и некоторых частях Нижегородской, Пензенской, Симбирской и Вятской губерний. Журнал Министерства государственных имуществ. 1845. Ч. XVI. Отд. II. С. 127–146.

¹⁴⁷ Специальные сельскохозяйственные словари: *اول حوجالغى ىستىلا حلارى* Аул хужалык истилахлары (Термины по сельскому хозяйству). Казань, 1924. 72 с.; *Atamalar syzlege* (Словарь терминов). Вып. IX. *Tabigat h m biologiya terminnary*. Казань, 1931. 83 с.; *Ауы хуҗалыгы Һәм Һаҗматсызлыҡ атамалары* (Термины по естествознанию и биологии). Казань, 1935. 125 с.

¹⁴⁸ Слово «себерке» для обозначения бороны употребляется среди татар, живущих в бассейне р. Свияги (Горная сторона). См.: Д.Валиди *تاتار تۇلغى سوزلۇغى* Татар теленен тулы сүзлеге (Полный словарь татарского языка). Т. I. Вып. 2. Казань, 1929. С. 588.; Л.Залаяй. Диалектологик сүзлек. Казань, 1948. С. 161; А.К.Насыров и П.А.Поляков. Сказки казанских татар и сопоставление их со сказками других народов. Казань, 1900. С. 50, 54. (См. приложение к «ИЮАИЭ» за 1900 год, т. XVI).

мом подразумевается, но отсутствует – ред.] – орлык, бертек – зерно, [в рукописи написание понятия «серу катлау» старотатарским письмом подразумевается, но отсутствует – ред.] – серу катлау – пахотный слой, أَشْلَقْ سَوَّغُو – ашлык сугу – молотить и т.д.

Таким образом, представляется бесспорным огромный сдвиг татарского крестьянского населения, как и других народностей края, в смысле освоения земледельческой техники и культуры земледелия, приведший в эпоху Казанского ханства к широкому распространению паровой системы с трехпольным севооборотом. Трехпольная система на территории Казанского ханства явление не случайное и не заимствованное, а явление самобытное, – результат длительного экономического развития местных производительных сил.

5. Садоводство, скотоводство, бортничество, охота и рыболовство

Ряд данных дает право говорить о том, что земледелие в эпоху Казанского ханства, да и раньше, было знакомо с садоводством и огородничеством. Эль-Омари, сравнивая состояние хозяйства Болгарской страны до и после монгольского завоевания, писал, что территория его «была повсюду возделана, теперь же в ней только остатки этой возделанности. В ней растут разные деревья, разные плоды, как-то: виноград, гранаты, айва, яблоки, груши, абрикосы, персики, орехи... Но это остатки того, что погибло из насажденного теми, у которых страсть к посевам и насаждениям»¹⁴⁹.

На многих болгаро-татарских городищах, покрытых лесной и кустарниковой растительностью, встречается дикая яблоня, вишня, малина (городища Джуке-Тау, Сокол-гора у с. Кирельского, Базяновское, Сойкинское, Караванское (р. Ахтай), Гусихинское, Кала-баш, Кала-тау (р. Бездна), Кашан, Керменчуг и т.д.)¹⁵⁰.

По татарским народным преданиям, во времена казанских ханов, около города Казани, был устроен в деревне Кабанах большой сад – «бустан», часто служивший местом отдыха для казанских ханов¹⁵¹.

Князь Курбский при описании Заказанья различает «в земле той поля великие и зело преизобильные и гобзующие на всякие плоды» и дальше указывает «хлебов же всяких такое там множество»¹⁵², т.е. он ясно различает «плоды» и «хлеба». В таком случае под «плодами» А. М. Курбский, очевидно, понимал фрукты, то есть имел в виду сады, бывшие в имениях татарских

¹⁴⁹ В.Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. М., 1883. С. 233.

¹⁵⁰ См.: Материалы по истории Татарии. Вып. 1. С. 117; Н.И.Воробьев. Указ. соч. С. 74.

¹⁵¹ См.: Легенда о Кабан-беке. ВНОТ. № 4. Казань, 1926. С. 91.

¹⁵² Сочинения кн. А.М.Курбского. Указ. изд. С. 190–191.

феодалов¹⁵³. Кроме того, в ярлыке Сахиб-Гирея 1523 г. среди многочисленных представителей администрации, к которым обращен ярлык, упоминаются «баеджиян» («ва багджиян»¹⁵⁴), что означает в переводе на русский язык «садовым чиновникам». Хотя нам неизвестны другие указания на характер деятельности указанных чиновников, но связь этого термина со словом «бакча» – «сад» выступает весьма ярко.

Поэтому нам представляется вполне правильным мнение Н.И. Воробьева, утверждающего, что «... во времена Казанского ханства фруктовое садоводство было развито у татар»¹⁵⁵. От татар садоводство и огородничество, по видимому, в это время, а может и раньше, стало заимствоваться другими народностями края. На это определенно указывает заимствование татарской терминологии по садоводству и огородничеству марийцами и удмуртами. В качестве примера можно указать такие заимствования для удмуртского языка: сад – вакса, лук – [в рукописи написание произношения термина на удмуртском языке подразумевается, но отсутствует – ред.], яблоня – [в рукописи написание произношения термина на удмуртском языке подразумевается, но отсутствует – ред.], вишня – [в рукописи написание произношения термина на удмуртском языке подразумевается, но отсутствует – ред.], тыква – [в рукописи написание произношения термина на удмуртском языке подразумевается, но отсутствует – ред.], плод – [в рукописи написание произношения термина на удмуртском языке подразумевается, но отсутствует – ред.], огурец – [в рукописи написание произношения термина на удмуртском языке подразумевается, но отсутствует – ред.]¹⁵⁶. Такие же примеры можно привести из марийского языка: огород – [в рукописи написание произношения термина на марийском языке подразумевается, но отсутствует – ред.], лук – [в рукописи написание произношения термина на марийском языке подразумевается, но отсутствует – ред.], чеснок – [в рукописи написание произношения термина на марийском языке подразумевается, но отсутствует – ред.], редиска – [в рукописи написание произношения термина на марийском языке подразумевается, но отсутствует – ред.], яблоня – [в рукописи написание произношения термина на марийском языке подразумевается, но отсутствует – ред.]¹⁵⁷. Таким образом, мнение В.В. Мавродина о том, что татарское зем-

¹⁵³ И.И.Серебрянский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. СПб., 1893. Стлб. 529 (гобзование – урожай); Т. II. СПб., 1902. Стлб. 967 (плод – fructus).

¹⁵⁴ Ярлык Сахиб-Гирея. ВНОТ. № 1–2. Казань, 1925. С. 31.

¹⁵⁵ Н.И.Воробьев. Указ. соч. С. 73.

¹⁵⁶ См.: И.Н.Смирнов. Вотяки. Казань, 1890. С. 51.

¹⁵⁷ См.: И.Н.Смирнов. Черемисы. Казань, 1889. С. 25.

леделие в эпоху Казанского ханства «почти не знало огородничества»¹⁵⁸, следует признать малообоснованным.

Что касается скотоводства, то оно в эпоху Казанского ханства перестает быть самостоятельной отраслью хозяйства, как это было в болгарский период. Скотоводство приобретает характер подсобный к земледелию. Скотоводческое хозяйство не отделяется от земледелия, что, например, видно из описания А.М. Курбского характера хозяйства феодальных поместий в Заказанье, когда он наряду с указанием «хлебов же всякие такое там множество» прибавляет «такое же и скотов различных стад бесчисленное множество»¹⁵⁹. Скотоводство занимало подчиненное положение относительно земледелия. Сенокосные угодья неизменно упоминаются при описании землевладения в русских писцовых книгах и исчислялись в копнах. Развитие сенокосения предполагает ведение интенсивного скотоводства в оседло-земледельческих районах Казанского ханства. Сенокосение было известно не только татарам, но и чувашам и мари, проживавшим в лесных земледельческих районах, как это видно из переписной книги оброчных лугов переписи Сергея Москотиньева 1616 года и Меньшого Ступишина 1616 года. Так, например, по Галецкой дороге написано: «Деревни Ертуш за чувашенином за Теребердеем Безергеновым сеной покос, дубравы, заросли, что осталось за отделом деревни Сентяковы на 50 копен... Деревни Новар за чувашенином за Кулсеитом Кукулушевым да за черемисином за Ивашком Ковдивым сенные покосы 90 копен»¹⁶⁰.

Из домашних животных разводились: коровы, овцы, лошади и т.д., то есть, те же самые животные, которые разводятся и в настоящее время и были известны болгарам. Продукты скотоводства, а также и птицеводства играли значительную роль в обеспечении населения мясомолочными продуктами. Высокое развитие скотоводства способствовало развитию обработки шерсти и кож. Хорошо выделанная кожа под названием «булгари» издавна была известна за пределами Волжско-Камского края.

Самостоятельное значение сохраняет скотоводство в эпоху Казанского ханства только в степях Закамья. Западное Закамье, бывшее некогда основным земледельческим районом Болгарского государства, в конце XIV и в начале XV в. значительно опустело, в результате многочисленных походов и опустошений иноземцев и становится удобным местом для кочевий ногайцев и башкир. «Сами есмя ныне по лету кочюючи до Казани докочевали и торговали есмя» – писал великому князю московскому один из ногайских мурз¹⁶¹. Поэтому в Казанском ханстве даже существовали специальные «мангитские

¹⁵⁸ В.В.Мавродин. Указ. соч. С. 39.

¹⁵⁹ РИБ. Т. XXXI. С. 190–191.

¹⁶⁰ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 153. Лл. 32–33 (ср. лл. 20–47).

¹⁶¹ Пр. ДРВ. Ч. VII. С. 350.

места», от которых ногайцы – кочевники получали из Казани «мангитский доход» в размере 100 батманов меда, 100 рублей денег, 10 шуб в год.¹⁶²

Лесостепная территория между р. Заем и Иком, где сейчас проживают татары, была населена башкирами¹⁶³ в эпоху Казанского ханства. Об этом говорят как исторические данные, так и народные предания. Современное татарское население ряда деревень этого края (Сарайли, Карамалы, Каракашлы и др.) считает себя по происхождению башкирами. Сохранились рассказы о принадлежности башкирам обширных земельных площадей. По преданию, предки жителей дер. Сарайли владели землями, простиравшимися до берегов р. Камы, т.е. на расстоянии около сотни километров. Заселение этой территории татарами началось только после завоевания Казанского ханства Иваном Грозным, когда нерусское население бежало сюда от насильственной христианизации и руссификации из районов севернее Камы (Заказанье, из-под Кукмора, с Елабужской стороны) и из правобережья Волги через Самарскую сторону. Основным занятием башкирского населения, находившегося в составе Казанского ханства, было кочевое экстенсивное скотоводство и охота. Башкирский скот круглый год находился на подножном корму.

Лесные пространства правобережья Волги и Предкамья представляли из себя удобное место для развития лесных промыслов.

В настоящее время существовавшие в эпоху Казанского ханства обширные лесные пространства значительно уменьшились. Представление о размерах лесов на территории ханства можно получить из русских писцовых книг XVI века. По данным писцовой книги 1565–1568 гг., Свяжский уезд имел 59873,3 десятины лесу при 58520,4 десятинах пахотной земли и 954,2 десятинах сенокосных угодий. Значит, лесом была покрыта половина описанной площади уезда.

Извлеченные Н. Рожковым из Московского главного архива министерства юстиции (Фонд ГКЭ, Свяжский уезд, № 11466, лл. 15–36 об.) сведения об угодиях Свяжского Троицкого Сергиева монастыря показывают, что под лесом было 89,4% всех имений монастыря в уезде: при 9256,8 десятине леса под пашней было 502,5 десятин, порослью было покрыто 50,1 десятины и сенокосными угодьями было занято 228,5 десятин¹⁶⁴.

В Казанском уезде, по данным писцовых книг 1565–1568 гг., было 189249,6 десятин лесу при 41645,2 десятинах пахотной земли и 2526,2 деся-

¹⁶² Пр. ДРВ. Ч. IX. С. 221, 241; Ч. X. С. 27.

¹⁶³ См.: Н.И.Воробьев. Археологические и этнографические исследования в Татарской АССР летом 1946 г. Советская этнография. 1947. № 1. С. 208.

¹⁶⁴ Н.Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899. С. 25.

тинах сенокосных угодий, т.е. под лесом было 81,1% всей описанной в книгах территории¹⁶⁵.

Из лесных промыслов на территории Казанского ханства широкое развитие с древнейших времен имело бортничество. Еще в X веке Ибн-Фадлан отмечает мед в числе основных богатств Болгарской страны. Этнографы отмечают большое символическое значение меда у казанских татар как особого почетного кушания¹⁶⁶. Русские писцовые книги земель бывшего Казанского ханства второй половины XVI века и первой четверти XVII века характеризуют бортничество как широко распространенное, подсобное к сельскому хозяйству занятие местного крестьянского населения.

Самые богатые бортные ухояи [в рукописи «урожаи» – ред.] были расположены близ Казани и после ее падения в 1552 г. перешли во владение Казанского архиерейского дома. Первому казанскому архиепископу с его штатом по росписи жалования 1555 года назначалось 500 пудов меда¹⁶⁷, что было бы возможно только при широком развитии бортничества еще во времена Казанского ханства. Опубликованный И. Покровским список с писцовой книги земель Казанского архиерейского дома 1623–1624 гг.¹⁶⁸ дает возможность географически определить места распространения бортных промыслов. Места, где стояли дельные и порозжие бортные деревья с дикими пчелами, тянулись от Казани до Камского устья и раскидывались в лесах по рекам Волге, Каме, Казанке, Меше и озерам Кабаны. На этой территории бортным промыслом промышляли исключительно татарские крестьяне, платившие натуральные и денежные повинности казанскому архиепископу. Из списка бортников видно, что каждый имел свое особое знамя (тамга). Эти знамена, как знаки собственности, выбивались на стволах деревьев и служили объектом для взимания различных феодальных повинностей¹⁶⁹. По писцовым книгам 1628–1624 гг. учтено 2330 бортных татарских дерева в бортных ухояях [в рукописи «урожаях» – ред.] Казанского архиерейского дома, с которых собиралось в год деньгами 1 р. 14 алтын и 4 деньги и медом 67 батманов и 35 фунтов.

Писцовая книга письма и меры [в рукописи «и меры письма» – ред.] Ивана Болтина 1603 г. дает возможность установить места расположения бортных ухояев, оставшихся после завоевания Казанского ханства в руках местного населения. По Ногайской дороге указаны бортные ухояи: на реке Юре, на реке Шурене близ деревни Елги¹⁷⁰, по р. Волге на Черемшанском

¹⁶⁵ Там же. С. 26.

¹⁶⁶ См.: Н.И.Воробьев. Материальная культура казанских татар. Казань, 1930. С. 138.

¹⁶⁷ ААЭ. Т.1. № 241. С. 259–261.

¹⁶⁸ ЦГАДА. Ф. ГКЭ, № 6440; См.: И.Покровский. Бортничество (пчеловодство) как один из видов натурального хозяйства и промысла близ Казани в XVI–XVII вв. Казань, 1900. 7 с.

¹⁶⁹ [в области примечаний источник ссылки не указан – ред.]

¹⁷⁰ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Л. 11.

устье¹⁷¹, и близ горы Коммерн около Девичьих [в рукописи «Девъчихъ» – ред.] гор¹⁷². По Зюрейской дороге отмечен обширный бортный ухажай по реке Волге от Майнского устья до Синбирского городища¹⁷³, по Арской дороге: за рекой за Вяткой¹⁷⁴, по Алацкой дороге: за рекой Казанкой около дер. Саи¹⁷⁵. На Горной стороне бортничеством, кроме татар, занимались также чуваша, мари и мордва. В писцовой книге поместных земель Свияжского уезда 1565–1567 гг. прямо указано, что «бортные ухажья в лесех и бобровые гоны в реках во всем [в рукописи «во всех» – ред.] Свияжском уезде татарские и черемисские и чувашские [в рукописи «чувашские» – ред.], а за крестьяны бортных ухажьев и бобровых гонов не было. А в которых [в рукописи «а которых» – ред.] селах и деревнях государевы [в рукописи «в государевы» – ред.] бортные ухажья в лесех и бобровые гоны в реках до казанского взятия и после казанского взятия и по се места [в рукописи «постаместа» – ред.] за полоняники, и те их бортные ухажья по новому письму не писаны [в рукописи «неписанных» – ред.] и в роздачу помещикам не розданы...»¹⁷⁶.

На обилие меда и воска в мордовских землях, подвластных казанским ханам, указывают Флетчер и Дженкинсон¹⁷⁷.

Сохранившиеся в источнике сведения о бортных ухажаях, расположенных в южных районах Казанского ханства, позволяют, между прочим, уточнить южные границы Казанского ханства. Бортный ухажай, бывший в конце XVI столетия в владении новокрещена князя Якова, захватывал собою огромное пространство: «За князь Яковом по выписи казанской дачи 105 г. (1597 г. – *Ш.М.*) отцовский бортный ухажай, бобровые гоны и рыбные ловли за Камою и по Волге на Нагайской [в рукописи «на Нагальской» – ред.] дороге по Самарской дороге ниже Тетюш [в рукописи «Тетюол» – ред.] по Майне реке Алтыбаевской луг по реке по Уреню на вершине да к малому бору, а от малого бора по верхней бор и по дубровам и по Волгу реку и по Волге реке на низ от Маинского [в рукописи «Маиноского» – ред.] устья нижняя межа по Крайний яр повыше Синбирского городища, а верхняя межа по Майне реке по нижнюю сторону»¹⁷⁸. В конце XVII века мордовские крестьяне с. Урень Казанского уезда и дер. Бахилова Самарского уезда основывали свое право на ухажай по реку Сону в Самарском уезде на

¹⁷¹ Там же. Л. 47.

¹⁷² Там же. Л. 46.

¹⁷³ Там же. Л. 55 об.–56.

¹⁷⁴ Там же. Л. 114 об.

¹⁷⁵ Там же. [Лист не указан – ред.]

¹⁷⁶ Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда. Казань, 1909. С. 65.

¹⁷⁷ Д.Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 7; А.Дженкинсон. [В рукописи название книги и ее выходные данные не указываются – ред.]

¹⁷⁸ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Лл. 55 об.–56; См. также: К.Невоструев. Симбирское городище. Симбирский сборник. Т. П.Симбирск, 1870. С. 1–9.

жалованной грамоте казанского хана Сафа-Гирея 6858 г. (1550 г.), подтвержденной оброчной грамотой царя Бориса Федоровича¹⁷⁹.

В лесных районах Казанского ханства, богатых озерами с зарослями, водились бобры, которых теперь уже, как правило, нет на территории Татарской АССР. Наличие бобровых гонов – урочищ, где водились бобры и где производилась их ловля – неизменно отмечалось русскими писцами при сравнительной оценке озер и иных угодий. При этом бобровые гоны называются также и бобровыми ловлями¹⁸⁰. Судя по источникам, ловля бобров была довольно широко распространенным промыслом. Писцы И.В. Борисов и Д.А. Кикин при описании земель Свияжского уезда в 1565–1567 гг. отметили, что «бобровые гоны в реках во всем [в рукописи «во всех» – ред.] Свияжском уезде татарские и черемисские и чувашские»¹⁸¹.

Бобровые гоны, так же как и бортные ухояи, в поместную раздачу не попадали, а оставались за местным населением, которое владело ими еще до завоевания Казанского ханства. Так было, например, при раздаче поместий в 1566 году в Казанском уезде. Писец, после перечисления различных угодий, делает специальную оговорку: «... опричь бортных ухоеев и в реках опричь бобровых угодей, потому что ухоеи в лесех и бобровые гоны в реках во всем Казанском уезде татарские и чувашские, а за крестьяне [в рукописи «за крестьян» – ред.] бортных ухоеев и бобровых гонов не было. А в которых селех и деревнях бортные ухоя, в селех бобровые гоны в реках до казанского взятья и после казанского взятья и по се места за полоняники, и те бортные ухоеи и бобровые гоны по новому письму не писаны и в поместья не розданы. А с тех бортных ухоеев и з бобровых гонов полоненики дают ясаки в Казани в государеву казну по старым книгам»¹⁸².

В источниках встречаются сведения о расположении некоторых бобровых гонов: вниз по реке Волге на Черемшанском устье¹⁸³, по реке Ашите¹⁸⁴.

Охота на пушного зверя широко процветала в лесных массивах Казанского ханства. А.М. Курбский, указывая на большие пушные богатства казанских лесов, справедливо писал, что в них рождаются куны дорогие и белки и прочие звери ко одеждам и ко ядению потребные»¹⁸⁵.

¹⁷⁹ См.: А.А.Геркалитов. Мордовский беляк. Известия Краеведческого института при Саратовском университете. Том II. Саратов, 1927. С. 111; Г.Перетяткович. Поволжье в XVII и начале XVIII в. Одесса, 1882. С. 232.

¹⁸⁰ ЦГАДА. Ф. 209. Кн. 642. Л. 47.

¹⁸¹ Список с писцовой и межевой книги по городу Свияжску с уездом. Казань, 1910. С. 65.

¹⁸² ЦГАДА. Ф.1209. Кн.152. Л. 135 об.

¹⁸³ Там же. Кн. 642. Л. 47.

¹⁸⁴ Там же. Л. 4.

¹⁸⁵ А.М.Курбский. Указ. соч. С. 21; См. также: С.Герберштейн. Указ. соч. С. 103.

Немаловажное значение в хозяйстве населения Казанского ханства имело рыболовство. Сохранилось описание рыбных ловель Казанского архиерейского дома, учрежденного вскоре после падения Казани, что дает нам возможность ретроспективным путем сделать некоторые выводы о степени распространения рыболовства в Казанском ханстве. Архиерейскому Гурию в 1555 году были пожалованы рыбные ловли на Волге с островами от Казанского устья по обе стороны реки Волги до реки Камы с вешними полои (заливы – *Ш.М.*), около города, пока стояла вешняя вода. Ему же была дана рыбная ловля от Камского устья и Серного песка по Чертыцкую взголовь (мыс – *Ш.М.*) от Верхней взголови по Нижнюю, и в реке Казани зимняя и летняя ловля, где похочет ез бити и озеро Царево»¹⁸⁶. Близ города Казани ему же было пожаловано для рыбных ловель озеро Баш Кабан – «было то озеро казанских прежних царей»¹⁸⁷. Богатые рыбные ловли были по реке Каме и другим рекам края. В малых озерах ловились щуки, окуни, сороги, караси¹⁸⁸. На Волге источники отмечают большой улов такой ценной рыбы, как белуга, «по сю и по ту сторону Казани»¹⁸⁹. Если в озерах рыба преимущественно ловилась для удовлетворения потребностей окружающего населения, то улов рыбы в больших реках как Волга и Кама составлял доходную статью казанской внешней торговли. Еще Мукаддеси упоминал в числе предметов вывоза из Болгарии белужий клей¹⁹⁰.

Проделанный нами обзор состояния сельского хозяйства Казанского ханства показывает, что земледелие было основным занятием казанских татар и других народностей края. На большей части территории Казанского ханства земледелие находилось на значительно высоком уровне развития. В результате длительного развития местных производительных сил паровая система земледелия стала господствующей системой восстановления плодородия почвы в Казанском ханстве. Средства труда и техника производства в своей эволюции были неразрывно связаны с переменами в общественных отношениях – разложением патриархальной общины и переходом к мелкому индивидуальному крестьянскому хозяйству эпохи феодализма.

¹⁸⁶ АИ. Т. I. № 162. Грамота [от – ред.] 13 августа 1555 г.

¹⁸⁷ ЦГАДА. Ф. ГКЭ. Казанский уезд. № 5/6413. Жалованная грамота архиерейскому Гурию на озеро Баш Кабан от 11 января 1555 г.

¹⁸⁸ Там же. Ф. 1209. Кн. 642. Л. 190 об.

¹⁸⁹ С.Герберштейн. Указ. соч. С. 157.

¹⁹⁰ Д.А.Хвальсон. Указ. соч. С. 181.

ГЛАВА III

Феодальное землевладение

1. Предварительные замечания

В предыдущей главе мы набросали общую картину состояния производительных сил Казанского ханства. Государство казанских татар было страной земледельческой культуры. Сельскохозяйственное производство являлось основой господствовавшего в Казанском ханстве способа производства. Земледелие было основным занятием предков современных казанских татар и других народов Среднего Поволжья. «Но производительные силы составляют лишь одну сторону производства, одну сторону способа производства, выражающую отношение людей к предметам и силам природы, используемым для производства материальных благ. Другую сторону производства, другую сторону способа производства составляют отношения людей друг к другу в процессе производства, производственные отношения людей»¹. Значит, для выяснения общего характера способа производства в Казанском ханстве как главной силы, определяющей физиономию татарского общества того времени, необходимо изучение производственных отношений.

«Если состояние производительных сил отвечает на вопрос о том, какими орудиями производства производят люди необходимые для них материальные блага, то состояние производственных отношений отвечает уже на другой вопрос: в чем владении находятся средства производства (земля, леса, воды, недра, сырые материалы, орудия производства, производственные здания, средства сообщения и связи и т.п.), в чем распоряжении находятся средства производства, в распоряжении всего общества, или в распоряжении отдельных лиц, групп, классов, использующих их для эксплуатации других лиц, групп, классов»².

В земледельческом обществе, каким было Казанское ханство, земля являлась основным средством и условием производства. Отношением к земле определялось положение в обществе отдельных лиц, групп и классов. Фактически складывавшиеся поземельные отношения определяли классовую структуру общества. «В большинстве исторических государств предоставляемые гражданам права соразмеряются с их имущественным положением... Так было уже в Афинах и Риме с их делением на классы по имуществу. Так было в средневековом феодальном государстве, где политическое положение опре-

¹ И. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. 1949. С. 21.

² Там же. С. 24–25.

делялось размерами землевладения»³. Казанское ханство не представляло и не могло представлять исключение из этого правила. Казанские татары и их предки волжские болгары, как и все другие народы мира, пережили в своем развитии одни и те же этапы. Конкретный исторический материал по истории волжских болгар, обобщенный в трудах А.П. Смирнова, Б.Д. Грекова и Н.Ф. Калинина, показывает, что «с течением времени военная и духовная знать вместе с общинною собственностью узурпировала и связанные с нею повинности. Труд свободных крестьян на их общинной земле превратился в барщинный труд на захватчиков общинной земли»⁴. Длительный процесс смены двух способов производства у болгаро-татар – первобытно-общинного и феодального – протекал в рамках Болгарского дофеодального государства. Образование феодальной земельной собственности в результате разложения общинной собственности началось еще в IX–X вв. Наблюдения Б.Д. Грекова и Н.Ф. Калинина показывают, что у болгар, «как и у других земледельческих народов, богатство и политическое значение знати обуславливалось появлением частной собственности на землю и ростом частного землевладения»⁵. Феодальный уклад превратился в господствующий способ производства ко времени завоевания Болгарии монголами⁶.

Историки, рассматривая завоевание монголами государства волжских болгар, правильно отмечали значительные разрушения, которые были причинены богатой городской и земледельческой культуре болгар. Татарский историк Х.Г. Гимади посвятил специальное исследование золотоордынскому периоду истории Волжской Болгарии⁷. Он рассматривает Болгарию как государство, поработанное монголами. Х.Г. Гимади сумел дать правильную, марксистско-ленинскую оценку монгольского завоевания и показал глубоко реакционную роль монгольского ига, принесшего огромный вред болгарскому народу. Факты, собранные Х.Г. Гимади, говорят о жестоком монгольском погроме в Среднем Поволжье. Монголо-татарское завоевание задержало развитие производительных сил в Болгарии. Приводимые Х.Г. Гимади материалы археологической экспедиции Института языка, литературы и истории КФАН СССР 1946 года показывают страшную картину запустения одного из

³ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. I. 1937. С. 147–148. (Работа Ф.Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»).

⁴ К.Маркс. Капитал. Т. I. 1949. С. ... [в рукописи страница не указана – ред.]

⁵ Материалы по истории Татарии. Вып. I. Казань, 1948. С.154.

⁶ См.: А.П.Смирнов. Очерки по истории древних булгар. Труды ГИМ. Т. XI. М., 1940. С. 81; Б.Д.Греков и Н.Ф.Калинин. Булгарское государство до монгольского завоевания. С. 97, 159, 167–168; Ш.Ф.Мухамедьяров. Рецензия на «Материалы по истории Татарии» в журнале «Вопросы истории» (1950. № 4. С.143–144).

⁷ См.: Х.Г.Гимади. Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды. В кн.: Материалы по истории Татарии. Вып. I. Казань, 1948. С.185–225.

густонаселенных районов Болгарского государства (бассейн р. Бездны и Ах-тая) в результате монгольского нашествия в 1236 году. В свете приведенных им данных представляется довольно убедительным взгляд Х.Г. Гимади на Волжскую Болгарию, как на государство, в такой же степени, как Хорезм и Русь, испытавшее разрушительные последствия монгольского завоевания⁸.

Но в социальном отношении решительных изменений после монгольского завоевания не произошло и не могло произойти. Основой общественно-го строя Болгарской земли остались феодальные отношения. Как известно, «при длительном завоевании менее культурный завоеватель вынужден в громадном большинстве случаев приспособиться к более высокому «хозяйственному положению» завоеванной страны в том виде, каким оно оказывается после завоевания; он ассимилируется покоренным народом и большей частью усваивает даже его язык»⁹. Такую участь разделили и монгольские завоеватели в стране волжских болгар.

В золотоордынское время происходит дальнейшее развитие феодальной земельной собственности. «В социальной структуре болгарского общества этого времени происходили изменения в сторону усиления феодальных отношений. Группа феодалов, сложившаяся еще до монголо-татарского завоевания, о чем говорят многочисленные укрепленные городки-поместья Западного Закамья, усиливается. Феодалы разделяются на крупных – беков и мурз и мелких, которых татарские предания называют просто «стариками». При передвижениях болгар на новые места в конце XIV века, они чаще переселялись большими группами во главе с такими «стариками», именами которых и назывались создаваемые поселки. Об этом говорит историк XVI века Хисам-эд-дин и ученый XIX века К. Насыри»¹⁰.

Процесс узурпации общинных земель усиливался за счет проникновения и оседания на территории Болгарии золотоордынской знати. Этот процесс продолжался вплоть до образования Казанского ханства. Местные болгарские землевладельцы смыкаются с золотоордынской знатью и образуют единый класс феодалов.

В этом отношении характерны наблюдения А.А. Кроткова относительно района реки Мокши, изложенные в его статье «К вопросу о северных улусах Золотоордынского ханства». А.А. Кротков пришел к выводу, что в районе реки Мокши уже в XIV веке шел интенсивный процесс освоения мордовских земель татарскими беками и мурзами на правах ленного владения. А.А. Кротков считает возможным говорить о земле мордвы-мокши, как все более и бо-

⁸ .Г.Гимади. Народы Среднего Поволжья... С. 200–201.

⁹ Ф.Энгельс. Анти-Дюринг. 1948. С. 172.

¹⁰ История Татарской АССР. Том I. Казань, 1950. С. 131.

лее подчинявшейся со своими «биликами» – ленными владениями татарских беков и мурз, золотоордынскому влиянию¹¹.

Таким образом, к началу XV века в Среднем Поволжье окончательно оформляется феодальный строй, при котором «...основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства – крепостного, которого феодал уж не может убить, но которого он может продать, купить»¹². Указания классиков марксизма-ленинизма помогут нам разобраться в истории поземельных отношений в Казанском ханстве.

Классики марксизма-ленинизма дали исчерпывающую характеристику основных признаков феодальной земельной собственности как крупных земельных владений, находящихся в монопольном обладании феодалов-крепостников. Поскольку эта монополия закрепились за феодалами в широком смысле слова, она была «сословной собственностью»¹³.

Обладание землей было связано с обладанием политической властью над зависимым от феодала населением. «Иерархическая структура земельной собственности и связанная с ней система вооруженных дружин давала дворянству власть над крепостными»¹⁴. Личная зависимость непосредственного производителя, «которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства», была необходимым условием феодальной формы эксплуатации¹⁵. Ход исторического развития феодального общества в Западной Европе и в России создал два классических типа феодально-поземельной собственности: бенефиций (поместье) и лен (феод, сеньория [в рукописи «сеньерия» – ред.], вотчина). Кроме того, возникает верховная собственность носителей высшей государственной власти – княжеский домен.

Татарское феодальное общество Казанского ханства состояло из двух основных групп населения: из феодалов и крестьян. Основным признаком различия между этими массами является их место в общественном производстве и их отношение к средствам производства. «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам

¹¹ А.А.Кротков. К вопросу о северных улусах Золотоордынского ханства. Известия общества обследования и изучения Азербайджана. № 5. Баку, 1926. С. 78.

¹² И.Сталин. И.Сталин. О диалектическом... 1949. С. 27.

¹³ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Т. IV. С. 14.

¹⁴ Там же; см. также: К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. I. С. 405, 409–410. (Статья Ф.Энгельса «Франкский период»).

¹⁵ В.И.Ленин. Соч. Т. III. С. 140.

получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»¹⁶.

Феодалы и крестьяне – два органических класса в Казанском ханстве. Феодалы были господствующим классом, так как они монополизировали в своих руках основной вид собственности в феодальном обществе – собственность на землю. Непосредственные производители – крестьяне были принуждены отдавать свой прибавочный труд или продукт господствующему классу феодалов-землевладельцев. Основой присвоения прибавочного труда крестьян было право собственности феодалов на землю. Феодал был не только землевладельцем, но и господином непосредственного производителя, так как собственностью на землю была теснейшим образом переплетена с господством над людьми. В силу внеэкономического принуждения, татарский феодал-земледелец присваивал прибавочный продукт или труд татарского крестьянина.

Каждый из двух антагонистических классов татарского феодального общества был неоднороден по своему составу и делился на ряд групп, отличавшихся друг от друга по своему положению. Феодалы делились на ряд категорий по степени своего могущества и богатства, которое зависело от размера находившейся в руках феодала земли с сидящими на ней крестьянами. К. Маркс отмечает, что «во всех странах Европы феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно большим количеством леннозависимых крестьян. Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян «ведущих самостоятельное хозяйство»¹⁷. Кроме того, право собственности феодалов на землю было неодинакового объема: одни являются верховными собственниками, другие подчиненными (сеньор [в рукописи «сеньер» – ред.], вассал, вассал вассала и т.д.)

2. Ханское землевладение

Самым крупным феодалом-землевладельцем в Казанском ханстве был сам хан. В стране доминировала общая формула землевладения мусульманского права, гласившая, что земля является собственностью государства (падшалик) и находится в распоряжении главы государства, сосредотачивающего в своих руках светскую и духовную власть. Источники не позволяют проследить рост ханского домена, но тем не менее из них можно получить общее представление о значительных размерах ханских владений ко времени

¹⁶ В.И. Ленин. Соч. Т. XXIV. С. 337. (Статья «Великий почин»).

¹⁷ К. Маркс. Капитал. Т. I. 1949. С. 722.

завоевания Казанского ханства русскими войсками в 1552 г. Такими источниками являются русские писцовые и межевые книги Казанского и Свияжского уездов письма и меры Н. В. Борисова и Д. А. Кикина 1565–1567 гг.

Следы ханского землевладения сохранились в названиях некоторых селений на территории Казанского ханства: село Шигалеево¹⁸ (от имени хана Шах-Али), село Царицыно¹⁹, дер. Малые Шигалеево²⁰, дер. Новоцаревская на р. Ноксе²¹.

Бывшие ханские владения после завоевания Казанского ханства были в 1563 г. по письму Семена Норматского включены в состав дворцовых земель, а затем уже на этих землях были испомещены русские служилые люди.

Список селений на этих землях может быть восстановлен по сохранившейся копии книги новых поместных дел Казанского уезда письма Н. Борисова и Д. Кикина 1567 г.²²

Это были следующие селения: Пестрецы Большие и Малые, Ягодная Поляна, Кадышево, Меньшие Дертюли, Меньшие Задние Атары, Средние Атары, Большие Атары, Тевелди, Чебакса, Аки, Салмачи, Царицыно, Киндерь, Подсеки, Бирюли, Урматы, Чепчуги Большие, Айша, Нурма, Кадыли, Тугашево, Столма, Ястачи, Изупузи, Куляево, Клетли, Шигалеево и другие²³. Ареал расположения большинства этих селений, судя по карте, окрестности города Казани к северу и востоку. Очевидно, эти селения составляли собою большую загородную вотчину казанских ханов. Отсюда казанские ханы получали, вероятно, предметы первой необходимости, беспощадно эксплуатируя татарских крестьян. Эту мысль, по нашему мнению, подтверждает и такой факт, как упоминание в писцовой книге при перечислении этих деревень оброчных рыбных ловель озера Шалбы²⁴ и Башкабан²⁵, где в старину ловили рыбу на казанских ханов. Насчет этих озер имеются специальные указания в жалованных грамотах на имя казанского архиепископа Гурия.

Данная на озеро Башкабан за печатью воеводы П. И. Шуйского от 11 января 1556 года гласит: «По цареву великого князя Ивана Васильевича всея Руси слову боярин и воевода князь Петр Иванович Шюиской и все воеводы дали царя великого князя богомольцу архиепископу Гурью Казанскому и Свияжскому в Казанском уезде озеро Башкабан, а было то озеро казанских прежних

¹⁸ ЦГАДА. Ф.1209. Кн. 152. Л. 185.

¹⁹ Там же. Л. 190 об.

²⁰ Там же. Л. 228.

²¹ Там же. Л. 126.

²² Там же. Лл.134 об.–195 об.

²³ См. приложение № 5.

²⁴ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 152. Л. 139.

²⁵ Там же. Л. 140.

царей. И архиепископу Гурью велети в том озере рыба ловити...»²⁶. И действительно, принадлежавшие казанскому хану под Казанью селения были даны в 1555 году в дом Пречистой Богородицы Честного и славного Ея Благовещения, архиепископу Гурию, о чем сохранилось упоминание в жалованной грамоте царя Михаила Федоровича Казанскому митрополиту Матфею 25 ноября 1626 г. Эта грамота была найдена И. Покровским в Московском главном архиве Министерства Юстиции (ныне ЦГАДА) и издана им в приложении к его монографии о Казанском Архиерейском доме²⁷. И. Покровский правильно отметил, что «настоящая жалованная грамота подлинная; она представляет собой, как бы итог жалованных грамот, данных казанским владыкам до митрополита Матфея. В ней сохранились такие сведения, которых нет в других, уцелевших до нас казанских грамотах, например, о необыкновенно строгом охранении кремлевских ворот. По богатству своего содержания грамота имеет важное значение, как историко-юридический документ. Начальные строки ее пропали от ветхости, но этот недостаток совсем незначительный, не мешает смыслу»²⁸. Интересующее нас место находится в самом начале грамоты и по чтению И. Покровского занимает в себе следующие строки: «... наши казанские... новую грамоту на наше царское имя... в прежних грамотах... вписать в одну сю нашу царскую жалов... деда нашего государя царя и великого князя Руси... 73 году написано пожалова... и великий князь Иван Васильевич всея Руси казанского и свияжского архиепископа Германа... и дал в дом к Благовощению... Богородицы земли на пашню на две тысячи чети пашни селица трои Кабаны да Тарлаши да сельцо Карайшь да Карадулат... на реке на Меше с деревнями и с починки и с пустошми и с лесы и с луги и с озеры и с истоки и с бортными ухожьи и бобровыми гоны и со всем по тому как были те села и селица изстари при царех [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.] да в реке Волге рыбные ловли...»²⁹. Мне кажется, вполне правильно разъяснение И. Покровского, что имеются в виду цари казанские: «Таким образом, первый казанский иерарх явился наследником земельных владений казанских ханов, как он унаследовал их место в Кремле»³⁰.

Не менее характерным является указание межевой книги Казанского уезда 1565–1567 гг. о старых царевых тавруях при описании межи в ареале распространения перечисленных выше селений. Прочитав это указание полностью: «Учинена межа того же сельца Сакуркадыша лесу и лугом, что за

²⁶ Там же. Ф. ГКЭ. Дело № 6413/5. Л. 1.

²⁷ Там же. Казанский уезд. Дело № 6459/51; И.Покровский. Казанский Архиерейский дом, его средства и штаты преимущественно до 1764 г. Казань, 1906. С. VII–XVIII.

²⁸ И.Покровский. Указ. соч. Приложение. С. VII.

²⁹ Там же.

³⁰ И.Покровский. Казанский Архиерейский дом... С. 40.

рекою за Мешею, с поместной землею казанского старого жильца Дмитрея Малышева деревни Каипа. От реки от Меши выше деревни Каипа с Сакуркадыша лесом прямо до луга по царевы тавруи поместные [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.] с версту, а на лугу, на дубу грань. А от дуба лугом прямо к березе, на ней старое тавро да новая грань» и т.д.³¹

На Горной стороне также были ханские владения. По данным писцовой книги Свияжского уезда 1565–1567 гг. в дер. Нурдулатове (сейчас Нурлаты – ?) [совр. с. Нурлаты Зеленодольского района РТ – ред.] Свияжского уезда было поместье хана Мухаммед-Амина, царствовавшего в Казани с 1487 по 1518 годы с перерывом. Об этом имеется следующая запись: «За Свияжским стрелецким сотником за Булатом за Ивановым саном Шерапова в Свияжском уезде по книгам и по разделу окольного Никиты Васильева Борисова да Дмитрия Андреева сына Кикина с товарищи в татарской и чувашской земле в Нурдулатове порозжие земли, что была царевская Магмед Аминовская, да в той же деревне порозжая ж земля, что была мордовская. А пахали прежде сего те обои земли, цареву и мордовскую, с татарскими и чувашскими землями смесь по полосам, а после Казанского взятъя ту землю пахали полоненики...»³². Большие ханские вотчины были около Елабуги и у Рыбной слободы, где после завоевания Казанского ханства образовались дворцовые вотчины³³.

Члены ханской фамилии также получали в свое владение определенную территорию земли на правах сойюргала. Не случайно Сююмбека – мать малолетнего хана Утямишь-Гирея – при свержении последнего с престола и высылке вместе с матерью в Москву, заявляла: «Ничего от него (Шигалея – Ш.М.), токмо бы мне дал где в Казани улусец мал земли, иже бы могла до смерти моя прожити в нем»³⁴.

Основным источником образования ханского домена, очевидно, была экспроприация общинных земель путем превращения дани в феодальную ренту. Возвышение Иски-Казанского княжества, ставшего основой Казанского ханства, было связано также с втягиванием в систему ханского домениального владения других крупных феодальных владений³⁵.

3. Крупное феодальное землевладение

Переходя к исследованию конкретного материала земельных отношений в Казанском ханстве, необходимо вкратце остановиться на вопросе о частной собственности на землю в странах мусульманского Востока. Казанское хан-

³¹ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн.152. Л. 231 об.

³² Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда. Казань, 1909. С. 104.

³³ История Татарской АССР. Т. I. Казань, 1950. С. 155 (прим. 1).

³⁴ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 83, 349.

³⁵ История Татарской АССР. Т. I. Казань, 1950. С. 148.

ство было страной, где ислам и нормы мусульманского права были известны, начиная с IX–X вв. Большинство буржуазных историков отрицало существование в мусульманских государствах частной поземельной собственности, ссылаясь на следующее изречение Корана: «Земля принадлежит богу и султану, его наместнику на земле». Поэтому буржуазные юристы и историки писали: «Так как земля принадлежит богу и по наместничеству – его видимому представителю, то человек не закрепляет ее сам, а бывает сам закреплен за ней, т.е. сделан собственником верховной властью, которая одна есть распорядительница имуществ, могущих быть предметом собственности, и хранительница их. На этом основана и народная поговорка, столь обычная в мусульманских государствах: «Земля принадлежит богу и государю». Исламские законоведы не говорят ничего такого, что было бы совершенно противно этому принципу»³⁶.

По шариату действительным собственником всех земель (малик-хекика) признается бог. Для практического осуществления этой фикции шариат прибегает к другой фикции в виде положения о том, что обладание над землями и право распределения их между людьми передано богом его посланнику на земле – пророку Мухаммеду, от которого это право перешло затем имамам, как преемникам духовной и светской его власти. Переход этого права к светским государям базируется на предположении, что они являются преемниками власти имамов. Таким образом, сложился тезис с том, что только мусульманским государям принадлежит власть над всеми землями и только они одни должны считаться единственными действительными собственниками их³⁷.

«С течением времени права отдельных владельцев земель, полученных от халифа, стали мало отличаться от прав феодальных собственников»³⁸.

Поэтому было бы совершенно неправильно и не научно, если бы мы, чисто догматически следуя указанным религиозно-правовым нормам, стали отрицать существование частной поземельной собственности в Казанском ханстве. Нельзя религиозно-правовые нормы отрывать от базиса. За фикцией о принадлежности всех земель государю скрываются вполне определенные формы частной поземельной собственности.

За юридическими формами землевладения мусульманского права³⁹ скрывались вполне определенные формы феодальной собственности на зем-

³⁶ Н.Нофаль. Курс мусульманского права. Вып.1. О собственности. СПб., 1886. С. 6–7.

³⁷ См.: Н.Е.Торнау. О праве собственности по мусульманскому законодательству. СПб., 1772. С.10.

³⁸ История государства и права. Т. I. М., 1949. С. 274.

³⁹ Характеристика юридических форм мусульманского землевладения имеется у Б.Н. Заходера (История восточного средневековья. М., 1944. С. 75–76) и И.П. Петрушевского (Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв. М., 1949. С. 78 и след.). Я ограничусь только перечислением этих форм:

лю, отражавшие классовую структуру татарского феодального общества. Но формально-юридическая классификация земель по мусульманскому праву не вскрывает, а затушевывает истинную природу феодального строя и феодальной собственности на землю.

Для разрешения вопроса о крупном землевладении в Казанском ханстве в нашем распоряжении имеются русские летописи и писцовые книги 1565–1568 гг. и 1603 г. Частная собственность на землю в Казанском ханстве – факт очевидный. Безусловно, частная собственность на землю возникла в результате длительного процесса разложения рода и образования классового общества в болгарской земледельческой среде. Организация господствующего класса на территории Болгарского государства после завоевания страны Улу-Мухаммедом или его сыном Махмутеком и образования Казанского ханства приобрела особые специфические черты.

Завоевав власть, пришельцы из Золотой Орды для упрочения своего господства и дальнейшего укрепления своего положения должны были стремиться играть также и ведущую роль в хозяйственной жизни вновь завоеванного края. Эта политика была, безусловно, направлена против местных феодальных владетелей и заключалась в том, чтобы ослабить экономическую мощь старых феодалов и таким путем занять господствующее положение в политической и экономической жизни страны. Такая политика могла осуществляться только путем изъятия у местных болгарских феодалов основного средства производства, то есть земли. Создается новый слой землевладельцев, который в основном рекрутируется из бывших выходцев из Золотой Орды. Они постепенно забирают общинные земли местного крестьянского населения.

«И начаша збиратися ко царю мнози варвари от различных стран, ото Златыя Орды и от Астрахани, от Азуева и от Крыма, и нача изнемогати время то и Великая Орда Золотая, усиляти и укреплятися вместо Золоты Орды Казань, новая Орда, запустевши Саинов юрт», – писал автор «Истории о Казанском царстве»⁴⁰.

Нельзя упускать из виду того, что Улу-Мухаммед, по сообщению Казанского летописца⁴¹, ушел из Золотой Орды и Крыма с 3000 человек, значительная часть которых, надо полагать, пришла с ним и в Казань.

В 1445 году из Черкас к Улу-Мухаммеду и его сыну Мамутяку пришли две тысячи казаков. «Тое же весны, – пишет об этом под 6953 (1445 г.) Ермо-

- 1) Земли государственные, или диванские (земли казны – аразий-и дивани).
- 2) Собственные домены правящей в стране фамилии (хассэ, хассэй-и шерифэ).
- 3) Земли, завещанные религиозным учреждениям – вакф.
- 4) Земли частновладельческие (мульк, иначе арабаби).
- 5) Земли, составляющие собственность сельских общин (джама-ат-и дех).

⁴⁰ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 19–20.

⁴¹ Там же. Стлб. 18.

линская летопись, – царь Махметь и сын его Мамутяк послали в Черкасы по люди, и прииде к ним две тысячи казаков, и шедше, взяша Лух без слова царева, и приведиша полону много и богатства...»⁴².

В дальнейшем феодальная знать непрерывно пополнялась за счет выходцев из других татарских ханств: Ногайская Орда, Сибирь, Астрахань и Крым. Наиболее сильный приток крымской знати был во время пребывания на казанском престоле ханов из крымской династии Гиреев.

Русский летописец всегда старается различать происхождение казанских феодалов и для местных феодалов употребляется достаточно характерный термин, встречающийся в «Царственной книге» под 1552 годом: «Казанские уроженые князи и мырзы и сеиты и уланы и все чиновные люди сами своею волею служить к нашему благочестивому царю приидоша»⁴³.

В 1521 г. первый казанский хан из династии Гиреев пришел с отрядом из 300 крымцев⁴⁴. «Казанский летописец» указывает: «И приидоша с ним в Казань и многие с ним крымские уланове, князи и мурзы», т.е. многочисленные представители крымской военно-феодальной знати⁴⁵.

При свержении второго казанского хана из крымской династии Сафа-Гирея в 1532 году казанцы побили «царевых советников крымцов и ногаи»⁴⁶. А за год до этого, в 1531 году казанцы жаловались великому князю Василию в Москве, что к Сафа-Гирею пристали «крымцы и ногаи»⁴⁷. В 1546 г. опять «казанцы Сафа-Кирея царя с Казани сослали, а крымских людей многих побили»⁴⁸.

Можно еще указать на царствование Утямыш-Гирея, когда крымцы пользовались большим влиянием при казанском дворе. Крымский феодал Кошак-улан играл видную роль при дворе и опирался на живших в Казанском ханстве крымцев. Не случайно во время постепенного приближения русских войск к Казани, когда были уже сочтены дни татарской Казани, Кошак-улан бежит из Казани в сопровождении крымцев. Об этом пишет под 1551 годом Никоновская летопись: «И крымцы, видев то, что им от казанцев быти отданным государю (Ивану IV – Ш.М.), събрався все и пограбя, что възможно, побежали ис Казани, триста человек: уланов и князей и азеев и мурз и казаков добрых, опричь их людей, а жены и дети пометав»⁴⁹.

⁴² Там же. Т. XXIII. С. 151.

⁴³ Там же. Т. XIII. Ч. 2. С. 480.

⁴⁴ См. интересные соображения И.И.Смирнова о времени переворота в Казани в 1521 г. и воцарении крымских Гиреев на казанском престоле (Исторические записки. № 27. С. 37–38).

⁴⁵ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 31.

⁴⁶ Там же. Т. XIII. Ч. 1. С. 57; см. также: Т. VIII. Стлб. 276–277; Т. XX. С. 410.

⁴⁷ Там же. Т. XIII. Ч. 1. С. 55.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 148.

⁴⁹ Там же. С. 166.

«Казанский летописец» дает ценные подробности о бегстве крымцев из Казани. Интересно, что летописец совершенно ясно называет крымских феодалов «жившими в Казани». Приведу это место полностью: «Он же (Кошак-Улан – *Ш.М.*) собрався с крымскими варвары, жившими в Казани, и взя брата своего, и жену свою, и два сына своя, и вся стажания свои, и ночьюю востав, и побеже ис Казани, не являся никому, яко не побеже, но яко збирати вся и поиде сам, не веруя инем посланным от него: все посылаеми (не) (дох)ждаху. Тамо, удо же посланы бываху, на собрание воином, к Москве и з (граматами) его приежжаху, отдаваху самодержцу»⁵⁰. Летописец справедливо замечает о Кошак-Улане – «не любяше бо его Казанцы за сие, что иноземец сын [в рукописи «сы» – ред.], яко царь силно владеша ими»⁵¹. Бежавшие крымцы были задержаны русскими на Волге. Среди пойманных и приведенных к Ивану IV 46 человек русская летопись упоминает «Кошак-Улана, Барболсун-улана, Торчи-князь-богатыря, Ишмахумета мурзу, Сулешева, брата крымского»⁵². Во время осады Казани русскими в 1550 г. был убит крымец Челбан-князь⁵³.

Источники позволяют довольно точно выяснить характер пребывания и устройства крымцев в Казанском ханстве. В этом нам помогает «Казанский летописец», который, по справедливому замечанию одного из новейших историков восточной политики Русского государства в XVI в. И. И. Смирнова, «содержит и ряд очень ценных сведений о Казани, особенно по вопросам внутренней истории Казанского ханства, отсутствующих в других источниках»⁵⁴. Этот летописец говорит о Сафа-Гирее, что «он приемляше вся земца, крымских срацын, приходяще к нему в Казань, в вельможах быти устроиша, и богатяше их, и почиташа, и власть велику обидети казанцов (даваше), любляше их и брежаше паче Казанцов»⁵⁵.

Важное известие о формах устройства крымцев в Казанском ханстве имеется в Никоновской летописи. Я имею в виду запись под 7049 (1541 г.) о приезде в Москву казанского посольства во главе с князем Булатом. Казанские послы заявили: «А от царя (Сафа-Гирей – *Ш.М.*) ныне Казанским людем велми тяжко, у многих князей ясаки постымал да крымцом подавал; а земским людем великая продажа: копит казну да в Крым посылает»⁵⁶.

⁵⁰ Там же. Т. XIX. Стлб. 71.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. Т. XIII. Ч. 1. С. 166.

⁵³ Там же. Т. XIII. Ч. 2. Царственная книга. С. 461.

⁵⁴ И.И.Смирнов. Восточная политика Василия III. Исторические записки. Т. XXVII. С. 35. Примеч. 76.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 49, 281.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 99.

Не останавливаясь сейчас на комментировании этого заявления, оставляю за собой право вернуться к этому интересному известию при рассмотрении форм феодального землевладения в Казанском ханстве.

Состояние источников не дает возможности установить – выходцами из каких тюрко-монгольских племен являются представители военной знати, осевшей на территории Казанского ханства. Но пребывание в Казанском ханстве четырех главнейших татарских родов: Ширин, Барын, Аргын и Кипчак – безусловно. Эта мысль естественно вытекает из шертной грамоты бывшего казанского хана Абдул-Латифа, данная им великому князю Василию 29 декабря 1508 г. по случаю пожалования ему города Юрьева. Великий князь Василий, согласно этой грамоте, не мог принимать к себе от Абдул-Латифа людей, за исключением лиц, принадлежавших к указанным выше родам, т.е. только члены этих родов, в отличие от других, могли отъезжать: «Также ми от вас татар не приимати, и вам от меня людей не приимать, опричь Ширинова роду и Барынова и Аргинова и Кипчакова»⁵⁷. Трудно предполагать, что Абдул-Латиф стал бы оговаривать особые преимущества для членов этих родов, если бы они не были и в Казани⁵⁸.

И действительно, на страницах русских летописей неоднократно появляется имя казанского князя Булата Ширина⁵⁹ и его сына Нур-Али (Муралей)⁶⁰. Вполне правильно предположение И. И. Смирнова: «... Общность социального положения в сочетании с единым родовым именем дает основание заключить, что Ширины Казани, Крыма и Касимова не чуждые друг другу однофамильцы, а ветви одного феодального рода, единого в прошлом, сохранившие, однако, и после разделения его особые родовые связи и общие интересы»⁶¹.

На пребывание в Казани этих четырех родов указывает и свидетельство Герберштейна, помещенное в его «Записках о Московитских делах» после описания всех татарских ханств: «... Цари Татарские имеют четырех лиц, к совету которых они предпочтительнее всего прибегают в важных делах. Первый из них называется Ширни, второй Барни, третий Гаргни, четвертый – Ципцан»⁶².

Вероятно, мы бы знали о существовании в Казанском ханстве и других родов, корнями уходящих во времена Золотой Орды, если бы сохранились дела по сношениям России с Казанью, которые упоминаются в «Описи цар-

⁵⁷ СГГ и Д. Т. II. № 27. С. 33.

⁵⁸ См. по этому поводу: В.В.Вельяминов-Зернов. Указ. соч. Т. I. С. 209; Т. II. С. 426–427.

⁵⁹ См., например: ПСРЛ. Т. VIII. С. 266.

⁶⁰ См., например: Царственная книга. [С.] 187.

⁶¹ И.И.Смирнов. Восточная политика Василия III... С.33; См. также: В.Е.Сыроечковский. Мухаммед-Герай и его вассалы. Ученые записки МГУ. Вып. 61. М., 1940. С. 28–34.

⁶² С.Герберштейн. Указ. соч. С. 164. Нетрудно видеть в этих искаженных словах названия четырех родов: Ширин, Барын, Аргын и Кипчак.

ского архива» (1575–1584). В этом архиве хранились шертные грамоты казанских ханов Ибрагима, Мухаммед-Амина, Абдул-Латифа, Сахиб-Гирея, Сафа-Гирея, Шигалея, разных казанских князей и всей земли Казанской. Так, например, о 33 ящике указано: «А в нем книги казанские, как князь великий пожаловал Сафа Кирея царя и всех казанцов и мир остался, да и списки посольства черные и грамоты, да две тетради, переписаны имена, которые приведены к шерти казанские люди»⁶³.

Без сомнения, эти шертные списки дали бы возможность получать представление о составе и происхождении казанских князей, как это сделано И. И. Смирновым по отношению к роду крымских Ширинов на основании одного из крымских шертных списков 1524 г.⁶⁴

Присвоение военной добычи (лошади, скот, деньги, товары, пленные) было важным источником дохода хана и его феодалов. Представители феодальной знати являлись ядром феодального ополчения хана, который сам считался главным воителем. В известном ярлыке 1523 г. хан Сахиб-Гирей именуется *الغازى* – «аль-газы» (воитель)⁶⁵.

Верхушку феодальной знати составляли эмиры. В ярлыке 1523 г. на первом месте в формуле обращения указаны *امراء* – эмиры⁶⁶. Этому арабскому термину *امير* – «эмир» («амир») – соответствует татарский синоним *بيك* – «бег» (бик, бек, бий), переводимый в соответствующих русских текстах (имею в виду летописи) словом «князь».

Попутно отмечу, что соответствующим монгольским титулом был «нойон». Значит, следует признать ошибочным мнение М. Г. Худякова, считающего эмиров и беков за две различных по степени знатности группы татарских феодалов⁶⁷.

Татарский термин «бег», очевидно, восходит к общетюркскому термину «бег», встречающемуся еще в рунических текстах орхон-енисейских тюрок VI–VIII веков н. э. «Здесь всегда подчеркивается противоположность между «черным народом» и бегами... Бег и является основной фигурой эксплуататора в тюркском обществе, политической фигурой, классом, выражение интересов которого и было тюркское государство»⁶⁸.

Беги были и в Золотой Орде – государственном образовании, предшествовавшем Казанскому ханству. Мунис в своей хронике «Фирдаус-уль-Ик-

⁶³ ААЭ. Т. I. № 289. С. 338.

⁶⁴ См.: И.И.Смирнов. Указ соч. С. 31. Примеч. 63.

⁶⁵ Ярлык хана Сахиб-Гирея. Строчка 1.

⁶⁶ Там же. Строчка 2.

⁶⁷ См.: М.Г.Худяков. Указ. соч. С. 192.

⁶⁸ А.Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI–VIII веков. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М.–Л., 1946. С. 111.

баль» («Рай Счастья») указывает, что Узбек-хан (1312–1340), чтобы отличить принявших мусульманство нойонов, присвоил им тюркское звание «бек»⁶⁹.

Эмир в Казанском ханстве был военачальником ополчения определенной территории (улус), которую он получал в управление и кормление и владелетьным правителем которой он был. Звание эмира было наследственным. Среди эмиров выделяются четыре главных эмира, носящих специальное название *قاراچی* – «карачи» (букв. смотритель). Этот термин в русских летописных текстах иногда передается словом «князь князей» (то есть «эмир эмиров» или «эмир аль-умара»).

Вторую категорию феодалов составляли *مرزا* – мурзы (мирзы) – дети эмиров (от слова *امير* – «эмир» (князь) и *زاده* – «задэ» (сын), т.е. сын эмира).

Русские источники вполне подтверждают принятое нами толкование слова мурза как сына эмира. Обратимся к «Царственной книге», где под 1551 г. после рассказа о приведении к присяге Горной стороны и изгнания Коцак-Улана с крымцами из Казани упоминается о казанском посольстве к Шигалею и русским воеводам: «А Казанцы почали посылати к Шигалею и к воеводам бити челом, чтобы государь пожаловал, гнев свой отдал им, а пленити их не велел, а дал бы им на государство царя Шигалея, а Утемещь-бы Гирея царя государь к себе взял и с матерью Сююнбук-царицею; а приеждял с тем ко царю и воеводам Кулшериф-молна да Тюменьский князь Бибарс Растов. И поговоря царь с послы с Казаньскими да ответ им учинил, чтобы они о том послали к государю не воевати двацать день. И казанцы послали ко Государю Еньбарса-мурзу, Растова сын...»⁷⁰. Как видим, здесь упоминается, во-первых, князь Бибарс Растов, во-вторых, его сын Енбарс назван мурзою, т.е. сыном князя-эмира. В дальнейшем летописном рассказе, который я здесь уже не привожу, совершенно четко различаются князь Бибарс Растов и его сын мурза Енбарс. Мурзы, как и эмиры, занимали в татарском феодальном обществе весьма влиятельное положение.

Тарханов нельзя рассматривать, как это делает М. Г. Худяков, в качестве особого, значительного разряда привилегированных лиц наряду эмиров и мурз⁷¹. Тарханные ярлыки получали многие крупные (эмиры) и средние (мурзы) феодалы, а также представители огланов и казаков. Звание тархана освобождало от налогов и податей.

Тарханство было неизбежным спутником феодализирующегося общества. К. Маркс правильно указывает, что тарханство как «вид феодальных прав возникает у всех полудивилизованных народов в результате воинственного

⁶⁹ См.: М.П.Вяткин. Батыр Срым. М.–Л, 1947. С.107. Прим. 2.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 2. С. 468.

⁷¹ См.: М.Г.Худяков. Указ. соч. С. 194.

образа жизни»⁷². Широкое развитие институт тарханов получил в Монгольском обществе XIII века. В «Сокровенном сказании» приводится ряд примеров пожалования тарханства еще Чингиз-ханом. Приведу один случай. После победы над врагами Чингиз-хан, обращаясь к своему спасителю Сортан-Шираю, заявил: «Займите же вы своим кочевьем Селенгу, Меркитскую землю, и будьте вы ее невозбранными, дарханными пользователями. Дарханствуйте даже до потомков ваших и приказывайте носить свой сайдак и провозглашать у себя чару-оток. Будьте свободны от взысканий за 9 поступков... Получайте в свое единоличное и нераздельное пользование всю ту добычу, которую найдете вы в походе ли на врага, или в обрывах на дикого зверя...»⁷³. Были случаи пожалования тарханства и некоторым людям из народа за особые заслуги. В Золотой Орде выдаваемые ханами тарханные ярлыки освобождали представителей знати от налогов и податей. Мнение о переходе института тарханства в Казанское ханство из Золотой Орды вряд ли может быть принято. Древнеболгарскому обществу были известны тарханы⁷⁴. Поэтому нет достаточных оснований для утверждения о заимствовании института тарханов в Казанском ханстве от монголо-татар.

Эмиры и мурзы были основными собственниками земли в Казанском ханстве. Для изучения степени распространения татарского феодального землевладения ценным источником являются материалы татарской эпиграфики. Титулы, обозначенные на памятниках вроде «высокого султана»⁷⁵ – سلطان, «бикэч»⁷⁶ – بیکچ، «би»⁷⁷ – بی، «мурза»⁷⁸ – مرزا и т.д. указывают, что в этих местах были сосредоточены владения татарских феодалов. Наиболее густая сеть древнетатарских некрополей, судя по карте Г. Юсупова, находится в Заказанье. Бассейн реки Казанки, значит, был главным средоточием татарского феодального землевладения. Горная сторона (бассейн реки Свяги) был вторым значительным районом расселения татарских феодалов. После завоевания Казанского ханства на землях татарских феодалов были испомещены русские служилые люди. Конкретные указания на землевладения эмиров и мурз встречаются в писцовых книгах Казанского и Свяжского уездов второй половины XVI в. и начала XVII века.

⁷² Архив Маркса и Энгельса. Т. V. С. 220.

⁷³ С.А.Козин. Сокровенное сказание Юань-Чю Би ши. Т. I. М.–Л. С. 167.

⁷⁴ См.: К.И.Иречек. История болгар. Одесса, 1878. С. 164.

⁷⁵ См.: А.Рахим. Указ. соч. С. 162. Памятник Тугаша сына Бузнака, 1543 [г.], дер. Менгеры.

⁷⁶ Там же. С. 170. Памятник 1533 г. в дер. Старый Ашит.

⁷⁷ Там же. С. 168.

⁷⁸ Там же. С. 155. Памятник мурзы Кул-Джаала сына Али-Мардана 1524 года, дер. Русский Урмат.

В писцовой книге Казанского уезда имеется указание на владения земского князя Шеисупа, приезжавшего в 1516 году в Москву в составе казанского посольства с извещением о болезни хана Мухаммед-Амина:⁷⁹ «По Атызской дороге. Пустошь Аты Верхние на речке на Ате, а преж того пустошь была казанского князя Шеисупа князя...»⁸⁰. Деревня Ярнушевская Урсенова, данная в поместье детям Козлинина, принадлежала до завоевания Казанского ханства татарскому феодалу князю Ярнушу⁸¹. Название дер. Урнашево⁸² можно связать с именем князя Бурнаша, упоминаемого в летописях⁸³. Точно также название дер. Тереулово на р. Нурме⁸⁴ невольно напоминает о князе Тереуле, приехавшем в 1546 г. служить в Москву⁸⁵.

В межевой книге Казанского уезда 1565–1567 гг. письма Н. Борисова и Д. Кикина при описании межи между дер. Большие Тебек Кози и дер. Малые Тебек Кози упоминается земля татарского князя Енбулата Шеманова⁸⁶.

С именем князя Бурнаша связывается также название деревни Бурнашева из выписи из писцовых книг на земли Троице-Сергиева монастыря в Казани письма и меры Ивана Клеопина 1594 года⁸⁷.

Деревня Кадышева⁸⁸ была, по-видимому, за князем Кадышем, убитым по приказанию Шах Али в 1546 году⁸⁹.

В писцовой книге Казанского уезда письма и меры Ивана Болтина сохранилось описание владений нескольких татарских княжеских фамилий.

Незадолго до завоевания Казанского ханства, 20 августа 1552 г. перешел на сторону русских войск татарский мурза Камай⁹⁰. Его владения были расположены по Арской дороге, по реке Казанке, в районе городища Иски-Казань. В 1603 году владения княжеской фамилии Камая еще сохранились. Князь Камай Смиленев со своими сыновьями Мамаем и Кадряком [в рукописи «Какодряком» – ред.] имели в качестве поместья полсельца Урсек, деревню Иски Казань (без жеребья, данного в поместье Василию Тыртову) и пустошь Чебокмасова⁹¹. В селе Урсек были два двора помещиковых (самого князя Камая Смиленева и сына Мамаю) и шесть крестьянских дворов. В деревне

⁷⁹ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 25.

⁸⁰ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 152. Л. 130 об.

⁸¹ Там же. Л. 155.

⁸² Там же. Л. 159.

⁸³ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 149.

⁸⁴ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 152. Л. 169 об.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 149.

⁸⁶ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 152. Л. 227 об.

⁸⁷ ЦГАДА. Ф. ГКЭ. Дело № 6431/23. Л. 6 об. См. также дело № 6430/22. Л. 1.

⁸⁸ Там же. Ф. 1209. Кн. 152. Л. 136 об.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 149.

⁹⁰ Там же. С. 202, 214, 221.

⁹¹ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Лл. 108–115.

Иски Казань также были один двор помещиков и десять крестьянских дворов. В пустоши Чабокмасова было два крестьянских двора. Количество пашни, принадлежавшей князю Камаю Смиленеву, можно представить в следующей таблице (количество пашни в четях в поле, а в дву потому ж).

	Пашня паханая Помещичья	Пашня паханая крестьянская	Перелог	Лесом поросло
Село Урсек	70	30	7–1/8	–
Дер. Иски Казань	85	11	250	600
Пуст. Чебоксасова	–	5	3	100
Всего	155	46	260–1/8	700

Таким образом, общее количество земли равнялось 1161–1/8 четверти в поле, а в дву потому ж. Количество сена в трех селениях исчислялось 1550 копнами. Кроме того, в пустоши Чебоксасове указано 45 десятин пашенных лесных дубрав. Крестьяне, живущие в принадлежащих князю Камаю Смиленеву деревнях, были обязаны «пашни пахати по четверти ржи, по четверти овса, да им же делати всякое изделье»⁹². Правда, писец после этого заметил: «А крестьянские и чувашские дворы за князь Камаем все на льготе»⁹³. За князем Камаем Смиленевым в писцовой книге отмечены также три кабака: один по Арской дороге ниже Малмыжа, другой на реке Каме, на Дубовом перевозе, а третий на урочище Иментубе (был дан в 106 (1598) г. вместо кабака на Луже под городом Арском). О бортном ухожае Рюга за рекою Вяткой и по реке Каме, принадлежавшем также фамилии Камая, писец прямо указывает, когда «стал тот бортной ухожей – не упомнят»⁹⁴.

В Никоновской летописи под 1552 г. упоминается татарский князь Бакшанд Бранцов⁹⁵. Вероятно, упоминаемый в писцовой книге письма и меры Ивана Болтина 1603 г. князь Бакшанда Нурушев был одним из потомков этой княжеской фамилии⁹⁶. Князь Бакшанда Нурушев владел в 1603 году половиной села Урсек («что было в поместье за князем Бакшандым дедом за Урсеком, а после было за отцом его за Нарушем», деревней [в рукописи «деревня» – ред.] Красная на реке Серде. В обоих селениях было по одному помещичьему двору да 16 крестьянских дворов (в селе Урсек – 4 двора, в деревне Красной – 12 дворов). Количество пашни исчислялось в следующих цифрах (в четях в поле и в дву потому ж).

⁹² ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Л. 109 об.

⁹³ Там же. Л. 114.

⁹⁴ Там же. Л. 115.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 206.

⁹⁶ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Лл. 103–108.

	Пашня паханая помещичья	Пашня паханая крестьянская	Перелог	Лесом поросло
Село Урсек	80	27	–	7–1/8
Дер. Красная	–	40	60	30
Всего	80	67	60	30 [37–1/8 – ред.]

Значит, общее количество пашни равнялось 244–1/8 четвертям в поле, а в дву потому ж. Сена было 1350 копен, из них крестьянского сена 500 копен. В деревне Красной помечено, кроме пашни, 15 десятин лесу-дубравы [в рукописи «добрывы» – ред.] пашенные. О крестьянах, проживающих в этих деревнях, писец отметил: «им пахати на князь Бакшанду по четверти ржи, по четверти овса человеку и изделье всякое делати».

Особый интерес представляет следующая деталь, отмеченная писцом: «Да по скаске князь Бакшанды Нарушева и по выпросу тутошних и окольных людей, емлет князь Бакшанда с волости Нали Кукмор з девяноста с десяти дворов дорогильные пошлины 14 рублей и 18 алтын 2 денги да с тех же дворов емлет с свадеб кунишную пошлину. А по секту [так в рукописи, должно быть « по сказке» – ред.] с тое волости Нали Кукморы князь Бакшанда емлет дорогильную и с свадеб конишную пошлину, и государевы грамоты князь Бакшанда на то не положил»⁹⁷. Очевидно, княжеская фамилия Бакшанды во времена казанских ханов пользовалась правом взимания определенных доходов с волости Нали Кукмор, а затем по традиции [в рукописи «на традиции» – ред.] это право сохранялось в течение 50 лет после падения ханской власти. Если содержание свадебной пошлины не представляет никаких затруднений, то я ничего определенного не могу сказать в отношении дорогильной пошлины. Может быть, под именем дорогильной пошлины был некогда известен сбор в пользу даруги [в рукописи «даруги» – ред.] – представителя ханской власти на местах.

Третью категорию феодалов составляли огланы, являвшиеся служилыми феодалами-военачальниками. Четвертой, самой низшей категорией феодалов являлись казаки, которые составляли постоянное ядро ханского войска. Землевладение огланов и казаков особых сомнений в литературе не вызывало. М. Г. Худяков писал: «В качестве привилегированного сословия, огланы обладали поместьями, дававшимися им в качестве жалованья за службу... Однако, по сравнению с обширными владениями биков и мурз, поместья огланов являлись мелкими и мало доходными»⁹⁸. Но М. Г. Худяков уклонился от ответа на вопрос о существовании землевладения казаков. В 1950 году с признанием

⁹⁷ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Л. 105 об.

⁹⁸ М.Г.Худяков. Указ. соч. С. 198.

землевладения огланов и казаков в Казанском ханстве выступили авторы «Истории Татарской АССР»: «Уланы и казаки также имели тарханские земли, но в большинстве случаев небольшие, и своих куллар, силою которых вели хозяйство»⁹⁹. Однако, никаких указаний на источники авторы не привели. Имеющийся в моем распоряжении материал подтверждает точку зрения авторов «Истории Татарской АССР» относительно землевладения казаков и огланов.

Следы землевладения огланов сохранились в названиях некоторых татарских селений: дер. Кошак-Уланово на реке Ноксе¹⁰⁰ (от имени известного крымского феодала Кошак-Улана), дер. Карамыш Уланово на реке Суле¹⁰¹.

О существовании землевладения казаков в Казанском ханстве имеется указание в писцовой книге письма и меры Ивана Болтина 1603 года.

По Алацкой дороге в деревне Чюваш [в рукописи «Чюваше» – ред.] проживала вдова Текея Чюреева с сыном Булашком¹⁰². Кроме того, за ними была пустошь Хозеевская («пашни паханой 15 четвертей в поле, а в дву потому ж, сена меж поль и по заполью 50 копен да на реке на Волге 50 копен, лес черный вопче с окольными деревнями»). Однако, на этой пустоши пахали крестьяне деревни Чюваш. По челобитию наследников Чюреева писец И. Болтин в 1603 году провел опрос сторонних людей-старожильцев – «за кем та пустошь истари была: за ясачными татары или за служилыми людьми». В сыске участвовало 15 человек из окрестных деревень Айбаш, Мозяр, Ибры и Мемедили. Было установлено, что после Казанского взятия пустошью владел служилый татарин Юлгуш. По наследству пустошью затем некоторое время владел муж дочери Юлгуша, служилый татарин Бигул Енгозчев. Затем пустошь была передана Чюрее – отцу Булашко.

Писец в следующих словах описывает право сына Чюрее на владение пустошью: «Да и в грамоте, какову на тое пустошь положил Чюреев сын Булаш 65 (1557) году написано: по царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси [в рукописи «Руси» – ред.] слову боярин и воевода и намесник Казанской князь Семен Иванович Микулинской и все воеводы пожаловали тою пустошью старых казаков [подчеркнуто Ш.Ф Мухамедьяровым – ред.] Юлгуша Бакшандина со всеми угоды, как было при Магмедеме царе [подчеркнуто Ш.Ф Мухамедьяровым – ред.]. А Булашко Чюреев сказал, что бил де челом государю и царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси [в рукописи «Руси» – ред.] о той пустоши после того его, Булашков отец Чюрый. Государева де грамота отца его на тое пустошь дана, и тое де у него грамоту взяли в Казани»¹⁰³. Значит, за

⁹⁹ История Татарской АССР. Т. I. Казань, 1950. С. 169–170.

¹⁰⁰ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 152. Л. 124.

¹⁰¹ Там же. Л. 182.

¹⁰² ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Лл. 195об.–197.

¹⁰³ Там же. Л. 196 об.

казаком Юлгушом после завоевания Казанского ханства была закреплена в 1557 году пустошь Хозеевская, данная ему за несение военной службы еще при казанском хане Мухаммед Эмине, умершем в 1518 г. Таким образом, мы имеем совершенно ясное указание на землевладение казаков. Летописец правильно противопоставляет казаков, наряду с князьями и мурзы, как феодалов («лутчие люди») всему остальному населению («черные люди»): «Казанские люди лутчие, их князи и мурзы и казаки все извелися, а черные люди все с одного в холопстве и в дани учинилися»¹⁰⁴.

Особую влиятельную группу внутри класса феодалов составляло высшее мусульманство духовенство – духовные феодалы.

Нравственный авторитет мусульманского духовенства среди татарского населения Казанского ханства того времени стоял высоко. Не следует забывать, что предки казанских татар – волжские болгары приняли ислам еще в 922 году. Волжские болгары были, пожалуй, первой народностью Восточной Европы, принявшей ислам. Распространение ислама в Золотой Орде в значительной мере принадлежите болгарам. Естественно, приверженность татар к исламу не представляет что-то особенное и исключительное в условиях средневековья на Востоке. «Духовенство было важной частью эксплуататорской верхушки восточного феодального общества. Его могущество зиждилось как на материальной основе, – оно владело значительной частью земли и огромным недвижимым имуществом в городах, целыми городами и селами, – так и на идеологической основе, на огромном значении религиозных моментов в сознании людей феодального общества и, наконец, на потребности общества в устойчивой правовой системе, ограждающей право собственности»¹⁰⁵. Большое значение мусульманского духовенства в Казанском ханстве как идеологической силы подчеркивается источниками.

В книге татарского историка XVI века Шереф-ад-дина «Рисале таварихи Болгария» указаны имена крупнейших мусульманских проповедников, живших в Казанском ханстве. Они были последователями Ходжи Ахмеда Ясави. Здесь упоминается Бейраш бине Ибраш в дер. Казаклар, Ишмухаммед Тукмухаммед углы в дер. Адай, Идрис Зульмухаммед углы в дер. Тербердеево Челны, Касим шейх Ибрагим углы в гор. Казани, Файзулла эфенде в гор. Казани, ахун Шигым бине Иштирак в дер. Казаклар и другие¹⁰⁶.

Весьма важным орудием воздействия духовенства на широкие массы населения была целиком находившаяся в их руках школа.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 282.

¹⁰⁵ И. Левин. К вопросу о феодальном государстве на Востоке. Советское государство. 1938. № 5. С. 103.

¹⁰⁶ Рисале таварихи Болгария. Казань, 1902. С. 22–23.

Крупным медресе (высшее мусульманское учебное заведение) руководил Ишмухаммед Тукмухаммед в течение 36 лет в дер. Адаево¹⁰⁷. Большое медресе существовало в Казани во дворце казанских ханов. Этим медресе в середине XVI в. руководил мулла Шериф Кул [Кул-Шериф – ред.].

По сообщению татарского историка Шигабутдина Марджани, в казанской крепости была мечеть с восемью минаретами, а неподалеку от Тезицкого оврага другая мечеть и медресе. В городе Казани были ученые и почтенные лица и их глава по прозвищу «накибель-эшраф» по имени мулла Шериф Кул был в большом почете у мусульманских ханов и населения страны. При осаде русскими войсками Казани мулла Шериф Кул собрал своих шакирдов (учащихся медресе) в медресе, поднялся на его крышу и упорно сражался. Он был заколот во время стычки и умер мученической смертью¹⁰⁸.

Духовенство в Казанском ханстве играло большую роль как во внутренней, так и во внешней политике государства. Во время междуцарствий глава Казанского духовенства, обычно называемый в русских летописях сеитом, становился во главе правительства. Для примера укажу несколько мест из Никоновской летописи.

В 1519 г. великий князь Василий Иванович послал в Казань своего посла, дворецкого Тверьского, Михаила Юрьева сына Захарьина и «приказал сеиту в головах [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.] и уланом и князем и карачем и мурзам и молнам и шыхъздам и всем людем казанския земли свое жалование, что их великий государь жаловати и беречи хочет, а дает им на Казань царя Шингалея, Ших-Авляярова царевичева сына»¹⁰⁹. По тем же годам летописец пишет: «... прислали на Москву бити челом великому государю Василию от сеита в головах [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.] и от уланов и от князей и от карачей и от всея Казанския земли людей послов...»¹¹⁰. Далее, рассказывая о посольстве Д. Ф. Бельского в Казань для утверждения на престоле Шингалея, летописец пишет: «... а сеита и уланов и князей и карачей и мурз и молн и шизот и всех [в рукописи «во всех» – ред.] земских людей к шерти приведоша на том, что им быти неотступным от государя великого князя и до своего живота»¹¹¹.

Укажу еще на сообщение той же летописи под 1546 годом. В этом году в Москву приехал с грамотой из Казани Гамметь-ших, а «писали в грамоте казанцы: «сеит и уланы и князи и мырзы и шихи и шихзады и дольшманы и казаки и вся земля Казанская быют челом государю, чтобы их государь пожало-

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Ш.Марджани. Указ. соч. Т. II. С. 2.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 31.

¹¹⁰ Там же. С. 32.

¹¹¹ Там же.

вал, гнев свой Казанской земле отложил...»¹¹². И дальше в этом рассказе употребляется выражение «привести сеита и уланов и князей и всю землю Казанскую к правде». Дальнейший рассказ летописца показывает, что словом сеит здесь обозначается вполне конкретное лицо – А. Бейюрган-сеит, бывший тогда главой казанского духовенства. «История о Казанском царстве» рассказывает, что Шах-Али в 1551 г. казнил главу казанского духовенства – сеита: «По царице же (Сююмбеке – *Ш.М.*) Сеита своего Казанцы, мнимого учителя ложного закона Махметева, сами руками своими взяша [в рукописи «яша» – ред.] и отдаша его царю (Шах-Али – *Ш.М.*) пришедша, яко худа и непотребна им, возмущающа всем народом, во едино совети с ними не согласующися, и царю не покоряющуся. И повеле царь в той же час главу ему отсечи, а богатства его все в казну переписав самодержцову взяти повеле...»¹¹³.

Сеидом называется глава казанского духовенства и С. Герберштейн в своем рассказе о воцарении Сафа-Гирея в Казани в 1524 году. По словам Герберштейна, «Сеид верховный жрец Татар (он пользуется у них таким уважением и почетом, что при его приближении даже цари выходят ему на встречу; стоя, протягивают руку ему, сидящему на лошади, и, наклонив голову, прикасаются к ней; это предоставлено одним только царям, ибо князья касаются не руки его, а колен, знатные лица ног, а простой народ прикасается рукою только к платью или к лошади)»¹¹⁴. Сеид, о котором рассказывает Герберштейн, был сторонником Русского государства¹¹⁵.

Все это дало повод историкам считать, что «в Казани Сеидом по преимуществу звался глава местного духовенства»¹¹⁶. Действительно, глава духовенства в Казани происходит из сеидов, как потомков Мухаммеда, но из этого факта нельзя еще говорить об особом значении слова «сеид», как главы духовенства в Казани.

Бухарские эмиры также происходили из потомков Мухаммеда и считали себя сеидами, но никогда специально не назывались сеидом. Точно также и глава духовенства в Казани, происходя из сеидов, считался сеидом, но специально не назывался сеидом. Более тщательный просмотр источников открывает путь к уяснению термина, которым назывался глава казанского мусульманского духовенства. Татарский историк XIX в. Шигабуддин Марджани во втором томе «Мустафад аль-ахбар фи эхуале Казан вэ Болгар» при описании взятия Казани русскими войсками в 1552 г. упоминает муллу Шериф Кул, который по русским источникам считался тогда главой казанского духо-

¹¹² Там же. С. 148.

¹¹³ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 75.

¹¹⁴ С. Герберштейн. Записки о Московских делах. СПб., 1908. С. 152–153.

¹¹⁵ Это признавал и Мухаммед-Гирей (см.: И.И. Смирнов. Указ. соч. С. 27).

¹¹⁶ В.В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч. Т. II. С. 440.

венства. Ш. Марджани утверждает, что у муллы Шериф Кула, стоявшего во главе богословов (улема), был титул *نقيب الاشراف* – «накибель-эшраф»¹¹⁷. К сожалению, имеющийся у меня под руками материал не дает возможности расшифровать значение этого термина¹¹⁸. Сейидов вообще в Казанском ханстве было, очевидно, много. К сейидам относились потомки пророка Мухаммеда от дочери его Фатимы и халифа [в рукописи «Харифа» – ред.] Алия. Источники не дают возможности судить – было ли принято в Казани различать сейидов по их происхождению от Хасана или Хусейна, сыновей Алия, как это, например, было принято в Бухаре¹¹⁹.

В формуле обращения ярлыка 1523 года сейиды упоминаются на третьем месте после эмиров и хакимов в форме *و سادات عظام* – «вэ сдат гзам», что по-русски означает «великим сейидам». В документах, отправленных из Казанского ханства в Москву, сейиды и другие представители духовенства даже упоминаются в ряде случаев раньше представителей военно-феодалной знати. В этом отношении характерна челобитная грамота казанцев на имя Ивана Грозного в 1551 г. с просьбой о присылке на Казань царя Шигалея. Текст этой грамоты, поданной Ивану Грозному казанским мурзой Енбарсом Ростовым, сохранился в «так называемой Царственной Книге» по списку Московской Синодальной библиотеки № 149: «Царю государю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси Кудайгул-улан в головах да Муралей-князь и вся земля Казанская, моллны и сеиты и шихи и шихзады и молзады, имамы, азии, афазы, князи и уланы и мырзы, и ички, дворные и задворные казаки и Чюваша и Черемиса и Мордва и Можары и вся земля Казанская тебе, государю, челом бият, чтобы государь пожаловал, гнев свой отдал, отдал бы им царя Шигалея на царство...»¹²⁰. Эта грамота еще ценна тем, что здесь имеется сравнительно полное перечисление различных групп духовенства и военно-феодалной знати. Постараемся на основании имеющихся в востоковедной [так в рукописи – ред.] литературе сведений дать краткие определения отдельным категориям мусульманского духовенства Казанского ханства¹²¹. На термине «сейид» я уже останавливался выше. Кроме сейидов, источники упоминают следующие категории духовенства: *مولا* – муллы, *شيوخ* – шейхи,

¹¹⁷ См.: Ш.Марджани. Указ. соч. Т. II. С. 2.

¹¹⁸ «Накибель-эшраф» означает «избранный из благородных». См.: Hammer. Histoire de L'Empire Ottoman. T. I. Paris, 1840. С. 400. Приношу благодарность М.Н. Тихомирову за это указание. [Данное примечание не пронумеровано в тексте рукописи монографии Ш.Ф. Мухамедьярова и приписано автором в область ссылок от руки – ред.]

¹¹⁹ В Бухаре сейиды нередко прибавляли к своему имени «Хасани» – Хасанова потомства, или «Хусейни» – Хусайнова потомства.

¹²⁰ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 2. С. 468.

¹²¹ См., например: В.В.Вельяминов-Зернов. Указ. соч. Т. II. С. 444–445.

مولا زاده – мулла-заде, شیخ زاده – шейх-заде, امام – имамы, حافظیز – хафизы (афазы), [в рукописи написание понятия «данишменды» на арабской графике отсутствует – ред.)] – данишменды, درویش – дервиши, حوجه – ходжи (азии).

Данишменд – слово иранское и значит «ученый». Не лишено вероятности предположение В. В. Вельяминова-Зернова о том, что данишмендами у татар в старину назывались преподаватели высших духовных учебных заведений (медресе), позднее получившие название мударрисов¹²².

Хафиз – слово арабское, перешедшее в татарский язык в форме «абыз», а отсюда в русские летописи в виде «афаз» или «абыз». Хафизами назывались люди, знающие наизусть Коран.

Материальную основу мусульманского духовенства, очевидно, составляла собственность на основное средство производства – землю. Отрицать существование вакуфного землевладения не приходится. Представители духовенства, будучи управителями различных вакуфов (имущество мусульманских религиозных учреждений), принадлежали классу феодалов. Вакуфы являлись своего рода поместьями духовных феодалов, из которых они извлекали доходы с земли, точнее, эксплуатировали сидевших на этой земле крестьян: на территории бывшего Казанского ханства в писцовых книгах, составленных через 15 лет после завоевания, часто встречаются деревни, указывающие, что здесь в татарское время жило духовенство, вернее, что эти деревни составляли собственность духовенства: деревня Кулсеитово Большое на реке Казанке¹²³, дер. Маамет¹²⁴, дер. Сеитляр на реке Суле по Алатской дороге¹²⁵ (от слова «сеид»), дер. Сеитово на речке Киндере¹²⁶, село Шехозда Большое на реке Суле¹²⁷ (от слова «шейх-заде»), дер. Кулсеитово Меньшее на устье речки Киндеря¹²⁸, дер. Хозяшево¹²⁹ (от слова «ходжа»), дер. Кулсеиты на речке Большой Криве¹³⁰, дер. Арышегозда¹³¹ (от слова «шейх-заде»), дер. Дербышкино на реке Казанке¹³² (от слова «дервиш»), дер. Обызово на реке Ноксе¹³³ (от слова «абыз»), дер. Амангозя¹³⁴ (от слова «ходжа»), дер. Тебек

¹²² Там же. С. 445.

¹²³ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 152. Книги Казанскому уезду поместных земель 1566–1568 гг. Лл. 115 об., 149 об.

¹²⁴ Там же. Л. 117 об.

¹²⁵ Там же. Л. 127 об.

¹²⁶ Там же. Л. 144 об.

¹²⁷ Там же. Л. 148.

¹²⁸ Там же. Л. 152 об.

¹²⁹ Там же. Л. 155 об.

¹³⁰ Там же. Л. 158.

¹³¹ Там же. Л. 172.

¹³² Там же. Л. 173.

¹³³ Там же. Л. 181.

¹³⁴ Там же. Л. 182.

Козя¹³⁵, дер. Третие Тебек Козя на р. Ноксе¹³⁶, дер. Молнино¹³⁷ (от слова «мулла»), дер. Альдербышево¹³⁸ [в рукописи «Алдербышево» – ред.].

Дарение татарскими феодалами земель в пользу мусульманского духовенства преследовало совершенно ясную политическую цель: обеспечить помощь духовенству в укреплении власти татарских феодалов над непосредственными производителями – крестьянами.

4. Сойюргал – основной вид феодального землевладения в Казанском ханстве

Познакомившись с конкретными указаниями источников на существование частной феодальной собственности на землю в Казанском ханстве, перейдем к изучению форм феодального земледелия и изучению природы феодальной земельной собственности в татарском феодальном обществе. Вопрос о возникновении и развитии бенефициальной и ленной систем у народов Среднего Поволжья в литературе почти не затрагивался. Это объясняется, с одной стороны, отсутствием достаточного количества источников о развитии феодального землевладения в Болгарском государстве и в Казанском ханстве.

Конечно, основные формы служебно-поземельных феодальных отношений (лены и бенефиции) существовали еще в болгарском обществе. Процесс феодализации, по-видимому, шел в сторону превращения пожизненного и условного владения, пожалованного землей, в наследственное, хотя тоже условное. Наряду с этим шел процесс охвата бенефициальной и ленной системами безусловных земельных владений – аллодов. Только на протяжении ряда столетий бывший вассал, держатель бенефиция, а затем владелец лена, превращается в полного и независимого собственника, находившейся в его владении земли.

Сейчас я не ставлю своей задачей проследить связь между формами поземельных отношений в Болгарском государстве и в Казанском ханстве, а хочу только выяснить характер материальной базы казанских феодалов, каким он представляется мне по источникам XVI века.

В мусульманских странах икта [так в рукописи – ред.] и позднейший титул [так в рукописи – ред.] приближались к бенефицию, а сойюргал соответствовал западноевропейскому лену. Условное военно-ленное землевладение широко практиковалось во всех странах бывшей Монгольской империи, по крайней мере со второй половины XIV века. А. Я. Якубовский в своей рецензии на книгу И. П. Петрушевского «Очерки по истории феодальных отноше-

¹³⁵ Там же. Л. 187.

¹³⁶ Там же. Л. 193.

¹³⁷ Там же. Л. 224 об.

¹³⁸ Там же. Л. 245 об.

ний в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX в.» правильно указывает: «Историкам-востоковедам хорошо известно, какую важную роль сыграл институт сойюргалов в завершающем формировании феодализма в Передней и Средней Азии в XV–XVI веках»¹³⁹.

Известный знаток восточного средневековья Б. Н. Заходер прямо указывает, что «не только в Хулагидском государстве, но и всюду на Востоке, после монголов основой феодального владения стал лен, получивший название «союргаль»¹⁴⁰.

Другой толкователь истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране А. Беленицкий указывал на Золотую Орду, как на страну, в которой получил свое распространение институт сойюргала одновременно со Средней Азией¹⁴¹.

Раздача сойюргалов широко практиковалась в Средней Азии, начиная с середины XIV в., когда власть ханов из потомков Чагатая была значительно ослаблена и получили преобладание предводители различных племен, заинтересованные в земельных владениях. Низамад-дин Шами отмечает пожалование сойюргала Урус-ханов в Белой Орде под 780 г. х. (378/79) [1378/79 г. – ред.]¹⁴². Тимур часто прибегал к сойюргалу в качестве вознаграждения за военные заслуги, начиная с 80-х гг. XIV в.¹⁴³

Термин «сойюргал» в отмеченном нами смысле военно-ленного землевладения впервые встречается в Золотой Орде в тарханном ярлыке Менгли-Гирея 857 г. х. (153) [1453 г. – ред.]: «Этим ярлыком, обладающему Хекиму Яхъе, сыну Махмуда из Анкары в качестве суюргала, мы сказали: пусть он тарханом будет»¹⁴⁴.

В Казанском ханстве в вышеуказанном смысле термин «союргал» сохранился только в источнике 20-х гг. XVI века – ярлыке Казанского хана Сахиб-Гирея:

بز داغي سيورغان بو مزكور كيم ايرسه لارنى تذكرى تعالى رضاسى و تقى
محمد رسول الله شفاعتي اوچون تارخان قلديم

¹³⁹ Вопросы истории. 1950. № 4. С. 140.

¹⁴⁰ Б.Н.Заходер. История восточного средневековья. М., 1944. С. 117.

¹⁴¹ А.Беленицкий. К истории феодального землевладения в Средней Азии при Тимуридах (институт сойюргал). Историк-марксист. 1941. № 4. С. 46.

¹⁴² См.: Nizamuddin Šami. Histoire des conquets de Tamerlan intitulee Zafar nama par Nizamuddin Šami. Изд. F.Tauer. Том I (персидский текст), 1937. С. 77. Ссылка имеется у А.Беленицкого. Указ. соч. С. 46.

¹⁴³ Сойюргальным пожалованиям Тимура посвящена указанная ранее статья А.Беленицкого.

¹⁴⁴ Akdes Nimet Kurat. Topkapi Sarayı Muzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kirim ve Türkistan Hanlarına ait Yarık ve bitikler. İstanbul, 1940. С. 64, строчки 34–36. Русский перевод А.Н.Кононова (цитирую по А.Ю.Якубовскому). Указ. соч. С. 137.

«Без дахи сиургаб бу мзкур ким ирсэларни тигри тгали рзасы в ки мхмд рсул алла шфагти учун тархан клдым»¹⁴⁵. Что по-русски означает: «Мы вновь пожаловав (сиургаб) упомянутых лиц во имя великого Бога и пророка Мухаммеда сделали их тарханами (тархан клдым)».

Здесь еще чувствуются следы употребления термина «сойюргал» – буквально пожалование в широком смысле этого слова для обозначения пожалования государем своему служилому человеку вообще. В ярлыке Сахиб-Гирея место пожалование [так в рукописи – ред.] тарханства, т.е. освобождение от уплаты ряда податей, иначе говоря, предоставление определенных привилегий служилому человеку.

В таком же смысле употребляется этот термин в ярлыке Темир-Кутлуга: محمد بيزينك سيورغال بولوب ترخان بولوب تۇرسۇن تېدىمىز «Мхмд бизинн, сиургал булуб трхан булуб... турсун тидимиз», т.е. «а так как Мухаммед нами пожалован (сиургал булуб), то мы и сказали: пусть будет он тарханом»¹⁴⁶.

Употребление термина «сойюргал» в ярлыке Сахиб-Гирея 1523 г. в четком и ясном смысле ленного пожалования дает право с уверенностью утверждать, что этот институт появился здесь не в первой половине XVI в., а гораздо раньше.

Сойюргал, соответствующий лену-феоду, представляет наиболее типичные отношения развитого казанского феодализма. Сойюргал был господствующим типом феодального землевладения в Казанском ханстве. Вспомним замечание Энгельса: «Основное отношение всего феодального хозяйства – пожалование в лен земли за определенные личные услуги и дань...»¹⁴⁷.

Поскольку не сохранилось достаточного количества актового материала для детального раскрытия всех сторон института сойюргала в Казанском ханстве, я даю его характеристику, в основном, по ярлыку Сахиб-Гирея 1523 г. Этот ярлык, будучи единственным сохранившимся до наших дней в подлиннике ярлыком казанских ханов, является исключительно ценным документом для суждения о социально-экономических отношениях в Казанском ханстве.

Ярлык начинается с имени хана Сахиб-Гирея. Затем следует перечисление группы лиц, до сведения которых доводилась воля Сахиб-Гирея, и упоминание подвластной хану территории. Для нас сейчас особый интерес представляет следующая часть ярлыка: подтверждение тарханства. Эта часть рас-

¹⁴⁵ Ярлык Сахиб-Гирея 1523 г. Строчки 9–10. См. журнал «Вестник научного общества татароведения» (1925. № 1–2. С. 31). В дальнейшем ссылки на строчки ярлыка даются по этому изданию без указания.

¹⁴⁶ В.В.Радлов. Ярлыки Токтамышы и Тимур Кутлуга [в рукописи «Тимур Курлуга» – ред.]. ЗВОРАО. Т. III. Вып. 1–2. С. 18–21, 28; см. также: ИРАН. VI серия. 1918. № 15. С. 112.

¹⁴⁷ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1. С. 444. (Статья Ф. Энгельса «О разложении феодализма и развитии буржуазии»).

падается на два отдела: 1) историческая справка и 2) подтверждение. Историческая справка указывает, что держатели настоящего ярлыка пользовались ранее привилегиями.

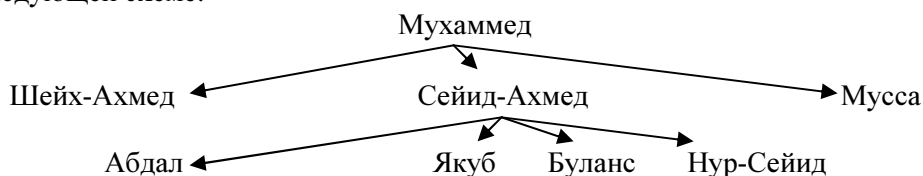
بو نشان يتکه چ سوز اوليکم بو محمد اوغلي شديخ احمد داغي شديخ احمدنيک
اوغلي ابدال داغي سيد احمد انسي بولانس داغي انس نور سيد انس محمدنيک
اوغلي موسی سيد اوغلي يعقوب بو يدي کيم ايرسا بزکا کليب باش اوردي لار
اول خان آغالاريمزدان ترخان بولغان کشي لار ايكاندور

«Бу ншан иткач еуз ауликм. Бу Мухаммед углы Шейх Ахмед дахи Шейх Ахмеднен углы Абдал дахи Сейд Ахмед, анси Мухаммеднен углы Муса, Сейд углы Якуб, анс и Буланс дахи анси Нур Сейд – бу еди ким аирса бзгд килеп баш ордылар. Эвуэль хан агаларимздан тархан булган кшилэр икэн-дер»¹⁴⁸.

То есть: «Когда до них дойдет этот приказ, слово мое таково: – Этот Шейх-Ахмет сын Мухаммеда, потом сын Шейх-Амеда Абдал, потом Сейид Ахмед, его брата Мухаммеда сын Муса, Якуб сын Сейида, его брат Буланс, его брат Нур-Сейид – эти семь человек, пришедши к нам, били челом, что они были тарханами прежних наших старших ханов».

Данный издателем перевод перечисления лиц, которым [в рукописи «которыми» – ред.] выдан ярлык, нуждается в некоторой поправке. После Сейид-Ахмеда переводчик пишет «его брата Мухаммеда сын Муса»¹⁴⁹. В другом издании переводчик называет Сейид-Ахмеда сыном Мухаммеда, а Мусу – сыном его младшего брата Мухаммеда¹⁵⁰.

Происхождение Мусы в таком переводе не ясно. По нашему мнению, родственные отношения упоминаемых в ярлыке лиц можно представить в следующей схеме:

Таким образом, Муса является сыном Мухаммеда и младшим братом Сейид-Ахмеда.

Само пожалование, вернее подтверждение тарханства, выражено следующей фразой:

بز داغي سيورغان بو مزکور کيم ايرسه لارني تنکري تعالی رضاسي و تقی
محمد رسول الله شفاعتي اوچون تارخان قلديم

¹⁴⁸ Ярлык Сахиб-Гирея. Строчки 5–9.

¹⁴⁹ ВНОТ. № 1–2. С. 33.

¹⁵⁰ ИОАИЭ. Т. XXXIII. Вып. 1. С. 66.

«Бз дахи сиюргаб бу мзкур ким аирсаларни тангри тэгли рзаси вэ тки Мухаммед расул аллахи шфагти оучун тархан клдим»¹⁵¹. То есть, «мы вновь пожаловав упомянутых лиц во имя великого бога и ради пророка Мухаммеда, сделали их тарханами».

Подтверждение тарханства, как установил М.Д. Приселков, требовалось в двух случаях: 1) новый хан подтверждал ярлыки своих предшественников по отношению к лицам, пользовавшимся привилегиями при прежних ханах; 2) хан подтверждал права на тарханство лиц, предки-правопредшественники которых уже имели тарханные грамоты¹⁵².

Наш ярлык является подтвердительным. В данном случае Сахиб-Гирей подтверждает тарханство детей Мухаммеда, бывших тарханами при прежних ханах:

اول خان اغالاريمزدان ترخان بولغان كشى لار ايكاندور

(«ауэль хан агаларимздан тархан булган кшилер икандер»).

В источниках, относящихся к Монгольской империи, к Золотой Орде, хулагидскому Ирану, указывается, что при пожаловании тарханства и некоторых других пожалований выдавались ярлык и пайдза¹⁵³. О пайдзах, например, говорится в ярлыке Тимур-Кутлуга. В нашем ярлыке пайдза не упоминается.

Употребленное в формуле пожалования ярлыка Сахиб-Гирея слово «сиюргаб»¹⁵⁴ переведено издателем словом «пожаловав». В таком же смысле употребляется это слово и в ярлыке Тимур-Кутлуга: «Мухаммед бизнин союргал булып, тархан булып торсын дидек», т. е. «а так как Мухаммед нами пожалован, то мы и сказали: да будет он тарханом»¹⁵⁵.

В ярлыке Саадат-Гирея эта фраза написана так: «Бзгэ туфонки аулдге сэбэпдэн союргал буляг азат тархан булсун тидек», то есть «За то, что трое... были у нас стрелками, пожаловали, говоря: пусть они будут вольными тарханами»¹⁵⁶.

Сравнивая формулу пожалования ярлыка Саадат-Гирея с нашим ярлыком, видим, что в последнем не объясняется за что пожаловано тарханство. Монгольский термин «сойюргал» в XIII–XIV вв. обозначал пожалование в самом широком смысле слова правителем своему служилому человеку. И.П. Петрушевский приводит следующий пример: «Фумени упоминает, что около 943 г. х. (1536 г.), перед казнью возмутившегося и взятого в плен вла-

¹⁵¹ Ярлык Сахиб-Гирея. Строчка 9.

¹⁵² См.: М.Д.Приселков. Ханские ярлыки русским митрополитам. Птг., 1916. С. 69.

¹⁵³ См.: Б.Д.Греков и А.Ю.Якубовский. Указ. соч. С. 138–140. Приведены ссылки на источники и литературу вопроса.

¹⁵⁴ Ярлык Сахиб-Гирея. Строчка 9.

¹⁵⁵ ЗВОРАО. Т. III. Вып. 1–29. С. 28.

¹⁵⁶ И.Н.Березин. Ханские ярлыки. Вып. 2. С. 19, 21.

детеля Дальнего Гиляна Музоффар-султана из династии Исфакидов шах Томасп I помиловал его пажа Шах-Хатима Кухдуми и, «освободив его от уз и цепей и повелев определить ему в союргал сумму в 100 туманов тебризских, послал его в округ Кусир Кирманский»¹⁵⁷. Но, обычно, со второй половины XIV века союргалом назывался особый вид владений на Востоке. «Под союргалом подразумевали, – пишет А.Ю. Якубовский, – в конце XIV и в XV в. «лэн»¹⁵⁸.

При анализе института союргал в Казанском ханстве я буду придерживаться выводов И. П. Петрушевского. «Нужно прямо сказать, что в настоящее время по вопросу о союргале, а затем тиуле, как с точки зрения большого количества приведенных фактов, так и глубины анализа, последнее слово за книгой И.П. Петрушевского»¹⁵⁹.

На основании большого фактического материала И.П. Петрушевский утверждает, что в «институте союргала военно-ленная система, начальным этапом которой был институт икта, нашла наиболее полное выражение и развитие. Основой союргала и связанного с ним иммунитета (муафи) был рост крупного военно-феодалного землевладения и лежащее в природе феодализма верховенство феодала в военном деле и в суде как атрибут земельной собственности, отмеченные К. Марксом в главе II том I «Капитала». Пожалования падишахов не создали института союргалов, они лишь оформляли складывавшиеся помимо воли центральной власти отношения»¹⁶⁰.

По мнению И.П. Петрушевского, для союргала является характерным:

- 1) обусловленность владения несением военной или иной службы государю;
- 2) наследственность союргального владения;
- 3) налоговый иммунитет;
- 4) административно-судебный иммунитет¹⁶¹.

Чем был союргал в Казанском ханстве в XVI веке, можно судить по ярлыку Сахиб-Гирея. Этот ярлык предоставляет сыновьям Мухаммеда следующие привилегии. Ярлык подчиняет власти его держателей всех без исключения лиц на всей территории союргала. Ярлык гарантирует не только налоговый, но и административно-судебный иммунитет: представителям ханской администрации не разрешается вступать на территорию [в рукописи «на территории» – ред.] союргала.

¹⁵⁷ См.: И.П.Петрушевский. Указ. соч. С. 146.

¹⁵⁸ Б.Д.Греков и А.Ю.Якубовский. Указ. соч. С. 136.

¹⁵⁹ Рецензия А.Ю.Якубовского на книгу И.П.Петрушевского «Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и в Армении в XVI – начале XIX вв.». Вопросы истории. 1950. № 4. С. 140.

¹⁶⁰ И.П.Петрушевский. Указ. соч. С. 151.

¹⁶¹ См.: И.П.Петрушевский. Указ. соч. С. 170–171.

Выражение ярлыка دست تظاول قيلماسونلار – «дост ттаул кылмасынлар» (никто рук пусть не протягивает) трудно понимать иначе, как запрещение доступа на иммунитетную территорию. «Дост» – по персидски «рука», а «ттаул» по арабски «удлинять, сделать длинным, протягивать»¹⁶².

На основании ярлыка Сахиб-Гирея [в рукописи «Сахиб-Гирей» – ред.] и данных русских летописей феодальные отношения в Казанском ханстве нам представляются в следующем виде. Для того, чтобы составить представление о праве собственности феодального общества Казанского ханства нам нужно проанализировать:

- 1) право собственности феодала на землю;
- 2) право «неполной собственности» на крепостного;
- 3) право собственности крепостного на его средства производства и потребления, а также право крепостного на находящийся в его пользовании участок.

Основной обязанностью держателя сойюргала по отношению к хану была военная служба. Держатель сойюргала в качестве вассала хана должен был отбывать военную службу, объем которой по дошедшим до нас источникам трудно представить. Вероятно, он регулировался феодальным обычаем. Вассал должен был являться на военную службу в полном вооружении со своими слугами. Вассал нес службу на свой счет.

Обращаю внимание на термин تارخان – «тархан», которым по смыслу ярлыка называется его держатель. Термин «тархан» здесь употребляется в смысле освобождения от всех податей и повинностей, кроме военной службы. Синонимами термина «тархан» в других мусульманских государствах средневековья были персидское «азад» (свободный) и «муаф».

В «Казанском летописце» имеется характерное место, которое я позволю себе процитировать: «И слышав Казанский царь Сапкирий великих воевод Московских в велицей силе идуща и посла во все улусы Казанские по князеи и мурзы, веля им в Казань собратися из отчин своих, приготивившимся сести в осаде, сказуя многу, необычну силу Рускую»¹⁶³.

Здесь совершенно четко указывается на воинскую повинность вассалов по отношению к казанскому хану. Нельзя не обратить внимания также на указание о наследственном характере владений казанской знати. Употреблен широко известный и выразительный русский термин «вотчина».

Среди рукописей Каюма Насырова имеется «Повествование об одном татарском феодале XVI века», где рассказывается о сборе военного ополчения татарским феодалом Абдурразаком.

¹⁶² И.П.Петрушевский дает более ясную формулировку такого запрещения – «пусть перья и ноги укоротят и уберут оттуда». Указ. соч. С. 157. Прим. 2.

¹⁶³ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 37–252.

«Однажды к Абдурразак-мулле собрались гости и зашел такой разговор: один из гостей и заметил: «Наверно в этих краях нет человека богаче Абдурразака», на что другой возразил: «Нет, я считаю, что Ишмурза богаче Абдурразака». Оказывается, в те времена был еще один богатый человек, по имени Ишмурза. Услышав этот разговор, Абдурразак-мулла приказал: «Идите, скажите, пусть все мои работники оденутся в свои военные одежды и, сев верхом, на лошадей, выстроятся в ряды во дворе». По приказу Абдурразака все собрались: подковы и стремена у лошадей все были выкованы из серебра»¹⁶⁴.

Составители «Истории Татарии в документах и материалах», впервые опубликовавшие это повествование, правильно замечают: «Образ ханского феодала, набросанный в этом «повествовании», очень близко подходит к образу московских помещиков-бояр и западноевропейских баронов и графов с их помещичьими усадьбами и замками средневековья»¹⁶⁵.

Тексты многочисленных эпиграфических памятников казанских феодалов указывают, что погребенные под ними лица пали в боях с неверными, т.е. были убиты при несении воинской повинности Казанскому хану. А. Рахимом при обследовании древнетатарской эпиграфики в пределах Арского кантона Татарской АССР в 1927–1928 гг. были зарегистрированы такие тексты на некоторых татарских памятниках времен Казанского ханства.

В деревне Большая Серда Тукаевской волости, за околицей, по левую сторону от дороги при въезде в деревню со стороны деревни Средние Серды, в общем большом чардугане был найден камень с надписью:

قال الله تبارك و تعالی
كل من غلبها فان يبقی وجهه
ربك ذو الجلال و الاكرام
تاریخ توقوز یوز قرق یلدا
ملك امان اوغلی ممای غل تقا (?)
بار عاندا كافر قولندین شهید بولدی

«Все, что на ней (на земле – *Ш.М.*) – бrenно, и останется вечно (лишь – *Ш.М.*) лицо господя твоего, обладателя величия и почтения. Даты в 940 году сын Мульк-Эмана Мамайгул при поездке в (?) пал мученически от руки неверных¹⁶⁶. Дата соответствует 1533 году.

¹⁶⁴ История Татарии в документах и материалах. М., 1937. С. 194.

¹⁶⁵ Там же. С. 93.

¹⁶⁶ А.Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI века. Труды ОИТ. Т. I. Казань, 1930. С. 160.

Около татарской деревни Малая Атна Больше-Атнинской волости, в старинном кладбище находится камень с надписью «Даты в 947 сын... мученически пал от руки неверных»¹⁶⁷. Дата соответствует 1540 г.

В могильнике около деревни Менгеры Ново-Кишитской волости был обнаружен камень с надписью: «Даты... в месяце... пал мученически от руки неверного. Да помилует (его бог) всевышний»¹⁶⁸. Камень по стилю относится к первой половине XVI века.

Близ деревни Старый Узюм Ново-Кишитской волости на одном из старых татарских памятников сохранилась надпись подобная выше приведенным: «Это лучезарная могила высокого султана. Даты в 947 то было, что сын Садира (?) Идигей мученически погиб от руки неверного»¹⁶⁹.

Но наиболее характерной надписью является следующая на камне со старинного татарского кладбища около деревни Малая Атна Больше-Атнинской волости:

تاریخ توقوز یوز اوتوزدا
رمضان ایندا یابنجی تابن اق
بولان اوروس کیلکا (نده)
شهید بولدی نور الله قبره

«И не ведает никто в какой земле он помрет. Земная жизнь есть пашня (по отношению к последней, посмертной) жизни. Даты в 930 в месяце Рамазане Ябынчи Табын Ак-Булат мученически пал при приходе русских. Да осветит бог его могилу»¹⁷⁰. Дата соответствует 1524 году (июль – август). По мнению А. Рахима, это единственный памятник, где упоминается слово «русский» (урус). Значит, основными держателями сойюргала была военная знать – эмиры, мурзы, а также огланы и казаки. Имея в виду основную массу средних и мелких феодалов (огланов и казаков), русский летописец правильно характеризует их как военных слуг хана: «... люди средние и все семени злаго того же, и все воин искусен и ратник изучены»¹⁷¹.

Основным видом сойюргала была, вероятно, небольшая территория в составе одного или нескольких селений, как это видно из следующего текста «Казанского летописца»: «... все уланове, князи и мурзы разъехася по селам своим гулят з женами своими и з детми»¹⁷².

¹⁶⁷ Там же. С. 161. Арабское изречение (Коран, сура IV, стих 26–27. В начале камня, мною опущено) [прим. Ш.Ф. Мухамедьярова – ред.]

¹⁶⁸ Там же. С. 164.

¹⁶⁹ Там же. С. 169.

¹⁷⁰ Там же. С. 160. Приведу в транслитерации татарский текст даты: «Тарих тукуз юз утузда Рмзан айда Ябынчи Табн Ак Булад урус килга (ндэ) шхид булди. Нур алла корэ».

¹⁷¹ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 369.

¹⁷² ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 299.

Феодалы, будучи держателями земли, имели в своем владении и такое важное средство производства, как скот: стада овец, коней и верблюдов. После изгнания казанских феодалов, хан Шигалей забирает себе их имущество: «... и паче лютейша възъярися на них, и уби по сведении царицыне (Сююмбеки – *Ш.М.*) числом 700 вельмож великих, средних и меньших, уланове, и князи, и мурзы, имения их к себе похищая, коней стада и велбуды [верблюды – ред.], и овец...»¹⁷³.

Военная знать (эмиры) находилась в вассальной зависимости от хана. Но оставались ему верными лишь постольку, поскольку получали от него пожалования земель и доходные посты на государственной службе.

Поэтому представители военной знати, во главе с князем, могли в 1531 году заявить в Москве великому князю Василию Ивановичу: «... чтобы государь нас пожаловал, велел нам себе служить; а царю Казанскому служить не хотим: царем есмь умерли, а государевым жалованием ожили. Царь нас послал о великих делах, и что мы ни зделали, и он то все презрел, а нас отступил; и коли мы царю ненадобны, и нам царь ненадобен...»¹⁷⁴.

В 1546 г., после свержения хана Шигалея, много казанских князей было побито новым ханом Сафа-Гиреем, а 76 человек приехали служить в Москву. «Тоя же осени, септемвриа 20 приехали ис Казани к великому князю служить князи Казанские Кулуш-князь, Тереул, Бурнашь да Чбрины братья Нарыкова, 76 человек; а иных царь в Казани побил, Чюру-князя Нарыкова, Баубека-князя, Кадыша князя, и иных многих побил и стал владети Казанию с Крымскими князьими», – писал об этом факте составитель Никоновской летописи под 1055 г. [так в рукописи, на самом деле, вероятно, 7055 г. – 1546/47 г. – ред.].

Военная служба эмиров, мурз, огланов и казаков была не только личной обязанностью вассала перед казанским ханом, но и особой формой удовлетворения общих интересов класса феодалов, часть прибавочного продукта, непосредственно присвоенного вассалом с подвластных ему крепостных.

Кроме военной службы, у вассалов казанского хана были еще и обязанности иного характера. Имею в виду придворную службу и судебную повинность, а также повинности непосредственно имущественного характера. Такой повинностью являлось предоставление феодалам помещений и содержание хану или его чиновникам при проезде через земли феодала. Освобождение от такой повинности предусматривается ярлыком Сахиб-Гирея:

اويلارينه کوچ بله ايلجى قوناق فوندرماسونلار «Уйларина куч бла ильчи кунак кундурмасунлар», т.е. «в дом их насильно посланников – гостей не ставить»¹⁷⁵. Право постоя в условиях господствовавшего в Казанском ханстве

¹⁷³ Там же. Стлб. 87, 356.

¹⁷⁴ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 56.

¹⁷⁵ Ярлык Сахиб-Гирея. Строчка 16.

натурального хозяйства было формой изъятия ханом доли прибавочного продукта, непосредственно присвоенного вассалом. Вассалы были обязаны также принимать участие в ханской охоте и предоставлять при этом необходимое помещение и содержание хану и его свите на своей территории. По рассказу «Казанского летописца», русские войска под начальством князя Семеона Микулинского и князя Василия Оболенского в 1548 г. встретили казанского хана Сафа-Гирея на охоте: «... и заря во граде не бе. Обретоша его со птицами ловящ и со псы, впросте в мале дружине; и побиша Казанцов 3000, бывших с ним, шатру и казну его всю, бывшую ту разграбиша, бывшего хлебокормлююща жива, и самого же царя мало жива не яша, мало жтв [так в рукописи, вероятно, «жертв» – ред.] во граде утек, 5 или 10 юнош с ним, и град ссадил»¹⁷⁶.

Повинностью экстраординарного характера была, очевидно, قولوش قلدتقه «кулушклтка», неточно переведенная издателем Сахиб-Гирея как «подать кулыш-култыка»¹⁷⁷. Сравнительное изучение «Материалов по истории Крымского ханства», изданных В. В. Вельяминовым-Зерновым в 1864 году и старорусских посольских документов приводит к установлению значения термина «кулыш-клтка» как «запросы» («сураб алуна турган буляк») ¹⁷⁸. Вероятно, «кулыш-клтка» в Казанском ханстве была аналогичной «помощи» (auxilium, aid) или «подарком» (munus, gift) в трудные или торжественные для сеньора моменты в Западной Европе.

Сведений об уплате наследникам вассала определенного вознаграждения хану при переходе сойюргала к наследнику мною не обнаружено.

Взаимное ограничение прав хана и его вассалов в деле распоряжения сойюргалом не дают нам возможности признавать только одного из них полным собственником сойюргала. Понятие собственности на лен (сойюргал) может быть правильно оценено только под углом зрения разделенной собственности¹⁷⁹. Расчленение собственности на лен между сеньором и вассалом имеет место при превращении бенефиция в наследственный лен – феодал. При этом у сеньора получается верховная собственность на лен, а у вассала подчиненная собственность. Владелец сойюргала имел право широкого пользования землей и ее плодами. Он непосредственно владел землей собственной властью, полученной им по наследству от своего правопредшественника, как

¹⁷⁶ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 58, 298–299.

¹⁷⁷ Ярлык Сахиб-Гирея. Строчка 14–15.

¹⁷⁸ См.: ИРАН. Серия VI. 1917. № 15. С. 1277–1278. (Статья «Тийшь – (тишь) и другие термины крымско-татарских ярлыков»); ИАН. Серия VI. 1926. № 12. С. 1110; ИОАИЭ. Т. XXXIII. Вып. 1. С. 89.

¹⁷⁹ См.: А.В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность. М.–Л., 1948. С. 133.

правило, от отца. Эта власть закреплялась за держателем сойюргала феодальным правом и утверждалась выдачей ярлыка ханом. С момента выдачи подтвердительного ярлыка вассал начинает владеть и пользоваться сойюргалом своей властью (правда, несколько ограниченной). В таком случае хан уже делит полную собственность на этот лен – сойюргал с вассалом. Хан является верховным собственником, а держатель сойюргала – подчиненным.

Верховная собственность хана на сойюргал проявлялась в его праве отнимать лен в случае нарушения вассалом условий службы. Воскресенская летопись под 7049 (1541) г. рассказывает о таких случаях в царствование Сафа-Гирея: «... а от царя ныне Казанским людям велми тяжко, у многих князей ясаки поотымал да Крымцом подавал»¹⁸⁰. Значит, Сафа-Гирей отобрал у некоторых казанских князей право сбора налогов с сойюргальной территории. Может быть, здесь мы сталкиваемся также с другим видом пожалования. Имею в виду пожалование ненаследственного права на получение целиком или частично податных сумм в виде ясака с определенной территории. Конечно, трудно отрицать существование в Казанском ханстве также и ленов в виде дани. Такие лены могли быть на территории, где проживали чуваша, марийцы, удмурты и мордва. В качестве доказательства сошлюсь на жалованную грамоту Ивана Грозного от 17 марта 1557 г. Емаше и Исяше Кугушевым на ясак, который наперед того «был за казанским князем за Мальшем сыном». Приведу полностью текст этой небольшой грамоты: «Божиею милостью царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, володимирски, московски, новгородски, казански, псковски, смоленски, тферской, югорски, пермски, вяцки, болгарски и иных, пожаловал есми Емаша мурзу да Исяша мурзу Тенишевых детей Кугушева Сыхретинские мордвы Кучукова беляка ясаком, как был тот ясак дан Шакчуре да Мешаю, а наперед того тот ясак был за казанским князем за Мылышем сыном. И вы, все люди тое мордвы, чтите их и слушайте по тому ж, как было преж сего. Дана грамота на Москве, лето 7062, марта в 19 день»¹⁸¹.

Представленный ярлыком Сахиб-Гирея иммунитет является ярким примером обычного в условиях развитого феодализма тесного переплетения политических и земельных отношений, власти над населением и власти над землей.

В качестве иллюстрации можно обратиться к рукописи Каюма Насырова «Повествование об одном татарской феодале (XVI в.)». Изображенный в этом повествовании «Абдурразак-мулла был человеком богатым, смелым и образованным; в свое время являлся начальником среди окружающего населения,

¹⁸⁰ ПСРЛ. Т. VIII. С. 295; см. также: ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 99.

¹⁸¹ Известия Тамбовской Ученой архивной комиссии. Вып. XXIV. С. 32. Цитирую по книге: Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1. Саранск, 1940. С. 148.

последнее обращалось к нему за разрешением всяких споров и дрязг. Абдуразак судил и мирил их, и каждый из них уходил довольный его решением... Он собирал с населения деньгами и хлебом подати:... все дела и сборы гушр, касающиеся казны или туда через Абдуррезака, и все эти дела были возложены на него...»¹⁸². Хан, соединявший в своих руках политическую власть над населением Казанского ханства с властью над землей, выдавал своим вассалам сойюргальную грамоту. Грамота Сахиб-Гирея признает за ними ряд привилегий, но не различает политических прав от чисто имущественных. Это видно также из приведенного выше описания хозяйства татарского феодала XVI века.

Ни в коем случае нельзя считать, что «судебные и податные привилегии землевладельцев основывались на жалованных грамотах князей, имели личный характер и вовсе не были связаны с землевладением частных лиц по обычному праву»¹⁸³. Крупное землевладение зародилось на территории ханства на основе внутреннего разложения общины, и только потом вошло в общую систему ханских пожалований на основе коммандации местных феодалов на службу казанскому хану со своими землями. Военно-феодалная знать, приезжая на службу к казанскому хану, захватывала земли с сидевшими на ней крестьянами и заставляла их работать на себя.

Ханские пожалования только оформляли этот процесс. По отношению к сельскому хозяйству и феодальному землевладению Казанского ханства вполне применимы следующие слова Б.Д. Грекова: «Ведь никто не будет изображать дело так, что история сельского хозяйства началась с освоения земли боярством. Смерд начал пахать землю за много столетий до появления боярства; пахал на себя и на своих родных, не зная над собой никого, кому бы он был обязан принудительно отдавать часть своего труда или продукта. Сидел он на земле, которую в той или иной степени считал своею»¹⁸⁴.

Перефразируя слова Б.Д. Грекова, можно твердо заявить, что представители пришедшей военной знати могли стать феодалами только потому, что овладели населенной землей и заставили работать на себя сидевшего на ней татарского крестьянина.

Так было не только при завоевании Казанского ханства, но и позднее. Например, в ярлыке ногайского мурзы Юсуфа Ивану Грозному от 1549 г. описывается воцарение в Казани Сафа-Гирея из крымской династии Гиреев: «Коли Сафакирей царь впервые в Казань пришел и с ним тольды пришли человек с тритцать. И после того спустя несколько лет привел многих нагих (и голодных)

¹⁸² История Татарии в документах и материалах. М., 1937. С. 104.

¹⁸³ С.Б.Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 27.

¹⁸⁴ Б.Д.Греков. Крестьяне на Руси. М., 1946. С. 716.

людей крымцов. Да почал над казанскими людьми насильство чинити...»¹⁸⁵. Безусловно, это «насильство» выразалось и в овладении землями местных татарских крестьян и в приведении их в состояние феодальной зависимости.

Иммунитет казанских феодалов не вытекал из пожалований хана. Основой иммунитета казанских феодалов было владение феодалов землей, крупная феодальная земельная собственность. Указание Маркса о том, что в эпоху феодализма верховенство феодала в военном деле и суде являлось атрибутом земельной собственности, надо положить в основу изучения природы казанского иммунитета. В Казанском ханстве, как и везде, иммунитет не был продуктом деятельности государственной, ханской власти, а являлся характерным выражением иерархической структуры феодального государства казанских татар, политическая власть в котором была разделена между ханом и феодалами¹⁸⁶. И действительно, в ярлыке Сахиб-Гирея упоминается на одном ряду: 1) об освобождении подвластных держателям ярлыка людей от сборов общегосударственного характера («ясак, оброк, подать, именуемую салыг, не взимать, подать кулыш-култыка, таможенную пошлину, харадж и хараджат не требовать, деревенскую подать, земельный налог, налог с трубы (с них) не собирать»)¹⁸⁷; 2) об освобождении от постоя и содержания ханских слуг («в дом их насильственно посланников – гостей не ставить, ... продовольствия, фуража не требовать»)¹⁸⁸.

Судебный иммунитет, предоставлявшийся ханом держателям ярлыка, представляет опять-таки переплетение имущественных и политических элементов. Запрещая въезд своим слугам и судьям на территорию сойюргала, хан оставлял за вассалом все судебные доходы и избавлял подвластное население от натуральной повинности по постою и содержанию ханских судей.

Поэтому признание единым собственником только хана или держателя сойюргала противоречило бы реальной связи отношений земельных с имущественными. Таким образом, держатель сойюргала в Казанском ханстве был как собственником земли, так и носителем политической власти по отношению к населению, живущему на территории сойюргала. Он взимал с этого населения в свою пользу установленные государством повинности и сборы и творил над этим населением суд и расправу. Значит, в институте сойюргала мы видим слияние власти над землей с властью над людьми в единую власть держателя сойюргала. Собственность держателя сойюргала на

¹⁸⁵ Пр. ДРВ. Часть VIII. СПб., 1793. С. 141.

¹⁸⁶ См.: И.И. Смирнов. С позиций буржуазной историографии. Вопросы истории. 1948. № 10. С. 113–124.

¹⁸⁷ Ярлык Сахиб-Гирея. Строчки 14–17.

¹⁸⁸ Там же. Строчка 16.

землю предполагает подсудность и подведомственность в податном отношении ему всего населения сойюргала. Комплекс правомочий держателя сойюргала не может быть отнесен только к сфере земельной или только к сфере политических отношений. Здесь налицо характерное для феодального строя соединение политической власти с властью на землю, связь политической иерархии с земельной.

Поэтому попытку М.Г. Худякова трактовать феодализм в Казанском ханстве как определенную форму государственного устройства — «соединение определенных государственных должностей с принадлежностью к знатнейшим родам составляет характерную черту государственного строя Казанского ханства»¹⁸⁹ — независимо от способа производства и системы производственных отношений между феодалами и непосредственными производителями, следует признать ошибочной и извращающей характеристику феодализма, данную классиками марксизма-ленинизма.

Итак, типичной формой поземельных отношений в Казанском ханстве была военно-ленная система в виде наследственного землевладения (феод — сойюргал — вотчина). Объектом феодальной собственности являлась земельная территория, полученная от хана в качестве лена. Феодальная собственность на землю в Казанском ханстве была расчлененной и принадлежала нескольким феодалам, стоящим на разных ступенях феодальной иерархии (обычно, хан и феодал).

Феодал-землевладелец пользовался иммунитетом, то есть был носителем политической власти по отношению к подвластному ему населению. Собственность феодала на землю была основой внеэкономического принуждения сидевших на этой земле непосредственных производителей.

¹⁸⁹ М.Г.Худяков. Указ. соч. С. 183 и след.

ГЛАВА IV

Положение крестьянства

1. Вопрос о крепостном праве

Состояние производственных отношений в Казанском ханстве показывает, что основные средства производства находились в руках феодалов. В основе производственных отношений Казанского ханства лежали отношения собственности. В зависимости от характера феодальной собственности, здесь сложились определенные социальные отношения. В татарском феодальном обществе, основанном на частной феодальной собственности на средства производства, эти отношения были отношениями антагонизма, непримиримой классовой борьбы. Вся система производственных отношений – отношений собственности выступала здесь как непосредственные отношения господства и зависимости. Говоря словами К. Маркса, «личная зависимость характеризует тут общественные отношения материального производства в такой же степени, как и иные, воздвигнутые на этой основе сферы жизни»¹. Поэтому непосредственный производитель в Казанском ханстве выступает как несвободный. Личная зависимость татарского крестьянина, «которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства»², была необходимым условием феодальной формы эксплуатации в татарском феодальном обществе.

В источниках встречаются интересные сведения о том, каким количеством зависимых людей обладали некоторые крупные казанские феодалы.

Автор «Истории о Казанском царстве» при описании бегства князя Чюры из Казани в Москву указывает: «Чюра ж, по времени собрався з женами своими, и з детьми – с ними же бе 500 служащих раб его, во оружиях одеяны...»³.

«Казанский летописец» упоминает также о князе Чапкуне, оставившем свою землю с зависимыми людьми в Казанском ханстве и переехавшем в Москву: «В то же время бе на Москве бегут Казаньский, варварин, князь Чапкун именем сеи, оставив землю и страну отечества своего, в ней же родися и жительствова прежде, и дом, и жену, и чада своя, и вся пометну, еже

¹ К.Маркс. Капитал. Т I. С. ... [в рукописи страница не указана – ред.]

² К.Маркс. Капитал. Т. III. 1949. С. 803.

³ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 55.

имяше в Казани...»⁴. Летописец рассказывает также о желании Чапкуна «все взять ему к Москве оттуду (из Казани – *Ш.М.*), подружие свое змииное и дети своя и рабы, оставльшия тамо имение избрати»⁵.

Не менее ценным и надежным источником, хотя и весьма скудным для характеристики степени зависимости крестьянского населения от татарского феодала, является ярлык Сахиб-Гирея. В ярлыке упоминаются «кшиляр», то есть «люди»:

من بعد بو مشاراليم لارغه يوللاريندا و ايزلاريندا سفرلاريندا و
حصرلاريندا اولتورغان لاريندا و تورغان لاريندا كشي لارينه و قرالارينه
يوكلارينه و جاروالارينه فردمن يلافات و وجه من الوجوه دخل و تقارضى
قلماسون لار

«Мн бгд бу мшаралимларга юлларинда в узларинда сфрлэринда в хзларинда аултурганларинда в турганларинда кшларина [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.] в краларина юklarина в жаруларина фрдман илафат вужамн алужуа дхл в ткарз клмансунлар». То есть: «К названным лицам на дорогах, в жилищах, в пути, дома во всякое время: когда они сидят и когда встают, и их крестьянам, поместьям, возам и скоту не смеют пусть прикоснуться злые намерения и не вмешиваются злые поступки и действия ни одного человека»⁶.

По мнению переводчика, «кшиляр» обозначает людей, «которые являлись собственностью тарханов»⁷. Такого же мнения придерживается и М.Г. Худяков: «Ярлык Сахиб-Гирея действительно подтверждает существование в Казанском ханстве крепостных крестьян: тарханная грамота ставит под покровительство государственной власти «людей (киши), поля, возы и скот», принадлежащие тарханам. Кого же можно разуметь в данном случае под «людьми» (киши), как не крепостных, работавших на помещиков, почему они и поменованы наряду с полями, возами и стадами, принадлежавшими тарханам?»⁸. По мнению другого историка, Н.Н. Фирсова, ярлык свидетельствует, что у «помещиков в Казанском ханстве были свои крестьяне»⁹.

Эти мнения разделяются и новейшим историком Казанского ханства Н.Ф. Калининым: «... перечисление «людей» (киши) в ярлыке 1523 года, наряду с землями и прочим имуществом тарханов, заставляет видеть в этих людях, прежде всего, крепостных».¹⁰

⁴ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 358.

⁵ Там же. Стлб. 360.

⁶ Ярлык Сахиб-Гирея. Строчки 11–14 (перевод С.Вахитова).

⁷ ИОАИЭ. Т. XXXIII. Вып. 1. С. 87.

⁸ М.Г.Худяков. Указ. соч. С. 206.

⁹ Н.Н.Фирсов. Прошлое Татарии. Казань, 1926. С. 19.

¹⁰ История Татарской АССР. Т. I. Казань, 1950. С. 166.

Правда, Н.Ф. Калинин в другом месте оговаривается, что цитированная выше фраза из ярлыка относится к таким категориям лично зависимых от феодала людей, как то: крепостные, кабальные, рабы¹¹.

В литературе высказывалось также мнение, что термин «кшиляр» обозначал не только крестьян-земледельцев, но и кочевое и охотничье население¹².

Мне кажется, что трактовка М.Г. Худяковым и Н.Ф. Калинин «кшиляр» как полной собственности помещика не вполне правильна. Утверждение Н.Ф. Калинина о том, что «лично зависимые люди были полной собственностью владельца – он мог эксплуатировать их как угодно, распоряжаться их жизнью и смертью»¹³, противоречит указаниям классиков марксизма-ленинизма. В.И. Ленин ведь писал: «Крепостник-помещик не считался владельцем крестьянина, как вещи, а имел лишь право на его труд и на принуждение его к отбыванию известной повинности»¹⁴. Точно также и И.В. Сталин указывает, что основой производственных отношений при феодальном строе является «неполная собственность на работника производства – крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить»¹⁵.

Возражая М.Г. Худякову и Н.Ф. Калинин по поводу термина «кшиляр», я не хочу тем самым отрицать наличие крепостных крестьян в Казанском ханстве. Однако, под этим термином я понимаю не только крепостных крестьян, но все фактически зависимое от феодала население, степень зависимости различных групп этого населения могла быть различной. Попутно отмечу, вряд ли можно подразумевать среди этого населения кочевников, наличие которых вообще в такой земледельческой стране, как Казанское ханство, весьма сомнительно.

Таким образом, термин «кшиляр» обозначает всю совокупность феодально зависимого населения, значительная часть которых была, очевидно, в крепостнической зависимости от своего феодала. Такая функция термина «кшиляр» восходит к руническим надписям орхоно-енисейских тюрок, относительно которых А.Н. Бернштам писал: «Так как знатные отмечаются особой терминологией *är, alp* и разными титулами и званиями, а для номенклатуры родства существует также особая терминология, то термином типа: *qadaş*, а особенно *kişi*, обозначались самые социальные низы»¹⁶. Именно такая функция термина «киши» имеет место в ярлыке Сахиб-Гирея.

¹¹ История Татарской АССР. Т. I. Казань, 1950. С. 166.

¹² М.Сафаргалиев. Рецензия на книгу «История Татарии в документах и материалах». Историк-марксист. 1938. № 3 (67). С. 105.

¹³ История Татарской АССР. Т. I. С. 167–168.

¹⁴ В.И. Ленин. Соч. Т. XXIV. С 367 (Статья «О государстве»).

¹⁵ И.В. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. 1949. С. 27.

¹⁶ А.Н. Бернштам. Указ. соч. С. 160.

Рассматривая характер крепостнических отношений в Казанском ханстве, нельзя игнорировать специфику их складывания, как и во всех странах мусульманского Востока. Шариат – мусульманское право не признает личной зависимости одного мусульманина от другого. В Коране и в сборниках мусульманского права нет указания на возможность крепостного режима. Но фактически крепостнические отношения на Востоке складывались в эпоху феодализма, и значительная часть непосредственных производителей пребывала в зависимости от владельцев земли, так как основой отношения между эксплуатирующим и эксплуатируемым земледельческим классом могла быть только «... собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить»¹⁷. Поэтому и прикрепление крестьян к земле получает на Востоке широкое распространение. Рашид-ад-дин приводит ярлык хана из дома Хулагидов, Газан-хана, от 1304 г., подтверждающий право землевладельцев искать беглых крестьян в течение 30 лет. Это красноречивое свидетельство существования крепостной зависимости гласило: «Райятов (крестьян – *Ш.М.*) из разрушенных и находящихся в благосостоянии деревень, отданных им (военным – *Ш.М.*), если не минуло более 30 лет после их бегства, и если они не числятся в реестрах и писцовых книгах других вилайетов, пусть вернут обратно, у кого бы они не находились. А если (у военных – *Ш.М.*) обнаружатся крестьяне из других областей, то они должны вернуть их обратно. Ни в коем случае (военным – *Ш.М.*) не должно пускать на свои земельные владения крестьян из других вилайетов и местностей, хотя бы они были крестьянами из далеких областей, они не должны ни присваивать, ни никоим образом не собирать их, не покровительствовать им и не пускать их в свои владения и т.д.»¹⁸

По этому поводу И.П. Петрушевский в свое время писал: «Распространение монгольского взгляда на зависимых крестьян как на личную собственность господ нашло свое выражение в том, что крестьян-райятов (конечно иранцев, а не монголов) в монгольскую эпоху в Иране иногда (не официально, а в быту) приравнивали к рабам – смещение невозможное ранее в мусульманских странах»¹⁹.

Мне кажется, что подобное явление наблюдалось не только в Золотой Орде²⁰, где монгольская власть в лице ханов и нойонов привыкла располагать

¹⁷ И.В.Сталин. О диалектическом и историческом материализме. 1949. С. 27.

¹⁸ И.П.Петрушевский. Хамдуллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья. ИАН СССР. Отд. общественных наук. 1937. № 4. С. 882.

¹⁹ И.П.Петрушевский. К вопросу о прикреплен к земле в Иране в эпоху монгольского владычества. Вопросы истории. 1947. № 4. С. 63.

²⁰ См.: Б.Д.Греков и А.Ю.Якубовский. Указ. соч. С. 112.

не только имуществом, но и личностью своих подданных, а имело определенное место в Казанском ханстве.

Я убежден, что личная зависимость населения от помещиков являлась одним из основных признаков феодального строя Казанского ханства. «Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. Необходимо, следовательно, «внеэкономическое принуждение»... Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»²¹.

В странах мусульманского права фактически существовавшие феодально-крепостнические отношения не могли найти себе достаточного оформления в законодательстве. Очевидно, то же самое было и в Казанском ханстве. Непосредственные производители в Казанском ханстве, считавшиеся юридически свободными, фактически находились в крепостной зависимости от феодалов. Этим, вероятно, и объясняется тот факт, что практика не выработала специального татарского термина, полностью соответствующего русскому слову «крепостной крестьянин», хотя имеет сложившуюся терминологию, относящуюся к рабству. Для обозначения крестьянина в татарском языке употребляются такие термины, как *صالا اغا* – «сала ага»²², *صالا غاي* – «салагай»; *أول كشيسی* – «аул кшиси»²³ – сельский человек. Существуют также татарские термины для обозначения крестьянина, прямо указывающие на земледельческий характер его труда. К таким терминам относятся: *صايبانچی* – «сабанче», от слова «сабан» – плуг; *ايکنچی* – «игнче», от слова «иген» – пашня.

Употребление терминов первой группы в эпоху Казанского ханства можно предполагать, так как ярлык Сахиб-Гирея знает и слово «сала» – деревня и слово «киши» – человек.

Точно так же можно высказаться и за употребление терминов второй группы, так как эти термины зарегистрированы в золотоордынских источниках. «Сабанчи» упоминаются в ярлыке Тимур-Кутлуга, а «игинчи» в поэме «Хосров и Ширин» Кутба – сочинении XIV в., отражающем быт золотоордынского двора. Трудно сейчас утверждать, какие смысловые оттенки могло иметь употребление того или иного термина в то время, так как в татарском языке позднейшего времени (XIX–XX вв.) все эти термины употреблялись в качестве синонимов.

²¹ В.И. Ленин. Соч. Т. III. С. 140. (Работа «Развитие капитализма в России»).

²² Л. Будагов. Указ. соч. Т. II. С. 689.

²³ С. Рахманкулов и А. Карам. Указ. соч. С. 247.

Анализ татарской терминологии, относящейся к рабству, подтверждает принятое ранее нами положение о формировании в Казанском ханстве понятия о крепостной зависимости из понятия рабства. Термины, обозначающие рабство, употребляются, как правило, и для обозначения крепостной зависимости. Причина этого кроется не только в специфических юридических нормах Казанского ханства, но и в самих социально-экономических факторах. Не следует забывать, что в хозяйстве татарского феодала применялся труд рабов. Но говорить в связи с этим о рабовладельческом типе производства, как самостоятельном типе производства, нет никаких оснований, так же как и нельзя сбрасывать со счетов труд рабов при оценке экономического строя Казанского ханства.

Мне кажется, вполне применима к Казанскому ханству характеристика места и значения рабского труда, данная А. Ю. Якубовским по отношению к Золотой Орде: «Количество рабов в Орде было, несомненно, велико, но рабы эти не составляли ни в какой мере основы производства, по происхождению были главным образом из военнопленных, употреблялись во всех видах работ, как и всюду на Востоке, занимая немалое место в домашнем хозяйстве кочевых, полукочевых и оседлых феодалов. Редко рабы эти переживали в одной линии несколько поколений и – по большей части – если отец был рабом, то сын садился на землю, наделялся средствами производства и становился сабанчи или уртакчи»²⁴. И действительно, крымские феодалы, составлявшие значительную часть казанской военной знати, «пакости многы содеваху украинам русским, пленующе и жгуще»²⁵, широко использовали труд рабов в своих имениях, полученных от казанского хана.

«Казанский летописец» указывает, что при последнем вступлении в Казань русского ставленника хана Шигалея, было освобождено более 100 000 русских пленников: «... и взяв в Казани плен русский мног, избравше за 30 лет, изо всея земля казанския, число более 100 000 мужи и жены, отроки и девицы, и на Руси отпустеша»²⁶.

Никоновская летопись называет, правда, несколько иную цифру, но это большого значения не имеет. Обращаю внимание на то, что столь значительное количество пленных не могло содержаться в городе Казани и проживало во владениях казанских феодалов, на что и указывает Никоновская летопись: «А полону христианьского вышло з горной стороны и из града Казани и ис Казанской стороны 60 000, написано в Свяжском городе, которым корм государев давали и вверх Волгою спровадили, оприч тех, которой полон по

²⁴ Б.Д. Греков и А.Ю. Якубовский. Указ. соч. С. 116; см. также: С.В. Юшков. История государства и права СССР. Т. I. М., 1947. С. 257.

²⁵ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 387.

²⁶ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 75, 335–336.

своим местом ис Казаньской земли пошел, Вятцкой и Пермской по своим местом, Устюжской и Вологодцкой к своим местом, Муромской и Мещерской, Галицкой и Костромской все по своим местом; кому куды ближе, туды и пошли...»²⁷.

На проживание русских пленников в татарских деревнях указывает и следующее место Никоновской летописи в связи с освобождением полонянников из Казанского ханства: «... а сказывали государю, что полону Казанцы мало освобождают, куют и по ямом полон хоронят...»²⁸.

Значит, рабы в качестве рабочей силы в Казанском ханстве роли не играли. Значительная часть их продавалась, а оставшиеся в стране превращались в феодально зависимое население. По-видимому, это имел в виду С. Герберштейн, когда писал о рабах: «... принуждены служить рабами шесть лет подряд, по истечении которых они делаются свободными, но не могут удалиться ис страны»²⁹.

Характерное наблюдение, сделанное историками по отношению к Ногайской орде, о постепенном переходе раба-холопа в крепостное состояние имело место и в Казанском ханстве. «Из одной грамоты Ногайского мурзы, относящейся к 1629 году, сохранившейся как в татарском оригинале, так и в русском переводе, можно сделать вывод, что в XVII веке ногайские холопы отличались от обычного холопа, не имеющего личной собственности: «И та ведомо было, – писал мурза, – моих двести лошадей да пятьдесят коней и у моих татар (в оригинале – улусных людей) и моих холопов (в оригинале – кул) три тысячи лошадей отгоняли»³⁰. Из грамоты вытекает, что даже холопы имели скот. Очевидно, мы имеем дело с эволюцией холопа в крепостное состояние»³¹. Военнопленные – рабы, посаженные на землю, в Казанском ханстве становились такими же феодально зависимыми крестьянами, какими были местные татарские и другие крестьяне.

А. Курбский указывает, что русские войска во время похода на Арскую землю незадолго до взятия Казани «своих древне заведенных многих от бусурман свободиша от многолетних работ»³². Это указывает на широкое использование труда русских пленников в татарских феодальных имениях Заказанья.

Интересные сведения о полоняниках, как крестьянах-земледельцах, содержатся в писцовой книге Свияжского уезда 1565–1567 гг. письма и меры

²⁷ Там же . Т. XIII. Ч. 1. С. 169–170.

²⁸ Там же. С. 172.

²⁹ С. Герберштейн. Указ. соч. С. 151.

³⁰ ЦГАДА. Ногайские дела за 1629 г. № 1. Л. 324.

³¹ М.Г.Сафаргалиев. Ногайская орда во второй половине XVI века. Сборник научных работ Мордовского государственного педагогического института имени А.И.Полежаева. Саранск. 1949. С. 41.

³² РИБ. Т. XXXI. Стлб. 191.

Н. В. Борисова и Д. А. Кикина, где «после всех поместных земель писаны земли полонянничные в татарских и чувашских селех и в деревнях, которые полоняники живут с татары и с чувашею вместе, а земли своих пашен и з бортных ухажьев полоненники дают оброк по воеводским и по дьячим грамотам»³³. Русские полоняники, будучи посажены на землю в имениях татарских феодалов рядом с татарскими и чувашскими крестьянами, входили с последними в близкое общение и вкладывали свою долю в качестве земледельцев в общее дело развития хозяйства Казанского ханства. Правда, трудно проследить в деталях, но нельзя отрицать то положительное влияние и вклад, который могли сделать и внести русские пленники, принося на Казанскую землю навыки земледельческого труда и ремесла. Насколько близко было хозяйственное общение полонянников с местным населением, красноречиво свидетельствует приводимая ниже пространная выписка из писцовых книг Свяжского уезда: «В Свяжском же уезде в татарских и чувашских селех и в деревнях живут полоненники с новокрещены и с татары и с чувашею вместе, а пашни свои полоняники пашут не в розделе с татарскими и чувашскими пашнями смесь по полосам. А государевы службы полоненники не служат, а дают своих пашен с земли и з бортных ухажьев оброк в Казани и в Сивяжском городе в государеву казну диаком по воеводским грамотам и по книгам. И в тех в татарских и чувашских селех и в деревнях не во многих полоненники во дворех по имяном и полоненичные пашни и сена писаны по скаске, выпрашивая полонеников и новокрещенов и татар и чуваш, а не мерили и от татарских и чувашских земель полоненичных пашен отмежевать было нельзя по тому, что полоненники пахали пашню с татарскими и чувашскими смесь по полосам, да и потому, что многия татаровя и чуваша в те поры были на государеве службе, а без них полонеником одним верити нельзя для ссоры и в поместья князем и детем боярским те полоненичные пашни все не разделены. А велено полонеником с тех их пашен з бортных ухажьев давати оброки в Свяжском городе во государеву казну диаком по оброчным грамотам и по книгам до государева указу»³⁴.

Не менее характерным является указание писца при описании пашни в деревне Нурдулатове о том, что жившие здесь в 1565–1567 гг. на бывшей земле хана Мухаммед Эмина полоненники «отцов своих имен хто, которого рода не помнят»³⁵. Это место является прекрасным дополнением к сообщению «Казанского летописца»: «Не смеяху бо Казанцы многи Руси у себя

³³ Список с писцовой и межевой книги города Свяжска и уезда 1565–1567 г. Казань, 1909. С. 66.

³⁴ Список с писцовой и межевой книги города Свяжска и уезда 1565–1567 г. Казань, 1909. С. 106.

³⁵ Там же. С. 104.

держати мужеска полу, не обусурманенных держати, разве жен и детей малых, да не наполнится Русь в Казани»³⁶.

Сопоставление показаний этих двух источников наводит на мысль о том, что в Казанском ханстве имела место практика воспитания малолетних русских пленников в мусульманской вере, которые по достижении совершеннолетия сажались на землю феодала в качестве зависимых крестьян. И, действительно, в деревне Салтыках, кроме татар и чувашей, упоминаются полоняники с татарскими именами Сабанчейко и Девлятьдейко³⁷.

Отмеченный нами процесс перехода из рабского состояния в крестьянское крепостное состояние влек за собою и перенос терминологии рабства на крепостнические отношения.

Для обозначения раба в татарском языке имеется термин «кул» – кул.³⁸ На употребление этого термина в смысле крестьянин – крепостной крестьянин указывает характерное название одной деревни около города Малмыжа – Кулларово, то есть деревня, населенная посаженными на землю рабами. Употребление термина «кул» в значении крестьянин не только отмечается историками³⁹, но зарегистрировано и лингвистами. Лазарь Будагов в своем «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» для татарского слова قول – «кул» дает три русских термина: крестьянин, невольник и раб.⁴⁰

Опубликованное В. В. Вельяминовым-Зерновым духовное завещание (وسديات نامه – васият-намэ) касимовского татарина-феодала Аликея-аталыка 1639 года⁴¹ дает возможность расширить наш круг представления о феодально-зависимом крестьянстве в татарском феодальном обществе. Исходя из признанной историками общности ряда социально-экономических институтов татарских ханств, я считаю возможным использовать некоторые выводы из этого документа, характеризующего отношения Касимовского ханства, также и для характеристики положения феодально-зависимых крестьян в Казанском ханстве.

В. В. Вельяминов-Зернов еще до издания документа отметил его значение как источника по социально-экономической истории татар и писал о нем: «Сведения о внутреннем быте касимовских татар находим в одном акте, со-

³⁶ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 48, 278.

³⁷ Список с писцовой и межевой книги г. Свяжска и уезда... С. 107.

³⁸ С.Рахманкулов и А.Карам. Полный русско-татарский словарь. Казань, 1920. С. 433; К.Насыри. Полный русско-татарский словарь. Казань, 1892. С. 166.

³⁹ М.Г.Худяков. Указ. соч. С. 209; История Татарии [Татарской АССР – ред.]. Т. I. Казань, 1950. С. 167.

⁴⁰ Л.Будагов. Указ. соч. Т. II. С. 88.

⁴¹ См.: В.В.Вельяминов-Зернов. Указ. соч. Т. III. С. 232–240 (татарский текст), 242–249 (русский перевод).

временном, уцелевшем до сих пор»⁴². По его мнению, это «единственный известный до сих пор старинный акт, писанный на Руси по-татарски»⁴³.

В завещании перечисляются категории лиц, завещаемых Аликеем-аталыком. Из завещания видно, что татарскому обществу был известен такой институт, как отпуск людей на волю посредством специальных грамот *اذاد خطلاري* «азад хатлари» – вольные письма⁴⁴. Одну группу завещанных Аликеем-аталыком людей составляют крепостные из рабов. Сначала он бьет челом Фатима-султан бикем, доставшейся ему по наследству от Ураз-Мухаммеда Башмакова женщиной по имени Ай-Сулу. Затем перечисляются три человека: 1) Курманай, сын Иринеев, из немцев, купленный у жены Кутаная сына Ян-Булата; 2) Иванай, сын Иринеев, из немцев, купленный у той же жены Кутаная; 3) Курман-би, женщина-немка, купленная у Утямиша сына Бурнаева. Эти три человека называются автором завещания полоняниками (ясырями): *ایمدی تقی بو میراث برکان یسیرلاریمیزدین باشقه*: «Имди тки бу мирас брган исирларимиздан башка»⁴⁵, то есть «о прочих моих людях, которые выше в счет завещанных мною полонных людей не вошли, приказываю...»⁴⁶. Кроме того, каждое из указанных трех лиц при перечислении называется *چورا* – чура. Например:

ایرینه اوغلی قورمانای اتلیغ نیمچ جورام
«Ирина углы Курманай атлиг нимч чурам»⁴⁷.

Затем в завещании речь идет о предоставлении вольной крепостным крестьянам: Япушу и Дауляшу. По мнению В. В. Вельяминова-Зернова, Япуш был дворовым, так переводит он слово *آیلامال* – «аиламал», относящееся к Япушу⁴⁸. Не считая возможным пока высказать какие-либо иные соображения по этому поводу, ограничусь только приведением татарского текста, относящегося к Япушу

اوزمیزنینک آیلامал حقدیمیز آندیрай اوغلی یاپیش атلیغ جورамدی

⁴² Там же. С. 231.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 235. Строчка завещания 72.

⁴⁵ Там же. С. 235. Строчка завещания 65.

⁴⁶ Там же. С. 245. (Перевод В.В.Вельяминова-Зернова).

⁴⁷ В.В.Вельяминов-Зернов. Указ. соч. Т. III. С. 234. Строчка завещания 52. См. также строчки 56 и 60.

⁴⁸ В.В.Вельяминов-Зернов: «Слово *آیلامال* мне до сих пор ни разу не попадалось. Думаю, что оно образовано из слов «...» [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова понятие отсутствует – ред.] – имение и «...» [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова понятие отсутствует – ред.] – домашний, либо из слов «...» [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова понятие отсутствует – ред.] – имение, и «...» [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова понятие отсутствует – ред.] – «дом, двор». См. там же. С. 257.

«Узумизнин аиламал хкимиз Андирай углы Япуш атлыг чурамни»⁴⁹. Обращаю внимание, что Япуш и Дауляш также называются «чура». На волю отпускается также крепостной из пленных поляков Тимошка, называемый يان جورا⁵⁰ – «пан-чура». Аликей-аталик подтверждает вольную, данную матерью завещателя женщине Илик. Не могу не обратить внимания на формулу, четкое и выразительное построение которой не вызывает у меня сомнения в ее традиционности и возможности применения в Казанском ханстве: أنى تورت يانى قبله – «ани турт яни кбла»⁵¹, то есть «ему на четыре стороны кибла – дорога ему открыта на все стороны».

قايدا سويسا آندا بارسون اوز ايركى برلان ايركلى آدم دور

«Кайда суиса анда барсун уз ирки брлан иркли адмдур»⁵², то есть «куда хочет, пусть туда и идет по своей воле. Волный он человек».

Интересна фраза, заключающая приведенную нами в изложении часть завещания.

تقى اول ميراث ايتكان تقى آداد ايتكان تقى اوزكا ارکين چورالاريميزدان اوزکا اوزمیزدان سونک قالا تورعان مال تيرلى کيميزنيزک حسابى بو ترور

«Тки ул мирас иткэн (1) тки азад иткэн (2) тки узгэ иркин (3) чураларимиздан узгэ узумиздан сунн кала турган мал тирли кимизнинн хсаби бу трур»⁵³, что в переводе на русский язык означает: «Затем, сверх вышепоименованных людей, мною завещаны (1), отпущенных на волю (2) или без того уже вольных (3), должно после меня остаться всякого имущества и добра вот столько:...»⁵⁴.

Таким образом, из этого завещания мы видим четкое различие и противопоставление крепостных людей – «чура» – свободным лицам – «азад адам». Крепостных людей татарский феодал мог, как мы видим, покупать, продавать и завещать по наследству. Он имел на него право неполной собственности, так как не мог убить его.

Из документа можно сделать также вывод о наделении феодалом крепостного средствами производства. О крепостном Тимошке автор завещания говорит:

اوزى صوحالای تورغان آلاشانى آنکار بريب

⁴⁹ Там же. С. 235. Строчки 66–67.

⁵⁰ Там же. Строчки 82–83.

⁵¹ Там же. Строчка 82. Кибла – сторона, в которую обращаются мусульмане во время совершения молитвы.

⁵² Там же. Строчки 84–85. См. также строчку 87.

⁵³ В.В.Вельяминов-Зернов. Указ. соч. Т. III. Строчки завещания 88–90.

⁵⁴ Там же. С. 246 (перевод).

«Узи сухали турган алашани ангар бриб»⁵⁵, то есть «отдав ему лошадь, которой он пашет».

Крепостного Ивана завещатель наделяет домом:

صلاداغي اولوغ اورتومنى آغار برسونلار

«Сладаги улуг юртумни агар брсунлар»⁵⁶, то есть «пусть отдадут ему мой большой дом в деревне».

В другом опубликованном В. В. Вельяминовым-Зерновым завещании Кишь-бика-бикачи, супруги какого-то Алла-Кули-имильдаша, сына Султан-Кули-имильдаша⁵⁷ встречается весьма характерная фраза об объеме обязанностей крепостных крестьян по отношению к своему феодалу, которую я позволю себе процитировать: «Бурунгулаин ук бакснлар, курсунлар, хзмэтиндэ юруб хрнага эшен эшлэсунлар»⁵⁸, то есть «по прежнему внимать ему (наследнику – Ш.М.), служить ему и всякие дела делать».⁵⁹

Если термины «кул» и «чура» имели сравнительно широкое распространение в татарском феодальном обществе и служили для обозначения крепостного крестьянства, то персидский термин بنده – «бндэ»⁶⁰, также служивший для обозначения раба, не получил такого распространения и никогда не употреблялся по отношению к крепостным. В качестве примера употребления этого термина сошлюсь на «Джами-ат Таварих» Кадыр Гали бия, где имеется такая фраза:

بندده لارنى توسناقدين الين ازاد قیلدی

– «Бндэлэрни туснақдан алиб азад килди»⁶¹, что в русском переводе В. В. Вельяминова-Зернова означает: «при этом же случае отпустил на волю многих полоняников»⁶². Перевод В. В. Вельяминова-Зернова неточен. В татарском тексте речь идет об освобождении «бндэ» от «туснақдан». К сожалению, в нашем распоряжении еще не имеется татарского материала для вскрытия содержания термина «туснақ». Также трудно сказать – употреблялся ли этот термин в том же смысле, как и позднее в башкирских документах XVII–XVIII вв.

Таким образом, основным непосредственным производителем в Казанском ханстве был не раб, а крепостной. К этому непосредственному производителю Казанского ханства вполне применимо данное выдающимся исследо-

⁵⁵ Там же. Строчка 83.

⁵⁶ Там же. Строчка 108.

⁵⁷ Там же. С. 449–452 (татарский текст), 452–455 (русский перевод).

⁵⁸ Там же. С. 449. Строчки 7–9.

⁵⁹ Там же. С. 453. (Перевод В.В.Вельяминова-Зернова).

⁶⁰ Л.Будагов. Указ. соч. Т. I. С. 270.

⁶¹ В.В.Вельяминов-Зернов. Указ. соч. Т. II. С. 408.

⁶² Там же. С. 404.

вателем истории русского крестьянства Б. Д. Грековым определение крестьянина «как непосредственного производителя, владеющего собственными средствами производства, необходимыми для реализации его труда и для производства средств его существования, самостоятельно ведущего свое земледелие, как и связанную с ним деревенско-домашнюю промышленность в противоположность рабу, работающему при помощи господских средств производства не самостоятельно, не на себя, а на своего господина»⁶³.

Существование крепостнических отношений в Казанском ханстве отрицать нельзя. Прикрепление крестьян к земле и личная зависимость от помещика не могли не иметь места в Казанском ханстве. Под понятие крепостного крестьянства в Казанском ханстве могут быть подведены непосредственные производители, к которым могут быть применимы три следующих признака:

1) Наделение крестьянина средствами производства вообще и землей в частности;

2) его прикрепление к земле;

3) личная зависимость крестьянина от помещика.

Таковыми производителями в Казанском ханстве были:

1) непосредственные производители – местные крестьяне, наделенные землей и средствами производства на землях феодалов;

2) полоняники – рабы, посаженные на землю феодалов.

За пределами понятия крепостного крестьянства в Казанском ханстве были: 1) дворовые люди, лишённые всяких средств производства и находившиеся на положении рабов; в существовании таких лиц не приходится сомневаться;

2) свободные собственники – крестьяне.

Такие свободные крестьяне-собственники жили общинами, состоящими из нескольких поселков. Все крестьянское население Казанского ханства подразделялось на десятки таких общин. По мнению авторов «Истории Татарской АССР», «подобные общины представляли пережиток более древних социальных отношений – патриархального родства»⁶⁴. Татарские общины назывались «джиенами». В каждой общине, объединенной джиеном, имелся определенный центр, именем которого она и называлась (например, «Ашит-джиен» и др.). Население поселков, входивших в общину, в определенное время собиралось для решения общих дел на специальные съезды, которые назывались джиенами (последние получили позднее характер национальных праздников)⁶⁵. Фактически джиены все более и более подпадали под влияние татарских феодалов, свободные общинники постепенно закрепощались и

⁶³ Б.Д.Греков. Крестьяне на Руси. М., 1946. С. 191.

⁶⁴ История Татарской АССР. Т. I. Казань, 1950. С. 164.

⁶⁵ Там же.

становились настоящими крепостными крестьянами. Общая тенденция в судьбе татарского крестьянина в этот момент шла, говоря словами Б. Д. Грекова, по пути превращения его «из свободного в подвластного, платящего оброк, отбывающего барщину или даже становящегося крепостным»⁶⁶.

2. Крестьянское землевладение

Изучение татарского крестьянского землевладения в Казанском ханстве представляет определенные трудности ввиду отсутствия соответствующего татарского документального материала типа писцовых книг и актов. Приблизительное представление о размерах крестьянского землевладения в Казанском ханстве можно составить по данным русских писцовых книг второй половины XVI и начала XVII века.

В этом отношении особый интерес может представить писцовая книга Казанского уезда письма и меры Ивана Болтина 1603 г. Мне кажется, что сведения этой книги, описывающей землевладение служилых татар, допускают ретроспективную интерпретацию их для Казанского ханства периода завоевания его русскими.

Нельзя забывать, что после завоевания Казанского ханства татарское земледелие в крае стало сокращаться в результате русской колонизации, в результате помещения во вновь завоеванных местностях русских служилых людей и заселении этих местностей русскими крестьянами. Так что все указания русских писцовых книг о татарском землевладении представляют собою какой-то остаток бывшего прежде до завоевания. Я считаю, что такие указания вполне можно, в качестве примера, в качестве иллюстрации, использовать при характеристике земельных отношений в Казанском ханстве. Нельзя также не отметить, что при описании некоторых земель имеются прямые указания на существование данного землевладения до Казанского взятия, то есть до завоевания Казани. Прочитав одно из таких характерных указаний писца: «Галицкие ж Алатцкие дороги за служилыми татарами в поместье вопче с ясачною човашею, а владеют отцовскими и дядьев и братья помесными же(ребьями). А государевых грамот и выписей (с писцо)вых книг и с казанских дач на (по)месные жеребьи не клали, а сказали, что владели теми жеребьи отцы их и дядья и братья до казанского и от казанского взятия, а они после их теми помесными жеребьи владеют по старине без дач»⁶⁷.

Такое же указание имеется по Зюрейской дороге: «Зюрейские ж дороги за служилыми новокрещены в поместье, а владеют поместными жеребьями без

⁶⁶ Б.Д.Греков. Крестьяне на Руси. М., 1946. С. 191–192.

⁶⁷ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Л. 204 об.

дач и государевых грамот, а выписей с казанских дач на те жеребья, oprичь тархана⁶⁸, не клали и сказали, что они владеют теми жеребья по старинке»⁶⁹.

По Арской дороге также писец отметил: «Арские дороги за служилыми новокрещены, а владеют отцовскими и дядьев своих и братьями поместными жеребья по старине без дач»⁷⁰.

Соответствующая оговорка имеется также по Ногайской дороге: «По Ногайской дороге за служилыми татары вопче с ясачною чювашею, а владеют отцовскими жеребья и дядьевых и братьи поместьями, а государевых грамот и выписи с писцовых книг и казанских дач на те поместные жеребья... Отцы их и дядья и братья до казанского и после казанского взятья... после их теми поместными жеребья владели по старине ж без дач...»⁷¹.

Правда, все эти указания относятся к землям служилых татар, т.е. татарских феодалов, сохранивших свои права и положение при новом строе. Поэтому у нас тем более не может быть сомнений в сохранении следов крестьянского земледелия Казанского ханства.

Для установления размера крестьянского землевладения в Казанском ханстве представляют интерес сведения о деревне Средние [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «Средние» – ред.] Алаты. В этой деревне был один двор служилого татарина Курмана Килдербышева с пашней 21 четверть в поле, а в дву потому ж. Кроме того, в деревне указано 17 крестьянских дворов с общим количеством пашни 51 четверть в поле, а в дву потому ж. Значит, на один крестьянский двор приходилось исключительно малое количество пашни размером 3 четверти в поле и в дву потому ж. После этих сведений писец указывает:

«Ясачные люди били челом государю царю, а сказали: прежде того было в той деревне до Алацкого поставления 10 дворов, а пашни пахали на двор по 12 четвертей и по 13 четвертей, а как де Алаты поставлены и у них де пашни отошло в пашню алатцких стрельцов и тем ясачным людям, которые у них отделились от отцов дети и братья, от братья и от дядь племянники, а давали де они тем ясачным людям пашню и своих жеребьев, а ныне да за нимы только по 3 четверти на двор пашни и им де тое земли мало и государева ясаку платить не с чего»⁷².

Алатское поставление означает основание русскими Алатского пригорода после подавления в 1556 г. волнений в Арской земле под руководством Мамич-Бердея. Естественно предположить, что заселение Алат русскими

⁶⁸ Имеется в виду тархан, данный в 85 [в 7085 г. по старому летоисчислению – ред.] (1577 г.) «Обросиму Алезову за службу и за увечье» в дер. Ишери. ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Л. 70.

⁶⁹ Там же. Лл. 70, 96 об.

⁷⁰ Там же. Л. 122.

⁷¹ Там же. Л. 35.

⁷² ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Л. 207.

стрельцами произошло тотчас же после восстания, т.е. после 1556 г. Это предположение находит себе подтверждение в том, что в казанском разряде городов в 1583 году уже числится город Алат⁷³.

Таким образом, размер пашни, приходившейся на один крестьянский двор до построения Алатского городка, то есть до 1556 года, равнялся 12–13 четвертям в поле, а в дву потому ж. Если учесть приведенные ранее указания, можно предполагать, что таким же был размер крестьянского землевладения в дер. Средние [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «Средние» – ред.] Алаты во времена казанских ханов. И, действительно, анализ сведений по другим селениям дает более или менее сводные результаты. Например, в дер. Большой Атне указано 51 крестьянских дворов с пашней 724 четверти в поле, а в дву потому ж. Средний размер пашни на один крестьянский двор здесь равнялся 14 четвертям в поле, а в дву потому ж⁷⁴.

О среднем размере крестьянской пашни на один двор по другим деревням Алатской дороги можно судить по таблице 1. Для сравнения можно использовать сведения и по деревням Ногайской, Зюрейской и Арской дорог, представленные для удобства также в таблицах 2, 3, 4. Общее представление о соотношении крестьянской пашни и землевладения служилых татар по отдельным дорогам можно получить из таблицы 5.

Таблица 1

**Крестьянское землевладение по Алатской дороге
по данным писцовой книги письма и меры Ивана Болтина 1603 года**

Название деревни	Пашни в четьях в поле		Кол. сена в копнах		Кол. крест. дворов	На 1 крест. двор		Ист.п. к. 642 лл.
	служ.	крест.	служ.	крест.		Пашни (в четьях)	Сена (в копнах)	
Кошар	130	–	2500	–	–	–	–	169
Шуманы	196	28	2337	334	2	14	167	171 об.
Саиря	250	–	2000	–	–	–	–	175 об.
Унба	40	72	650	950	6	12	158	176 об.

⁷³ См.: Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии. Вып. 3. Казанский уезд. Казань, 1916. С. 19. (Приложение к журналу «Известия по Казанской епархии» за 1916 г. № 7–8).

⁷⁴ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Л. 209 об.

Ибря	84	132	700	2200	11	12	200	179 об.
Ст. Мингарь	80	—	2300	—	—	—	—	181 об.
Сентяковская	13 $\frac{1}{3}$	6 $\frac{2}{3}$	600	300	1	6 $\frac{2}{3}$	300	182 об.
Мемедели	132	160	1800	2300	10	16	230	186 об.
Утенгиш	56	—	600	—	—	—	—	[?]
Баирли	23	92	300	1440	12	7 $\frac{2}{3}$	120	191 об.
Чюваш	54	101	750	1270	15	6 $\frac{2}{3}$	85	198
Кишкарь	25	—	600	—	—	—	—	199 об.
Верески	14	86	660	730	13	6	56	200 об.
Айша	87 $\frac{1}{8}$	137	1100	1650	11	12 $\frac{1}{2}$	150	202 об.
Ертуш	—	215	6410	—	21 $\frac{1}{2}$	10	292	203 об.
Бол. Менгер	7	230	1000	2070	—	—	—	205
Сер. Алаты	21	51	350	2350	17	3	138	207
Мал. Алаты	13	120	350	1350	9	13 $\frac{1}{3}$	150	208 об.
Бол. Агня	20	724	120	6120	51	14 $\frac{1}{2}$	120	209
Кормогози	50	100	850	720	8	12 $\frac{1}{2}$	90	210
Мозяр	74	63	940	600	6	10 $\frac{1}{2}$	100	213
Чирши	15	375	490	4650	25	15	186	215 об.
Кубяны	6	—	—	—	—	—	—	217
Епанчины	60	165	600	1650	11	15	150	202
Крылай	49	244	400	1600	8	30 $\frac{1}{2}$	200	222
Шукоты	20	210	510	2100	14	15	150	223 об.
Аибаш	30	455	230	4150	28	16 $\frac{1}{3}$	147	225
Короккози	15	120	300	4200	9	13 $\frac{1}{3}$	266	227

Таблица 2

Крестьянское землевладение по Ногайской дороге

Название деревни	Пашни в четьях в поле		Кол. сена в копнах		Кол. крест. дворов	На 1 крест. двор		Ист.п. к. 642 лл.
	служ.	крест.	служ.	крест.		Пашни (в четьях)	Сена (в копнах)	
Тамгачи	72	–	500	–	–	–	–	1 об.
Байчюги	33 ¼	59 ⅛	1200	3050	7	8 ½	435	37
Ташкирмень	55	54	1450	3300	–	–	–	7
Пустошь Ша...[?]	167	–	1500	–	–	–	–	8
Бол. Елги	60	175	–	1650	31	5 ⅔	53	12
Мекеевская	135	–	360	–	–	–	–	15 об.
Аганбаш	10 ⅛	198	500	6600	22	9	300	16 об.
Ментески	6 ⅛	182	150	4200	28	6 ½	150	17 об.
Кулчук	51	107	240	370	13	8 ⅕	27	22 об.
Мал. Куюк	24	80	500	2000	8	10	250	25
Шетнево	12	48	300	600	3	16	200	26
А х ч а	–	23	200	350	–	–	–	27
Мал. Салтан	29	160	230	1500	12	19	125	28
Евлушеик	85	60	700	600	–	–	–	31
Укречь Култык	85	–	1200	–	–	–	–	33
Налогозя	25	–	50	–	–	–	–	41 об.
Бол. Куюк	33	160	330	3910	17	9 ½	230	43 об.
Исенгили	40	144	1100	1500	11	13	136	48 об.
К и р б и	40	177	260	1250	18	9 ⅔	69	51

Таблица 3

Крестьянское землевладение по Зюрейской дороге

Название деревни	Пашни в четьях в поле		Кол. сена в копнах		Кол. крест. дворов	На 1 крест. двор		Ист.п. к. 642 лл.
	служ.	крест.	служ.	крест.		Пашни (в четьях)	Сена (в копнах)	
Черемыш	439	100	1400	320	9	11	35 ½	65
Нижняя	60	10	480	60	1	10	60	68
Угречь	16	36	200	600	6	6	100	69
Верх. Ия	60	–	1000	–	–	–	–	74 об.

Ишери	112	119	1130	980	7	17	140	76
Мен. Сия	413	62 1/8	2500	500	5	12	100	91
Мал. Кобекизя	101	—	1200	—	—	—	—	81
Бол. Сия	127	68	1875	1000	4	17	250	90
Кебеч	17	153	400	3600	9	17	400	83
Нырсывар	204	429	800	2700	10	13 1/3	270	87
Иски Юрт	143	—	1500	—	—	—	—	89
Алвелян	—	160	—	800	7	22 4/5	115	90 об.
Енасала	30	41	700	1000	4	10 1/5	250	92
Тулубаевская Темтитов	16	142	150	1350	7	20 1/5	193	93 об.
Кулсары	26	—	350	—	—	—	—	94 об.
Кобеккозя	105	140	1200	1750	7	20	280	96 об.

Таблица 4

Крестьянское землевладение по Арской дороге

Название деревни	Пашни в четях в поле		Кол. сена в копнах		Кол. крест. дворов	На 1 крест. двор		Ист. П к. 642 лл.
	служ.	крест.	служ.	Крест .		Пашни (в четях)	Сена (в копнах)	
Хозяшево	140	—	350	—	—	—	—	116
Куюковская	36	8	600	300	1	8	300	116
Кишметево	189	—	900	—	—	—	—	120 об.
А з я к	11	58	120	660	5	11	132	121
Мамашева	18	—	200	—	—	—	—	122
Волость Черемисская в Малмыже	36 1/4	248	600	7600	38	6 1/2	200	124 об.
Чюрильна	126	202	900	1300	13	15 1/2	100	129
Енасала	22	182	50	700	14	13	50	130 об.
Ниж. Метески	105	136	800	1200	8	19	150	142
Бурнашева	120	105	1080	630	7	15	90	146
Меньшая Муя	60	209	600	2000	7	30	288	149
Мурали	13	22	600	700	3	7	233	151
Кутерней	52	225	400	2100	10	22 1/2	210	153
Темирчи	36	144	300	1200	8	18	150	156
Чегурчи	24	300	600	680	16	18	42 1/2	158
Мал. Серди	50	201	300	1560	—	—	—	165

Таблица 5

**Соотношение крестьянской пашни
и землевладения служилых татар Казанского уезда**
(по данным по отдельным дорогам писцовой книги 1603 г.)

Дорога		Кол. дворов	Пашня в четях в поле	Сено в копнах	Лес пашенный в десять.
	Служ. тат.	42	1073	14280	421
Ногайская	Крест.	174	1661	32070	31
	Всего	[196]	2734	46350	452
	Служ. тат.	66	2872	20895	369
Зюрейская	Крест.	158	1865	26095	850
	Всего	[224]	4737	40985	1186
	Служ. тат.	53	3304	14351	328
Арская	Крест.	145	2228	21270	183
	Всего	[198]	5532	35621	511
	Служ. тат.	65	1660	17047	339
Алатская	Крест.	324	4351	52254	779
	Всего	[389]	6011	69301	1118

Существование мелкой крестьянской поземельной собственности подтверждается фактами купли-продажи крестьянских земель. В этом плане представляет интерес судьба пустоши между деревнями – Елгуловым и Салаучь, получившая отражение в писцовой книге Казанского уезда, письма и меры Ивана Болтина 1603 г. Служилый новокрещен Никита Бакшигов [в рукописи «Башкигов» – ред.] бил челом об этой своей наследственной пустоши, так как эту пустошь стали пахать чувашские крестьяне [ясачные татары – ред.] дер. Салаучь. В качестве доказательства своего права на пустошь «на тое пустошь положил купчую татарского письма новокрещен Никита Бакшигов, что был черемисин Баим. А в купчей написано: купил тое пустошь с бортным ухожьем Бакшанда Бакишев, а его, Микитин отец, у Килдыша Салаучева»⁷⁵.

Не менее любопытно судебное дело о земле, возбужденное в августе 1727 года в канцелярии Свияжского воеводского правления ясачными чувашами деревни Ориной Козьмодемьянского уезда Казанской губернии Елдимером Елшиховым и Потеем Одаковым и деревни Маргоуш Цивильского уезда Васьки Ехрепеева с товарищами против ясачных чуваш деревни Храков Цивильского уезда Савилы Чючакова и Пиандика Ахметева с товарищи «во владении их челобитчиковою ясачною землею и санными покосы бес

⁷⁵ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Л. 166 об.

крепостей и в свозе с той земли сжатого их оржаного хлеба да сена и в бою на той земле деревенских их людей трех человек чюваш»⁷⁶. Истцы в качестве доказательства на спорную землю предъявили «крепости татарского писма 945 и 970 годов, по которым им та земля досталась до взятъя Царства Казанского, которые переведены Свяжского уезда деревни Других Черемшан татарином Романом Уразлиным на русской язык, а другие на тое земли крепости предложили рускова писма от 6948 и 7112 годов»⁷⁷. Тексты этих четырех крепостей в русском переводе приведены в деле. Во-первых, следует обратить внимание на датировку крепостей. В татарских актах счет лет ведется по хиджре⁷⁸. В таком случае 945 г. х. соответствует 1538–1539 году⁷⁹, а 970 г. х. соответствует 1562–1563 году⁸⁰. Что касается даты 6948 г., то эта дата, мне кажется, неправдоподобной. Если первые два документа относятся к середине XVI в., то третий документ, согласно дате $6948 - 5508 = 1440$ г., следует отнести уже к середине XV века. Датировка Н. Н. Ардашова первого документа 1437 годом, основанная на предположении, что даты в документах указаны от сотворения мира ($6945 - 5508 = 1437$ г.), совершенно неправильна. По такому расчету анахронизмом является упоминание о Мухаммед-Эмине (царствовал с 1487 г. по 1518 г. с перерывом) в документе 1462 года ($6970 - 5508 = 1462$ г.). Поэтому и датировку третьего документа следует, пожалуй, производить по хиджре, отбросив первую цифру «6», приписанную, вероятно, позднее писцом (948 г. х. = 1540–1541 г.). Возможно, что в деле перепутаны даты второго и третьего документа.

«Сее письма земляная. Лета 945 году продал я, Кудай Берди, за нуждою своею два знамя своя Кошме Сабу. А взял я за оные знамены шесть батман меду за пятьдесят копеек денег, а знамены таковы... Да еще продал пять знамяны таковы... А взял за те знамяны двенатцеть батман меду, а межа про между река Кукар, пала в Большу Кингару, и по обе стороне Кингар реки ходят в лес. А всего продал я ему, Кошме Сабу, семь знамен и сие письмо дал, чтоб впред о той земле не каму не тягаться. А свидетели Тойза Акмашеех да Утяшка, а им дано за работу Тойщю одна куницу, Акмашееху лисицу, Утяшку одну куницу. Письмо писал Хуриграй.

⁷⁶ Н.Н.Ардашев. Татарские земляные письма XV в. и спорное дело XVIII в. о ясашных землях. М., 1908. С. 9.

⁷⁷ Н.Н.Ардашев. Татарские земляные письма XV в. и спорное дело XVIII в. о ясашных землях. М., 1908. С. 12.

⁷⁸ Там же. Ср. ярлык Сахиб-Гирея, завещание Галикея-аталыка. И.Орбели. Синхронистические таблицы для перевода исторических дат по хиджре на европейское летоисчисление. Л., 1940. С. 193.

⁷⁹ Там же. С. 198.

⁸⁰ Там же. С. 194.

Лета 970 году. Чюряшь Атяков, который был у меня поле отца своего Юргашеевская земля да четыре знамяны таковые... А ту землю и знамяны своеи предал [передал – ред.] я, Чюряшь, Янчуру Козьялееву, а взял я у него одну корову с теленком. А межа по обе стороне речка Кама на Иерасулимской стороне вершине речки по одной стороне речка Булакалей по другой стороне речки Кугагар. А те четыре межи со всякими угоды дельнеми и недельнеми, медяными и немедяными, и с валежными и стоячеми всякими деревьями и с пашенными землями и с санными покосы и с лугами и с рыбными ловлеми и с озерами и со всякими зверями отдал я ему владеть и в том сие письмо я ему дал, чтоб впред мне, Чюряшу Аяткову, и детям моим и братьем меньшим и большим и родственником моем и протчем сторонным людем о той землей на нево, Янчуру Козьялееву [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «Козьялмну» – ред.] не бить челом. А хотя и бить челом из нас хто станет, то судием не принимать и не слушать. А притом были свидетели, которым за работу я дал Чюряшу куницу, Анкузю Шарначеву куницю же, Кулаю Табозееву один колпак, Юсую полбатмана меду да овцы. А письмо писал Мамкачь Балтачев, а ему, Мамкачу, четырнадцать копеек. Да еще я же, Чюряшь Атяков, продал два знамя своя Яитову да Аланалею Чюреевы дети. А взял я за те знамени денег дватцеть копеек, а знамени таковы...»⁸¹.

Значит, в XVI в. в Казанском ханстве были закрепленные за отдельными крестьянами земли на праве собственности. Земли имели определенные границы – межи. Земля была предметом юридических сделок в письменной форме.

В указанных земляных письмах имеется еще прямая ссылка на старину: «При бытность царя Мохамед хана отцы и прадеды наши купили вотчинной земли и тое земле положили знамена свои к молиному дереву. А как отцы и прадеды наши ту землю от кого и каким образом купили, про то мы не ведаем и другие старинные люди не знают, а с того времени и по сее число помунятою землею и санными покосы по пожалованию царя нашего отцым и прадедым нашим и по благословению отцовского владеи мы и нехто о той земли некакой спор не учинили и некакой тяжбы от кого не производила»⁸².

Упомянутый здесь Мохамед-хан, по моему предположению, является Мухаммед-Эмином, на которого часто встречаются ссылки в различных земельных делах.

Таким образом, имеются достаточные основания предполагать существование в Казанском ханстве мелкой поземельной собственности. Крестьяне, значит, имели за собою закрепленные на праве собственности небольшие участки земли. Эта земля была предметом юридических сделок в письменной

⁸¹ Н.Н.Ардашев. Татарские земляные письма XV в. и спорное дело XVIII в. о яшаных землях. М., 1908. С. 3.

⁸² Там же. С. 4.

форме: ее можно было продавать и покупать, как и передавать по наследству. Не может быть сомнения в том, что эти земельные участки были постоянно возделываемые и используемые поля, луга и другие угодия. Поэтому эти указания можно также считать доказательством существования постоянных полей *قرا* «кра»⁸³, то есть примитивной паровой системы земледелия в виде трехполя. Не может быть сомнения в том, что для временных лесных заимок нет надобности в строгом размежевании участков.

«Казанский летописец», описывая завоевание Казанского ханства, во время которого многие феодалы были убиты или бежали в соседние ханства, правильно подметил, что земледельцы составляют основное население вновь завоеванного края: «Мало жива остана во всей земли Казанской разве простых живых людей и худых и немощных и убозех земледельцев»⁸⁴.

Кроме участков индивидуального пользования, были общие угодия – лес, озера и т.д. Например, «лесу у всей деревни (Аганбаш по Ногайской дороге – *Ш.М.*) вопче з деревнею Байчюгою в длину на 3 версты, а поперег на 2 версты, инде больше инде менши»⁸⁵.

При описании деревни Сентяковской по Алатской дороге указано «озерко с истоком: рыба в нем карась, щука, ловят в нем Борис Меренесев и иные деревенщики безоброчно»⁸⁶. В отношении другого озера писец также указывает: «... а ловят в нем рыбу Чюгрей Терегулов и деревни Аков и иных деревень чюваша безоброчно»⁸⁷.

3. Общий перечень податей и повинностей крестьян

Буржуазные историки не занимались изучением характера эксплуатации татарскими феодалами татарского крестьянина. Широко была распространена легенда о том, что «положение управляемых в Казанском царстве было не особенно тяжелое»⁸⁸. В досоветской историографии нельзя найти какие-либо указания на характер податей и повинностей, которые должны были вносить хану и его феодалам непосредственные производители-крестьяне. «Как велики были тягости, которыми были обложены в Казани земские и черные люди, – писал буржуазный историк Г. Перетяткович, – нельзя сказать ничего определенного, вследствие отсутствия каких-либо прямых известий в этом отношении, ибо факты дошедшие до нас носят характер слишком общий»⁸⁹.

⁸³ Л.Будагов. Указ. соч. Т. II. С. 42.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 186.

⁸⁵ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Л. 17.

⁸⁶ Там же. Лл. 182 об., 183.

⁸⁷ Там же. Л. 190 об.

⁸⁸ Г.Перетяткович. Поволжье в XV и XVI в. М., 1887. С. 131.

⁸⁹ Там же. С. 130.

Поэтому заслуживает внимания изучение вопроса о характере податей и повинностей в Казанском ханстве, о характере феодальной ренты в Казанском ханстве.

Наиболее полный перечень податей и повинностей, лежавших на татарских крестьянах, приведен в грамоте хана Сахиб-Гирея 929 г. х. (1523 г.). Издатель этой грамоты в специальном комментарии постарался дать терминологический анализ этих податей и повинностей. Некоторые из этих названий ему не удалось выяснить, так что характер их еще не вполне ясен. Выяснение и установление значения налоговых терминов проливает свет на социально-экономическую историю периода Казанского ханства. Определение видов налогов и их функций дает возможность судить о тяжелом положении татарского крестьянства. Конечно, трудно разграничить феодальные повинности непосредственных производителей Казанского ханства по принципу отбывания их в пользу хана и феодала землевладельца по сохранившимся источникам. Надо полагать, одни и те же повинности могли в каждом конкретном случае взиматься и в пользу хана, и в пользу феодала-землевладельца. Для татарского крестьянина было одинаково тяжело вносить ли подати хану или его феодалам.

На основании грамоты Сахиб-Гирея и данных других источников, можно составить следующий перечень податей и повинностей, имевших место в Казанском ханстве:

1) Ясак	11) Салиг мсми
2) Харадж	12) Тутун саны
3) Сала хараджи	13) ир хблэси
4) Ушр	14) Бадж
5) Калан	15) Тамга
6) Зекат	16) Джизья
7) Хараджат	17) кулыш-култка
8) глуфэ	18) подать, взимавшаяся с жениха и невесты
9) сусун	
10) постоянная повинность	19) дорогильная пошлина

Из перечисленных терминов некоторые известны еще со времен арабского халифата (харадж, ушр, джизья) или со времен монгольского владычества (улуфэ). Ряд терминов встречается в золотоордынских ярлыках (салиг, сусун, калан).

Отмеченные мною подати и повинности можно разделить на четыре группы:

- 1) поземельные и подходные сборы (ясак, харадж, сала хараджи, ушр, калан, зекат);

2) различные сборы и поставки натурой на содержание войска и государственного аппарата (хараджат, глуфэ, сусун, право постоя);

3) различные обязательные «приношения» феодалам [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «феодалами» – ред.] (кульш-култка, «с свадеб кунишная пошлина»);

4) сборы поголовные и подымные (салиг мсми, тутун саны, джизья).

Все эти подати и повинности являлись тяжелым бременем для крестьянского населения Казанского ханства. Установить размеры этих повинностей не удастся. Вероятнее всего, размеры большинства повинностей варьировались в зависимости от конкретных условий.

Хотя над всей этой терминологией еще предстоит большая и кропотливая работа в связи с уточнением содержания каждого термина, но я, тем не менее, считаю необходимым дать здесь для каждого термина краткое объяснение. Это поможет выяснить некоторые моменты эксплуатации непосредственных производителей Казанского ханства.

Основной причиной, побудившей меня к этому, явилось то обстоятельство, что причиной некоторых неудачных объяснений налоговых терминов в литературе по истории Казанского ханства является в ряде случаев игнорирование данных большой русской востоковедческой литературы.

В своих комментариях я постоянно старался опираться на те или иные исследования налоговых терминов в трудах наших востоковедов И.Н. Березина, В.В. Бартольда, А.Ю. Якубовского, И.П. Петрушевского, А.Н. Бернштама, А.А. Али-Заде.

1. Ясак – *يساق* – под этим названием был известен в Казанском ханстве обязательный сбор с населения⁹⁰. Ясак известен с монгольского времени. И.Н. Березин, изучавший податную систему Золотой Орды, относил ясак в группу податей и налогов с покоренных народностей. По его мнению, ясак обозначал дань десятинную: «Десятина была всеобщая подать, в мирное время, конечно, составлявшая главный источник дохода»⁹¹. После завоевания Казанского ханства Иваном Грозным система ясачного обложения была не только сохранена, а даже распространена на все местное население, кроме служилых татар, заменив в основном собою все ранее существовавшие при ханах подати и повинности. После завоевания Сибири русское правительство сохранило там также систему ясачного обложения покоренных народностей по примеру Казанского ханства⁹². Ясак, будучи в своих ранних формах системой примитивной эксплуатации населения путем взимания с него дани, уходил корнями в предыдущие столетия. Ясак нельзя рассматривать, как это

⁹⁰ Ярлык Сахиб-Гирея. Строчка 14.

⁹¹ И.Н. Березин. Указ. соч. С. 474.

⁹² См.: С.В. Бахрушин. Ясак в Сибири в XVII веке. Сибирские огни. 1927. № 3. С. 95–129.

принято в литературе, характерным явлением для Казанского ханства. Такой ошибочный взгляд мог сложиться только в силу того, что русское правительство, восприняв систему ясачного обложения, стало словом ясак обозначать сумму податей и повинностей, взыскивавшихся со всего населения покоренного Казанского ханства.

Уже в XVII веке русский ясак в Казанском ханстве был фиксированным денежным оброком за пользование землею, не имея ничего общего с пониманием ясака как дани. Значит, слово ясак уже употреблялось в смысле простой единицы обложения. По справедливому замечанию С.В. Бахрушина, ясак в Казанском уезде в XVIII в. соответствовал выти в русских уездах⁹³.

В Казанском ханстве ясак взимался, обычно, с нетатарских народностей края.

После взятия Казани русское правительство обратилось к податному населению покоренного ханства. «А сам государь послал по всем улусом черным людям ясачным жалованные грамоты опасные, чтобы шли к государю, не боясь ничего; а кто лихо чинил, тем Бог мстил: а их государь пожалует, а они бы ясаки платили, якоже и прежним Казанским царям [в рукописи «Казанскими царями» – ред.]»⁹⁴. Из этого сообщения видно, что правительство обращалось не ко всему населению, а только к той его части, которая раньше платила ясак ханам. Вначале ясак уплачивался русскому правительству арскими людьми⁹⁵, луговыми людьми из деревни Яки⁹⁶, горными людьми⁹⁷, то есть в основном удмуртским, марийским и чувашским населением. Только потом ясак стал взиматься с оставшегося татарского населения. Основы ясачного обложения были сохранены ранее существовавшие при ханах.

«И царь государь черных людей и Арьских пожаловал, ясаки на них велел имати прямые, как было при Магмеделиме царе...»⁹⁸ Здесь мы видим указание также на определенную устойчивость практики ясачного обложения в Казанском ханстве. И эта устойчивость связывается с периодом царствования Мухаммед-Эмина (1487–1518 с перерывом).

2. Харадж – خراج – старинный арабо-персидский термин для обозначения основного поземельного налога. Термин известен еще со времен арабско-

⁹³ С.В.Бахрушин. Ясак в Сибири в XVII веке. Сибирские огни. 1927. № 3. С. 128.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. XIII. Ч.1. С. 221.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же. С. 222.

⁹⁷ Там же. С. 282. «Того же году (1557 г.) месяца мая, писал Иван Петрович из Свяги, что луговые люди прислали бити челом о своих винах, чтоб государь пожаловал их, вин их отдал и учинил в холопстве, как и горных людей, и ясак велел имати, как прежние цари имали».

⁹⁸ Там же. С. 221.

го халифата⁹⁹. Харадж, будучи основным сбором с земледелия, долей урожая и, следовательно, основной частью ренты-налога, составлял от 1/5 до 1/3 доли валового урожая¹⁰⁰. Харадж обычно вносился продуктами. Этот сбор в зависимости от характера землевладения вносился или в пользу хана или в пользу феодала-землевладельца, как это, например, видно из грамоты Сахиб-Гирея.

Принятое в «Истории Татарии в документах и материалах» объяснение хараджа как торгового налога совершенно неправильно¹⁰¹. М.Г. Худяков не сумел расшифровать термины «харадж» и «хараджат» и ошибочно считал, что этими двумя словами обозначался торговый налог¹⁰².

3. Сала-хараджи – *صله خرجي* – этим термином, вероятно, обозначалась вся совокупность податных сборов с сельского хозяйства данного имения¹⁰³. Мнение издателя ярлыка, что эта подать в Казанской ханстве «выплачивалась с семьи ежегодно небольшим количеством денег»¹⁰⁴, представляется мне малоубедительным. Источники, указывающие размер сала-хараджи для Казанского ханства, мне неизвестны.

4. Ушр – арабский термин – *عشر* – буквально десятая. Этот сбор составлял, согласно шариату, одну десятую часть урожая и должен был вноситься в пользу мусульманского духовенства. В мусульманских странах ушр взимался, обычно, с земель, находившихся во владении сеидов. Такие земли носили специальное название мюльк-и-ушри¹⁰⁵. В «Повествовании об одном татарском феодале (XVI в.)» термин ушр употреблен в значении сбора хлеба в пользу государства¹⁰⁶. Ушр нередко превращался в половину и даже две трети урожая¹⁰⁷.

5. Калан – *قلان* – подать с возделанных земельных участков, вообще с оседлого населения. Эта подать упоминается в ярлыке Сахиб-Гирея¹⁰⁸.

Имеющиеся в русской литературе, посвященной ярлыку Сахиб-Гирея, комментарии этого термина неудачны. М.Г. Худяков переводил этот термин

⁹⁹ Б.Н.Заходер. Указ. соч. С. 36.

¹⁰⁰ См.: История народов Узбекистана. Т. 2. Ташкент, 1947. С. 80; И.П.Петрушевский. Указ. соч. С. 266.

¹⁰¹ История Татарии в документах и материалах. М., 1937. С. 132. Прим. 22.

¹⁰² М.Г.Худяков. Указ. соч. С. 204.

¹⁰³ Ярлык Сахиб-Гирея. Строчка 17.

¹⁰⁴ ИОАИЭ. Т. XXXIII. Вып. 1. С. 91.

¹⁰⁵ См.: А.А.Семенов. Указ. соч. С. 24.

¹⁰⁶ История Татарии в документах и материалах... С. 104, 132. Прим. 24.

¹⁰⁷ См. замечания Б.Н.Заходера о средневековой Турции. Указ. соч. С. 133.

¹⁰⁸ Ярлык Сахиб-Гирея. Строчка 14.

русским словом оброк¹⁰⁹. По мнению издателя ярлыка, «налог под названием *قلان* взимался в Золотой Орде в пользу ханской семьи, высшего сословия и других чиновников, занимающих высшие посты»¹¹⁰. Авторы «Истории Татарской АССР» приняли это малоудачное объяснение¹¹¹, восходящее к И.Н. Березину.

В своем объяснении термина «калан» я следую за В. Бартольдом, который дал лучший комментарий к этому слову в своей работе «Персидская надпись на Анийской мечети Мануче»¹¹². Поскольку А.Ю. Якубовский считает возможным употребление этого термина в таком же смысле в Золотой Орде¹¹³, мне кажется не должно вызвать особых возражений принятие комментария В. Бартольда и для Казанского ханства.

6. Зекат – *زكوة* – должен был уплачиваться в размере 1/40 стоимости облагаемого предмета. Уплата зеката установлена Кораном в числе пяти главных обязанностей каждого мусульманина¹¹⁴. В Бухаре зекат собирался специальным чиновником *закотчи-и-калон*, который распределял зекат среди бедняков или использовал его на различные богоугодные дела¹¹⁵.

7. Хараджат – *قراجات* – арабский термин¹¹⁶, известный со времен монголов, когда он обозначал расходы на проезд должностных лиц и на содержание почтовых станций¹¹⁷. В Казанском ханстве этим термином, вероятно, обозначались точно фиксированные поставки натурой и повинности податного населения для нужд ханского ополчения, знати и ханских чиновников, пребывающих в данном районе. Данная в «Истории Татарии в документах и материалах» расшифровка термина *хараджат* как торгового налога, ошибочна¹¹⁸.

¹⁰⁹ М.Г.Худяков. Указ. соч. С. 204; И.Н.Березин. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. ТВОИАО. Т. VIII. СПб., 1864. С. 471.

¹¹⁰ ИОАИЭ. Т. XXXIII. Вып. 1. С. 88; см. также: И.Н.Березин. Ханские ярлыки. Вып. 2. Внутреннее устройство Золотой Орды, по ханским ярлыкам. СПб., 1850. С. 20. (Отд. оттиск из ЖМНП. 1850. № 10).

¹¹¹ История Татарской АССР. Том I. Казань, 1950. С. 165.

¹¹² См.: Анийская серия. № 5. СПб., 1911. С. 32.

¹¹³ [Данное указание на работу историка А.Ю. Якубовского в области ссылок и примечаний рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова осталась нерасшифрованной – ред.]

¹¹⁴ См.: фон ден Берг. Основные начала мусульманского права. СПб., 1882. С. 34. Прим. 2.

¹¹⁵ А.А.Семенов. Указ. соч. С. 43; С.Рахманкулов. Татаро-русский словарь. Казань, 1913. С. 113. (Зекат – милостыня, раздаваемая бедным во время Рамазана в размере сороковой части имущества); К.Насыров. Татарско-русский словарь. Казань, 1878. С. 42.

¹¹⁶ Ярлык Сахиб-Гирея. Строчка 15.

¹¹⁷ См.: К.Д.Оссон. История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана. Т. I. Иркутск, 1937. С. 227. («Почтовых лошадей должны были поставлять обыватели, которые были обязаны также доставлять содержание курьерам и повозки для отправки собранных податей»).

¹¹⁸ Указ. соч. С. 132. Прим. 22.

8. Глуфе¹¹⁹ – علوفه – арабо-персидский термин для обозначения фуража, корма, поставляемого для верховых и вьючных животных ханского ополчения. Вероятно, этим же термином обозначались и продовольственные пайки для воинов, поставляемые местными татарскими крестьянами по требованию ханских властей¹²⁰. Низам–аддин Шахи в «Книге побед» употребляет этот термин в смысле провианта: «Тимур во второй раз спустившись по берегу реки, отправился к Джулату, дал там войску провиант (алуфе) и устроил ему новый порядок»¹²¹.

9. Сусун¹²² – سوسون – этим термином, вероятно, обозначалась поставка крестьянами продовольствия и фуража не только для военного ополчения, расквартированного в данной местности (глуфэ), но и для главных сил армии, по мере надобности.

В своем объяснении термина «сусун» я не придерживаюсь принятого в литературе объяснения этого термина как продовольствия для казенных чиновников, проезжающих по служебным делам¹²³, а стараюсь провести аналогию между казанским термином «сусун» и общетюркским термином «сур-сат», который в одном из значений расшифровывается как обязательная доставка провианта¹²⁴.

10. Постоянная повинность встречается в ярлыке Сахиб-Гирея¹²⁵. Для ее обозначения ярлык не употребляет общепринятого тюркского названия «коналга», а ограничивается только описанием содержания повинности:

اويلارينه كوج بله ايلجى قوناق قوندر ماسونلار

«Уйларина куч бла илчи кунак кундрмасынлар», то есть «в дом их насильно посланников-гостей не ставить». Значит, постоянная повинность заключалась в обязанности крестьян предоставлять место в своих домах иностранным послам, ханским гонцам (илчи) и чиновникам, военным чинам. При этом крестьяне должны были за свой счет кормить своих постояльцев, их слуг и лошадей. Постоянная повинность была, вероятно, одной из наиболее тяжелых для татарских крестьян, так как во время постоянных феодальных войн военные отряды совершали бесконечные вымогательства и насилия над крестьянами и их семьями. Немало страдало население от постоянной повин-

¹¹⁹ Ярлык Сахиб-Гирея. Строчка 17.

¹²⁰ См.: А.А.Семенов. Указ. соч. Строчка 7. (Улюфа – علوفه – поставка фуража для продовольствия войск).

¹²¹ В.Тизенгаузен. Указ. соч. Т. II. С. 119.

¹²² Ярлык Сахиб-Гирея. Строчка 17.

¹²³ См.: М.Г.Худяков. Указ. соч. С. 205. По мнению издателя ярлыка Сахиб-Гирея, сусуно назывался налог, выдаваемый государственным чиновникам продовольствием (см.: ИОАИЭ. Т. XXXIII. Вып. 1. С. 91).

¹²⁴ См.: И.П.Петрушевский. Указ. соч. С. 276.

¹²⁵ Ярлык Сахиб-Гирея. Строчка 16.

ности во время ханской охоты при участии многочисленной придворной знати, содержание которой тяжелым бременем ложилось на крестьян. Освобождение от права постоя давалось ханом одновременно с правом налогового иммунитета (тарханство). В этом случае освобождение ханом феодала от права постоя приносило также, как это предполагают некоторые историки, небольшое облегчение и подвластным землевладельцу крестьянам, освобождая и их от тягостной повинности¹²⁶.

11. Салиг мсми – *سالڤ مسمى* – поголовная, т.е. подушная подать со взрослого мужского населения податных сословий¹²⁷. Подать под таким названием была известна и в Золотой Орде и в Крыму, однако, переводчики золотоордынских и крымских ярлыков ограничились весьма скуными замечаниями относительно содержания подати. В своем объяснении я следую И. Н. Березину¹²⁸.

Мне кажется неправильной допускаемая издателем ярлыка Сахиб-Гирея трактовка этой подати как налога, взимавшегося с народа для уплаты жалования войскам¹²⁹.

Наша трактовка термина находит подтверждение и в уйгурских юридических документах. Упоминаемая в них подать общегосударственного характера «*saluj qiluj*», по мнению А. Н. Бернштама, напоминает подушную подать¹³⁰.

12. Тутун саны – *توتون سانى* – термин встречается в перечне податей ярлыка Сахиб-Гирея¹³¹. Судя по смысловому значению, «тутун саны» – это должна быть подомовная, то есть подымная (с каждого «дыма» (тутун), то есть дома или семейства) или посемейная подать.

В связи с этим небезинтересно отметить, что в говоре татар, живущих в бассейне р. Свияги, слово «тутун» – дым употребляется даже в смысле «двор»¹³² (бзнен аулда ике иез тутун – в нашей деревне 200 дворов). Тогда «тутун саны» вполне может быть осмыслено как налог с двора, т.е. совер-

¹²⁶ См.: А.А.Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства. Труды САГУ. Серия II. Ташкент, 1929. С. 6. («Конарга – повинность по постою и продовольствию проходящих войсковых частей»); В.В.Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II. СПб., 1895. С. 538. (Куналга – ночь; куналгада кунмак – ночевать).

¹²⁷ Ярлык Сахиб-Гирея. Строчка 14.

¹²⁸ См.: И.Н.Березин. Указ. соч. С. 471; Он же. Ханские ярлыки. Вып. 2. Казань, 1851. С. 40. Прим. 31.

¹²⁹ См.: ИОАИЭ. Т. XXXIII. Вып. 1. С. 88. Издатель ярлыка следует комментарию В.Д.Смирнова к слову «салгын» из бирата турецкого султана Османа II еврейскому семейству Кмра.

¹³⁰ А.Н.Бернштам. Указ. соч. С. 82.

¹³¹ Ярлык Сахиб-Гирея. Строчка 17.

¹³² См.: Л.Валидов. О диалектах казанского татарского языка. ВНОТ. 1927. № 6. С. 60.

шенно четко выступает указание на оседлое хозяйство татарского населения эпохи Казанского ханства.

Подать под аналогичным названием «tütün» известна в уйгурских юридических документах, изданных В. Радловым и С.Е. Маловым. По мнению А.Н. Бернштама, здесь «tütün» – означает «буквально с дыма кибитки»¹³³. Принцип взимания податей с семейства или дома был известен в древнем Китае. В 1236 году во время переписи в Китае податной единицей был принят дом, или семейство. Завоеватели-монголы на Руси за счетную единицу также брали дом или семейство¹³⁴.

13. Ир хблэси – *یر حبله سی* – данный издателем ярлыка Сахиб-Гирея перевод этого термина выражением «земельный налог» не раскрывает содержания термина¹³⁵. Другие комментаторы ярлыка Сахиб-Гирея также не предпринимали попыток осмыслить содержание термина «ир хблэси» и следовали переводу издателя ярлыка¹³⁶. Что касается меня, то я также пока не могу выдвинуть какое-либо новое объяснение этого термина. Ограничусь только догадкой: не употреблялся ли этот термин для обозначения всех податей и повинностей в пользу казны, кроме податей, основанных на шариате.

Допускаемое М.Г. Худяковым сближение термина «ир хблэси» с «попужным» русских источников не вяжется со смыслом самого термина¹³⁷.

14. Бадж (персидское слово – *باج*) обозначал налоговый сбор с крестьянской торговли хлебом, плодами и т.д. на базарах городов и крупных селений. В словарях для этого слова дается расшифровка «вещь, которая берется на дороге с торговцев»¹³⁸. К. Насыри переводит термин «бач» русским словом «пошлина»¹³⁹. Бадж, как сбор с мелкой крестьянской торговли, следует различать от тамги – налогового сбора с торгово-промышленных заведений в городах. Правда, в словарях иногда отождествляется слово «тамга» со словом «бадж», но при этом, обычно суживается значение термина «тамга»¹⁴⁰.

¹³³ А.Н.Бернштам. Уйгурские юридические документы. Проблемы источниковедения. Сб. 3. М.–Л., 1940. С. 82.

¹³⁴ А.Н.Насонов. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.–Л., 1940. С. 14–15. Прим. 5.

¹³⁵ Ярлык Сахиб-Гирея. Строчка 17; см.: ИОАИЭ. Т. XXXIII. Вып. 1. С. 91.

¹³⁶ См.: М.Г.Худяков. Указ. соч. С. 204–205.

¹³⁷ Там же. С. 205.

¹³⁸ См.: ИОАИЭ. Т. XXXIII. Вып. 1. С. 89.

¹³⁹ К.Насыри. Полный русско-татарский словарь. Казань, 1904. С. 145; см. также: Л.Будагов. Указ. соч. Т. I. С. 219.

¹⁴⁰ См.: Л.Будагов. Указ. соч. Т. I. С. 730.

М.Г. Худяков не сумел расшифровать термина бадж, так же как и целый ряд других терминов. Он писал: «Трудно судить, что такое представляли собою подати «салыг», «кулуш», «култыка» и «бач»¹⁴¹.

15. Тамга – *تمغا* – этим термином назывались налоги, взимаемые в городах с торгово-промышленных заведений. Поэтому с понятием тамги следует связывать не столько понятие о дороге и дорожной пошлине с товара, сколько понятие о городах и городских сборах. Упоминаемые в формуле обращения ярлыка Сахиб-Гирея «тамгачи»¹⁴², вероятно, ведали сбором этого налога. Поэтому у Рашид-ад-дина говорится о «городской тамге» [...] и о «тамгачи городов» [...]¹⁴³.

По мнению В.В. Бартольда, «земельный налог (копчур) в городах был заменен налогом на торговлю и промышленность (тамга)»¹⁴⁴. Указаний на взимание копчюра в Казанском ханстве мне не встречалось. Это, вероятно, объясняется особенностями хозяйства страны, так как «копчур», как указывал Картмер, по своему смыслу обозначает пастбище и употребляется в качестве названия налога с пасущихся стад в размере одного процента. Казанское же ханство было в основном страной земледельческой¹⁴⁵.

16. Джизья – [...] – подушная подать с немусульман, взимаемая с первых дней ислама¹⁴⁶. Хотя я в источниках не встречал сведений о взимании джизьи, но, исходя из факта проживания в городах и селах Казанского ханства значительного количества крестьянского населения (русские и армяне), можно предполагать существование такой подати.

17. Кулыш-култка¹⁴⁷ – *قولوش قلتقه* – этим словом, вероятно, обозначалась в Казанском ханстве помощь или подарки, преподносимые феодалу его подданными и вассалами в трудные или торжественные для первого момента.

Этот двойной термин встречается в ярлыке Саадат-Гирея. И.Н. Березин считал, «кулуш» означает – «раб», а «култка» – военнопленного раба¹⁴⁸, и соответствующее место своего ярлыка переводил: «... да не берут рабов их и невольников...»¹⁴⁹.

¹⁴¹ М.Г.Худяков. Указ. соч. С. 205.

¹⁴² Ярлык Сахиб-Гирея. Строчка 4.

¹⁴³ См.: Анийская серия. № 5. С. 34. Приводятся интересные материалы о содержании термина «тамга» в эпоху монгольского владычества.

¹⁴⁴ В.Бартольд. Мир Ислама. Т. I. № 1. СПб., 1912. С. 76.

¹⁴⁵ См.: А.А.Али-Заде. К истории феодальных отношений в Азербайджане в XIII и XIV вв. Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. 1. Баку, 1949. С. 113–126.

¹⁴⁶ См.: Б.Н.Заходер. Указ. соч. С. 27, 36; В.В.Бартольд. История культурной жизни Туркестана в 1927 г. С. 108.

¹⁴⁷ Ярлык Сахиб-Гирея. Строчка 14–15.

¹⁴⁸ См.: И.Н.Березин. Ханские ярлыки. Вып. 2. Казань. 1851. С.53. Прим. 88.

¹⁴⁹ Там же. С. 21.

Объяснение В. В. Григорьева было не менее удивительным: «Слова колс и колодка обозначают, по моему мнению, первое ручные, а второе ножные колодки; впрочем, это слово, вероятно, перешло в Россию во время монгольского ига. Должно быть с колодки, как и со многих предметов амбарных, например, весов и прочих, был установлен сбор»¹⁵⁰.

Смысл этого двойного термина остался неясным для издателя ярлыка Сахиб-Гирея¹⁵¹, который в своем комментарии привел объяснение В.В. Григорьева, указав, что «так как в наших руках нет материалов, которые могли бы объяснить этот термин, мы и приводим его объяснение»¹⁵².

Смысл термина был также неясен ни одному из комментаторов ярлыка Сахиб-Гирея. М.Г. Худяков считал, что словами «кулыш» и «култыка» обозначены две различные по содержанию подати, о которых «трудно судить, что такое представляли»¹⁵³.

Составители «Истории Татарии в документах и материалах» также считали: «Салыг, куляш, култыка – значение этих трех названий не выяснено»¹⁵⁴. Н.Ф. Калинин, автор главы, посвященной Казанскому ханству в «Истории Татарской АССР», также не предпринял попытки расшифровать термин¹⁵⁵.

Сравнительное изучение «Материалов по истории Крымского ханства» В.В. Вельяминова-Зернова и старорусских посольских документов показало, что под этим двойным термином понимались: «запросы», т.е. «сураб алуна турган буляк» – سوراب ألونا تورعان بولهك¹⁵⁶. В своем объяснении я и придерживался этих выводов.

18. Подать, взимавшаяся с жениха и невесты, упоминается в писцовой книге письма и меры Ивана Болтина 1603 года. Татарский феодал князь Бакшанда Нурушев взимал с волости Нали Кукмор по Арской дороге «з девяноста з десяти дворов... с свадеб кунишную пошлину». Замечание писца, что «государевы грамоты князь Бакшанда на то не положил»¹⁵⁷, заставляет думать, что этим правом пользовались и предки князя Бакшанды, то есть такая подать была еще во времена татарских ханов.

19. Дорогильная пошлина также упоминается при описании землевладения татарского князя Бакшанды по Арской дороге в писцовой книге 1603 года. «Ем-

¹⁵⁰ В.В.Григорьев. Записки Одесского общества истории и древностей. Т. VIII. С. 324.

¹⁵¹ ВНОТ. 1925. № 1–2. С. 33.

¹⁵² ИОАИЭ. Т. XXXIII. Вып. 1. С. 89.

¹⁵³ М.Г.Худяков. Указ. соч. С. 204, 205.

¹⁵⁴ Указ.соч. С. 132. Прим. 22.

¹⁵⁵ История Татарской АССР. Т. I. Казань, 1950. С. 165.

¹⁵⁶ См.: ИРАН. VI серия. 1917. № 15. С. 1277–1278. (Статья «Тийишь (тишь) и другие термины крымско-татарских ярлыков»); ИАН. XI серия. 1926. № 12. С. 1110. (Статья «О «пайза» – «байса» в Джучиевом улусе»); ИОАИЭ. Т. XXXIII. Вып. 1. С. 89.

¹⁵⁷ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Л. 105 об.

лет князь Бакшанда с волости с Нали Кукмор з девяноста з десяти дворов дорогильные пошлины 14 рублей и 18 алтын 2 деньги». Писец также указывает: «государевы грамоты князь Бакшанда на это не положил»¹⁵⁸. Вскрыть содержание термина мне не удалось. Может быть, перед нами редкий случай сохранения пошлины в пользу даруги – управителя ханской власти на местах.

Почти все перечисленные повинности и подати носят ярко выраженный земледельческий характер, что является еще одним солидным аргументом в защиту принятого нами положения о земледелии, как основном занятии населения Казанского ханства.

Из неземледельческих повинностей можно еще указать на обязанность крестьянского населения ближайших к Казани сел участвовать в строительстве городских укреплений. Именно о такой повинности рассказывает «Казанский летописец» при описании обороны города Казани в 1531 г., когда казанский хан «загна же черемису ближнюю всю многу и повеле им делати подле Булака острог, около посаду, по Арскому полю, от Булака же и до Казани реки, округ его рыв копати, по за острогу, да в нем сидят черемиса с прибылыми людьми, яко да и граду помощь будет и посады целы от запаления огненного устоят»¹⁵⁹.

Из приведенного материала видно, что значительное число повинностей шло в натуральной форме. Типы поборов исключительно многообразны. Конечно, все эти подати и повинности выполнялись не одновременно, а в различных случаях и в различных местностях с различных категорий людей и земель. Установленный нами список податей и повинностей дает также право утверждать, что в Казанском ханстве была распространена такая совершенная форма феодальной ренты, как продуктовая. «Рента продуктами предполагает более высокий уровень непосредственного производителя, следовательно, более высокую ступень развития его труда и общества вообще»¹⁶⁰. В отличие от барщины, продуктовая рента была присвоением прибавочного продукта татарского крестьянина. Труд крепостного крестьянина делился на необходимый и прибавочный. Необходимый труд служил для создания средства потребления и для воспроизводства рабочей силы татарского крепостного и для содержания его семьи. Прибавочный труд крестьянина создавал прибавочный продукт, взимавшийся феодалом. При барщине татарский феодал непосредственно присваивал прибавочный труд крестьянина. При оброке татарский феодал требовал от крестьянина поставки определенного количества продуктов, предоставляя ему по своему усмотрению распределять свое рабочее время. Кроме общегосударственных податей (вроде «салыг мсми» и др.),

¹⁵⁸ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Лл. 105 об.–106.

¹⁵⁹ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 37.

¹⁶⁰ [В рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова выходные данные источника не указаны – ред.]

остальные подати следует рассматривать как вид оброка татарского крестьянина своему феодалу. С другой стороны, установленный нами список дает возможность предполагать определенное введение в практику и более совершенных форм феодальной повинности, как денежная рента. Введение денежной ренты следует связывать с распространением товарно-денежных отношений в Казанском ханстве. Существование налогового сбора «бадж» указывает на определенное развитие мелкой крестьянской торговли.

Не возникли же оброки сразу и внезапно в 1523 году, когда был издан ярлык Сахиб-Гирея. Оброки были уже в конце XV – начале XVI века. Переломным моментом в развитии феодальных отношений в Казанском ханстве вообще и феодальной ренты в частности следует признать царствование Мухаммед-Эмина (1487–1518 гг. с перерывом). Поэтому время Мухаммед-Эмина в источниках более позднего времени не случайно характеризуется как время установления таких поземельных отношений, следы которых чувствуются на протяжении всего XVI в. и даже XVII в. Русское правительство после завоевания Казанского ханства стало взимать ясаки «как было [при – ред.] Магмелиме царе»¹⁶¹. В писцовой книге 1603 г. встречаются ссылки на земельную практику времени хана Мухаммед-Эмина¹⁶². В татарских земляных письмах Н. Н. Ардашева ссылка на старину также относится ко времени правления Мухаммед-Эмина¹⁶³. Во время царствования Мухаммед-Эмина сложились в основном развитые феодальные отношения в Казанском ханстве.

Установленный нами обширный список податей и повинностей не дает права отрицать существование классовой борьбы татарских крестьян с землевладельцами-феодалами и феодальным государством. Однако в исторической литературе совершенно не ставился вопрос о борьбе двух основных классов татарского феодального общества. Наоборот, буржуазные историки отрицали существование непримиримой классовой борьбы в Казанском ханстве, которая составляла характерную черту феодального строя.

Н. Фирсов в своей работе «Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве» писал: «С вероятностью можно заключить, что низший класс народонаселения в Казанском царстве далеко не был так угнетен, как бы можно думать, взяв во внимание аристократический уклад государства: господствующий в нем класс, с самого начала до конца царства, вследствие географических и исторических условий, находился в таком положении, что не мог быть слишком требовательным по отношению к подчиненному ему населению страны; не подлежит сомнению, что личная свобода ясачных, при всей зависимости их от казанской аристократии, не была совсем уничтожена.

¹⁶¹ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 221.

¹⁶² ЦГАДА, ф. 1209, кн.642. [Лист источника не указан – ред.]

¹⁶³ Н.Н.Ардашев. Указ. соч. С. 4.

Об умеренности господствовавшего класса в Казанском царстве к низшему сословию татар и к ясачным может отчасти свидетельствовать то обстоятельство, что нет известий о мятежах последних против первого, что инородцы финского корня и низший класс из татар не разрывали связи с дворянством [т.е. с аристократией – ред.] почти до падения царства, не отставали от него ни в счастливые, ни в тяжелые дни его существования¹⁶⁴». Эта пространная цитата говорит сама за себя. Мнение Н. Фирсова сочувственно разделяется Г. Перетятковичем¹⁶⁵ и другими буржуазными историками.

Буржуазные историки игнорировали указания русских летописей на разнообразные формы классовой борьбы в Казанском ханстве. Надо полагать, классовая борьба в Казанском ханстве выражалась в постоянных попытках уклонения крестьянского населения от платежа податей и повинностей. История классовой борьбы татарского крестьянства с феодалами еще ждет своего исследователя. Скупые известия источников по этому вопросу еще не выявлены в достаточной мере и требуют специальных изысканий. Поэтому я вынужден здесь ограничиться лишь несколькими указаниями о крестьянских движениях в Казанском ханстве.

Феодальная верхушка постоянно использует в своих целях недовольство крестьянских масс.

Воцарившийся в 1486 г. с помощью «многую силою Нагайскою» на казанском престоле шибанский хан Мамук беспощадно стал эксплуатировать местное население: «гостей и земских людей всех пограбил». Против хана Мамука подняли восстание крестьяне Арской земли. Карательная экспедиция Мамука не увенчалась успехом: «Арские же князи града не здаша, но бишася с ними крепко»¹⁶⁶. Население города Казани и окрестных деревень также поднялось против Мамука и не пустило его обратно в город.

Крупные крестьянские движения были во время царствования на казанском престоле представителей крымской династии Гиреев незадолго до завоевания Казанского ханства русскими войсками. Особенно это относится к царствованию Сафа-Гирея, при котором была «земским людем великая продажа»¹⁶⁷. Крымские феодалы, приведенные Сафа-Гиреем, своими притеснениями вызвали в 1546 г. восстание народных масс. Правда, «Казанский летописец» пишет об этом очень скупое, но весьма выразительно: «Воста в Казани, в вельможах и во всем народе и во всем люду казанском смятение великое [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.]; возвигоша бо крамолу все, соединившеся большие с меньшими, на царя своего Сап-Кирея и свергоша его с

¹⁶⁴ Н.Фирсов. Указ. соч. С. 17.

¹⁶⁵ Г.Перетяткович. Поволжье в XV и XVI в. М., 1877. С. 131.

¹⁶⁶ ПСРЛ. Т. VIII. С. 232.

¹⁶⁷ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 99.

царства, и выгнаша из Казани и с царицами его, и мало не убиша за сию вину, что он приемляше вся земца, крымских срацын, приходяще к нему в Казань, в велможах быти устроиша, и богатыше их, и почиташе, и власть велику обидети казанцев даваше, любляше их и брежаше паче казанцев»¹⁶⁸. Здесь отмечены как массовость, так и стихийность движения. Не вызывает сомнения то обстоятельство, что движение было вызвано притеснениями феодальной знати. Социальный состав движения, надо полагать, был разнообразный. Часть знати также была недовольна правлением Сафа-Гирея и его вельмож и принимала участие в движении, закончившемся свержением хана.

Обострение классовых противоречий было особенно сильно накануне падения Казанского ханства, когда «не хотят бо казанцы меньши больших слушати и покарятися им, коим царство приказано бысть бреши; вси бо творяхуся велики, властвовать в Казани хотяху, за сие друг друга убиваше...»¹⁶⁹.

Значительное крестьянское восстание произошло в 1551 году и было направлено против правительства крымского улана Кошакка: «... и приходили чюваша Арьскаа з боем на крымцов: «О чем де не биете челом государю?». Пришли на царев двор, и крымцы Кошак-улан с товарищи с ними билися и побили чювашу».

Тот факт, что восстание было быстро разгромлено, указывает на чисто крестьянский характер движения. В случае участия в движении местной феодальной знати, оно вряд ли могло быть так быстро разгромлено.

Стихийные крестьянские восстания в Казанском ханстве часто смыкались с движениями ремесленников и городской бедноты, как это, например, было в 1546 г. при свержении Сафа-Гирея.

Неоднократные вооруженные восстания местных крестьян против казанских ханов и их феодалов наглядно свидетельствуют о сильных внутренних противоречиях в татарском феодальном обществе и разрушают легенду татарских буржуазных националистов об отсутствии классовой борьбы в Казанском ханстве. Конечно, эти восстания, в силу своей стихийности, неорганизованности и отсутствия надлежащего руководства, были всегда обречены на неудачу и не могли не только разрушить господствовавшие в Казанском ханстве феодальные производственные отношения, но даже не могли существенно облегчить тяжелое положение татарского крестьянина-труженика.

Но борьба между двумя антагонистическими классами татарского феодального общества никогда не прекращалась и не могла прекратиться. Говоря словами И. Сталина, «классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя»¹⁷⁰.

¹⁶⁸ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 49, 281.

¹⁶⁹ Там же. Стлб. 56.

¹⁷⁰ И. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. 1949. С. 27.

ГЛАВА V

Ремесло и торговля в Казанском ханстве

1. Вопрос о татарском феодальном городе

В русской и татарской исторической литературе совершенно не ставился вопрос о татарском феодальном городе. Мимоходом касался этого вопроса Г. Перетяткович: «Нельзя не указать в заключение еще на одну особенность Казанского царства – на чрезвычайно малое количество в нем городов. Кроме самой Казани, упоминается только Арский городок... Вне этих городов в Казанском царстве упоминаются еще остроги и крепости по Арской дороге и в нагорной стороне, в земле Чуваш»¹. Трудно согласиться с таким категорическим утверждением Г. Перетятковича, так как при таком подходе игнорируются не только специфические, еще не вскрытые особенности развития татарского города, но и средневекового города вообще.

Нет никаких сомнений, что Г. Перетяткович под городами подразумевал только военные укрепления, крепости. С другой стороны, совершенно ясно, что внимание русских источников сосредотачивалось только на Казани, являвшейся столицей государства и ведущим экономическим центром.

М.Г. Худяков, в отличие от Г. Перетятковича, признавал существование поселений городского типа. Однако М.Г. Худяков совершенно неправильно трактовал природу городских поселений Казанского ханства. По его мнению, татарские городские поселения с самого момента их возникновения были торгово-промышленными центрами. «Приволжские города были обязаны своим возникновением и расцветом исключительно волжской торговле и великой многоводной реке... Таковы были, несомненно, населенные пункты по берегам водных путей – Елабуга, Синбир, Сары-Тау, Тетюши, Лаишев», – писал М.Г. Худяков². Торговля рассматривается М.Г. Худяковым как определяющее начало всей общественной жизни Казанского ханства: «Торговля, а не промышленность составляла ось государственной жизни, вокруг которой вращалась политика»³. Исходя из антимарксистской концепции М.Н. Покровского, он считает, что «Казанское ханство находилось всецело в стадии развития торгового капитала»⁴.

¹ Г.Перетяткович. Поволжье в XV и XVI вв. М., 1877. С. 131–132.

² М.Г.Худяков. Указ.соч. С. 211, 213.

³ Там же. С. 219.

⁴ М.Г.Худяков. Указ.соч. С. 183.

На такой же позиции стоял Н.Н. Фирсов, считавший основной причиной образования города Казани торговлю. Он, останавливаясь на преданиях об основании города Казани, писал: «... не эстетические красоты местности привлекли сюзда хана Али-Бея, как явствует по преданиям, а реальный, нам известный, интерес. Это – торговля, от которой не мог отказаться болгарско-татарский правящий класс»⁵. Н.Н. Фирсов для истолкования событий болгаро-татарской истории берет пресловутую надисторическую отмычку из арсенала школы М.Н. Покровского – теорию торгового капитала. Поэтому Казанское ханство становится «страной торгового капитала»⁶, так же как Болгарское государство было «коммерческим союзом»⁷. Торговля в Казанском ханстве, по его мнению, была «главным нервом государственного союза»⁸. Н.Н. Фирсов не видит никакой разницы между Болгарским государством и Казанским ханством, рассматривая их в составе одной эпохи торгового капитала. Он не считал, что определяющим началом общественного процесса является способ производства. По его мнению, торговый капитал в Болгарском государстве и в Казанском ханстве господствовал не только над производством, но и обеспечил себе политическое господство. «Народная масса эксплуатировалась торговым капиталом», – утверждал Н.Н. Фирсов⁹. В свете порочных установок школы М.Н. Покровского изображается казанская городская жизнь в сборнике «Старая и новая Казань», изданном под редакцией проф. С.П. Сингалевича в 1927 году¹⁰.

Абстрактные социологические схемы школы М.Н. Покровского не дали возможности усмотреть в длительном историческом развитии болгар и татар национально-специфичное и не дали возможности понять каждую ступень его исторического развития как качественно новую ступень, имеющую свои закономерности и задачи. Теория торгового капитала не могла дать правильное научное объяснение возникновению феодальных городов.

Авторы «Истории Татарской АССР» также не сумели полностью определить характер татарского города эпохи Казанского ханства. Они пишут: «Из городов, кроме Казани, Иски-Казани, превратившейся в большое ханское дворцовое село, исторические источники отмечают: Арск, Лаиш, Мамадыш, Алат, Алабугу, Тетеш. О характере второстепенных городов нет никаких данных. Скорее это были небольшие крепости, так как и поминаются они обычно только в связи с военными событиями»¹¹. При такой трактовке татар-

⁵ Н.Н.Фирсов. Прошлое Татарии. Казань, 1926. С. 12.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ Там же. С. 9.

⁸ Там же. С. 15.

⁹ Там же. С.18.

¹⁰ Указ. соч. С. 39–60. (Статья Е.И.Чернышева «Облик казанской жизни в XVI веке»).

¹¹ История Татарской АССР. Т. 1. Казань, 1950. С. 161.

ского города совершенно игнорируется его феодальная природа, назначение и, в особенности, значение в системе феодального господства, как административного центра тянувшей к нему округи.

Только строгий учет всех методологических указаний классиков марксизма-ленинизма дает возможность вскрыть причину возникновения феодальных городов – рост производительных сил и связанное с этим ростом разделение труда, отделение ремесла и торговли от сельского хозяйства. Поэтому изучение татарского феодального города представляет определенный интерес. Без его изучения нельзя понять развитие татарского феодального общества, нельзя достаточно полно выяснить рост производительных сил страны, нельзя изучать историю татарской культуры.

Складывание Казанского ханства во второй четверти XV века было связано с большими экономическими сдвигами в хозяйственной жизни народов Волжско-Камского края. Золотоордынское иго имело весьма пагубное влияние для развития экономики края, насильственно втиснутого в рамки Улуса Джучи в первой половине XIII века. Освобождение от золотоордынского ига в результате успешной борьбы русского народа (Куликовская битва 1380 г.), разгрома Тохтамыша Тамерланом и длительной борьбы местного населения за свою национальную независимость привело к образованию самостоятельной государственности казанских татар и к подъему всей хозяйственной жизни края. Именно этот момент подчеркивает М. Н. Тихомиров, рассматривая историю развития торговых связей Москвы с народами Поволжья: «Торговля Москвы с волжскими городами особенно усилилась после возникновения Казанского ханства, вступившего в тесные торговые связи с Москвой»¹². Вот почему известный путешественник первой половины XVI в. С. Герберштейн справедливо подчеркивал высокую культуру казанских татар, указывая, «что эти татары – образованнее других, так как они и возделывают поля, и живут в домах, и занимаются разнообразной торговлею»¹³. Повышение производительности сельско-хозяйственного производства в результате распространения паровой системы земледелия способствовало общему экономическому подъему страны. Сельскохозяйственное производство, как основа феодального способа производства в Казанском ханстве, не исключало ремесленного труда. Постепенно рост производительности сельскохозяйственного труда приводит к общественному разделению труда: отделению ремесла от земледелия. Это способствовало обособлению городского населения от сельского: ремесленники предпочитали селиться в городах, где было легче найти сбыт для своей продукции. Города становятся местными экономическими центрами. Здесь концентрируются ремесленники и торговцы. Города становятся

¹² М.Н.Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947. С. 98.

¹³ С.Герберштейн. Указ. соч. С. 152.

феодалными административными центрами для тянувшей к городу округи. Конечно, нельзя отрицать связь города с деревней. Безусловно, проживающие в городе крупные феодалы поддерживали регулярную связь со своими имениями, откуда получали необходимые продукты. «Казанский летописец» говорит: «... уланове, князи и мурзы разъехая по селам своим гулять...»¹⁴. Но, основная масса горожан вряд ли могла заниматься земледелием. Конечно, часть горожан не теряла связи с землей, так что земледелие имело для них подсобное значение. Неземледельческое население нуждалось в продуктах питания. Поэтому города становятся рынком сбыта сельскохозяйственных продуктов. Ближайшие к городу села и деревни втягиваются в рыночные отношения с городом. Так складываются татарские города как ремесленно-торговые центры. Городское население увеличивается в процессе расслоения крестьянства, часть из которых переселяется в город в качестве ремесленников или спасается здесь от произвола феодалов. «Из крепостных средневековья вышло свободное население первых городов; из этого сословия горожан развились первые элементы буржуазии»¹⁵.

Нельзя также забывать другое указание К. Маркса и Ф. Энгельса в «Немецкой идеологии» о том, что города «... не пришли в средневековье в готовом виде из прошлой истории, а образовались заново освободившимися крепостными...»¹⁶. Города становятся не только ремесленно-торговыми центрами, но также являются опорными административно-политическими центрами ханской власти для прилегающей территории (улуса и даруги).

Среди городов Казанского ханства, в первую очередь, надо назвать столицу ханства – город Казань. Он расположен на высоком левом берегу р. Казанки, недалеко от места соединения с нею речки Булак. Город возник, по мнению Н. Ф. Калинина, на месте первобытных и древнеболгарских поселений, остатки которых известны на холме среди поймы за современным вокзалом, на Зилантовой горе и на берегу озера Кабан¹⁷. В XV в., собственно, город занимал северную часть территории современного Казанского Кремля между обрывами к реке Казанке и Булаку и Тезицким рвом. Из Казани осуществлялось управление всей обширной территории ханства. Под стенами, собственно, города складывался и разрастался посад, где жил многочисленный ремесленно-торговый люд. «Казанский летописец» дает следующее описание Казани накануне осады ее русскими войсками в 1552 году: «Град же Казань и зело крепок велми, стоит на месте висоце, промеж двою рек Казани и Булака, и согражден в семь стен, в велицех и толстых древесах дубовых: в

¹⁴ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 299.

¹⁵ К.Маркс и Ф.Энгельс. Манифест коммунистической партии. 1948. С. 47.

¹⁶ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Т. IV. С. 41.

¹⁷ См.: История Татарской АССР. Том. I. Казань, 1950. С. 161.

стенах же сыпан внутри хрящ и песок и мелкое камень, толстина же градная от реки, от Казани и от Булака, трех сажен, и те бо места ратным неприступные. И вода двема рекама бы страну града обтекши и в едину реку у стены града слиясь, еже есть Казань, и та река в Волгу поидет, двема устьи, за три версты выше града, по реце же той град словет Казань; и яко крепкими стенами и водами вокруг обведен бе град, и токмо со единые града с поля Арского приступ мал: но туда стена градная была в толстоту 7 сажен и прекопана около ея стремнина велиа, глубока»¹⁸.

Значительным городом в Заказанье был центр Арской даруги – Арский город. Он впервые упоминается под 7005 г. (1497) в Воскресенской летописи, в главе «О приходе царя Мамука Шибанского к Казани». В летописи описывается поход Мамука на Арский городок: «И не по мнозе времени царь Мамук князей Казанских пожаловал выпустил, и прииде с ними ратью под Арский городок, Арские же князи града не сдаша, но битяся с ними крепко»¹⁹. В описании автора «Истории о Казанском царстве» Арск представлен перед нами как большой и крупный город: «То бо острог стары, Арск зовом, зделан аки град тверд, и з башнями, и з бойницы, и живет людей много в нем, и берегут велми, и не бе взиман ни от коих же ратей никако же, стоит от Казани 60 верст, в месте зело крепких и в непреходных, в дебрех и в блатах, едином путем к нему притти и отоити»²⁰. Затем, Никоновская, или Патриаршая, летопись описывает поход русских воевод в Арскую землю в сентябре 1552 г., указывает: «И пошли воюючи и села жгучи, к Арьскому городищу, и бояре и воеводы послали головы царева полку, а сами на городище стояли два дни и пошли другою дорогою к Казани...»²¹. Арск считался также резиденцией удмуртских князей (арами татары называли предков современных удмуртов, которые до Великой Октябрьской социалистической революции именовались вотяками). Рычков еще в середине XVIII века относительно Арска указывал, что «тут живали древние владетели вотского народа и что сие место было первенствующим их жилищем»²². Арск был расположен в самой развитой в земледельческом отношении части ханства.

Поселением городского типа следует признать также Алаты – центр Алатской даруги²³.

¹⁸ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 119–120.

¹⁹ Там же. Т. VIII. С. 232.

²⁰ Там же. Т. XIX. Стлб. 127.

²¹ Там же. Т. XIII. Ч. 1. С. 211.

²² П.Рычков. Продолжение журнала или дневных записей путешествия по разным провинциям Российского государства 1789 и 1770 гг. СПб., 1770. С. 5.

²³ См.: Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии. Вып. 3. Казанский уезд. Казань, 1916. С. 19. (Приложение к журналу «Известия по Казанской епархии» за 1916 г. № 7–8).

Административным центром марийских земель был город Малмыж, о котором Рычков в середине XVIII века писал: «По словам малмыжских жителей и по крепостям, данным их предкам для владения тутошними землями, пригород Малмыж до взятия Казанского был черемисский город, в котором жил князь Болтуш, владевший древними черемисами»²⁴. В писцовой книге 1603 г. Казанского уезда письма и меры Ивана Болтина имеется описание «волости черемисской в Малмыже». Писец указывает: «В волости ж в Малмыже за ясачною черемисою за 38 дворы» было 248 четвертей пашенной земли, 7600 копен сена и леса на три версты в длину и на одну версту в ширину»²⁵.

Каюм Насыри в «Материалах археологических» приводит предание о том, что в районе современного города Свияжска еще в болгарское и золотоордынское время был город, который управлялся особым князем, где ежегодно собиралась ярмарка, на которой болгарские купцы вели обширную торговлю сырой и выделанной кожей²⁶.

На одной из крупнейших переправ через Каму на торговом пути из Казани в Ногайскую орду сложился город Лаишев²⁷.

В изданных С. Мельниковым исторических и юридических актах, относящихся к Казанской губернии, имеется указание на существование Булымерского города в царствование Сафа-Гирея: «В прошлых годах, до Казанского взятия исстари построен был бусурманской город Балымерской, за Камою рекою; а в нем был царь Балын-гозя, и он де Балын-гозя умер, да в то же время был царь татарский Сафарралей, и того де Балымерского царя похоронил и построил над ним палату каменную...»²⁸. Капитан Рычков в своих записках приводит почти текстуально совпадающую выдержку из челобитной ясашных татар Казанского уезда, Каным мурзы и князя Яшуева с товарищами Петру Великому²⁹.

Из старых болгарских городов за время ханства продолжал еще существовать город Болгар. Здесь находилась усыпальница казанского хана Мухаммед-Эмина, хранитель которой Мухаммедьяр Махмуд оглы оставил нам две замечательные поэмы «Тохфэи мардан» (1539 г.) и «Нуры сыдур» (1542 г.), недавно обнаруженные Б. Яфаровым. По словам Мухаммедьяра Махмуда оглы, у казанских ворот города Болгара много толпится народа:

*«Болгар шәһре Казан дәрвазасында
Кеше күптер хәер дәрвазасында»³⁰.*

²⁴ П.Рычков. Указ. соч. С. 18.

²⁵ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Л. 124 об.

²⁶ Каюм Насыриның монарчы басылмаган әсәрләре. Казань, 1926.

²⁷ Пр. ДРВ. Ч. VIII. СПб., 1793. С. 278.

²⁸ С.Мельников. Указ. соч. С. 180.

²⁹ П.Рычков. Указ. соч. С. 14.

³⁰ Цитирую по Н.Исанбету. (См.: Совет әдәбияты. 1941. № 25. С. 73).

Мне кажется, что даже такой небольшой приведенный мною материал дает право высказать несколько иные, более правильные соображения о городских поселениях Казанского ханства. Источники, относящиеся уже к русскому времени (т.е. после завоевания Казанского ханства в 1552 г.), особо отличают эти поселения среди большого количества населенных пунктов. В одном русском документе, относящемся к 1609 г., указывается: «... а Уржум де, и Малмыж, и Лаишево, и Арской, и все пригородни около Казани и слободы, и около тех городов татаровя и чюваша и черемиса»³¹. Эти отличия, надо полагать, не возникли сразу же после завоевания Казанского ханства, а складывались постепенно в результате длительного развития местных производительных сил. Если даже отмеченные мною города-центры (Арск, Малмыж, Лаишев, Свияжск, Алатаы и другие) не имели большого хозяйственного значения, но самый факт особого упоминания о них является достаточно характерным; значит, эти населенные пункты стали чем-то выделяться среди массы окружающих селений. И тип города в Казанском ханстве, надо полагать, складывался несколько иной, чем предполагал Г. Перетяткович, признававший только крепости городами.

2. Город Казань

Среди всех городских поселений город Казань играл весьма значительную роль, будучи экономическим, политическим и культурным центром государства казанских татар. Основным источником наших сведений о городе Казани являются русские летописи.

В Казани проживало значительное городское население, которое увеличивалось вследствие расслоения крестьянской массы в татарской деревне и бегства крестьян от своих мурз. Городское население не могло быть однородным: с одной стороны, крупные светские и духовные феодалы при дворе хана, с другой стороны, ремесленно-торговый люд: купцы и ремесленники, а также чернорабочие. Казань резко выделялась своей величиной и количеством населения среди других татарских городов. Ремесленно-торговый люд селился под стенами Казанского кремля на посаде. Процесс возникновения посада был достаточно медленным. Источники позволяют проследить развитие казанского посада в XV–XVI вв.

Наиболее ранние упоминания посада в Казани относятся к 1469 году. Воскресенская летопись под 6977 (1469 г.) рассказывает о разорении русскими войсками 21 мая указанного года посада в городе Казани: «И вышед из судов, пойдоша на посад [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.], а татаром казанским всем еще спящим, и повелеша трубити, а татар нагаша [на-

³¹ АИ. Т. II. С. 170. Документ № 145. 1609 г. февраля 1. Отписка кайгородцев пермичам.

чаша –?] сечи и грабити и в плен имати; а что полон был туто на посаде христианской, Московской и Рязанской, Литовской, Вятской, Устюжской и Пермьской и иных прочих городов, тех всех отполониша; а посады их все с все стороны зажгоша» [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.]³².

Другое указание на существование посада в Казани под этим же годом имеется в Архангелогородском [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «Архангелогородском» – ред.] летописце при описании осады города Казани 1 сентября 6978 (1469) г. москвичами и устюжанами под руководством князя Юрия: «И поидоша к городу изрядяся, татару ж выехаша из города, и бишася мало, и побегоша в город, и затворишася, а сила Русская стала около города и острог доспели, и воду отняли...»³³. Здесь город понимается как крепость, а выражением «острог доспели» означает укрепление посада вокруг города-крепости. В Архангелогородском летописце имеется еще такое же указание о казанском городе и посаде под 6995 (1487) годом при описании похода на Казань князьями Данило Холмского и Семена Ряполовского: «И царя Аляхам из города из Казани со князьми своими и с силою выехал против воевод великого князя, мало побився, и в город побеже, а воеводы город Казань обсели, и острог около города доспели. Един князь Татарский именем Алгазый со царем в город не полезл, тот зла много чинил (войскам) великого князя, а после того князя сила великого князя прогна за Каму в поле»³⁴.

В летописных известиях первой половины XVI века упоминания о казанском посаде встречаются гораздо чаще. Автор «Истории о Казанском царстве» рассказывает о проведенных ханом Сафа-Гиреем мероприятиях по обороне казанского посада во время осады города Казани русскими войсками в 1530 году: «Загна же Черемису ближнюю всю многу и повеле им делати подле Булака острог, около посаду, по Арскому полю, от Булака же и до Казани реки, округ его рвы копати, по за острогу, да в нем сидят черемисы с прибылыми людьми, яко да и граду помощь будет и посады целы от запаления огненного устоят»³⁵.

В 1551 году во время похода на Казань «из Новгорода из Нижнего велел государь итти изгоном на Казанский посад князю Петру Серебряному»³⁶, войска которого и разгромили казанский посад 18 мая 1551 года. Таким образом, по указаниям летописей бесспорно устанавливается существование в Казани посада, начиная с середины XV века.

³² ПСРЛ. Т. VIII. С. 156; см. также: ПСРЛ. Т. XX. С. 280; Т. XVIII. С. 221.

³³ Летописец, содержащий в себе Российскую историю от 6360/852 до 7106/1598 года, то есть по кончину царя и великого князя Федора Ивановича. М., 1781. С. 147.

³⁴ Там же. С. 164.

³⁵ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 37.

³⁶ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 164.

«Ядром Казани XV в. была северная часть современного Кремля. Здесь между обрывами к Казанке и Булаку и Тезицким рвом с юга, на небольшой площади располагались ханский дворец со службами, правительственные учреждения, мавзолеи, мечети. За Тезицким (купеческим) рвом располагался посад. К середине XVI в. Кремль увеличился к югу, но не достиг современных нам размеров. Разрастался и посад по двум холмам, с севера и юга окружавшим Черноозерскую впадину. По южному холму, вдоль современной улицы Чернышевского, посад в XV веке доходил только до Пионерской улицы, а дальше располагалось загородное кладбище. К середине XVI века посад почти достиг ул. Университетской. Кладбище было перенесено в район южной части университетского двора и Университетской улицы. По северному холму (современные улицы Молотова, К. Маркса, Нагорная) посад к середине XVI в. достиг площади Свободы. К концу XV в. посад стал спускаться в низину, к Булаку.

Здесь, благодаря близости к воде, располагались ремесленные мастерские и пристань на Булаке. В низине между холмами протекал ручей, на котором запрудами был создан ряд озер (Белое, Гнилое, Поганое). Здесь также располагался ремесленный район. За пределами посада известны слободы Кураишева и Армянская, села Биш-болта, Кул-Маметево [в рукописи «Куль-Маметево» – ред.], Аметево... К середине XVI века граница посада на севере шла по крутому берегу Казанки, на юге доходила до Булака, а на востоке – до глубоких оврагов (ныне улицы Куйбышева и Касаткина)...³⁷.

Некоторые детали, встречающиеся в записях русских летописей о разорении казанских посадов во время неоднократных походов русских войск на Казанское ханство, дают представление о значительной величине торгово-ремесленного населения посада. Таковы записи о походе 6977 (1469) года. Типографская летопись под этими годами пишет: «Того же лета князь великий Иван Васильевич посла в судех силоу многуу к Казани и посла к Устюжаном, веля им итти к Казани. Устюжане поидоша Камою к Казани, к Волзе, в судех, наши же приидоша без вести под Казань и мало города не взяша, посады же пожгоша, безбожных же тоу на посаде [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.] множество побиша, иных же плениша и отступиша к Новугороду, а татарове поидоша против устюжан и сretoшася [так в рукописи, «встретошася» –?] на Волзе о усть Камы»³⁸. Об этом же погроме Казанского посада Воскресенская летопись пишет несколько иначе: «Мнози же Бесермени и Татары не хотящася дати в руки христианом, а бльшее желяще по мнозем богатстве своем и запирающася над своим добром в храмах своих и с женами и з детьми и с всем,

³⁷ История Татарской АССР. Т. 1. Казань, 1950. С. 162.

³⁸ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 188.

что у них есть, и тако изгореша»³⁹. С.М. Шпилевский правильно комментирует свидетельство летописца, утверждая: «Из этого места летописи видно, что посады или посады Казани были с большим населением»⁴⁰.

Рассказ «Казанского летописца» об обороне казанского посада от русских войск в 1530 г. также свидетельствует о значительном населении посада: «Град бо Казань за умаления пространства своего всего народа своего не може в себе вместится с прибылыми людьми. И соделану бывшу острогу повелением царевым крепку и велику, с имением и землею, двема же концами ко граду притчеку»⁴¹. Посад был обнесен острогом в целях обороны.

Никоновская летопись под 1551 годом при описании погрома Казанского посада князем Петром Серебряным указывает, что он 18 мая 1551 года «на посад пришел безвестно и Божию милостью побил многих людей и живых поимали, и полону Руского много отполонили, и князей и мурз великих больши ста побили, и многих мелких людей [подчеркнуто Ш. Ф. Мухамедьяровым – ред.] и жен и ребят побили..»⁴².

«Казанский летописец» под 7038 (1530 г.) даже указывает число (вероятно, несколько преувеличенное) жителей казанского посада, пострадавших от набега русских войск: «И тако взяша крепкий острог и сожгоша, и посады погореша все, и много люду Казанского згоре, бывших в нем срацын всех избиша, аки скот, числом 60.000 и нагаи храбрых бойцов, в лето 7038 июня в 15 день»⁴³.

«Казанский летописец» хорошо знаком с рядом деталей казанской жизни, постоянно отмечает ту или иную роль горожан в калейдоскопе развернувшихся перед падением Казанского ханства политических событий. В весьма трогательно описанных проводах популярной царевны Сююмбеки из Казани основным действующим лицом выступают горожане: «И проводиша из града, честно всем градом и народом грацким [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.], мужи и жены и девицы на берег Казани реки, воюще горько по царице, аки по мертвой все. И плакася ея весь град и вся земля неутешно лето цело, поминающе ея разум и премудрость, и к вельможам честь, и ко средним и ко обычным милование, и дарование, и ко всему народу градскому бжежение великое»⁴⁴.

К этим словам летописец прибавляет: «Мнози же от граждан простых, чернь [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.], пеши провожаху царицу,

³⁹ Там же. Т. VIII. С. 156.

⁴⁰ С.М.Шпилевский. Указ. соч. С. 440.

⁴¹ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 37.

⁴² Там же. Т. XIII. Ч. 1. С. 164.

⁴³ Там же. Т. XIX. Стлб. 38. С. 254–255.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 81, С. 344–345.

мужи и жены, по обема странами Казани реки... Велможа проводиша царицу и обычные казанцы [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.] до Свияжска, и вси возвратишася в Казань тужаще и плачуще»⁴⁵.

Последнее восшествие хана Шигалея на казанский престол в 1551 году сопровождалось избиением в Казани не только 700 феодалов-вельмож, но и «обычных же людей, простых до 5000»⁴⁶. По заявлению летописца, «казанцы же слышавше над старейшинами своими бывшая, яко изымана быша вси, страх и ужас велии нападе на них, и сетоваху, и тужаху середнии и меншии по свои владыцех»⁴⁷.

Особо надо остановиться на дифференциации [в рукописи «дифференции» – ред.] городского населения и фактах классовой борьбы. Среди летописных известий первой половины XVI века встречаются указания на восстания горожан в Казани и отмечается их постоянная борьба с феодалами. Так, например, Никоновская летопись приводит такое заявление казанского князя Табая, сделанное последним в 7039 (1531 г.) во время переговоров в Москве: «А ведаете сами, что в Казани добрых людей мало, все люди мелкие [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.], ино земли крепити некому, люди все в розни [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.], а в страховании великом сшаталися, и наша мысль не имет...»⁴⁸.

Главную роль в казанском восстании 1546 года, направленном против хана Сафа-Гирея, играли городские ремесленники, которых «Казанский летописец» называет «меньшими». «Воста в Казани, в вельможах и во всем народе и во всем люду казанском смятение великое; возвигоша бо крамолу все, соединившеся большие с меньшими, на царя своего Сап-Кирея и свергоша его с царства, и выгнаша ис Казани и с царицами его, и мало не убиша за сию вину, что они приемляше вся земца, крымских срацын, приходяще к нему в Казань, в велможах быти устроиша, и богатяше их и почиташе, и власть велику обидети казанцев даваше, любляше их и брежаше паче Казанцов»⁴⁹.

В обострившейся классовой борьбе после смерти хана Сафа-Гирея в 1549 г. также решающую роль играли «меньшие», т.е. ремесленники. Об этом факте автор «Истории о Казанском царстве» рассказывает в следующих словах: «И по смерти царева воста брань велика в Казани, в вельможах его крамола и губительство зло: не хотят бо казанцы меньши больших слушати и покорятися им [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.], коим царство приказано бысть бреши; вси бо творяхуся велики, властвовать в Казани хотя-

⁴⁵ Там же. Стлб. 81–82. С. 346.

⁴⁶ Там же. Стлб. 87. С. 356.

⁴⁷ Там же. Стлб. 94. С. 369.

⁴⁸ Там же. Т. XIII. Ч. 1. С. 55; см. также: ПСРЛ. Т. XX. С. 408.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 49. С. 281.

ху, за сие друг друга убиваше, иние же убежаху из Казани к Москве, на имя самодержцаво служить ему... И выехаша казанцов до 10.000 на Русь»⁵⁰.

Таким образом, русские источники отмечают развитую дифференциацию городского населения в Казани (меньшие, обычные, средние, старейшины). Естественно поставить вопрос об организационном оформлении горожан как особой группы населения, как это было в эпоху феодализма на Руси и в Западной Европе. Внутреннее устройство татарского города нам еще совершенно неизвестно. По сохранившимся источникам трудно проследить существование специальных купеческих объединений, подобных средневековым гильдиям, и организаций ремесленников, близких по своей структуре к цехам. Чтобы отрицать существование подобных организаций, нужны специальные доказательства. Купеческими объединениями в Казани могли быть объединения купцов, торговавших с Москвой, а также со странами Средней Азии. Вряд ли случайно в татарском языке издавна сложилось специальное обозначение для купцов, торговавших с Средней Азией – «Бухара юртучи» (от названия крупного среднеазиатского города Бухара)⁵¹. При постановке вопроса о существовании в Казани организаций ремесленников следует учесть ценные соображения А.П. Смирнова об организации болгарского ремесла, если не упускать из виду, что развитие казанского ремесла есть продолжение и дальнейшее усовершенствование болгарского ремесла. «Изучение болгарской культуры, сравнение ее с золотоордынской и более поздней – Казанского ханства, дает основание утверждать, что наряду с Хорезмом, Булгар явился той основой, на которой возникла и достигла высокого расцвета культура золотоордынских городов и Казани»⁵².

Конечно, нельзя ни преувеличивать, ни приуменьшать значение Казани как города. Казань по своей величине, по количеству ремесленников и торговцев, и по своему экономическому значению стоял гораздо выше уровня экономического развития других поселений городского типа Казанского ханства. Тем не менее, не все еще казанские горожане порывают связи с сельским хозяйством. Об этом свидетельствуют даже данные более позднего времени. Как известно, после взятия Казани русское правительство выселило оставшихся в Казани татар из города и отвело для них особое место «за Булаком на Кабане озере». Так образовалась Татарская слобода – «бистя» (بيسته). В 1565–1568 гг. по данным писцовой книги г. Казани письма и меры Н.В. Борисова и Д.А. Кикина в Татарской слободе насчитывалось 150 дворов. Значительная часть татар и чуваш из этих дворов занималась земледелием – «и

⁵⁰ Там же. Стлб. 56. С. 294–295.

⁵¹ См.: Известия восточного факультета АГУ. Т. I. Баку, 1926. С. 64.

⁵² А.П.Смирнов. Очерки по истории древних болгар. Труды ГИМ. Вып. 11. М., 1940. С. 125.

лето многие дворы стоят порозжи». Писцы дальше объясняют: «... а сказали прикащики Артемий Староельской с товарищи да татарин Башкин с товарищи, что в те татарские дворы татаровя и чюваша приезжают жить зимою или в заворошню, и тогда-де их живут в одном дворе семей по 10, а в ином и больши 10 семей»⁵³. Надо полагать, так было в Казани и в эпоху ее независимости. В этой же писцовой книге мы находим сведения о «животинных выпусках» посадских людей: «Да за острогом же около всего казанского посаду гороцкие казанские животинные выпуски всяких посадских людей к городу Казани ко всему посаду и к Татарской слободе...»⁵⁴. Это можно рассматривать как указание на занятие горожан животноводством. Писцы дают подробное топографическое описание «животинных выпусков».

3. Внутренняя торговля

Совершенно понятно, что земледелие не могло быть основным занятием нескольких десятков тысяч казанских горожан, а могло иметь только подсобное значение. Наличие обширного посада в Казани свидетельствует о несомненном развитии городской жизни. Концентрация в Казани значительного количества ремесленников не могла не превращать его в значительный торговый центр государства казанских татар. Казань с многочисленным ремесленным неземледельческим населением, будучи ведущим торговым центром страны, становилась важнейшим рынком сбыта сельскохозяйственных продуктов. Ближайшие к городу деревни и селения вряд ли смогли удовлетворять в полной мере потребности городского населения в Казани, так как не может быть никакого сомнения в весьма низкой товарности мелкого хозяйства татарского крестьянина. Значительное городское население Казани предъявляло серьезный спрос на сельско-хозяйственные продукты. Поэтому к Казани экономически тяготели сельские районы: в первую очередь, основной земледельческий район Казанского ханства – Заказанье. Так как Казань не могла покрыть своей потребности в сельскохозяйственных продуктах за счет привоза из ближайших к городу сел и деревень, то развитие сельскохозяйственного рынка в Казани неизбежно сопровождалось втягиванием в рыночные отношения значительной массы крестьян и феодалов. Конечно, татарскому крестьянину было зачастую не под силу поставлять хлеб на казанский рынок. Поэтому невозможен был полный переход к денежной ренте. Вероятно, соответствующая посредническая торговля обслуживала товарное обращение между отдельными городами Казанского ханства и тем самым позволяла обеспечивать сельскохозяйствен-

⁵³ Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565–68 гг. и 1646 г. Л., 1932. С. 48.

⁵⁴ Там же. С. 48.

ными продуктами крупнейший город страны – Казань. Концентрация ремесла в городах и рост последних имели своим последствием развитие торговли. К. Маркс писал по этому поводу: «Как только городская промышленность как таковая отделяется от земледельческой, ее продукты с самого начала являются товаром и, следовательно, для их продажи требуется посредничество торговли»⁵⁵. Так складывается городской рынок, где ремесленник продает свои изделия, а крестьянин продает сельскохозяйственные продукты.

Праздники, проводимые в Казани, обычно сопровождалась большой торговлей, так как в город приезжали крестьяне из сельских местностей со своими товарами. Автор «Казанского летописца» оставил нам детальное описание такого праздника в 1506 г. при хане Мухаммед-Эмине. Летописец пишет: «На великом лузе, на Арском поле, около града, поставлеша царь до 1000 шатров на празники своя, и вельможи его в них же кормчествоваше, и пьюще, и веселящися всякими потехами царскими, честь празнику своему творяше, тако же и гражани вси, мужи и з женами, гуляюще по их, пиюще, в корчемницах царевых, покупающе на цены, похлажахуся. Много же народу збирающися черемисы на празники тья с рухлом своим из дальних улусов и торговаху з градцкими людьми, продающе и купующе, и меняюще»⁵⁶ [подчеркнуто Ш. Ф. Мухамедьяровым – ред.].

У меня нет достаточных оснований сомневаться в существовании в Казани, начиная с середины XV в., постоянного рынка, куда приезжали крестьяне с продуктами и собирались ремесленники со своими изделиями. Татарский историк XIX века Мухаммед Зариф Хусеинов в своей «Таварихи Булгария» – *تواریخ بلغاریه* – приводит достойное внимания татарское предание об учреждении базара в Казани и расчищении Булака: «Был в Казани хан Мамук, человек весьма злой и страшный, которого даже боялись князья окрестных местностей. Он в Казани застроил многие места; ему принадлежит учреждение в Казани и базара, именуемого верхним [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.]. Торговля стала изо дня в день усиливаться, и на базар стали прибывать отовсюду всевозможные товары. Благодаря этому, в Казани стало умножаться и число домов, и слава о новой Казани стала распространяться по всем сторонам. Хан Мамук умер 42 лет, процарствовав всего 9 лет в Казани, где он похоронен – в точности неизвестно. Так как у него сыновей не было, то ханом стал Абдул-Латиф, [сын – ред.] Мухаммед-Эмина В его время был сильный разлив воды, что вода в озере Кабан поднялась выше берега и, причинив народу много бед, соединилась с водою Волги. Тогда у речки Булак было только собственное русло, еще не прорытое. Хан Абдул-Латиф, прорыв русло Булака и сделав его глубже, соединил его с одного кон-

⁵⁵ К.Маркс. Капитал. Т. III. 1949. С. 344.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 26. С. 233–234.

ца с Кабаном, а с другого с Казанкою, и с тех пор часть города у начала Булака стала называться (у татар) верхнею, а у устья нижнею частью»⁵⁷.

Конечно, в этом предании имеется ряд ошибок и неточностей (например, неправильно указана продолжительность царствования Мамука в Казани и т.д.). Но это предание правильно отмечает, что именно к концу XV века (упоминаемый в предании хан Мамук известен по русским летописям под 1496 и 1497 гг.)⁵⁸ относится широкое развитие городского рынка в Казани, существование двух постоянных базаров, верхнего и нижнего. Мне кажется, что это татарское предание вполне сопоставимо с ранее приведенными указаниями русских летописей о развитии посада в Казани. Поскольку в Казани было два посада – верхний и нижний, – вполне правомерно существование двух рынков – верхнего и нижнего. Поскольку складывание верхнего посада – явление более позднего порядка, по сравнению с нижним посадом, выросшим из первоначального посада за Тезицким оврагом, то естественно складывание второго рынка, верхнего, на территории второго, верхнего посада должно было привлечь внимание современников. Этот факт и получил отражение в указанном предании. Указание на углубление русла Булака следует рассматривать как свидетельство роста казанского посада в сторону Булака и необходимости использования последнего в качестве удобного пути для транспортировки товаров, прибывающих в Казань по рекам Волге и Казанке.

Книги казанского торгу письма Н.В. Борисова и Д.А. Кикина 1566 г. сохранили некоторые детали, позволяющие наметить место расположения старого татарского базара в Казани. Писцы отмечают «торг»⁵⁹ непосредственно рядом с Тезицким оврагом в районе современного гостинного двора. Поэтому не лишено основания предположение о сохранении русскими базара в Казани на том же самом месте, где он был в татарское время. Близость «торга» к Тезицкому оврагу ясно говорит за себя, если иметь в виду употребление слова «тезик» в русских документах для обозначения среднеазиатских купцов. А.М. Курбский прямо пишет: «... на Тезицком рве, по нашему на купец-

⁵⁷ Таварихы Булгария. Казань: Типография Вячеслава на средства Мухаммеда Зарифа сына Хусейна, 1883. С. 61; см. также: Н.Катанов. Татарское предание об учреждении базара в Казани и расчищении Булака. Деятель. 1900. № 12. С. 576–577.

⁵⁸ В Воскресенской летописи под 7004 (1496) г. имеется специальная глава «О приходе царя Мамука Шибанского... Казани». (ПСРЛ. Т. VIII. С. 231; см. также: ПСРЛ. Т. VI. Софийская первая летопись. С. 40; ПСРЛ. Т. XX. Львовская летопись. С. 369).

⁵⁹ Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565–68 гг. и 1646 г. Л., 1932. С. 8, 56.

ком...»⁶⁰. Упоминаемые писцом рядом с торгом таможенная изба и важня – помещение для весов⁶¹, вероятно существовали и в татарской Казани.

Интересное предание, дающее основание предполагать о существовании значительного торгового центра в районе современного гор. Свияжска, помещено в «Материалах археологических» Каюма Насыри: «Шагри-Болгар был весьма большим городом, там находились кожевенные заведения, хорошие кожи выделывались в Болгарах... Когда еще болгары были целы, то на горной стороне (Волги – *Ш.М.*) были богачи и предприниматели, были производственные заведения, где вырабатывались ситцы (?) [вопрос проставлен Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.] и кумачи. Они (т.е. болгары – *Ш.М.*) свои товары меняли на ситцы (?) [вопрос проставлен Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.] и в Свияжске (т.е. на территории современного гор. Свияжска – *Ш.М.*) у Самат хана была ярмарка, они приезжали туда и торговали, привозили сырую и выработанную кожу. Ярмарка продолжалась неделю...»⁶².

Русские источники указывают на существование по территории Казанского ханства мелких сельских торжков. В доказательство этого положения приведу следующее описание одного из мусульманских праздников в 1446 году по «Казанскому летописцу»: «Во един же день праздника некоего срацынского обычай же казанцы имеют празновати и веселятися дома, испивать в корчемницах многих. В той же день созва царь на обед свои всех казанских вельмож, и властелей, и судьи, и всех ратных людей, и купцов великих, до обычных людей и до простых, учережаще их сам в палатах своих царских, всему народу грацкому повеле брашно, пития, вина и мед на возех возити, великия сосуды мерные наливати, неисчерплему быти поставлять на цареве дворе, и на площади, во всем граде, и по улицам, и на роспутия, идеже [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.] збираются люди и куплю деют, и нищим давати невозбранно пити до воля их всех, вельможам же – великия дары им подаваше»⁶³. Вряд ли можно сомневаться, что под выражением «и на роспутия, идеже збираются люди и куплю деют» летописец понимает места мелких сельских торжков. Существовал также и специальный налог с мелкой крестьянской торговли «бач» (ج١٤)⁶⁴.

⁶⁰ А.М.Курбский. История о великом князе Московском. РИБ. Т. XXXI. СПб., 1914. С. 196.

⁶¹ Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани... С. 56.

⁶² К.Насыри. Материалы археологические. Цит. по кн.: Материалы по изучению Татарстана. Вып. 2. Казань, 1925. С. 73–74.

⁶³ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 53. С. 289–290.

⁶⁴ Ярлык Сахиб-Гирея. Строчка 15.

4. Внешняя торговля

Средоточием внешней торговли Казанского ханства была Казань. Выгодные географические условия – расположение на Волжском торговом пути – истари способствовали оживленным торговым сношениям местного населения с соседними русскими княжествами и странами Востока. Еще в IX веке здесь возник город Болгары как крупное международное торжище в Восточной Европе. Волжская торговля, широко процветавшая в болгарское время, придя в упадок после завоевания монголами Восточной Европы, во второй половине XIII в. и в XIV в. опять принимает широкий транзитный характер, благодаря твердой власти золотоордынских ханов. Однако, междуусобная борьба золотоордынских ханов во второй половине XIV века привела к полному упадку производительных сил Золотой Орды, поддерживавшихся и развивавшихся насильственными мероприятиями ханов. А.Ю. Якубовский правильно отмечает пагубное значение феодальной смуты в Золотой Орде для развития экономики стран, насильственно втиснутых в рамки Золотой Орды⁶⁵. В частности, падает и значение транзитной торговли через Волжскую Болгарию.

При этом нельзя не отметить, что именно в это время уже ясно определяется активный характер волжской торговли со стороны русских купцов. Перед походом на Москву в 1382 году золотоордынский хан Тохтамыш отправляет первый отряд своего войска в Болгары, где приказывает перебить русских купцов и захватить с товарами их суда. Об этом событии Московский летописный свод конца XV в. в разделе «О московском взятии от царя Тохтамыша», рассказывает следующее: «Исходящу второму лета царства Тохтамышева, и посла татар своих в Болгары, еже есть град на Волзе, и повеле торговцы русские избити и гости грабити, а суды их с товарами отымати и попровадити к себе на перевоз»⁶⁶.

В Ермолинской летописи запись об этом сохранилась в иной версии под тем же 6890 (1382 г.): «Того же лета царь Тохтамыш посла на Волгу татар своих и повеле избивати вся гости руския, а суды их переимати на перевоз себе, дабы не было вести на Русь»⁶⁷.

Можно указать еще на более ранние свидетельства о пребывании русских купцов на Волге во второй половине XIV в. Например, рассказ Симеоновской летописи под 6883 (1375 г.) о походе новгородских ушкуйников под руководством Прокопа и Смолянина на Кострому и вниз по Волге до Астрахани. Ушкуйники продали христианский полон из Костромы и Нижнего Нов-

⁶⁵ См.: Б.Д. Греков и А.Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М., 1950. С. 408, 416–417.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. XXV. С. 42; См. также: ПСРЛ. Т. VIII. С. 42.

⁶⁷ Там же. Т. XXIII. С. 127.

города в Болгарах, а затем, как указывает летописец, «поидоша в насадах по Волзе на них к Сараю, гости христианския грабьяча, а Бесермены бьючи»⁶⁸.

Летопись Авраамки под 6874 (1366) г. также свидетельствует о нападениях новгородских ушкуйников на московских купцов на Волге⁶⁹. Никоновская летопись под 6886 (1378) г. сообщает об избиении русских купцов в Орде: «Тое же осени царевич Арапша Волжския Орды изби гостей Русских многих и богатство их все взя»⁷⁰.

Таким образом, уже с конца XIV в. «в руках русских, а не ордынских купцов была волжская торговля и торговое судоходство»⁷¹.

Образование Казанского ханства сыграло положительную роль в деле развития волжской торговли, а сами казанские татары стали активными участниками этой торговли.

В Казанском ханстве существовало довольно многочисленное купечество, в руках которого и находилась вся торговля. В Московском летописном своде конца XV в. при описании военных действий русских отрядов на территории Казанского ханства в 1468 году в числе пострадавших упоминается большая группа татарских купцов-гостей: «А воеводы великого князя поеваша черемису по Вятке реце и поидоша из Вятки по Каме на низ да воевали и до Тамлуги и гостей побии многих, а товару у них поимали много [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.]. Ходили до перевоза Татарского да опять воротились вверх, воюючи Казанские ж места»⁷².

Воскресенская летопись под 7004 (1496) г. в главе «О приходе царя Мамука Шибанского к Казани» указывает, что хан Мамук после взятия Казани произвел расправу не только со своими противниками среди казанских князей – феодалов, но и грабил земских людей и гостей: «А Мамук царь приступил к граду с многою силою, взят Казань, понеже бо не бысть ему супротивника, и князей Казанских, кои изменяли государю своему, Калимету, и Урака, и Садыря, и Агиша з братьею изымал, гостей и земских людей всех пограбил»⁷³ [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.]. Купцы в Казани занимали более или менее видное общественное положение, хотя они и не принадлежали к правящему классу – классу феодалов. Во время одного из мусульманских праздников в 1546 г. хан пригласил к себе на обед во дворец не только казанских вельмож, но и «купцов великих»⁷⁴.

⁶⁸ Там же. Т. XVIII. С. 116.

⁶⁹ Там же. Т. XVI. Стлб. 92.

⁷⁰ Там же. Т. XI. С. 24.

⁷¹ Б.Д. Греков и А.Я. Якубовский. Золотая Орда и ее падение... С. 326.

⁷² ПСРЛ. Т. XXV. С. 280; см. также: ПСРЛ. Т. VI. С. 188; Т. VIII. С. 153; Т. XX. С. 279; Т. XVIII. С. 218.

⁷³ Там же. Т. VIII. С. 232; см. также: ПСРЛ. Т. VI. С. 41.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 53. С. 289–290.

Казанские купцы часто посещали русскую землю, и некоторые даже постоянно проживали в крупных русских торговых центрах. Еще под 1446 г. в Новгородской четвертой летописи мы находим упоминание о татарских купцах-гостях («бессерменьство») в Великом Новгороде, которым новгородцы во время голода отдавались в холопство из-за хлеба: «А в Новгороде хлеб дорог бысть не токмо сего единого году, но всю десять лет, по две коробы полтину, иногда боле, иногда менши, иногда не где купить; и бысть скорбь и туча крестьянам велми, толко слышать плачь и рыдание по улицам и по торгу, и мнози от глада падающе умираху, дети пред родители своими, и отцы и матери пред детьми своими; и мнози разидошася, инии в Литву, инии в Латыньство, иним же Бесерьменству у жидом из хлеба даяхуся гостем»⁷⁵ [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.].

В начале XVI века татарские купцы из Казани торговали в Дмитрове. Об этом свидетельствует выписка из Дмитровской таможенной грамоты, опубликованная в «Актах Археографической [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «Архелогической» – ред.] экспедиции» вместе с жалованною грамотою дмитровского князя Юрия Иоанновича 1521 г. из архива Кирилло-Белозерского монастыря с указанием: «К сей грамоте, кажется, принадлежит следующая выписка из Дмитровской таможенной грамоты, найденная в том же архиве». Интересующее нас место таможенной грамоты гласит: «А кто придет изо всех городов и из волостей Московские земли, и Новгородец, и Псковитин, и Тверитин, и Казанец, и Рязанец, и иноземец всякой, в паузке, к городу к Дмитрову...»⁷⁶. Попутно укажу, что, по словам С. Герберштейна, дмитровские купцы имели «великия богатства» и сами возили «из Каспийского моря по Волге (т.е. через Казань – Ш.М.) товары по различным направлениям и даже в самую Москву»⁷⁷.

Исследователь истории древней Москвы М.Н. Тихомиров считает, что татары были «значительной и важной группой» мусульманского населения г. Москвы в XV–XVI вв. Существование в Москве целого района с татарскими улицами в Замоскворечье прямо указывает на старое заселение татарами Замоскворечья. Поэтому М.Н. Тихомиров считает: «Можно не сомневаться, что в XVI веке Татарская слобода в этом районе (район современных Татарских улиц в Замоскворечье – Ш.М.) уже существовала»⁷⁸. Значительная группа татарского купечества постоянно проживала в Нижнем Новгороде, в русском городе, близко расположенном к татарской Казани и ставшему потом наслед-

⁷⁵ Там же. Т. IV. С. 124; см. также: ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. С. 440.

⁷⁶ ААЭ. Т. I. С. 138. Документ № 170.

⁷⁷ С. Герберштейн. Указ. соч. С. 122; см. также: М.Н. Тихомиров. Город Дмитров. Дмитров, 1926. С. 21.

⁷⁸ М.Н. Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947. С. 143.

ником знаменитой казанской международной ярмарки. Казанские послы во главе с князем Табаем в 1531 г. во время переговоров с русским правительством после очередного столкновения специально ставят вопрос о дальнейшей судьбе казанских купцов, находящихся в Нижнем Новгороде. Никоновская летопись приводит по этому поводу следующие слова князя Табая: «А которые люди казанцы задержаны в Новгороде в Нижнем и которые люди попали в руки великого князя людем, у тех же людей отцы и братия у всех и роды и друзи в Казани»⁷⁹.

Долголетняя среднеазиатская торговля казанских татар обусловила даже существование специальной категории торговцев из татар, которые по татарски назывались «Бухара юртучи»⁸⁰ [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «бухараюртучи» – ред]. Связи казанских татар со Средней Азией восходят еще к раннему периоду Болгарского государства. Оттуда пришел к болгарам ряд видов ремесел, например, техника чеканки монет. Ислам пришел к болгарам также из Средней Азии.

Наиболее активными контрагентами казанских татар были русские купцы. С образованием Казанского ханства русские вели постоянную торговлю в Казани. Об этом говорят две грамоты митрополита Ионы в Казань с просьбой об оказании помощи митрополичьим слугам, едущим с рухлядью. В первой грамоте 1455 г. на имя казанского князя Шаптыка Сараевича митрополит Иона писал: «Послал есмо до Казани сего своего слугу Агафана и Михея, с своею рухлядью, в державу вольною царя Мамотяка, и прошу тебе своего приятеля: о чем будет тому нашему человеку надобе о пошлинех и о иных делех до вольного царя доступити, и ты бы, наш приятель, просим тебе, о всех делех, о том нашем человеце попечаловался, как то Вышний Бог положит на сердце...»⁸¹. Во второй грамоте 1460–1461 гг., адресованной уже самому казанскому хану Махмутеку, более подробно регламентируются нормы торговой практики между Москвой и Казанью. В этой грамоте митрополит Иона просит хана Махмутека [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «Мамутяка» – ред.] облегчить в пошлинах и охранять от обид своего слугу, отправленного в Казань с рухлядью: «Слыша, что же Вышняго Бога силою держит свое государство всим купцем нашим и иных земель купцем щкоты и убытков нет некоторых ни от кого, а повсюду слышится, что же твоим великим государством..., и на то надеяся, на твое великое имя и дръжаву, послали есмо до Казани сего своего слугу с своею рухлядью. И прошу великое твое господство, что еси того нашего человека в пошлинах велел своим жаловать, тебе Выш-

⁷⁹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 56; см. также: ПСРЛ. Т. VIII. С. 276; Т. XX. С. 409.

⁸⁰ См.: Известия восточного факультета АГУ. Т. I. Баку, 1926. С. 64.

⁸¹ АИ. Т. I. С. 497–498. Документ № 266.

ний Бог положит на сердце, а также твоим жалованием, чтобы от твоих же тот наш человек не избужен был ничим, ни от кого».⁸²

В Казани ежегодно происходила большая международная ярмарка в конце мая на праздник Рождества Иоанна Предтечи: «... на той же день съезжаются в Казань из всей Русской земля богаты купцы и многия иноземцы дальния и торговаху с Русью великими драгими товары...»⁸³. Автор «Истории о Казанском царстве» правильно подчеркивает посредническое значение Казанской ярмарки, служившей на определенном этапе основным связующим звеном между Русью и Востоком. Это, конечно, нисколько не умаляет значения этой ярмарки для развития торговых связей самой Казани как с Русью, так и Востоком. Ярмарка происходила на специальном острове в устье реки Казанки на Волге. Остров назывался Гостинным. С. Герберштейн в своих записках о «Московских делах» дает следующее объяснение названию Гостинного острова как острова, «который называется островом купцом и расположен среди рукавов Волги недалеко от Казанской крепости»⁸⁴. Такое же объяснение названия острова встречается у А. Дженкинсона, проезжавшего 13 июля 1558 г. по Волге мимо Казани во время путешествия в Бухару: «В тот же день мы прошли мимо острова, называемого «купеческим островом», который был обычным местом, где все купцы – русские, казанцы, ногайцы и крымцы – съезжались и производили торг, покупали и продавали»⁸⁵.

Казанская международная ярмарка на Гостинном острове просуществовала до 1525 г., когда в силу осложнившихся обстоятельств между Казанским ханством и Русским государством прекратила свое дальнейшее существование и была переведена в Нижний Новгород. Современники засвидетельствовали трудности, возникшие в результате прекращения Казанской ярмарки для торговых связей между Россией и Востоком, что ясно указывает на большое экономическое значение этой ярмарки не только для народов Казанского ханства, но и вообще всей Восточной Европы.

Довольно обстоятельно описывает С. Герберштейн последствия прекращения Казанской ярмарки в 1525 г. в царствование Василия Ивановича: «... ярмарку, которая обычно устраивалась около Казани на острове купцов, Василий с целью обидеть казанцев, перенес в Нижний Новгород, причем назначил тяжкое наказание всякому из своих подданных, кто отправится для торговли на остров. Он надеялся, что это перенесение ярмарки принесет большой урон Ка-

⁸² Там же. С. 119–120. Документ № 67.

⁸³ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 23. С. 229.

⁸⁴ С. Герберштейн. Указ. соч. С. 152. См. также с. 153.

⁸⁵ А. Дженкинсон. Путешествие из города Москвы в России до города Бухары в Бактрии в 1558 г., описанное им самим для купцов Московской компании. В кн.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1938. С. 169.

занцам, и что их можно даже принудить к сдаче, отняв у них возможность покупать соль (которую татары получали в изобилии от русских только на этой ярмарке). Но от подобного перенесения ярмарки Московия ощутила столько же невыгоды, как и сами Казанцы. Ибо следствием этого явились дороговизна и недостаток в весьма многих товарах, которые привозились по Волге с Каспийского моря, из торжища Астраханского, а также из Перми и Армении. Особенно же заметен был недостаток в отличнейших рыбах, к числу которых относится белуга, и которые ловятся в Волге по сю и по ту сторону Казани»⁸⁶.

А. Дженкинсон, уже спустя более 30 лет, проезжая мимо Гостинного острова, вспомнил о былой казанской ярмарке и с сожалением заметил: «... нет подобного съезда ни в Казани, ни где бы то ни было от Москвы до Каспийского моря»⁸⁷.

Русская летопись сохранила ряд деталей этого важного события в экономической жизни Поволжья. Правда, в таких основных летописях, как Никоновская, Львовская, Воскресенская, вообще не встречается сведений о прекращении Казанской ярмарки и перенесении ее в Нижний Новгород. Так, например, в Никоновской или Патриаршей летописи под 7033 (1525 г.) имеется только следующая запись: «В лето 7033: Тое же осени пришедше послы ис Казани Аппай улан и Бахты Килдей князь и прочии, и биша челом великому князю о всей земле Казанской за свою вину и о цари Сафа-Киреи. И государь их по их челобитью пожаловал, а в Казань послал своего посла князя Василья Даниловича Пенкова да дьяка своего Офонася Федорова сына Курицына»⁸⁸. Здесь не указаны цели и задачи посольства В.Д. Пенкова и А.Ф. Курицына. Только Русский хронограф редакции 1512 г. сохранил более подробные сведения. Здесь также под 7033 (1525) г. после описания приезда Аппай-улана и Бахтыкирдея указано: «И государь их пожаловал по их челобитью, велел у них быти на Казани царю Сафа-Кирею, а в Казань послал князь великий посла своего, князя Василья Даниловича Пенкова, а велел привести к шерти всех казанцев во свою волю, а торг князь великий ис Казани вывел, а учинил торг и кебаки в Нижнем Новгороде»⁸⁹ [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.].

Наиболее полное описание этого исторического факта имеется в опубликованном М.Н. Тихомировым отрывке русской летописи за несколько лет правления великого князя Василия Ивановича с 1518 по 1526 гг. по рукописи XVI в., хранившейся в рукописном отделении Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина (музейное собрание 3841). М.Н. Тихомиров при

⁸⁶ С.Герберштейн. Указ. соч. С. 157.

⁸⁷ А.Дженкинсон. Указ. соч. С. 169.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. I. С. 44; см. также: ПСРЛ. Т. VIII. Воскресенская летопись. С. 271; Т. XX. Львовская летопись. С. 403.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. XXII. С. 520.

издании этого памятника правильно указывал, что «некоторые известия отрывка могут иметь значение и для фактической истории»⁹⁰. В этой рукописи имеется специальная глава «Послание Казанскому царю о торгу», которое я привожу здесь полностью:

«В лето 7033 князь великий Василей Иванович всея Руси посылал к Казаньскому царю Саадеп Гирею [так в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова – ред.] князя Василья Даниловича Пенкова, да с ним диака Афонасиа Курицына о том, чтобы помнил свое слово, как высылал бити челом государским великого князя воеводам князю Ивану Федоровичу Бельскому да Ивану Васильевичу Хабару князей старейшин Казаньских, чтобы царства Казанского не потребили, а в воле положили и великого князя. И царь бы велел своим гостем и всеи Казанской земле торговати в Нижнем Новгороде [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.]. И царь Саадеи Пирен [так в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова – ред.] сотворил волю великого князя, и князь Василей Данилович и перевел торг ис Казани в Новгород в Нижней»⁹¹.

Приведенные мною выдержки из летописей показывают ошибочность принятой в литературе даты 1523 года для перенесения ярмарки из Казани в Нижний Новгород⁹².

Русские летописи неоднократно указывают на постоянное пребывание в Казани и в Казанском ханстве русских купцов. О приезде русских купцов в Казань в середине XV века свидетельствуют отмеченные уже ранее грамоты митрополита Ионы в Казань с просьбой об оказании помощи митрополичьим слугам, едущим в Казань «с рухлядью»⁹³. Софийская вторая летопись под 6977 (1469) г. рассказывает: «Того же лета татарове казанские пограбиша гостей руських»⁹⁴.

Более полные и интересные сведения о пребывании русских купцов в Казани сохранились в русских летописях первой половины XVI в. Торговые сношения русских с Казанью, очевидно, усилились после успешного похода русских войск на Казань в 1487 г.

«Казанский летописец» в специальной главе «О сече хрестьян в Казани» пишет о казанском хане Мухаммед Эмине, что он «изменив великому князю Московскому, нареченному отцу своему, и присече Русь всю в Казани и во всех улусах, з детьми и з женами, в лета 7013, на рожество Иоанна Предтечи – не той

⁹⁰ М.Н.Тихомиров. Новый памятник Московской политической литературы XVI века. В кн.: Труды Общества изучения Московской области. Вып. 6. Московский край в его прошлом. Ч. 2. М., 1930. С. 105.

⁹¹ М.Н.Тихомиров. Новый памятник Московской политической литературы XVI века... С. 111–112.

⁹² См., например: М.Г.Худяков. Указ. соч. С. 212–214.

⁹³ АИ. Т. I. С. 119–120, 497–498.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. VI. С. 188.

же день съездехуса в Казань изо всея Русския земля богати купцы и многия иноземцы дальния и торговаху с Русью великими драгими товарьми, – не ведующи Рускии люди беды на себя никакия, без боязни живуци в Казани [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.], надеющися, яко на своего царя, и не боящися его»⁹⁵.

Рассказ «Казанского летописца» содержит ряд интересных деталей о товарах, отобранных у русских купцов: «И взят весь драгии товар, безчисленное богатство, у купцов Руских, в казну свою насыпа полату полную до верха Руского злата и серебра, и подела себе царь венцы драгия, и сосуды и блюда серебряные и златяя, и царский наряд драгии свои устрои; и от того богатства оттоле не ядыше ис котлов ни з опаниц, яко пес ис корыта, с вельможами своими, яко на пирсех своих ядыше, и веселяшеса. Без числа же казанцы мною велми разграбиша по себе, и обогатишася, и оттоле не ходити им во овъчиях кожах ошившся, и после убо ходящи в красных ризах, и в зеленых, и в багряных, и в червлёных одеявшихся шапствовати пред катунами своими, яко цветцы польский, различно красящеса, друг друга краснее и пестрее»⁹⁶.

В других летописях рассказ об избиении русских купцов в Казани в 7018 (1505) г. сохранился в краткой форме. Однако эти сведения дополняют рассказ «Казанского летописца» существенными деталями. Воскресенская летопись уточняет дату избиения русских купцов и отмечает при этом арест русского посла Михаила Кляпика: «И того же лета (т.е. 7013 г.), июня 24, на Рождество Иоанна [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «Ивана» – ред.] Предтечи, безбожный зловерный царь Магамед Аминь Казанский, будучи у великого князя Ивана Васильевича всея Руси в дружбе и в шерти и забыв свое слово, и преступи шертные грамоты великого князя посла Михаила Кляпика поимал в Казани, а людей великого князя торговых поимал, и иных ссекл, а иных пограбив разослал в Нагаи»⁹⁷.

В Львовской летописи имеется характерный заголовок перед таким описанием: «Начало Казанской брани»⁹⁸. Попутно обращаю внимание на сообщение Русского хронографа редакции 1512 г., в котором под 7014 (1506) г. указывается: «В лето 7014. Слышав царь Казаньски Махмет-Аминь, яко болен князь велики Иван Васильевич, изсече всех христиан, сущих в Казани, бесчисленно множество, забыв обет»⁹⁹. Надо полагать, что здесь речь о том же событии, которое в других летописях помещено под 7013 (1505 г.).

⁹⁵ Там же. Т. XIX. Стлб. 23. С. 229.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. XIX.. Стлб. 23–24.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. VIII. С. 245–246; см. также: ПСРЛ. Т. VI. Софийская первая летопись. С. 50.

⁹⁸ Там же. Т. XX. С. 357.

⁹⁹ Там же. Т. XXII. С. 463; см. также: ПСРЛ. Т. XXIV. Типографская летопись. С. 215.

Значит, в 1505 г. в Казани и в улусах было значительное количество русских купцов. Для определения величины русской колонии в Казани в начале XVI века представляет интерес рассказ Ермолинской летописи о событиях 1505 года в Казани. В Ермолинской летописи сохранилось указание на количество русских купцов, ставших жертвой во время погрома в день Иоанна Предтечи. Ермолинская летопись под 7013 (1505) г. рассказывает: «Безбожный царь Казанский Маагемет, роту преступив, изсече в Казани многих гостей русских, больши 15 тысящ [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.], из многих городов и товару безчислено взя»¹⁰⁰.

Рассказы летописей об избиении русских купцов в Казани за более поздние годы свидетельствуют, что русская колония в Казани все же не была уничтожена и русские постоянно приезжали в Казанское ханство и вели с его населением активную торговлю.

Русская летопись сохранила сведения о гонении русских купцов в Казани во время правления хана Сахиб-Гирея (1521–1524). Никоновская, или Патриаршая, летопись под 7029 (1521 г.), останавливаясь на измене казанцев в верности великому князю Ивану Васильевичу и приглашении ими на казанский престол Сахиб-Гирея из Крыма, прибавляет: «... а великого князя гостей, переграбив, у себя деръжали».¹⁰¹ Об этом же факте более красноречиво говорит автор «Истории о Казанском царстве»: «И восстали паки казанцы на христьяне с новым своим царем Сапкиреем и втретие присекоша в Казани всю Русь, при царе Шигалее, в 3 лето, прибывшую силу, олужащие же Шигалею, варвар 5000 убиша»¹⁰². Через два года, в 1523 году тот же «царь Саип-Гирей в Казани много зла христианству навел и кровь пролили, яко воду, и посланника великого князя Василия Юрьевича Поджегина уби»¹⁰³.

¹⁰⁰ Там же. Т. XXIII. С. 197.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 37; см. также: ПСРЛ. Т. VI. С. 263; Т. VIII. С. 269; Т. XX. С. 401; Т. XXII. С. 518.

¹⁰² ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 32. Выражение «втретие присекоша в Казани всю Русь» нуждается в некоторых комментариях. По мнению автора «История о Казанском царстве», в первый раз Русь в Казани была побита в 1505 г. (см.: ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 23–24). Второе избиение Руси в Казани относится летописцем к 1506 г., когда потерпело поражение сто-тысячное русское войско под Казанью, так как он прямо говорит: «И толик бысть плачь о сих паче того, еже бысть плачь о прежних побитых людей в Казани, живущих Руси...». (ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 28). Обращаю внимание на мнение К.Маркса о погроме 1506 г.: «Московитов, которых Василий (около 100 000 человек) послал под командованием своего брата Дмитрия против Магмет Аминя, казанского хана, так разбили под Казанью (городом), что спаслись только 7000». (К.Маркс. Хронологические выписки. В кн.: Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. 1946. С. 160).

¹⁰³ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 43; см. также: ПСРЛ. Т. VIII. С. 270; Т. XX. С. 402; Т. XXII. С. 519.

На постоянное пребывание русских в Казани указывает и существование в Казани русского кладбища. Об этом мы встречаем указание в рассказе «О мучении святого Иоанна [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «Ивана» – ред.], мучившегося в Казани» в рукописи «Истории о Казанском царстве» Московской духовной академии¹⁰⁴. Иван («родом из Нижнего Нова града») был пленен татарами в 7037 (1529 г.) и достался дядьке Казанского хана Алишкуру князю. После смерти Иван был похоронен на русском кладбище в Казани: «И положено бысть тело его в Казани, в месте сокровенне, на лесу, на старом кладбище Руском»¹⁰⁵.

Интенсивность русской торговли в Казанском ханстве доказывается многочисленными и значительными кладами русских монет, находимыми на территории позднейшей Казанской губернии и современной Татарской АССР. Ценная сводка кладов русских монет, так называемого, удельного периода по Казанской губернии, составлена А.А. Ильиным¹⁰⁶. Им учтено 12 таких кладов. Первым по времени открытия таким кладом является описанный Савельевым клад, найденный летом 1854 г. недалеко от г. Казани. Клад заключал в себе значительное количество монет великого князя Василия Васильевича Темного, Ивана III и некоторых удельных князей и, по определению Савельева, был зарыт между 1487 и 1505 годами. На территории города Казани были найдены еще три клада: 1) В 1861 г. у кафедрального собора с монетами Ивана III и, частично, Василия Васильевича Темного; 2) в 1878 г. на территории Кремля был найден клад с монетами Новгорода, Василия Васильевича Темного и Ивана III; 3) в 1309 г. также в Кремле был найден клад из 284 экземпляров русских монет Ивана III и Ивана IV. Значительные клады русских монет были находимы и в уездах Казанской губернии. Савельевым были описаны 154 монеты от Василия Васильевича Темного до Ивана IV из клада, найденного в Лаишевском уезде против села Красновидова, в дер. Карташихе.

Характерно отметить, что все клады русских монет, найденные на территории Казанского ханства, по времени своего чекана относятся к эпохе существования Казанского ханства. Таковы клады из дер. Кибечь Пановской волости Лаишевского уезда (1903 год, 1700 экз. русских монет), из дер. Средняя Куланга Свияжского уезда (1900 г., 2869 экз. русских монет XV–XVI вв.), из дер. Азбаба Ивановской волости Свияжского уезда (1899 г., найдена кубышка из бересты, залитая воском, содержащая около шести фунтов серебряных русских монет XV и начала XVI вв).

¹⁰⁴ Там же. Т. XIX. Стлб. 261–263.

¹⁰⁵ Там же. Стлб. 263. С. 490.

¹⁰⁶ См.: А.А.Ильин. Топография кладов древних русских монет X–XI вв. и монет удельного периода. Труды нумизматической комиссии Российской академии истории материальной культуры. Вып. 5. Л., 1924. С. 31–38.

Столь широкое распространение русской монеты на территории Казанского ханства нельзя не связывать с той широкой торговлей, которую вели в то время русские с татарами, что русская монета имела хождение в Казанском ханстве из-за отсутствия достаточного количества монет собственной чеканки.

Такое значительное различие русской торговли в Казани было прямым результатом того непреодолимого факта, замеченного еще современниками, что Казань экономически была связана с Русским государством, точнее, с рядом соседних областей Русского государства. В этом отношении характерно заявление одного из представителей казанских феодалов: «Нам деи без Москвы нельзя быти»¹⁰⁷. Этот факт был отмечен также и путешественником XVI в. Сигизмундом Герберштейном, писавшем о казанских татарах следующее: «Государь Московский, Василий, довел их [до – ред.] того, что, они ему подчинились и стали принимать царей по его усмотрению, сделать это с ними было нетрудно отчасти вследствие удобства сообщений по рекам, впадающим из Московии в Волгу, отчасти по причине взаимной торговли [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.], без которой татары не могли обойтись»¹⁰⁸.

На севере к Казанскому ханству прилежала Вятская земля, входившая в состав Русского государства. В вятских лесах добывалось много пушнины, которую очень удобно было сплавливать по Вятке и по Каме на Казанский рынок¹⁰⁹.

С русского севера казанские татары получали такой жизненно-необходимый и важный в средние века товар [как – ред.] соль, на что указывает С. Герберштейн¹¹⁰. Факт привоза соли с русского севера на Волгу в первой половине XVI в. подтверждается также жалованными грамотами Соловецкому монастырю. В 1541 г. Соловецкий монастырь получил льготу на провоз 6 тысяч пудов соли к р. Волге: «А коли поедут старцы Соловецкого монастыря, с Колмогор к Устюгу и к Тотьме, и к Волге в насаде или в трех насадах, а везти им в насадах шесть тысяч пуд соли, а больши им в тех насадах шти тысячь пуд соли не везти; а пойдут назад на тех насадах, ино им везти хлеб и всякой запас монастырской против тех шти тысячь пуд соли...»¹¹¹. В 1548 г. Соловецкий монастырь уже получил разрешение на провоз 10 тысяч пудов соли¹¹².

¹⁰⁷ Пр. ДРВ. Ч. 8. С. 209. Ногайские дела. Кн.3.

¹⁰⁸ С.Герберштейн. Указ. соч. С. 145.

¹⁰⁹ А.В.Эммауский. Вятская земля в период образования Русского государства. Киров, 1949. С. 25.

¹¹⁰ С.Герберштейн. Указ. соч. С. 157.

¹¹¹ Грамота несудимая о беспошлинной продаже соли, данная Соловецкому монастырю Иваном Васильевичем, 1541 г. В кн.: Архимандрит Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Ч. 3. М., 1836. С. 6.

¹¹² С.Герберштейн. Указ. соч. С. 157.

Русские были весьма заинтересованы в волжской рыбе и не случайно С. Герберштейн отмечает «недостаток в отличнейших рыбах» у русских после прекращения Казанской ярмарки. Русские, не удовлетворяясь только покупкой рыбы у казанских купцов, по соглашению с ханской властью, постоянно ловили рыбу в территориальных водах Казанского ханства по всему течению р. Волги. Именно такой вывод напрашивается при анализе следующего места «Казанского летописца», посвященного описанию бегства хана Шигалея из Казани при воцарении там Сахиб-Гирея в 1521 г. Как известно, царь Шигалей [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «Шаагалеи» – ред.] «в приход царевичев ис Казани вышел тайно ноцию, да пошел вниз Волгою к Хасторкани, страх имея от казанских князей и убийства ради от черемисы, понеже бо с ним люди немногие»¹¹³. Идя вниз по Волге, Шигалей встречает здесь русских рыболовов и с ними вместе возвращается на Русь. «Казанский летописец» рассказывает в следующих словах о приходе Шигалея на Русь: «... и ведуша с собою более 10000 рыболовов руских ловяще рыбу на Волге под горами Девичими и до Змиева Камени и до Увека, за 1000 от Казани верст – захавши бо тамо живяще лето все, на диких водах, ловяща, и в осень на Русь возвращахуся, наловящися и обогатившися»¹¹⁴.

Хорошо подчеркнул разносторонность торговых связей Восточной Европы в первой половине XVI в. К. Маркс: «При Василии III торговля процветала. Европейские купцы ввозили серебро в слитках, сученое золото, сукна, медь, зеркала, ножи, иглы и вина; азиатские же концы – шелковые ткани, жемчуг и драгоценные камни; предметами вывоза были: в Германию – дорогие меха, ножи, воск; в Литву и Турцию – меха и клыки тюленей и подобных им животных; в Татарию – седла, сбруя, сукна, холст, одежда и ножи, в обмен на которые они получали лошадей из Азии; железное оружие не вывозилось из России; польские и литовские купцы приезжали в Москву; датские, шведские, немецкие – в Новгород; турецкие и азиатские приезжали на Мологу, где была знаменитая меховая торговля»¹¹⁵. Такое разнообразие торговых операций было характерно для торговли г. Казани в эпоху Казанского ханства.

Историки справедливо отмечают большое значение Казани для торговли Руси с Востоком в интересующее нас время, когда пути через Золотую Орду были уже нарушены, а торговые связи с Турцией только еще устанавливались. Русские через Казань получали такие товары, как ткани и разнообраз-

¹¹³ М.Н.Тихомиров. Новый памятник Московской политической литературы XVI в. ... С. 109.

¹¹⁴ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 32–33. С. 244.

¹¹⁵ Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. М., 1946. С. 161; см. также свидетельство С.Герберштейна о Московском экспорте в Татарию, т.е. в Казанское и другие татарские ханства. (Указ. соч. С. 91).

ные предметы обихода. На разнообразие восточных тканей в Казани указывает множество различных материй, использованных для церковного обихода вскоре после завоевания Казани русскими войсками¹¹⁶.

Торговля со странами Востока приобретает в XVI веке первенствующее значение в общем внешнем товарообороте Русского государства. Россия вывозила из стран Востока не только предметы роскоши, но и разнообразные товары массового потребления и продукты производственного значения. Это нашло отражение даже в лексике русского языка. Роль казанцев в этом процессе была бесспорной.

М.Н. Тихомиров, имея в виду в определенной степени и Казань, писал: «Значение восточной торговли для русских нашло свое отражение в русском словаре, где восточные названия тканей и одежды утвердились очень прочно»¹¹⁷. К такому же выводу пришел И.Ю. Крачковский, изучая историю становления и развития русской арабистики: «Чаще арабские слова попадали через другие языки: немало их принесли татары в XIII в. и не меньше – казанцы или бухарцы, раскинувшие свою торговлю»¹¹⁸.

В татарской Казани был специальный «тезицкий двор», где производилась торговля восточными товарами и проживали купцы из стран Востока. Этот двор был расположен в центральной части посада на Спасской площади¹¹⁹. В Казани постоянно жили среднеазиатские купцы, упоминающиеся в русских документах под названием «тезики». При взятии Казани летописец отмечает: «В полатах же и в погребях несметное и неисчетное богатство взято, тако же и пленный, княжны и мурзиных и тезицких жен и детей, просто рещи»¹²⁰.

Исследования Н. Высоцкого указывают на существование в Казани Армянской слободы в районе современных армянских улиц в Суконной слободе. В 1889 г. Н. Высоцкий в прилегающей к Армянской улице части Третьей

¹¹⁶ См: Список с писцовой и межевой книги по г. Казани с уездом. Казань, 1877. С. 10–11.

¹¹⁷ М.Н.Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947. С. 100.

¹¹⁸ И.Ю.Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.–Л., 1950. С. 14–15.

¹¹⁹ См.: П.Заринский. Очерки древней Казани. Казань, 1877. С. 158–159.

¹²⁰ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 466–467. Попутно обращаю внимание на один документ, сохранившийся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел, относящийся уже к 1677 году, из которого видно, что в то время в Казани еще были «тезики», «посольский племянник», который женился в Казани на тамошней татарке, а его слуга на другой, и что до их в Казань приезда многие тезики поженились там на слободских татарках, «живя в Казани торгуют, а тягол никаких и податей в государеву казну не плотят». (Труды IV Археологического съезда в России. Т. II. С. 29).

Встречающееся иногда в литературе отождествление среднеазиатских купцов – тезииков с иранскими купцами-кизилбашами следует признать ошибочными. (См., например: А.И.Большаков и Н.А.Рожков. История народного хозяйства в России в материалах и документах. Вып. 1. Л., 1926. С. 185. Прим. 1).

горы, на территории, так называемой, «Немецкой куртины», было обнаружено несколько старинных погребений и надгробных камней. По заключению проф. Патканова, надпись, частично сохранившаяся на одном из камней, оказалась армянской. Н. Высоцкий на основании анализа своего материала приходит к выводу: «Очевидно, что «Немецкая куртина» есть не что иное, как древнее армянское кладбище»¹²¹. В своей статье Н. Высоцкий приводит также интересное армянское предание в передаче одного служащего – казанского армянина. «Во времена татарского владычества в Казани жило много армянских купцов с семьями в теперешней Суконной слободе. У них была своя церковь, на месте нынешней Георгиевской...» [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова ссылка на данную цитату отсутствует – ред.].

Во время завоевания Казанского ханства Иваном Грозным пострадали также и различные иностранные купцы, бывшие в то время там. В 1551 г. «в многих местах по Волге и по Каме побиты казанцы и крымцы, которые были в Казани нагайцы и бухарцы»¹²².

В 1552 году во время осады Казани русскими войсками в городе находилось много иностранных купцов. «Казанцы... пять тысяч с собою затвориша иноземских купцов, бухар, и шамахеи, и турчан, и армян и инех»¹²³, – свидетельствует автор «Истории о Казанском царстве».

Казань имела оживленные торговые связи со своими ближайшими соседями на юге – ногайцами. Основной статьей ногайской торговли в Казани являлась продажа лошадей. «Сами есмь ныне по лету кочюючи до Казани докочевали и торговали есмь», – писал великому князю московскому один из ногайских мурз¹²⁴. Продажа ногайских лошадей в Казани производилась на специальной конной площадке¹²⁵, расположенной около Тезицкого двора. В

¹²¹ Н.Высоцкий. «Немецкая куртина» – древнеармянское кладбище в Казани. ИОАИЭ. Т. VII. Казань, 1889. С. 4.

Замечу, что армянская слобода была и в гор. Болгаре, а армянские купцы были частыми посетителями Поволжья в золотоордынское время. Воскресенская летопись под 6854 (1346 г.) говорит: «Того же лета быть от Бога на люди под восточную страну на город Орначь и на Хазторокань, и на Сарай, и на Бездеж, и на прочие грады во странах их, бысть мор силен на Бессермены, и на Татары, и на Ормены, и на Обезы, и на Жиды, и на Фрязы, и на Черкасы, и на всех тамо живущих, яко не бе кому их погрбати; яко же преже казни Бог египтяны, тако и сих казни». (ПСРЛ. Т. VII. С. 210).

Интересные сведения о средневековой армянской торговле приведены в книге С.В.Тер-Аветисяна «Город Джуга. Материалы по истории торговых сношений джульфинских купцов XV–XVII вв.» (Тбилиси: Изд. Грузфан, 1937. 241 с.).

¹²² ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. Никоновская, или Патриаршая летопись. С. 170.

¹²³ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 130.

¹²⁴ Пр. ДРВ. Т. VII. С. 350.

¹²⁵ См.: Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги по городу Казани 1565–1568 гг. и 1646 г. Л., 1932. С. 70.

Казань для продажи ногайцы гуртами также пригоняли и баранов. Так, например, однажды в Казани было продано ногайцами до 20000 баранов¹²⁶.

Казанский рынок был богат и местными предметами торговли, так как в прилегающих к нему районах производилось значительное количество кожи, воска, меда, мехов, а также ловилась рыба. Венецианец И. Барбаро еще в середине XV века указывал на исключительное значение Казани как мехового центра: «Город сей (т.е. Казань) производит значительную торговлю, снабжая Россию, Польшу, Персию и Фландрию мехами...»¹²⁷.

Таким образом, весь казанский вывоз состоял из двух групп: 1) предметы местного производства (изделия ремесленного производства, промыслов и сельского хозяйства); 2) реэкспортные товары (изделия русские и восточные, вывозившиеся на Русь и на Восток). Хотя мы и не располагаем данными о размерах вывоза того или иного товара, но все же надо признать сравнительно большое значение реэкспортных товаров, т.е. значительный транзитный характер казанской торговли. Детальное рассмотрение отдельных категорий товаров представляет, по нашему мнению, чрезвычайно большой интерес и составляет благодарную тему для специального исследования¹²⁸.

Совершенно особой отраслью торговли в Казанском ханстве была работорговля. Казанские феодалы регулярно совершали со своими отрядами набеги на русские земли и уводили с собою русских людей для продажи в рабство на невольнических рынках Востока.

Русский летописец с горечью писал: «А воевали Казанцы грады и пусты сотворили: Новгород Нижний, Муром, Володимирия, Шую, Юрьев Вольской, Къстроуму, заволожские Галичъ с всем, Вологду, Тотьму, Устюг, Пермь, Вятку, многими приходы в многие лета, доне леже Бог государем нашим избави от них»¹²⁹.

«Казанский летописец» также отмечает: «Низовская земля вся, Галич, и Устюг, и Вятка, и Пермь от казанцев запусте»¹³⁰. Хотя трудно подсчитать количество русских пленных, уведенных казанскими феодалами, но тем не менее оно должно быть значительным. Об этом можно судить по количеству русских полоняников, освобожденных при завоевании Казанского ханства. Автор «Истории о Казанском царстве» указывает цифру 100.000 человек русских полоняников: «... и весь в Казани плен руский, мног, избравше за 30

¹²⁶ Пр. ДРВ. Т. IX. С. 258, 269.

¹²⁷ И. Барбаро. Путешествие в Тану. В кн.: Библиотека иностранных писателей о России. Отд. первое. Т. I. СПб., 1936. С. 60 (русский текст), 96–97 (итальянский текст).

¹²⁸ Из новейших работ по этому вопросу XVI века посвящено исследование М.В. Фехнер «Торговые связи России со странами Востока в XVI в.» (М., 1949). Правда, Казани в этой работе уделено незначительное место.

¹²⁹ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 129.

¹³⁰ Там же. Т. XIX. Стлб. 44. С. 268.

лет, изо всея земля Казанския, числа боле 100.000 мужи и жены, отроки и девицы, к на Русь отпустиша»¹³¹.

Если во время завоевания Казанского ханства было суждено Ивану Грозному «тмочисленное множество пленных христиан в свободу возвратиша»¹³², то не менее значительное, если не большее количество русских людей осталось навсегда в странах Востока, будучи проданы туда казанскими феодалами. Правда, часть из проданных в рабство в восточные страны возвращалась на Русь в результате выкупа их московскими государями. Такое указание, например, имеется в Архангелородском летописце под 6977 (1469) г., при описании русского похода на Казань: «... а все русские силы погибло четыреста ста тритцать человек, и побили, и в полон свели, и во Орду свели, и князь великий многих из Орды выкупал»¹³³.

В окружном [так в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова – ред.] послании митрополита Симона о милостыне на Афонский монастырь (1495–1505) рассказывается, что инок, старец Герасим при возвращении с милостыней из Москвы на Афонский монастырь был захвачен татарами: «Татарове ограбили его, да и полонили, да и продали его в Асторохань, а из Асторохани в Казань, а из Казани выкупили его на Москву»¹³⁴.

В Орду были проданы русские купцы, пострадавшие от разгрома казанской ярмарки в 1506 году: «В лето 7014 месяца июня в 24 день, в рождество Иоанна [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «Ивана» – ред.] Предтечи, царь Казанский Махмедемин в Казани гостей Руских всех высекл, и живых имав во Орду продавали, и розослал а бегли кои, наги душею да телом»¹³⁵.

О продаже русских пленников из Казани в Крым сообщает азовский Бурган в 1521 году: «А ис Казани государь твоих людей шестьдесят человек в Крым да сто да и казну государь проводили из Казани в Крым же, а в Кафе государь тех людей и продавали»¹³⁶.

«Казанский летописец» старается по своему объяснить причину продажи русских в страны Востока: «А кои же не восхотеша веры прияти, и тех аки скот, овех толпами, перевязанных, держаща на торгу, продаваху иноземцам поганым. Не смеяху бо казанцы много руси у себя держати мужеска полу, не обусурманенных держати, разве жен и детей малых, да не наполнится Русь в Казани того ради запродаху их»¹³⁷.

¹³¹ Там же. Стлб. 75. С. 335–336.

¹³² Там же. Стлб. 393.

¹³³ Архангелородский летописец. М., 1781. С. 146.

¹³⁴ АИ. Т. I. С. 146. Документ № 103.

¹³⁵ Там же. С. 178.

¹³⁶ ЦГАДА. Турецкие дела. Кн. 1. Л. 194 об.

¹³⁷ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 48. С. 277–278.

5. Ремесло в Казанском ханстве

Специфика феодального города определялась развитием ремесла, которое выделяется в самостоятельную отрасль в результате роста производительных сил. Татарское ремесло вначале складывается и развивается в рамках патриархального натурального хозяйства. Земледелие, будучи основой хозяйства Казанского ханства, было тесно связано с домашними промыслами, которые составляли «необходимую принадлежность натурального хозяйства»¹³⁸. Сельскохозяйственное производство, как основа феодального способа производства в ханстве, не исключало ремесленного труда. Характерной чертой хозяйства татарского феодала следует признать «единство мелкого земледелия с мелкой промышленностью»¹³⁹. Говоря словами Ф. Энгельса, «крестьянская семья сама производила все для нее нужное: орудия и одежду, так же как и пищу»¹⁴⁰.

В источниках встречаются прямые указания на существование и развитие определенных видов домашних промыслов в хозяйстве татарского феодала. Русские писцовые книги XVI и начала XVII вв. при описании поместий татарских феодалов специально отмечают (правда, в самых общих чертах) обязанность крестьян делать на помещика «изделие».

В писцовой книге письма и меры Ивана Болтина 1603 г. описаны имения татарских феодалов – князя Бакшанды Нурушева [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «Нарушева» – ред.] и князя Камая Смиленева по Арской дороге. В поместье князя Бакшанды (деревня, что была пустошь Красная на речке Серде) был помещичий двор и 12 крестьянских дворов. О крестьянах, проживающих в этих дворах, написано, что они живут на льготе, «а как льгота отойдет и им пахати на князь Бакшанду по четверти ржи, по четверти овса человеку и изделе всякое делати»¹⁴¹ [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.]. В поместье князя Камая Смиленева (полсельца Урсек) указано 6 крестьянских дворов. Писец отмечает, что крестьяне живут на льготе, «а как де льгота отойдет и им де на князь Камая пашни по четверти ржи, по четверти овса человеку да им же делати всякое изделе»¹⁴². Любопытно отметить, что С.М. Шпилевским записано у татар дер. Урсяк предание о погребении на деревенском кладбище двух знатнейших татарских князей Бакшанды и Смелина, живших незадолго до падения Казанского ханства¹⁴³.

¹³⁸ В.И. Ленин. Соч. 3-е изд. Т. III. С. 254, 293.

¹³⁹ К. Маркс. Капитал. Т. III. 1949. С. 345.

¹⁴⁰ Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. Избранные сочинения. Т. I.

¹⁴¹ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Л. 104 об.

¹⁴² Там же. Л. 109 об.

¹⁴³ С.М. Шпилевский. Указ. соч. С. 426. Здесь же приведена ссылка на описание Георги указанных могил.

Обязанность крестьян «делать всякое изделие» отмечается писцом при описании поместий новокрещена Петра Смиленева («деревня, что была пустошь Хозяшевская, что была в поместье за князь Бакшандою Нурушевым»¹⁴⁴ [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «Нарушевым» – ред.] по Арской дороге), князя Багиша (поместье в дер. Тамгачи¹⁴⁵ по Нагайской дороге и вотчина в дер. Кошар¹⁴⁶ по Алатской дороге). При описании межи в дер. Чирши Алатской дороги между землями служилого татарина Кайбулы Кулкеева и владениями ясачных чуваш упоминается дорога, «что ездят в лес по дрова и по лубье и по всякое угодь»¹⁴⁷.

Из домашних промыслов крестьян в период Казанского ханства постепенно продолжает выделяться ремесло. Если в хозяйстве татарского феодала ремесло не могло обособиться в самостоятельную отрасль производства и сводилось только к изготовлению необходимых в хозяйстве феодала предметов, развитие ремесла в городских условиях способствовало его дальнейшей дифференциации и усовершенствованию. Ремесленники предпочитали селиться в городах, чтобы легче было найти сбыт для своей продукции.

Некоторые косвенные данные указывают на пребывание ремесленников и в деревнях. Названия трех татарских деревень – Средние, Малые и Большие Бакырчи на правом берегу Волги, в Буинском кантоне, прямо указывают на прошлое занятие их населения. Татарское слово «бакырче» в переводе на русский язык означает медник. Деревни с таким же названием встречаются и в других местностях Татарской АССР. Например, в 17 верстах от города Мамадыш при речке Бакырке находится деревня Бакырла, которая до XIX века была татарской и только позднее стала русской деревней. Интересно отметить, что именно около этих деревень сохранились следы бывших рудников и плавильных ям¹⁴⁸.

Основным источником наших сведений о татарском городском ремесле являются русские летописи, в первую очередь, «Казанский летописец». Надо

¹⁴⁴ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Л. 115 об.

¹⁴⁵ Там же. Л. 1 об.

¹⁴⁶ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Л. 3.

¹⁴⁷ Там же. Л. 216 об.

¹⁴⁸ См.: Г.М.Залкинд. Очерк истории горнозаводской промышленности Татарстана (XVII–XIX столетия). Труды ОИТ. Т. I. Казань, 1930. С. 50. В статье высказываются некоторые интересные соображения о рудных разработках в эпоху Казанского ханства. Факт организации медеплавильного заведения в самом начале XVII века близ дер. Кукмор автор склонен рассматривать как доказательство того, что медные рудники около дер. Кукмор эксплуатировались в период Казанского ханства и не были еще забыты. Маленький, но характерный факт, что вывозившаяся из России при Иване Грозном в Англию сталь называлась «татарской» и пользовалась хорошей репутацией, автор рассматривает как косвенное доказательство разработки не только медных, но и других рудников в период Казанского ханства.

отметить, что эти указания относятся, в основном, только к городу Казани. Правда, ремесленники упоминаются только мимоходом среди других горожан. Если летописец не считал целесообразным специально говорить о городском ремесле в Казани и упоминает о нем только от случая к случаю, то надо полагать, что для Казани ремесло было обыкновенным явлением.

По своей ремесленной специализации Казань вряд ли отличалась от других средневековых городов. Высокая культура болгарского ремесла, открытая в результате многолетних раскопок А.П. Смирнова в Болгаре и в Суваре и с любовью им описанная¹⁴⁹, нашла свое непосредственное продолжение в Казанском ремесле. Безусловно, проведение широких археологических изысканий по городам и селениям Казанского ханства даст возможность воссоздать такую же стройную картину материальной культуры казанских татар, какую сумел дать А.П. Смирнов по материальной культуре болгар – предков казанских татар.

Приходится с сожалением повторять слова составителей «Истории Татарии в документах и материалах» об археологических памятниках эпохи Казанского ханства: «... последние для рассматриваемого периода пока крайне скудны»¹⁵⁰. Только Казанский Кремль был предметом некоторого внимания археологов. Раскопки в Казанском Кремле в 1935 году под руководством Н.Ф. Калинина, дали вещи характерные для материальной культуры татарского населения эпохи Казанского ханства. В обнаруженных вещах, по мнению Н.Ф. Калинина, «нашли отражение гончарное, кузнечное, медеобрабатывающее, строительное и кожевенное производства»¹⁵¹ татарского населения города Казани до завоевания его русскими войсками.

Фрагменты красной и цветной глиняной посуды хорошего обжига по материалу и характеру обработки имеют ряд аналогий на золотоордынских и болгарских городищах. Среди железных изделий выделяется нож, отличающийся тщательной обработкой и, по-видимому, служивший в качестве инструмента при резьбе по дереву. Сделанная в форме застежки пряжка составляла, очевидно, принадлежность конской сбруи. Обнаруженный при раскопке медный предмет представляет собою по форме шестигранную усеченную полую пирамидку, имеющую внутри миниатюрную трубочку. Такие изделия были неоднократно находимы археологами на Болгарском и Сарайском городищах. Были обнаружены части жилой деревянной постройки. Найдены также и сырцовые кирпичи, при изготовлении которых употреблялась примесь

¹⁴⁹ См.: А.П.Смирнов. Очерки по истории древних болгар. Труды ГИМ. В настоящее время А.П.Смирнов подготовил к печати большую монографию о Болгаре (объем 25 печ. листов).

¹⁵⁰ История Татарии в документах и материалах. М., 1937. С. 93.

¹⁵¹ Археологические исследования в РСФСР (1934–1936 гг.). Краткие отчеты и сведения. Под редакцией В.В.Гольмстен. М.–Л.: АН СССР, 1941. С. 105.

из травы и рубленой соломы. Н.Ф. Калинин приходит к выводу об употреблении в татарской Казани не только камня, но и кирпича. «Нахождение кирпича, и в частности, фасонного, указывает на то, что в строительстве дворца употреблялся не только камень (как об этом утверждали до сих пор), но и кирпич, причем известна была фигурная кладка»¹⁵².

Интересные вещи были обнаружены в 1861 г. при перестройке крыльца Кафедрального собора в Казанском Кремле: обломки лепных украшений, сфероконические сосуды, несколько сошников и клад монет. Все вещи датируются казанским временем.

Два фрагмента лепных украшений представляют собой обломки гипсовой облицовки одного из каменных зданий. Фрагменты покрыты рельефными арабесками геометрического орнамента и напоминают лепные украшения на внутренних стенах Черной палаты в Болгаре и высеченные из камня арабески восточного и западного порталов «Четыреугольника» в Болгаре. Это указывает на тесную связь и преемственность между болгарским и казанским ремеслом. Сфероконические сосуды по своему типу весьма близки к болгарским¹⁵³.

Среди всех отраслей ремесла кожевенное дело, по-видимому, занимало важное место. Кожевенное дело имело свои старые, развитые традиции от болгарских времен. «Юфть и сафьян, имевшие большую известность, по прежнему назывались «булгари», «булгарскими»¹⁵⁴.

Большое распространение имело изготовление предметов роскоши. Казанский летописец, описывая погром русских купцов в 1505 году в день Рождества и Иоанна Предтечи, прямо указывает: «И взят весь драгий товар, безчисленное богатство у купцов русских, в казну свою, насыпа полату полную до верха русского золота и серебра, и подела себе царь венцы драгия, и сосуды и блюда серебряные и златыя, и царский наряд драгии свои устрои»¹⁵⁵. Летописец неоднократно упоминает о развитии ювелирного дела у татар, когда говорит, что татары «святыя образы и кресты переливаху серьги и ожерелья»¹⁵⁶.

В поэме видного казанского поэта Махмуда Мухамедьяра «Тохфэи мардан», написанной в 1541 г. и отражающей жизнь Казанского ханства во второй четверти XVI века, не случайно в качестве одного из героев выведен золотых дел мастер – «алтынче».

О степени развития мастерства портных можно судить по замечанию «Казанского летописца» о том, что из материала, отобранного у русских купцов во время погрома 1505 г., были сделаны разнообразные одеяния [в руко-

¹⁵² Археологические исследования в РСФСР (1934–1936 гг.)... С. 106.

¹⁵³ См.: М.Г.Худяков. Указ. соч. С. 261, 281–282.

¹⁵⁴ История Татарской АССР. Т. I. Казань, 1950. С. 158.

¹⁵⁵ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 23. С. 299.

¹⁵⁶ Там же. Стлб. 47.

писи Ш.Ф. Мухамедьярова «одения» – ред.] и казанские вельможи «после убо ходящи в красных ризах, и в зеленых, и в багряных, и в червленых одеявшись шапствовать пред катунами своими, яко цветцы польскийи, различно красящися, друг друга краснее и пестрее»¹⁵⁷.

Сохранившиеся до настоящего времени датированные татарские эпиграфические памятники дают нам право высказать некоторые суждения о степени развития искусства резьбы по камню в эпоху Казанского ханства.

К.Ф. Фукс первым обратил внимание на надпись эпохи Казанского ханства на камне, найденном в Казанском Гостинном ряду и в 1817 г. издал русский перевод текста¹⁵⁸.

Позднее Ш. Марджани, Х. Фейзханов, Н.И. Ильминский, С.М. Шпилевский отмечали те или иные надписи XV–XVI вв. Но все это носило довольно случайный характер. Систематическое собирание и обследование татарских надписей началось только после Великой Октябрьской Социалистической революции.

В 1927–28 гг. были обследованы татарские надгробные памятники Заказанья¹⁵⁹. В настоящее время Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии Наук СССР проводит последовательное изучение всей болгарской и татарской эпиграфики для составления полного корпуса болгаро-татарской эпиграфики. Благодаря этому, уже открыт ряд неизвестных ранее надгробных памятников. По данным Н.Ф. Калинина, учтено 88 памятников XV и первой половины XVI века¹⁶⁰.

Особый интерес представляют вновь открытые памятники XV века, беглое знакомство с которыми дает возможность наметить основные этапы развития казанско-татарской эпиграфики эпохи Казанского ханства.

До сих пор в литературе были известны только два татарские камня XV века, датируемые 1448 г.¹⁶¹ и 1494 г.¹⁶² Г.В. Юсупов летом 1949 г. открыл около дер. Бигер Тюлячинского района ТАССР памятник 1402 г. Им же взяты

¹⁵⁷ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 24.

¹⁵⁸ К.Ф. Фукс. Краткая история города Казани. Казань, 1817. С. 42–43. Затем этот камень был подробно описан Ш. Марджани (см.: В.В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. I. СПб., 1863. С. 548–554) и Н.Ф. Катановым (см. его примечание к «Истории города Казани» К. Фукса. Изд. 5-ое. Казань, 1914. С. 23).

¹⁵⁹ А. Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI века. Труды ОИТ. Т. I. С. 145–172.

¹⁶⁰ Н.Ф. Калинин. К вопросу о происхождении казанских татар. Сборник «Происхождение казанских татар». Казань, 1948. С. 96.

¹⁶¹ См.: Н.И. Ильминский. Татарские надписи из времен Казанского царства в Лаишевском уезде. Записки Арх. общ. Т. III; С.М. Шпилевский. Указ. соч. С. 399.

¹⁶² См.: Ш. Марджани. Мустафад... Т. I. Казань, 1885. С. 123; Али Рахим. Указ. соч. С. 156–157.

на учет и изучены памятники из того же села Бигер 1472 г. и из села Тат. Ходяшево Пестречинского района ТАССР 1487 г. и 1491 г.¹⁶³

Памятники из села Бигер (1402, 1443, 1472 гг.) довольно примитивной работы, не имеют орнаментальной полосы перед началом текста. Строки не отделяются друг от друга полосами. Бордюра также нет. По языку эти памятники примыкают к болгарским памятникам «первого стиля», т.е. с татарскими словами¹⁶⁴. Характерным для этих памятников является наличие диактрических точек под с, р, д для отличия от ш, з, зад.

Более поздние памятники из села Тат. Ходяшево (1487 г., 1491 г.) отличаются сравнительной тщательностью в отделке. На памятниках появляется орнаментированный бордюр, замечается разграничение строк полосами и намечается верхний полукруг.

Для памятников первой половины XVI века уже характерен переход к выпуклому шрифту с тщательной отделкой¹⁶⁵.

Примитивный характер изготовления татарских надгробных камней в начале XV века по сравнению с более ранними болгарскими памятниками следует поставить в непосредственную связь с общим упадком культуры и экономики Болгарии во второй половине XIV века в эпоху начавшегося распада Золотой Орды. Памятники второй половины XV века и первой половины XVI века уже свидетельствуют определенно о подъеме материальной и духовной культуры казанских татар в условиях своего национального государства.

В источниках сохранились сведения о средствах передвижения в Казанском ханстве: «И приехав царица (Сююмбека – Ш.М.) в колымаге своей на берег к реке Свияге, и подныше ю под руце ис колымаги, и обратися, и поклонися всем казанцом; народи же Казанския все припадаша на землю на колених и поклонение дающе ей по своиски. Введоша ю во уготованны царский струг, в нем же когда царь на потеху ездяху, – борз хождением, подобен летанию птиц, утворен златом и серебром, и место царицыно посреди струга, теремец цклян доспет, аки фонарь светел, златыми цками покрыт, в нем же царица седяще, аки свеща горя, на все страны видя»¹⁶⁶.

Заслуживает внимания указание «Казанского летописца» о чеканке монет в Казани: «... а честные кресты серебряные и златые сокрушаху, и святые обложенные иконы обдираху, и на серебряники и на златники преливаху, и усере-

¹⁶³ Автор приносит свою благодарность Г.В.Юсупову за сообщенные сведения о памятниках XV века.

¹⁶⁴ Характеристику «стилей» болгарских камней см.: Н.Ф.Калинин. К вопросу о происхождении казанских татар... С. 96–102.

¹⁶⁵ В качестве примера можно указать на памятник 1527–28 г. в с. Верх. Кибя-Кози Тюлячинского р-на ТАССР. Памятник зарегистрирован Г.В.Юсуповым в 1947–48 гг.

¹⁶⁶ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 81.

жи и ожерелья и маниста женам своим и тщерям наряжу»¹⁶⁷. Подчеркнутые слова «на сребряники и на златники преливаху», мне кажется, нельзя понимать иначе, как чеканка монет. Однако на это известие до сих пор не обращали внимания историки, также как и не ставили вообще вопроса о Казанской монете.

Нумизматический материал по Казанскому ханству совершенно не подвергался изучению. Гипотезу Б.В. Зайковского о мордовках, как мелких денежных знаках местного значения в Казанском ханстве¹⁶⁸, нельзя рассматривать как постановку вопроса о казанской монете.

В период складывания Казанского ханства (первая четверть XV века) на территории Болгарского государства чеканилась низкопробная монета, что надо поставить в связь с неоднократными опустошениями, которым подвергалась Болгария при ханах Золотой Орды. Хозяйственный упадок и экономический кризис отразились на чеканке монеты. Один из исследователей этого периода справедливо писал о монетах: «Имеющиеся на них надписи прекрасно характеризуют свое время, свидетельствуя об упадке грамотности, техники производства, недостатке материала и спешности чеканки»¹⁶⁹. И действительно, монеты первой четверти XV века болгарской чеканки по своему неряшливому выполнению никак не могут быть сравнимы с более ранними болгарскими монетами. К такому же выводу, кроме А. Васильева, пришел А.Б. Булатов¹⁷⁰ после изучения монет Светинского клада, найденного в 1936 году в Моркинском районе Марийской АССР. Большинство монет этого клада принадлежат болгарской чеканке начала XV века.

Из монет болгарской чеканки этого времени загадочный характер носят монеты чекана «Нового Болгара». Две таких монеты Пулат хана и Тимур хана были описаны еще Х.М. Френом¹⁷¹. Третья такая монета была описана А. Васильевым¹⁷². На реверсе этих монет помещена надпись:

Чекан بلغار
Нового ضرب
Болгара جديد

¹⁶⁷ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 273.

¹⁶⁸ В.Зайковский. К вопросу о мордовках. Труды Нижне-Волжского областного Научного общества краеведения. Вып. 36. Ч. 1. Археологическая секция. Саратов, 1929. С. 30–31.

¹⁶⁹ А.Васильев. Новые находки золотоордынских монет в Т.Р. Труды ОИТ. Т. I. Казань, 1930. С. 175.

¹⁷⁰ А.Булатов. Светинский и Альменевский клады монет. (Сведения взяты у Х.Г.Гимади: Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды. Материалы по истории Татарии. Вып. I. Казань, 1948. С. 205).

¹⁷¹ Х.М.Френ. *Recensio numorum muhammedanorum Academiae Imp. Scient. Petropolitanae*. 1826. С. 370 (№ 12), 375 (№ 11).

¹⁷² А.Васильев. Указ. соч. С. 175.

А.Б. Булатовым отмечены такие же монеты из Светинского и Альменевского кладов. Нам кажется, будет правильным отметить, что название «Новый Болгар» употребляется для обозначения Казани и указывает на определенную преемственность между Болгаром и Казанью. Но, к сожалению, не имеется других источников, подтверждающих нашу мысль.

Наше внимание привлекли также монеты с именем Улу-Мухаммеда, считающегося первым казанским ханом. Монеты с именем محمد (Мухаммед) рассматривались в свое время Х.М. Френом¹⁷³ и выделены в особую группу в «Каталоге» С. Лен-Пуля¹⁷⁴ и в «Каталоге мусульманских монет Императорского Эрмитажа» А. Маркова¹⁷⁵. После Френа монеты с именем محمد были описаны Ф. Эрдманом¹⁷⁶ и И.Н. Березиным¹⁷⁷. Указанные книги и позднейшие публикации, содержащие описания джучидских монет XV в. с именем محمد, не отмечают для таких монет более позднего года, чем 831 г. х. (1427–1428 г.). Улу-Мухаммеду же принадлежит последняя датированная монета, на которой обозначен город Булгар (831 г. х. или 1427–1428 г.). Таково мнение выдающегося русского академика-ориенталиста В.В. Бартольда, высказанное им в «Энциклопедии Ислама»¹⁷⁸.

С другой стороны, в «Истории Татарии в документах и материалах»¹⁷⁹, на стр. 100, воспроизведены монеты Казанского хана Улу-Мухаммеда: № 1 и 2 изображают лицевую сторону, а № 3 – оборотную сторону монет, обычно приписываемых Улу-Мухаммеду. На одной из изображенных лицевых сторон читается имя «Мухаммед-хан», на другой – лишь последняя буква этого имени. Дата, да и то неполная, видна на одной из них – 8 х 7 [так в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова – ред.]. На оборотной стороне указано место чеканки – Орду Базар. Поэтому, по меньшей мере странно звучит подпись к воспроизведению указанных монет, называющая их монетами казанского хана Улу-Мухамме-

¹⁷³ Х.М.Френ. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды. СПб., 1832. С. 34–35, 42. Монета № 312: место чеканки Орду Базар, год чеканки не указан.

¹⁷⁴ S.Lane-Poole. Catalogue of the Oriental Coins in the British Museum. Vol. VI. The Coins of the Mongols in the British Museum Classes XVIII–XXII. London, 1881. С. 191. Зарегистрирована одна монета без указания чеканки из Болгара.

¹⁷⁵ А.Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896. С. 502–503.

Монета № 1513 чеканена в Булгаре в 831 г.х.

Монета № 1509 чеканена в Булгаре в 821 г.х.

¹⁷⁶ F.Erdmann. Numi asiatici Musei Universitatis Caesareae literarum Casanensis quos recensuit et illustravit Franciscus Erdmann. Pars I. Casani, 1834.С. 542.

¹⁷⁷ E.Beresine. Catalogue des Monnaies et des medailles du cabinet Numismatique de l'Universite imperiale de Casan. Casan, 1855. С. 41.

¹⁷⁸ Enzyklopaedie des Islam. I. Leiden–Leipzig, 1913. С. 824 (статья «Bulghār»).

¹⁷⁹ История Татарии в документах и материалах. М., 1937. С. 100.

да¹⁸⁰. Значит, в нумизматической литературе еще неизвестны монеты, относящиеся к казанскому периоду деятельности Улу-Мухаммеда, начало которого обычно относится к 1436–1437 гг. И вообще, пока не будут найдены какие-либо новые данные, нельзя утверждать о существовании собственных монет Казанского ханства.

И будет, пожалуй, правильным утверждение, что такие монеты вообще не чеканились. С одной стороны, в результате разорения основных экономических центров Болгарии могли быть уничтожены монетные дворы, а при возвышении новых экономических центров, рудники, находившиеся в районе старых центров, были, вероятно, заброшены, что могло и обусловить прекращение чеканки. С другой стороны, обзор содержания кладов на территории Казанского ханства дает возможность сделать вывод о том, что Казанское ханство очень рано вошло в сферу русского денежного обращения и, по словам А.А. Ильина, «довольствовалося монетою анонимною, а вернее, что монетами русскими»¹⁸¹.

Таким образом, письменные и вещественные памятники свидетельствуют о существовании в татарской Казани разнообразных видов ремесла: кузнечное, гончарное, медеобрабатывающее, строительное, деревообделочное, кожевенное, текстильное, ювелирное, резьба по камню и т.д.

Отмечая бесспорный факт развития городской культуры в Казани, нельзя ни в коем случае забывать, что городское население в целом составляло весьма незначительную часть всего населения Казанского ханства. «Крестьяне представляли большинство, городское население было крайне слабо развито»¹⁸².

¹⁸⁰ Автор приносит свою благодарность за ту помощь и консультацию, которую он получил от заведующего отделом нумизматики Государственного Эрмитажа СССР, профессора А.А.Быкова во время пребывания в Ленинграде весной в 1948 г.

¹⁸¹ А.А.Ильин. Топография кладов древних русских монет X–XI вв. и монет удельного периода. Труды нумизматической комиссии РАИМК. Вып. 5. Л., 1924. С. 28. Такой же взгляд значительно ранее был высказан Н.П.Загоскиным (См. его «Спутник по Казани». Казань, 1895. С. 92).

¹⁸² В.И.Ленин. Соч. Т. XXIV. С. 370.

ГЛАВА VI

Государственный строй Казанского ханства

1. Вопрос о политическом строе Казанского ханства в буржуазной историографии

Политический строй Казанского ханства определялся господствовавшим там экономическим строем. Феодалным производственным отношениям Казанского ханства соответствовало феодалное государство и феодалное право.

Однако в досоветской историографии Казанское ханство не рассматривалось как вариант феодалного государства. Поэтому вопрос о его классовой феодалной сущности и политической форме не был разработан. Политический строй ханства рассматривался буржуазными историками оторванно от его внутренней истории, оторванно от базиса. Буржуазной историографии было совершенно чуждо понятие типа государства как политической надстройки определенной социально-экономической формации, как государства, соответствующего определенному типу производственных отношений. Буржуазные историки дают только абстрактное определение формы государства казанских татар, кладя в основу чисто внешний признак (положение главы государства).

Так, например, Н.Фирсов писал: «В устройстве юртов, возникших на месте этого царства (Золотая Орда – *Ш.М.*), и в том числе Казанского, положены были новые начала. Власть ханов, или царей этих юртов, поставлена была в иное положение, чем то, в каком находилась власть ханов сарайских. Сохраняя звание неограниченных повелителей, которым пользовались последние, нои [«оные» –?] должны были в то же время допустить существование подле себя аристократии, как постоянного учреждения, с известным неизменным устройством, с особенными, ей только присвоенными правами, с неперемным участием ея в управлении страной и в выгодах, от того происшедших, – чего не было в сарайском государстве»¹.

Другой историк, Г. Перетяткович, при характеристике политического строя Казанского ханства тоже ограничивается чисто формальным описанием положения хана: «В Казанском ханстве во главе управления находился царь, власть которого, впрочем, была сильно ограничена многочисленным высшим дворянством, к которому нередко примыкали и влиятельные виновники (улань)»².

¹ Н.Фирсов. Положение инородцев Северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1866. С. 12.

² Г.Перетяткович. Поволжье в XV и XVI вв. М., 1877. С. 126.

М.Г. Худяков, проводя взгляды татарской буржуазно-националистической историографии, писал, что «Казанское ханство унаследовало от Золотой Орды военно-монархический характер верховной власти. Носителем этой власти, опиравшейся на военную силу, являлся хан – неограниченный повелитель, титул которого русские документы почтительно переводили, как и титул хана Саранских, Астраханских, Крымских, Сибирских, Монгольских и др., словом «царь», приравнивая его к римским и византийским цезарям-императорам»³. Характерной чертой государственного строя Казанского ханства М.Г. Худяков объявляет «соединение определенных государственных должностей с принадлежностью к знатнейшим родам... Несменяемость, пожизненность и наследственность высших административных чинов является, – продолжает М.Г. Худяков, – важнейшей особенностью государственного строя Казанского ханства»⁴.

Все указанные авторы совершенно не вскрывают связь между политическим строем ханства и господствовавшим там феодальным экономическим строем. Им вообще чуждо понятие феодализма как определенной социально-экономической формации с соответствующей ему политической надстройкой. Они объясняют характер государственного строя Казанского ханства волей отдельных личностей или групп общества (хан и аристократия).

Данная буржуазными и буржуазно-националистическими историками характеристика Казанского ханства затушевывает его классовый характер и выдвигает на первый план совершенно несущественные моменты. В понимании буржуазных историков Казанское ханство не является результатом внутреннего развития местных производительных сил. Буржуазные историки смогли дать лишь относительное правильное внешнее описание формы государства казанских татар, но не дали социально-политического анализа происхождения и развития этой формы.

Но разобраться в характере и в особенностях татарского феодального государства, как и любого другого государства, можно в том только случае, если твердо держаться как руководящей нити марксистско-ленинского понимания надстройки. Если базис обслуживает общество экономически, то надстройка «обслуживает общество политическими, юридическими, эстетическими и другими идеями и создает для общества соответствующие политические, юридические и другие учреждения»⁵. Государство является важнейшей среди этих организаций. Государство как политическая надстройка устанавливается определенным классом в соответствии с его идеями, взглядами, выросшими на данном экономическом базисе и отражающем интересы этого

³ М.Г.Худяков. Указ. соч. С. 167.

⁴ Там же. С. 183–184.

⁵ И.Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Изд-во «Правда», 1950. С. 36.

класса. К. Маркс в «Предисловии к «Критике политической экономии» писал, что «... правовые отношения, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого всеобщего развития человеческого духа; наоборот, они коренятся в материальных условиях жизни, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII столетия, объединил под названием «гражданского общества», а анатомию гражданского общества надо искать в политической экономии»⁶.

2. Образование Казанского ханства

После монгольского завоевания 1236 года Болгария вошла в состав Золотой Орды как покоренная страна, которая смогла сохранить некоторые элементы автономии. Болгарское государство в это время было раздроблено на ряд феодальных княжеств, из которых наиболее крупными были, собственно, Болгарское, Жукотинское и Иски Казанское княжества⁷. Лишь на определенном этапе развития болгарской феодальной экономики создаются предпосылки для преодоления феодальной раздробленности. Процесс объединения феодально-раздробленных княжеств Волжско-Камского края находится в прямой связи с упадком Золотой Орды. Усиление процесса феодализации в Золотой Орде ко времени смерти хана Бердибека в 1359 году способствовало значительному росту сепаратистских тенденций среди отдельных крупных золотоордынских феодалов. По словам А.Ю. Якубовского, в течение 20 лет (1360–1380 гг.) в Золотой Орде сменилось более 25 борющихся между собой ханов⁸. «И бисть брань и замытия вельи в Орде», – писал составитель Никоновской летописи⁹. Если раньше претенденты вели борьбу за овладение Сараем, то теперь они стремятся обосноваться на окраинах. Хаджичеркес завладел окрестностями Астрахани, Урус хан утвердился в Сыгнаке, Абдулла хан при помощи Мамаю воцарился в Крыму¹⁰. Один за другим отделялись от Золотоордынского государства целые улусы.

В это время территория бывшего Болгарского государства также начинает играть значительную роль в реализации сепаратистских тенденций отдельных феодалов распадающейся Орды. Сюда, за Волгу, бежал от преследо-

⁶ К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произведения. Т. 1. 1948. С. [В рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова страница не указана – ред.].

⁷ История Татарской АССР. Т. 1. Казань, 1950. С. 124.

⁸ См.: Б.Д. Греков и А.Ю. Якубовский. Указ. соч. С. 272.

⁹ ПСРЛ. [В области ссылок и примечаний рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова выходные данные ПСРЛ отсутствуют – ред.].

¹⁰ См.: Ибн-Хальдун. Книга назидательных примеров и сборник подлежащего и сказуемого по части истории арабов, иноземцев и берберов; В.Тизенгаузен. Указ. соч. Т. 1. С. 389–390.

вания Мамай Тимур Ходжа. Герой татарской былины «Амет дастаны» («Сказание об Амете») – феодал Амэт также не случайно скрывается от преследования сарайских ханов здесь в Болгарии, на берегу реки Свияги, вместе с дочерью хана Джанибека [В рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «Дажанибека» – ред.]. В 1361 году происходит отпадение болгарской земли от Золотой Орды. «Булат Темир, князь Ордынский, Болгары взял, и все грады по Волзе и улусы поимал и отнял весь Волжский путь», – писала об этом факте русская летопись¹¹. Старая буржуазная историография (С.М. Шпилевский, Н.Ф. Катанов, Н.Н. Фирсов, М.Г. Худяков) рассматривала этот факт как завоевание Болгарской земли Булат Тимуром.

Недавно к этому вопросу вернулся Х.Г. Гимади¹². По его мнению, рост экономических сил болгарского улуса «противоречил политике ханов Золотой Орды, заинтересованных лишь в получении дани, но отнюдь не в обособлении от Орды отдельных подвластных земель. Именно в этой связи, – пишет Х.Г. Гимади, – надо рассматривать поход на Булгарию ордынского князя Булат-Тимура в 1361 году. Нашествие Булат-Тимура, несомненно, явилось карательным мероприятием Золотой Орды против народа, который шел по пути обособления от ордынского владычества»¹³. Во имя версии о разгроме Булгар Булат-Тимуром, Х.Г. Гимади становится на путь прямых натяжек, когда относит описание разгрома болгарских городов Аксак-Тимуром в «Таварихи Болгария» Хисамуддина аль-Муслими к Булат-Тимуру¹⁴. И, конечно, никак нельзя проводить аналогию между походом Мамай на Русь в 1380 г. и походом Булат-Тимура на Болгарию в 1361 году.

С другой стороны, нельзя впадать и в другую крайность при оценке похода 1361 г. А. Савич, например, стоит на совершенно противоположной позиции в этом вопросе, чем Х.Г. Гимади. Как это ни странно, А. Савич признает Булат-Тимура основателем Казанского ханства: «На Волге в прежнем Булгарском царстве, после 1361 г., образовалось самостоятельное Казанское царство, начало которому положил Булат-Темир»¹⁵.

По нашему мнению, наиболее правильно подошел к оценке похода Булат-Тимура А.Ю. Якубовский в своей последней работе (совместно с Б.Д. Грековым) «Золотая Орда и ее падение».

А.Ю. Якубовский рассматривает поход 1361 г. в неразрывной связи со всеми событиями политической и социально-экономической жизни Восточ-

¹¹ ПСРЛ. [В рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова выходные данные ПСРЛ отсутствуют – ред.].

¹² См. нашу критику взглядов Х.Г. Гимади по этому вопросу в журнале «Вопросы истории» (1950. № 4. С. 144).

¹³ Х.Г. Гимади. Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды... С. 219.

¹⁴ Там же. С. 220.

¹⁵ А. Савич. Золотая Орда. История в школе. 1936. № 2. С. 46.

ной Европы того времени. Если Х.Г. Гимади и А. Савич рассматривают этот факт совершенно изолированно от общей истории Золотой Орды, то для А.Ю. Якубовского это событие является неизбежным фактом, вытекающим из общего процесса начавшегося распада Золотой Орды. «Отпадение Болгар вместе с захватом в руки Булат Тимура (Пулад Темира) волжского торгового и военного пути нанесло, конечно, тяжелый удар единству Золотой Орды», – пишет А.Ю. Якубовский¹⁶.

Одновременно с отделением Болгарии от Золотой Орды отпадают Наручаты (область на реке Мокше). «Болгары и Наручаты стали фактически независимы»¹⁷.

К 90-м гг. XIV в. относится выделение ногайцев из состава Золотой Орды и закрепление их за потомками Едигея.

Победа Дмитрия Донского над Мамаем в 1380 г. была ярким свидетельством начала заката былой мощи Золотой Орды. Разгром Тимуром Тохтамышша после Куликовской битвы в 1380 [г. – ред.] явился одним из решающих этапов ликвидации золотоордынского ига в Восточной Европе. К. Маркс придавал огромное значение как внутренним, так и внешним факторам, ослаблявшим Золотую Орду: «К моменту царствования Ивана, Золотая Орда уже давно была ослаблена изнутри жестокими междуусобицами, извне отделением от них ногайских татар, вторжением Тимура, усилением казачества и враждебными действиями крымских татар»¹⁸.

Из Болгар и из Наручат в 60-х гг. XIV века, ставшие самостоятельными, золотоордынские князья Булат-Тимур и Тагай вскоре начинают совершать нападения на своих соседей. В 1365 г. правитель Наручата Тагай совершает поход на Рязанскую землю, о котором Воскресенская летопись под 6873 годом пишет следующее: «Тое же осени прииде Тягай из Наручади в Резань, и взя город Переславль и пожже; князь же Олег Рязянский и князь Владимир сеча зла, и поможе Бог христианом, а Тягай вмале утече в Наручады»¹⁹.

Также и Булат-Тимур, будучи правителем Болгарии и имея там определенную поддержку и опору, смог совершить нападение на земли княжества, расположенного вверх по р. Волге от Болгарской земли. Воскресенская летопись под 1367 г. так описывает этот поход: «Князь Ордынский именем Булактемирь, прииде ратью татарскою, и пограби уезд весь по Волзе даже и до

¹⁶ Б.Д. Греков и А.Ю. Якубовский. Указ. соч. С. 277.

¹⁷ Там же. С. 283. О Наручатах см.: А.А. Кроткова. К вопросу о северных улусах Золотоордынского ханства. Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. № 5. 1927. С. 71–79.

¹⁸ К. Маркс. Секретная дипломатия. XVIII в.

¹⁹ ПСРЛ. Т. VIII. С. 13.

Сундовити²⁰ и села князь Борисовы, князь же Дмитрий Константинович с братом Борисом и 3 детьми, собрав вои, поиде противу ему; он же окаянный не ста на бой, но побеже за реке Пиану, и гоняше по нем много татар остаточных загонных избиша, а иные мнози в реце Пиане истопиша, не коликко же их по зажитьем избиша, а Булактемирь в Орду бежа и тамо убиен бысть от Азиза царя»²¹. Таким образом, это поражение заставило бежать Булат-Тимура в Орду и выпустить из своих рук дальнейшую судьбу Болгарской земли.

Однако бегство Булат-Тимура не могло остановить течение исторического процесса государственного развития на берегах Волго-Камья.

Уже под 6884 (1376) г. Ермолинская летопись при описании похода русских князей Дмитрия Михайловича Волынского и Дмитрия Суздальского [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «Суздального» – ред.] на город Болгары упоминает владетельных болгарских князей Осана и Махмат Султана²². В 1407 году Казань, по-видимому, была независимой от Золотой Орды, так как Шильдбергер [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «Шильдбергер» – ред.] сообщает о каком-то завоевании Казани Едигеем²³.

Поэтому и Анфал, ходивший в 1409 году на Болгары из Вятки, будучи разгромлен, был отвезен татарами в Орду. Сообщение о походе Анфала в более подробном изложении сохранилось в Софийской второй летописи под 6917 (1409) г., откуда и его привожу здесь: «В лето 6917. Ходи Анфал на Болгары Камой и Волгою, сто насадов Камью, а Волгою полтора ста насадов, и тамо рать около его побиша татарове, а самого поймавше в Орду повели, а Волжские насады не поспели»²⁴.

К 10 гг. XV в. относится ряд монет, чеканенных в Новом Болгаре (Болгараль-джадид)²⁵. Это опять свидетельствует о какой-то самостоятельности бывших болгарских земель, если согласится с предположением, что под именем Нового Болгара скрывалась Казань – столица будущего Казанского ханства.

Татарский поход 1429 года на Галич, о котором рассказывает Московский летописный свод под 6937 годом, мог быть только совершен татарами

²⁰ Река Сундовик впадает в Волгу против города Макарьева (С.М.Шпилевский. Указ. соч. С. 169).

²¹ ПСРЛ. Т. VIII. С. 14.

²² См.: ПСРЛ. Т. XXIII. С. 120. Более подробное описание этого похода сохранилось в Симеоновской (ПСРЛ. Т. XVIII. С. 117) и в Типографской (ПСРЛ. Т. XXIV. С. 133) летописях. Укажу на любопытную деталь: болгары при вылазках против осаждающих русских войск применяли, кроме коней, и верблюдов.

²³ И.Шильдбергер. Путешествия. Одесса, 1886. С. 36.

²⁴ ПСРЛ. Т. VI. С. 139. Краткое сообщение об Анфале см.: ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. С. 407; Ч. 5. С. 257. [В рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова примечание оформлено не вполне разборчиво – ред.].

²⁵ См.: А.Б.Булатов. Светинский и Альменевский клады монет. Ссылка имеется в работе Х.Г.Гимади (Материалы по истории Татарии. Вып.1. Казань, 1948. С. 205).

из какой-то базы на соседней с русскими княжествами земле. Такой опорной базой, судя по тексту летописи, могла быть только Болгарская страна. Летописец рассказывает, что после нападения на Галич, татары проехали мимо Нижнего Новгорода: «Приходиши татарове к Галичю, града не взяша, а волости повоеваша. На крещение же приидоша изгоном на Кострому к поплениша ю отъидоша на низ Волгою. Князь же великы посла за ними дядь своих, князя Андрея и Константина, и с ними Ивана Дмитриевича, с своими полкы. Доидоша же до Нижнего Новгорода и ту не угонивши их возвратившияся. Князь же Федор Стародубскы Петров да Федор Константинович, утаивая у князей и у воевод, своими полкы погнаша за татары и угониша зад их, побише Татар и Бесермен и полон весь отняша, царевича и князя Али бабы не догониша»²⁶. Упоминаемый здесь местный князь Али баба может быть в какой-то мере отождествлен с князем Либеем, который был низложен, по сообщению Воскресенской летописи, в 1446 г. при взятии Казани Махмутеком²⁷.

В это время (вторая половина XIV в. и начало XV в.) население центральных улусов Золотой Орды, пытаясь избежать бесконечные разоренья от внутренних феодальных междоусобий и внешних вторжений, перекочевывает на окраины Золотой Орды: Болгария, Крым, Сибирь и т.д. Насильственное переселение десятков тысяч жителей во владения Тимура также способствовало запустению центральных улусов Золотой Орды и упадку городской жизни в таких городах, как Старый и Новый Сарай, Увек, Бездеж и т.д. А «разгром Сарая-Берке в 1395 г. был фактически ликвидацией Золотоордынского государства и той роли, которую оно играло в торговых сношениях Восточной Европы с Центральной Азией»²⁸.

Ибн Арабшах в книге «Чудеса предопределения в судьбах Тимура» дает даже специальную главу «О том как настал этот потоп (т.е. Тимурово нашествие) и смысл народы Дештские после поражения Тохтамышева», где пишет об опустошении Золотой Орды Тимуром: «Длился этот бой и погром около 3 дней; затем явилась пыль от бегства войска Токтамышева, показавшего тыл; рати его разбежались и отступили, а полчища Тимура разбрелись по владениям Дештским, да расположились (в них). Он покорил племена их и (ему) подчинились последние и первые из них. Завладел он движимым и разделил его, да недвижимым и унес его с собою, собрал (все) захваченное и роздал добычу, дозволил грабить да полонить, произвел гибель и насилие, уничтожил

²⁶ ПСРЛ. Т. XXV. С. 248.

²⁷ Там же. Т. VIII. С. 114. Попытку В.В. Вельяминова-Зернова отождествить вотчика Либеем с болгарским князем Галимом из Татарской летописи следует признать неудачной, так как отрезок времени между Галимом и Либеем исчисляется, по нашему мнению, почти пятидесятью годами. (Указ. соч. Т. I. С. 4–5).

²⁸ А.Ю.Якубовский. Развалины Ургенча. Известия ГАИМК. Т. VI. Вып. 2. Л., 1930. С. 20.

племена их, истребил говоры их, изменил порядки да увез (с собой все) захваченные деньги, пленных и имущество. Передовые войска его [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «ешш» – ред.] дошли до Азака и он разрушил Сарай, Сарайчук, Хаджитархан и (все) эти места»²⁹.

Связь между центром Золотой Орды и окраинами постепенно прерывается и на окраинах складываются самостоятельные государственные образования, способствующие постепенной консолидации отдельных народностей (казанские татары, ногайцы и другие).

В свое время В.В. Вельяминов-Зернов на основании анализа ряда летописных известий пришел к выводу, что Казанское ханство основано в 1445 г. сыном Улу-Мухаммеда Махмутеком. По его мнению, «осенью 1445 года сложилось царство Казанское. Сын Улу-Мухаммеда – бывшего хана Золотой Орды, изгнанного оттуда – Махмутек убил казанского вотчича князя Алибика, овладел городом, и через то положил начало новому ханству и новой династии царей»³⁰. В. В. Бартольд также придерживается этого мнения.

Однако в русской, татарской и турецкой историографиях широко распространена и другая точка зрения, приписывающая основание Казанского ханства Улу-Мухаммеду в 1437–1438 гг.³¹ М.Г. Худяков, проводя взгляды татарской буржуазно-националистической историографии, становится даже на путь идеализации Улу-Мухаммеда как основателя Казанского ханства. Исходя из идеалистического понимания роли личности в истории [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «и истории» – ред.], он писал: «Личность Улу-Мухаммеда, несмотря на скудость сохранившихся о нем сведений, рисуется в качестве весьма выдающейся... Большой ум, громадная энергия и колоссальная предприимчивость характеризуют личность Улу-Мухаммеда. План основания Казанского ханства можно назвать гениальным»³².

В последнее время вопрос образования Казанского ханства привлек внимание А.Ю. Якубовского, который высказал ряд интересных соображений: «Образование Казанского ханства нельзя рассматривать, как образование ханства Татарского... С точки зрения внутренней истории Болгарской области образование Казанского ханства должно рассматриваться как полное

²⁹ В.Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884. С. 466; См.: Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг. Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. XXVIII. СПб., 1881. С. 144–145.

³⁰ В.В.Вельяминов-Зернов. Указ. соч. С. 3–4.

³¹ Литература вопроса приведена у В.В.Вельяминова-Зернова. Указ. соч. С. 4–12. См. также: Г.Газиз. Татар тарихы. Казань, 1922. С. 65; В.И.Лебедев. История СССР до XIX века. М., 1945. С. 138.

³² М.Г.Худяков. Указ. соч. С. 24–25.

покорение Болгарского народа пришедшим татарским улусом во главе с Улуг-Мухаммедом или его сыном Махмутеком в 1437 или в 1445 году»³³.

Не имеет решающего значения – кем было основано ханство: Улу-Мухаммедом в 1437–1438 [годах – ред.] или Махмутеком в 1445 году.

В условиях постоянных феодальных войн и нападений соседей установление более сильной власти, чем та, которая была до первых казанских ханов, должно было положительно повлиять как на экономику страны, так и на положение населения.

Русская летопись сохранила описание нескольких походов на Болгарскую землю в то время. Укажу на сообщение Новгородской четвертой летописи под 6903 (1395) г. о походе князя Юрия Дмитриевича: «Они не шедше ратью плениша землю Татарскую и взяша град Болгары, и Жукотин, и Казань, Керемечюк, пребыша 3 месяца воеюще, и никто же не помнит толь далече воевала Русь Татарскую землю [подчеркнуто Ш.Ф. Мухамедьяровым – ред.], и възвратишася с многою корыстью»³⁴. Еще можно указать на пленение князем Федором Давидовичем Пестрым всей Болгарской земли в 1431 году. Сообщение об этом походе находится в Никоновской летописи под 6939 (1431) годом: «Тое же весны князь великы Василий Васильевич посылал ратью на Болгары Воложския и Камския князя Федора Давидовича Пестрого; он же шед, воева их и всю землю их плени»³⁵.

Овладение территорией Казанского ханства Улу-Мухаммедом или его сыном нашло, очевидно, поддержку среди части местного населения, видевшего в приходе сильного хана некоторое усиление центральной власти и ослабление постоянных междуусобиц. «Казанский летописец» правильно подметил этот процесс и зафиксировал его. «И мало в граде (Казань – Ш.М.) живущих, и нача збиратися Срачинии и Черемиса, развие по улусам Казанским, и ради ему (Улу-Мухаммеду – Ш.М.) быша, а изоставшиися от плена худыя Болгары молиша его, казанцы быти ему заступнику бедам их, и помощника от насилия, воевания Рускаго, и быти царству строителя, да не до конца запустеют, и повинушася ему»³⁶.

Попытка изобразить возникновение Казанского ханства исключительно как результат завоевания народностей Волжско-Камского края вооруженными отрядами Золотоордынских татар следует признать ошибочной.

³³ Б.Д. Греков и А.Ю. Якубовский. Указ. соч. С. 415–417.

³⁴ ПСРЛ. Т. IV. С. 102; см. также там же: Ч. 1. Вып. 2. С. 380; Т. V. Софийская первая летопись. С. 247–248; Т. VI. Софийская вторая летопись. С. 130; Т. XXII. Хронограф редакции 1512 г. С. 423.

³⁵ ПСРЛ. Т. XII. С. 9.

³⁶ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 19.

Казанские ханство, как государство, «не представляет из себя силы извне навязанной обществу» (Ф. Энгельс). Завоевание Волжско-Камского края отрядами Улу-Мухаммеда или его сына Махмутека, только содействовало установлению новой государственной власти, условия для которой уже были подготовлены внутренним развитием общества. В этом сочетании внутреннего развития и внешнего влияния, безусловно, первое сыграло решающую роль. Одно завоевание само по себе не может объяснить причины возникновения Казанского ханства как государства. В образовании ханства решающее значение имело развитие производительных сил и связанные с ним социально-экономические процессы.

«Развитие производительных сил края требовало создания взамен разрушенного Булгара нового центра, который мог бы взять на себя общее руководство, а, главное, обеспечить оборону страны. Поэтому в 30-х – 40-х годах XV столетия... возрождается местная государственность, объединившая разрозненные феодальные княжества в более сильный политический организм – Казанское ханство»³⁷.

3. Классовая сущность Казанского ханства как государства феодалов-землевладельцев

Попытка татарских буржуазно-националистических историков рассматривать Казанское ханство как действительного представителя татарского народа того времени является антинаучной и противоречит действительности. Истинную сущность Казанского ханства можно вскрыть только в связи с классовым строением татарского феодального общества и классовой борьбой. «Государство было официальным представителем всего общества, оно объединяло его в одной видимой организации, но оно исполняло эту роль лишь постольку, поскольку было государством того класса, который сам являлся представителем всего современного ему общества: в древности – государством граждан-рабовладельцев; в средние века – феодального дворянства; в наше время – буржуазии»³⁸.

Татарское феодальное общество состояло из двух антагонистических классов: из феодалов и крестьян. Феодалы жили за счет труда крестьян. Татарские феодалы были господствующим классом, так как владели основными средствами производства и экономически господствовали над большинством населения, над крестьянством. Казанское ханство как государство было орудием политического господства татарских феодалов над крестьянами. Госу-

³⁷ История Татарской АССР. Т. I. Казань, 1950. С. 149; см. также: Р.Ш.Тагиров. Методические предпосылки экскурсионного изучения татарской Казани. Казань, 1929. С. 10.

³⁸ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Т. XIV. С. 283–284.

дарство было средством политического подавления татарских крестьян с целью сохранения экономического господства татарских феодалов.

«Точно так же, как познание человека отражает независимо от него существующую природу, т.е. развивающуюся материю, так общественное познание человека (т.е. разные взгляды и учения философские, религиозные, политические и т.п.) отражает экономический строй общества. Политические учреждения являются надстройкой над экономическим основанием. Мы видим, как разные политические формы современных европейских государств служат укреплению господства буржуазии над пролетариатом...»³⁹.

Поэтому татарское феодальное государство не могло быть ничем иным, как диктатурой татарских феодалов над закрепощенным татарским крестьянством. Казанское ханство, как государство, было организованной силой господствующего класса татарских феодалов, машиной в руках феодалов для подавления крестьян.

В «Немецкой идеологии», в разделе о Фейербахе, К. Маркс писал: «Так как государство есть та форма, в которой индивиды [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «индивиду» – ред.], принадлежащие к господствующему классу, проводят свои общие интересы и в которой концентрируется (...) [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова в скобках обозначен пробел – ред.] все гражданское общество данной эпохи, то отсюда следует, что все общие учреждения опосредствуются и получают политическую форму»⁴⁰.

По своему типу Казанское ханство было феодальным государством, что вполне соответствовало господствовавшему там феодальному типу производственных отношений. Феодальный тип государства знаменовал собою более высокую ступень общественного развития народов Среднего Поволжья по сравнению с более ранним временем.

Отсюда – его внутренняя функция: подавлять сопротивление антагонистического класса – крестьянства.

Внешняя функция в Казанском ханстве проявлялась весьма своеобразно. Каждый феодал имел полное право начать войну с другим феодалом и с самим ханом. Неслучайно Дженкинсон – английский путешественник XVI века – заметил: «Каждый из казанских царей опасался своих подданных, вследствие гражданской войны»⁴¹.

Через всю историю Казанского ханства происходит борьба феодальных группировок. Так, например, в ответе великого князя Ивана Васильевича нагайским послам осенью 1489 г. имеется указание на вооруженные выступления некоторых казанских феодалов против хана Мухаммед-Амина: «А нынеча к

³⁹ В.И. Ленин. Соч. Т. XVI. С. 350.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV. С. 53.

⁴¹ Английские путешественники в Московском государстве XVI в. М., 1937. С. 129.

нам прислал Магметь Аминь царь, а сказывает: как есте нынеча ко мне шли, ино с вами вместе идучи, та люди Алказый, да Касым Сеит, да Бегиш, да Утеш, да и мырзины Ямгурчеевы люди, твой Тувачев – брат да сын да зять, и с иными людьми с Ямгурчеевыми землю Машметь [так в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова – ред.] Аминеву цареву и нашу воевали, грабили, да и головы в полон поимали». Перечисленные здесь феодалы названы «нашего недруга Алегановы (казанский хан, царствовавший до 1487 г. – *Ш.М.*) люди царевы»⁴².

Можно еще указать на предание о Чаллынском бее⁴³, отказывавшемся признать власть казанского хана и объявившем себя независимым ханом. Чаллынский бей укрепляет Чаллынское городище и в течение двух лет ведет борьбу с казанским ханом, который одерживает над ним победу и разоряет городище⁴⁴.

Основное направление внешней функции Казанского ханства определялось его существованием в системе государств и выражалось в систематических нападениях на соседнее Русское государство и в обороне страны от ответных нападений русских войск и других татарских ханств (Ногайская орда и др.). По словам А. Курбского, в детские годы Ивана Грозного русские люди страдали «от кровопролития и пленения варварских... ово от царя Перекопского, ово от татар Ногайских, сиречь заволжских, а наипаче и горше всех от царя Казанского, сильного и ложного мучителя христианского еже под его властью имел шесть языков различных»⁴⁵.

4. Высшие органы власти

По своей форме Казанское ханство, как государство, призванное подавлять эксплуатируемых, было организовано так, что массы фактически отстранялись от влияния на дела государства и государство было противопоставлено большинству общества.

⁴² Сборник РИО. Т. 41. С. 84. См. также с. 86, 96, 97.

⁴³ См.: Б.М.Зайтов. О Чаллынском городище в Лаишевском уезде, близ дер. Чаллы Шумбутской волости. ИОАИЭ. Т. III. С. 277–280.

⁴⁴ Если обратиться к топонимике, то в верховьях р. Шумбута в Кзыл-Юлдузском районе Татарской АССР сохранился ряд названий, включающих в себя слово «Чаллы». Таким образом, можно вполне высказаться за локализацию Чаллынского городища на этой местности. См.: Г.С.Губайдуллин. Татарская АССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1948 г. Казань: Татгосиздат, 1948. С. 80–81 (селения Козяково-Челны, Тябердино-Челны, Мамли Козяково-Челны, Уреево Челны); С.М.Шпилевский. Указ. соч. С. 416–420; К.И.Невоструев. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. М., 1871. С. 51–53. (Перепечатано из «Трудов I Археологического съезда»); ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 153. Лл. 390–396. Дозорная книга Г.Кузьминского 1619 года пустоши Чаллынское городище по Зюрейской дороге.

⁴⁵ РИБ. Т. XXXI. С. 168.

Казанское ханство было феодальной монархией, в которой деятельность монарха направлялась феодальной курией и съездами феодалов⁴⁶. Феодальная монархия была, пожалуй, наиболее целесообразной формой правления для государства татарских феодалов, выдвигавших в качестве главы государства первого и наиболее крупного феодала, каким и был хан.

Во главе татарского феодального государства стоял خان – хан⁴⁷. Русские источники называют казанского хана «царем»⁴⁸. Хан считался верховным сюзереном. Ему принадлежала верховная власть в государстве. В лице хана признавалось право объявления войны и мира, верховное командование вооруженными силами государства, право назначения начальников улусов и даруг, право сбора налогов и взимания повинностей, право издания иммунитетных грамот, право назначения чиновников центрального и местного управления. За ханом также признавалось право верховного суда. Власть хана не была ограничена каким-либо законодательным актом. Об этом свидетельствует, например, титул казанского хана из печати к ярлыку Сахиб-Гирея:

السلطان الاعظم عز الدنيا و الدين ابو المظهر صاحب گرای بهادر خان

خلد الله ملكه و ايد سلطنته

«ал слтан ал гази гзалдания валдин абуалмзгр Сахб Граи бхадр хан хлдалла млка в аид слтнта»⁴⁹, то есть «могущественный султан, знаменитый для мира и веры великий завоеватель Сахиб-Гирей хан [в рукописи «Сахиб-Гирей, герай хан» – ред.], пусть бог вечно хранит его государство и возвеличит его царствование».

Вопрос о регалиях казанских ханов в литературе ставился М.Г. Худяковым, но он не сумел дать на этот счет положительный ответ, ограничившись только упоминанием о скипетре татарском неизвестного происхождения из Азиатского музея Академии Наук СССР. Утверждение М.Г. Худякова о том, что «после взятия Казани русскими Иван IV распорядился взять для себя, то есть в пользу правительства, только пушки и ханские знамена, но о регалиях при этом не упоминалось»⁵⁰, вряд ли может быть принято, так как «Казанский летописец» совершенно ясно указывает на внешние знаки ханского достоинства при взятии Казани: «Сокровища же царская, иже в Казани взято быша, венец царский, и жезл, и знамя казанских царей и прочая царская орудия в руке благочестивому царю богом предана быша»⁵¹.

⁴⁶ См.: Всеобщая история государства и права. Ч. 2. Феодализм. М., 1947. С. 16.

⁴⁷ Ярлык Сахиб-Гирея. Строчка 27.

⁴⁸ См., например: Записки РИО. Т. 95. С. 696 и т.д.

⁴⁹ Ярлык Сахиб-Гирея. Строчки 26–27.

⁵⁰ М.Г. Худяков. Указ. соч. С. 467.

⁵¹ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 467.

Принадлежностью ханского достоинства была также специальная печать – نشان – «нишан». Эта печать прикладывалась ко всем бумагам, исходящим от хана. В летописях часто встречаются такие фразы: «И в Казани царь Магмед Аминь перед великого князя послы на той грамоте шерть дал, и мешень свою к ней приложя, и отпустил Ивана (Григорьевича Морозова – *Ш.М.*) к великому князю»⁵² или «царь в Казани пред великого князя послы на грамоте шертной и правду учинил и к записи шертной печать свою приложил»⁵³.

К известному ярлыку 1523 г. приложена печать Сахиб-Гирея алого цвета. Она представляет собою «квадратный штампель в 13,5 см. по стороне. По внешнему краю печать обведена двумя ободками. Центральная часть печати, находящаяся внутри каймы, заключена в ободок и представляет квадрат в 7,15 см. по стороне. Внутри этого квадрата 5 строк текста, причем строки отделены одна от другой горизонтальными промежутками; весь текст печати исполнен вязью красивым квадратным почерком «куфи». Печать представляет собою редкий контраст печатям, имеющимся на ярлыках Тохтамышя и Сеадет-Гирея. Особенность казанской печати составляет также отсутствие на ней ханской тамги, тогда как на крымских ярлыках печать всегда имеет в середине герб рода Гиреев. Кроме того, наша печать больших размеров, чем крымские, и шрифт ее исполнен в высшей степени изящно, очевидно, прекрасным художником – каллиграфом. Надпись вязью довольно трудно поддается прочтению»⁵⁴.

Члены ханской фамилии носили титул «султана». Этот титул встречается на текстах древнетатарских памятников... Приведу для примера один текст:

هذا مقبره منوره سلطان العالی
تاریخ توقوز یوز قرق یدیدا ایر
دیکم صادیر (?) اوغلی ایدیقای
کافر قولوندین شهید بولدی

что означает по-русски: «Это лучезарная могила высокого султана. Даты 947 то было, что сын Садира Идегей мученически пал от руки неверного»⁵⁵. Дата соответствует 1540 г. Титул султана носили жены ханов, например, Фатма-Салтан [так в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова – ред.] царица (жена Шигалея)⁵⁶.

Вопрос о казанском хане как феодальном монархе в исторической литературе почти не ставился. Казанский хан был представителем и защитником интересов феодальных групп; он был первым феодалом-землевладельцем в стране. Хотя хан и не был ограничен каким-либо законодательным актом или

⁵² Там же. Т. XIII. Ч. 1. С. 14. См. также с. 54.

⁵³ Там же. С. 67.

⁵⁴ ВНОТ. № 1–2. С. 36–37.

⁵⁵ А.Рахим. Указ. соч. С. 169. См. также с. 165.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 104.

постоянным учреждением, но повседневная его деятельность контролировалась и направлялась верхушкой феодального класса. Хану всегда приходилось считаться с настроениями и пожеланиями, постоянно окружавших его представителей феодальной знати.

Ханская власть, созданная для охраны интересов класса татарских феодалов, не могла обойтись без совета с ними. В Казанском ханстве выработалась определенная практика в организации такой власти и управления.

Хан принимал свои решения после совещания с приближенными ко двору представителями феодальной знати и высшего мусульманского духовенства. Это собрание составляло так называемый совет при хане – диван. Этот совет не был органом постоянным или собиравшимся в определенные сроки. Надо полагать, что он не имел и определенного состава, но его влияние на общий ход политической жизни страны было достаточно велико. Деятельность совета при хане была неразрывна с деятельностью самого хана. Феодалы – члены совета при хане именовались «большими рядцами»⁵⁷, «большими вельможами»⁵⁸. «Казанский летописец», например, рассказывает о думе вельмож казанских с царицею [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «со царицею» – ред.] (Сююмбекою – Ш.М.) о Казани: «По убежени ис Казани царицею Кошкака собрашася ко царице и рече: «Что дума твоя с нами, еже о нас? Тогда утешимся от скорби и печали нашея, душа наша. Уже бо прииде кончина твоему царству и нашему с тобою владению, яко же и сами видим великое наше согрешение и неправду, бывшую на Руских людей; постиже наше царство гнев Божии и наш [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «нас» – ред.] плач неутешимы и до смерти нашея...»⁵⁹.

Упомянутые в летописях и хранившиеся в царском архиве шертные грамоты казанских князей были составлены, очевидно, советом при хане. Такая мысль напрашивается потому, что опись царского архива и летопись четко различает грамоты хана, казанских князей и всей земли казанской. Например, в ящике 15 царского архива хранились: «А в нем грамота шертная Шигалея царя и грамота шертная Сафа Кирея царя с Великим князем Василием; и грамоты шертные князей и всея земли казанские; и запись подъятверженная князей казанских, что присылали бити челом к Великому князю Табая князя, и Дангу, и Ибреим Бакшея, за свою вину, что Ногайским мирзам шертъ дали без Великого князя веленья, а привез ее из Казани Ондрей Пильемов»⁶⁰.

⁵⁷ Там же. Т. XIX. Стлб. 28. С. 237.

⁵⁸ Там же. Стлб. 53. См. татарские выражение *قيرمان ولوغلى* – крман улуглары – кирманские вельможи. (См.: В.В.Вельяминов-Зернов. Указ. соч. Т. II. С. 402, 405).

⁵⁹ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 74.

⁶⁰ ААЭ. Т. II. С. 336.

В 1519 г. при воцарении хана Шигалея казанские князья, кроме царской шертной грамоты, «дали на себя иную запись, что им в Казани у Шигалея царя дела великого князя береги и неотступну, им быти от великого государя и со всею Казанской землею и до своего живота, и их детям, ни царя им, ни царевича без великого государя ведома никако не взяты»⁶¹.

В 1533 г. при воцарении Еналея «... и князи, и всеи земли Казаньской люди правду учинили на записях шертных, что им быти неотступну им от великого князя и с всею землею Казанской до своих животов, и их детем, ни царя им, ни царевича без великого государя ведома никакова не взять»⁶².

Грамоты казанских князей заверялись их подписями и печатями: «... и князем руки своя приложити, которые грамоте умеют, а которые грамоте не умеют, и тем печати свои прикласти»⁶³.

Главными членами совета при хане были представители четырех известных татарских фамилий: Ширин, Баргын, Аргын и Кипчак⁶⁴. Они носили специальное название *قاراچى* – карачи (букв. смотритель). В русских летописях термин этот передается, по-видимому, словом «князь князей» (например, в Воскресенской летописи под 1499 г. упоминается «Урак, князь казанских князей»⁶⁵). Среди четырех карачи всегда выделяется старший, называвшийся *ولو قاراچى* – улу карачи – «большой карачи». Такое звание имели князья Булат Ширин⁶⁶ и его сын Нур-Али (Муралей)⁶⁷. Как видим, звание карачи было наследственным. Институт карачей известен во всех татарских ханствах – в Крыму, в Сибири и в Касимовском ханстве. Корнями, вероятно, он восходит к Золотой Орде, о государственном устройстве которой Эль-Омари оставил нам следующее замечание: «... правители этого султана (хан Узбек – *Ш.М.*) – четыре улусных эмира, из которых старший называется беклярбеком, т.е. старшим эмиром... Всякое важное дело решается не иначе, как этими четырьмя эмирами...»⁶⁸. «Беклярбек» означает «бек беков», то есть «князь князей» («эмир эмиров»).

Для обсуждения более важных государственных вопросов собирался съезд казанских феодалов – «курултай», называвшийся в русских источниках «вся земля Казанская». Съезд этот собирался при низложении и избрании хана, при заключении договоров с иностранными державами и т.д. 25 сентября

⁶¹ ПСРЛ. Т. XVI. Ч. 1. С. 32.

⁶² Там же. Т. XIII. Ч. 1. С. 67.

⁶³ Там же. С. 54.

⁶⁴ См. СГГ и Д. Т. II. № 27. С. 33; С.Герберштейн. Указ соч. С. 164; В.В.Вельяминов-Зернов. Указ соч. Т. I. С. 209; Т. II. С. 426–427.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. VIII. С. 237; см. также: ПСРЛ. Т. VI. С. 44; Т. XX. С. 369.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. VIII. С. 266.

⁶⁷ Там же. Т. XIII. Ч. 2. С. 187.

⁶⁸ В.Тизенгаузен. Указ соч. С. 249.

1586 г. «Ковъгоршад царевна, Булат князь и вся земля Казанская великому князю Ивану Васильевичу изменили, Аналея царя убили, которого им князь велики Василей Иванович дал им царем на Казань, а взяли себе на Казань царем ис Крыма Сафа-Кирея царевича»⁶⁹.

В 1546 г. «казанцы Сафа-Нурей царя с Казани согнали», а затем все феодалы [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «всех феодалов» – ред.] решили пригласить на казанский престол Шигалея: «И писали в грамоте Казанцы сеит и уланы и князи и мурзы и шихи и шихзады и дольшманы и казаки и вся земля Казаньская бьют челом государю, чтобы их пожаловал, гнев свой Казанской земле отложил и пожаловал бы их, дал им на Казань царя Шигалея и послал бы в Казань своего сына боярского привести сеита и уланов и князей и всю землю Казаньскую к правде»⁷⁰.

Описание «всей земли Казанской» 1551 г. в «Царственной книге» дает возможность определить состав этого съезда: «Кудайгул улан в головах да Муралей князь и вся земля Казаньская, моллны и сеиты, и шихи и шихзады, и молзады, имамы, азии, афазы, князи и уланы, и мирзы, и ички, дворные и задворные казаки и чюваша, и черемиса, и мордва, и тарханы, и можары и вся земля Казанская тебе, государю, челом бьют...»⁷¹. Значит, это было собрание казанских феодалов (светских и духовных), с участием представителей князей и старейшин, входивших в Казанское ханство племен и народностей.

Регулярное избрание ханов феодалами можно рассматривать как внешнее выражение зависимости казанского хана от своих феодалов. Если в начале ханский престол передавался по наследству среди членов династии Улу-Мухаммеда, то вскоре кандидатов на престол стали выдвигать сами феодалы на «всей земле Казанской». Хан попадает в зависимость от военно-феодальной верхушки.

Мнение М.Г. Худякова о том, что этот съезд был «единственным выражителем народной воли»⁷², является грубым извращением природы политической надстройки в классовом обществе. Марксизм-ленинизм учит, что надстройка в классовом обществе (а таким было Казанское ханство) носит классовый характер. Поэтому политические учреждения в таком обществе обслуживают нужды не всего общества, а только нужды господствующего класса. М.Г. Худяков протаскивает «лживую теорию» о якобы «надклассовом характере... такого съезда феодалов как «вся земля Казанская».

Высшее мусульманское духовенство в политической жизни Казанского ханства занимало исключительное положение. Оно пользовалось огромным

⁶⁹ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 88.

⁷⁰ Там же. Ч. 2. С. 447.

⁷¹ Там же. С. 468.

⁷² М.Г. Худяков. Указ. соч. С. 185.

могуществом и оказывало всестороннее влияние на политику государства. Причина такого могущества лежала в том, что духовенство обладало большими земельными богатствами – вакфами. Представители духовенства нередко становились во главе татарских феодалов. Они играли видную роль во время съездов феодалов. В ряде документов феодалы выступают на первом месте⁷³. Представители духовенства принимали активное участие во внешней политике ханства. Бараш Сеит был послом Мухаммед Амина в Москве еще в 1491 г.⁷⁴

Никоновокая летопись под 1507 годом опять упоминает о посольстве Бараш-Сеита к великому князю Василию Ивановичу⁷⁵. В 1512 г. и в 1516 г. казанское посольство в Москву возглавлял Шаусеин-Сеит⁷⁶. В 1518 г. с известием о смерти Мухаммед Амина приехал в Москву Кул-Дербыш⁷⁷. В 1534 г. казанский хан Еналей послал к великому князю Василию своего человека «Чюру-Моллозоду з грамотею»⁷⁸. В 1541 г. с сыном боярским Рудаком Булатовым сыном Мордвинова приехал в Москву из Казани с грамотой на имя великого князя Гамметь-ших⁷⁹. При описании последних дней Казанского ханства на страницах русских летописей в качестве видных действующих лиц упоминаются: молна Касым⁸⁰, Ангильдей-абыз⁸¹, Кулшериф-молна⁸² и другие деятели духовенства.

5. Высшие органы управления

Несмотря на то, что значительное количество наиболее важных вопросов решалось ханом совместно с его советом, в Казанском ханстве существовали специальные органы центрального управления, которые были поставлены целиком на службу хану и его феодалам.

Характерной чертой центральной татарской администрации являлось тесное переплетение публичных и частных функций должностных лиц: не было четкого различия высших органов государственного управления от органов управления частными делами хана. Дворцово-вотчинная система, характерная для определенного этапа феодализма в Западной Европе и на Руси, была также и в Казанском ханстве. Личные слуги хана были вместе с тем должностными лицами государства. Ханские слуги выполняли различные

⁷³ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 2. С. 468.

⁷⁴ Сборник РИО. Т. 41. С. 131.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 5.

⁷⁶ Там же. С. 14, 25.

⁷⁷ Там же. С. 31.

⁷⁸ Там же. С. 81.

⁷⁹ Там же. С. 148.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 167.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. С. 201–202.

поручения по управлению государством. Вопрос о министриалитете [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «министриалитете» – ред.] в Казанском ханстве еще совсем не ставился в исторической литературе.

На основании летописей можно проследить существование следующих дворцовых чинов при дворе казанских ханов.

Важное место среди дворцовых служащих хана занимал глава финансового ведомства – «хранитель Казанский царев». Упоминание об этом чине имеется в «Казанском летописце» в главе, описывающей плач Сююмбеки во время отъезда из Казани: «... послав за казною их хранителя казаньского царева, да той сам пред самодержцем книги счетные положит»⁸³.

Не менее важное значение имел дворецкий, заведывавший всем ханским хозяйством. Упоминание об этом чине относится к 1538 году в Никоновской летописи: «А с ним вместе Сафа Кирей царь прислал своего человека Кул-Ахметя, ключника погребного, з грамотою, а писал царь к великому князю в грамоте, чтобы князь великий похотел с ним миру»⁸⁴. Заметное место в ханской администрации занимал конюший, заведывавший ханской конюшней. Никоновская летопись под 1551 г. дает прямое указание на исключительное значение дворецкого и конюшего: «А в город Казань царь Шигалей послал дворецкого своего Шабаса-князя да конюшего своего Битикеа-князя с всем своим кошем и велел устраивати свой двор»⁸⁵.

Ханская конюшня насчитывала несколько сот лошадей. Хан Мухаммед Эмин во время болезни незадолго до своей смерти послал в подарок великому князю Василию Ивановичу «300 конев добрых, на них же сам яздыше, когда бе еще здрав, в седлах и в уздах златых, в покровех червленьх...»⁸⁶.

Из других дворцовых чинов источники упоминают ловчего и окружничего. Упоминание об этих чинах относится к 1532 г. Под этим годом Никоновская летопись рассказывает следующее о воцарении Еналея в Казани: «... а царь прислал к великому государю бити челом, что его государевым жалованьем сел на царство, Бибяя-князя ловчего... а с ним вместе царь прислал к великому князю окружничего своего Бурнака – князя з грамотою»⁸⁷. Если функции ловчего (организатор ханской охоты) более или менее ясны, то содержание функций окружничего весьма туманно. Львовская летопись дает другое написание этого термина, позволяющее несколько раскрыть его функции: «А с ним вместе прислал Яналей царь к великому князю оружьельничего

⁸³ Там же. Т. XIX. Стлб. 339.

⁸⁴ Там же. Т. XIII. Ч. 1. С. 123.

⁸⁵ Там же. Т. XIII. Ч. 1. С. 168.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. XIX. С. 29.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 57.

своего Бунака князя с грамотою»⁸⁸. Вероятно, оружейничий заведовал ханским арсеналом.

Охота у монголо-тюркских народов имела в древности важное военно-хозяйственное значение. Охота была своеобразной формой военных маневров и источником продовольствия. Правила охоты были точно регламентированы в ясе Чингиз хана⁸⁹, а у сельджуков была специальная «Книга охоты»⁹⁰. В «Казанском летописце» сохранилось краткое описание охоты хана Сафа-Гирея: «Обретоша его со птицами ловящ и со псы, впросте, в мале дружине; а побиша Казанцов 3000, бывших с ним, шатры и казну его всю, бывшую ту, разграбиша, бывшего хлебокормлю яша жива, и самого же царя мало жтва не яша: мало жив во град утек; 5 или 10 юнош с ним, и град осади»⁹¹.

Упомянутый в этом рассказе «хлебокормля» также занимал особое место в составе ханского двора; он заведывал ханской кухней.

В дворцовом быту казанских ханов сохранилось почетное звание «аталык»⁹² – اتالیغ – воспитатель ханских детей, то есть заступающий вместо [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «место» – ред.] отца⁹³. Аталык, вероятно, был доверенным лицом хана.

Важное место в дворцово-вотчинной системе управления Казанского ханства занимала канцелярия. Мы не знаем, были ли специальные диваны в канцелярии казанских ханов. Для обслуживания нужд канцелярии имелся целый штат дьяков – «бахши». Это слово, заимствованное, по мнению некоторых исследователей, из санскритского языка, первоначально применялось к уйгурским писцам и получило распространение в Казанском ханстве в таком же значении. Имеются некоторые указания на известную специализацию дьяков – «бахши» по пути образования бюрократических учреждений с вполне определенной компетенцией. Одним из первых, по-видимому, выделилось ведомство по делам внешних сношений. Бахшеи неизменно входили в состав ханских посольств в Москву. Так, например, бакшей Бозек принимал участие в посольстве 1507 г.⁹⁴, 1512⁹⁵, 1516⁹⁶, 1519 гг.⁹⁷ В 20-х годах [XVI в. – ред.] в

⁸⁸ ПСРЛ. Т. XX. С. 411; См. также: ПСРЛ. Т. VIII. С. 277.

⁸⁹ Б.Д. Греков и А.Ю. Якубовский. Указ. соч. С. 97–98.

⁹⁰ В.Гордлевский. Государство сельджукидов Малой Азии. М.–Л., 1941. С. 54.

⁹¹ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 58.

⁹² ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 35.

⁹³ В.Гордлевский. Указ. соч. С. 57.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 3.

⁹⁵ Там же. С. 14.

⁹⁶ Там же. С. 25.

⁹⁷ Там же. С. 32.

качестве бакшей в посольствах в Москву неоднократно упоминается Ибрагим-бакшей⁹⁸.

Источники дают право сделать вывод не только о специализации дьяков, но и высших чиновников страны. В качестве примера можно указать на Шау-сеин-сеита⁹⁹, князя Шаисупа¹⁰⁰, Аппай-улана¹⁰¹, князя Булата Ширина¹⁰², князя Табая¹⁰³ и др.

Таким образом, более или менее точное разграничение компетенции между ханскими слугами намечалось только по линии внешних сношений.

6. Местные органы власти

Во время Казанского ханства уже исчезла связь членов общины с одной определенной территорией. Процесс распада племенных территорий болгарских племен относится еще к домонгольскому времени, когда племенные связи постепенно уступили место территориально-экономическим. Источники, относящиеся к Казанскому ханству, совершенно не знают племен, которые были в Болгарское время¹⁰⁴. Единственный намек на племенную территорию, которую можно отнести в какой-то степени к раннему периоду Казанского ханства, встречается в татарской былине о Чура-батыре. Здесь изображается борьба племени «тэмэн» (теменцы) во главе с Чура-батыром против князя Алибея. Некоторые исследователи (например, Б. Яфаров) считают возможным отождествлять Алибея с Либеем русских летописей, который считается последним владельцем Казанского княжества до воцарения династии Улу-Мухаммеда. Название «теменцы» сопоставимо с названием деревни Тямти к юго-востоку от города Арска и с названием болгарского племени «темтюзей».

Казанское ханство в административном отношении делилось на «дороги». Хранящиеся в ЦГАДА документы показывают, что территория бывшего Казанского ханства в составе Русского государства в XVI–XVIII вв. подразделялась на дороги: Ногайская, Арская, Алатская, Зюрейская, Галичская¹⁰⁵. Это деление, по моему мнению, восходит еще к золотоордынскому времени.

⁹⁸ См., например: ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 46, 54.

⁹⁹ Там же. С. 14, 25 и др.

¹⁰⁰ Там же. С. 25, 32 и др.

¹⁰¹ Там же. С. 44, 47, 69 и др.

¹⁰² Там же. С. 32, 47 и др.

¹⁰³ Там же. С. 46, 47, 54 и др.

¹⁰⁴ Б.Д.Греков и Н.Ф.Калинин указывают для домонгольской Болгарии следующие племена: берсула, булгар, эсегель [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «эсгель» – ред.], сувар, собекуляне, челмата, темтюзы и другие. (См.: Материалы по истории Татарии. Вып. 1. Казань, 1948. С. 106–108).

¹⁰⁵ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 152 и 642; Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII в., изданный под редакцией профессора Д.А.Корсакова. Казань, 1908. С. 4.

В.В. Радлов связывает монгольский термин «даруга» в смысле административного лица с определенной территорией¹⁰⁶. Надо полагать, что во время золотоордынского владычества на территории Болгарии были представители монгольской администрации – «даруги». Мнение Х.Г. Гимади «о существовании баскаков в Болгарии»¹⁰⁷ вызывает ряд возражений, так как основывается только на указании Г.С. Саблукова, высказанного еще в 1844 г. без конкретных ссылок на источники¹⁰⁸. Позднейшие дорожные русские документы представляют, очевидно, остатки золотоордынского института, «даруг», и обозначают определенную территорию. В «Реестре и описании башкирских волостей» 1730 г. по поводу деления Башкирии на дороги сказано, что дороги «почитаются не для проезда, но вместо уездов, или как в российских уездах именуется разные станы»¹⁰⁹. Поэтому вполне можно присоединиться к мнению Д.А. Корсакова, утверждавшего: «... административное разделение Казанской провинции (речь идет о XVIII веке – *Ш.М.*) на пять дорог (правильнее даруг = округов): Галицкую, Алатскую, Арскую, Зюрейскую и Ногайскую, – разделение, сохранившееся еще от времени Казанского татарского царства... «Даруга» слово монгольское – управитель... Слово «даруга» при русском владычестве стало отождествляться с дорогой, то есть путем, который вел от Казани в тот или иной округ...»¹¹⁰.

Уже при беглом взгляде на карту Казанского ханства бросается в глаза оригинальное расположение дорог, что наводит на определенные размышления. Дороги, вероятно, сложились не вследствие каких-то случайных причин, а в результате естественного процесса тяготения населения к определенному административно-экономическому центру. Границы дорог отличались устойчивостью.

Дорога, в свою очередь, делилась на улусы (вилаеты, области). Существование улусов в Казанском ханстве доказывается формулой обращения ярлыка Сахиб-Гирея *غزان و عموم ولايات غزان* – «в гмум влаиат Гзан»¹¹¹ – «всем казанским областям». Слово «влаиат», по Махмуду Кашгарскому, означает область, провинция. С другой стороны, «Казанский летописец» альтернативно употребляет слова «улусы» и «области». Например, «воююще улусы Казанские»¹¹² и «повоеваша многие Казанские области»¹¹³. Во главе каждого

¹⁰⁶ В.В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. СПб., 1905. Стлб. 1629.

¹⁰⁷ Материалы по истории Татарии. Вып. 1. Казань, 1948. С. 196; см. также мою рецензию на статью Гимади (Вопросы истории. 1950. № 4. С. 144).

¹⁰⁸ Г.С. Саблуков. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства. Изд. 2-е. Казань, 1895. С. 7.

¹⁰⁹ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. М.–Л., 1936. С. 137.

¹¹⁰ Сборник материалов по истории Казанского края XVIII в. Казань, 1908. С. 4.

¹¹¹ Ярлык Сахиб-Гирея. Строчки 4–5.

¹¹² ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 36, 61–62, 105, 250, 306–307.

улуса стоял хаким¹¹⁴. Этот арабский термин *حاكیم* еще при монголах употреблялся в значении наместника центрального правительства¹¹⁵.

В «Казанском летописце» встречается еще один термин, который по смыслу также следует отнести к местным органам власти.

Термин «властель» употреблен по отношению к Чюре Нарыковичу с эпитетом «Казанский»¹¹⁶. Этот термин употребляется «Казанским летописцем» также и во множественном числе¹¹⁷. Может быть, этим термином обозначались начальники городов. Например, князь городный Шаисуп, упоминаемый в Воскресенской летописи под 1503 г.¹¹⁸

Существование органов феодальной власти на местах не исключало деятельности общин как определенных административных единиц. Такими единицами были «джиены» – *جيين*. Основным органом джиена было собрание, носившее аналогичное название¹¹⁹.

Собрание джиена рассматривало вопросы, относящиеся ко всей общине. Джиен устанавливал начало и конец сельскохозяйственных работ, порядок охраны посевов от хищений и пожаров, ведал раскладкой приходящихся на джиен податей и повинностей. Решение джиена было обязательно и являлось для крестьян источником обычного права. Каждый джиен объединял несколько деревень. Несколько джиенов тяготело к определенному центру (например, Ашит-джиен и др.)¹²⁰. Границы джиенов и джиенных групп подчас совпадают с границами диалектов и говоров казанско-татарского языка. Значит, джиены и джиенные группы отличались своими диалектологическими и бытовыми особенностями. Джиены имеются только в Заказанье, где сформировались как народность казанские татары.

У отдельных народностей, входивших в состав Казанского ханства, в источниках упоминаются также местные князья, старейшины, сотники и т.д., сохранившиеся даже до XVIII века. «Старейшины и сотники горныя Черемии»

¹¹³ Там же. Стлб. 57–58, 298–299.

¹¹⁴ Ярлык Сахиб-Гирея. Строчка 2.

¹¹⁵ См.: И.П.Петрушевский. Персидские официальные документы XVI – нач. XIX в. как источник для истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении. Проблемы источниковедения. Сборник № 3. М.–Л., 1940. С.12.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 52.

¹¹⁷ Там же. Стлб. 53.

¹¹⁸ Там же. Т. VIII. С. 237. См. также: ПСРЛ. Т. VI. С. 50; Т. XX. С. 375.

¹¹⁹ Позднее джиены превратились в празднества и утратили свой административно-управленческий характер. Описание такого джиена в Заказанье дано у К. Насыри в «Жыен баете». (См.: К.Насыри. Эсэрләр. Казань, 1945. С. 161–162).

¹²⁰ История Татарской АССР. Т. I. С. 164.

сы» упоминаются, например, в рассказе «Казанского летописца» об основании Свияжска в 1551 году¹²¹.

Таким образом, в Казанском ханстве была принята «организация граждан по месту жительства»¹²².

7. Местные органы управления

По мере того, как обостряются классовые противоречия внутри государства, по мере усиления процесса феодализации усложняются функции государственной власти. На местах складывается целая система местных органов управления.

Для того, чтобы познакомиться с устройством татарского феодального административного аппарата на местах, обратимся к ярлыку Сахиб-Гирея. Издатель ярлыка правильно отмечал: «Научная ценность ярлыка определяется тем, что этот памятник дает указания на государственный строй Казанского ханства; впервые дает ряд сведений о различных чиновниках в Казанском ханстве (прежние данные, имевшиеся в распоряжении у науки, касались лишь Золотой Орды и Крымского ханства)...»¹²³.

В формуле обращения ярлыка перечисляются, в основном, чины местного управления. Отсутствие в ярлыке Сахиб-Гирея высших чинов следует отметить тем, что ярлык непосредственно адресован представителям местных органов государственной власти и управления, которые имели отношение к сбору податей и взиманию повинностей. Местный административный аппарат Казанского ханства, нося пережитки эпохи Болгарского государства, испытывал на себе в определенной мере влияние государственного строя Золотой Орды. Административный строй Казанского ханства трудно поддается объяснению, так как татарские толковые словари ни в какой мере не отразили древне-татарскую административно-политическую терминологию. Попытки некоторых исследователей объяснить отдельные термины были мало удачны, так как значительная часть их передана в ярлыке арабскими терминами с персидскими окончаниями множественного числа. Только тщательное сравнительное изучение административно-политической терминологии восточных мусульманских государств, особенно татарских ханств и Золотой Орды, поможет выяснить более полно содержание каждого термина. Поэтому предлагаемые мною объяснения терминов ярлыка Сахиб-Гирея не претендуют на исчерпывающее объяснение; в ряде случаев я попытался по-новому осмыслить содержание отдельных терминов.

¹²¹ ПСРЛ. Т. XIX. Стлб. 63–64. См. также: Г.Ф.Миллер. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791. С. 9.

¹²² К.Марк и Ф.Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1. С. 145–146.

¹²³ ВНОТ. № 1–2. Казань, 1925. С. 36.

Формула обращения ярлыка по порядку перечисленных в ней лиц аналогична золотоордынским и старейшим крымским ярлыкам. Формулу обращения ярлыка можно рассматривать как четырехчленную: 1) обращение к представителям военной знати; 2) обращение к духовенству и администрации страны; 3) обращение к лицам, служба и занятия которых связаны с передвижениями и наблюдением за транспортом; 4) обращение к народу.

Перечисление лиц первой категории – представителей военной власти наиболее лаконично. В отличие от других ярлыков, здесь упомянуты только эмиры.

Текст ярлыка, заключающий в себе перечисление группы лиц второй категории (духовенство и администрация) следующий:

و حکام و سادات عظام و قضاة اسلام و موالی ذوی الاحترام و ارباب و کلاتان
و مقمان

«в хкам в сдат гзам в кзат аслам в муали зуиалхтрам в арбаб в калтан в макман», то есть «хакимам, великим сеидам, кадиям (народным судьям), почетным лицам, уполномоченным лицам, чиновникам на местах»¹²⁴

Перечисление группы лиц третьей категории дано в следующем в виде

و ایلجیان و باغجیان و کشتی بانان و کذر بانان
و کذربانان و توتقاوان و تمغاجیان

«в аилчиан в багчиан в кшти банан в кзр банан в туткаулан в тмгачиан», то есть «посланникам, садовым чиновникам, судебным чиновникам, полицейским чиновникам, чиновникам на заставах, таможенными чиновниками»¹²⁵.

Формула обращения ко всему народу такова:

و جمهور سکنه و عموم ولایات غزان و ممالک

«в жмхур скна в гмум влаиат гзан в ммалк», то есть «вообще всем Казанским областям»¹²⁶.

Значит, в ярлыке перечисляются следующие представители местных органов государственной власти и управления:

1) Хаким (арабское слово *حاکیم*) был представителем ханской власти на территории улуса (вилаета, области). Слово «хаким» употребляется в смысле «судящий» и «начальник». Но предположение издателей ярлыка: «Возможно, что в Казанском ханстве, кроме народных судов, были еще высшие судебные органы и обращение это, наверное, было направлено к ним», – не может быть принято. Хаким был представителем власти и только в качестве такового

¹²⁴ Ярлык Сахиб-Гирея. Строчки 2–3.

¹²⁵ Ярлык Сахиб-Гирея. Строчка 4.

¹²⁶ Там же. Строчки 4–5.

осуществлял уголовное правосудие на территории улуса в соответствии с распространенным в мусульманских странах принципом «сиаса».

2) На анализе термина «сейид» (سید) я уже останавливался ранее. Обращение к сейидам, может быть, объясняется тем, что они на территории своих владений были носителями политической власти.

3) Местные судьи – казии упоминаются в обращении в виде *قضاة و اسلام* – «ва кузате-ислам» («исламским казиям»). Казии осуществляли на местах гражданское правосудие на основании шариата.

4) Финансовые чиновники на местах обозначались словом «муали зуй-алхтрам» (*موالي ذوی الاحترام*). Историки обычно переводят этот термин словом «почетные хозяева», который совершенно не вскрывает содержание термина¹²⁷. В своем объяснении я исхожу из сопоставления нашего термина со словом «уммаль» из персидских фирманов, которое принято там для обозначения финансовых чиновников¹²⁸.

5) Сочетание *و ارباب و کلاتان* – «в арбаб в калтан» переведено издателем в виде «уполномоченным лицам»¹²⁹. Некоторые историки считают, что это сочетание соответствует слову «вокиль» – «уполномоченный». Такого мнения придерживаются М.Г. Худяков¹³⁰ и составители «Истории Татарии в документах и материалах»¹³¹. Не лучше ли сопоставить это сочетание со словами «арбаб» – землевладельцы¹³² и «калантар» – старшины?¹³³ В таком случае, здесь можно понимать обращение к мелким и средним землевладельцам и старшинам сельских общин.

6) Следующее слово ярлыка – *و مقمان* – «в мкман» издателем ярлыка было переведено в форме «чиновникам на местах»¹³⁴. М.Г. Худяков вначале принимал это объяснение¹³⁵, а затем выдвинул предположительный перевод «помещики»¹³⁶. Однако, позднейшие авторы не приняли это объяснение¹³⁷.

¹²⁷ См.: М.Г.Худяков. Указ. соч. С. 203; История Татарии в документах и материалах. С. 132. Прим. 22; История Татарской АССР. Т. I. С. 175.

¹²⁸ См.: И.П.Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв. ... С. 166, 177.

¹²⁹ ВНОТ. № 1–2. С. 33.

¹³⁰ М.Г.Худяков. Указ. соч. С. 203.

¹³¹ История Татарии в документах и материалах. С. 132. Прим. 2.

¹³² См.: И.П.Петрушевский. Указ. соч. С. 151.

¹³³ См.: Б.Д.Греков и А.Ю.Якубовский. Указ. соч. С. 471.

¹³⁴ ВНОТ. № 1–2. С. 33.

¹³⁵ М.Г.Худяков. Указ. соч. С. 203.

¹³⁶ См.: Писцовые книги по городу Казани 1565–1568 гг. и 1646 г. М.–Л., 1932. С. XII (предисловие).

¹³⁷ См.: История Татарской АССР. Т. I. С. 175.

Слово «макам» означает обитание¹³⁸, а слово «мукиман» – жителей¹³⁹, поэтому можно пока остановиться на переводе термина издателем ярлыка.

7) Ильчи *ایلچی* означает посланников, то есть специальных представителей ханской власти. Понимание этого термина не вызывало каких-либо споров среди историков.

8) Термином *باغچیان* – «багчиан», по смыслу самого термина (от слова *باقچا* – «бакча» – сад), обозначались чиновники, имевшие какое-то отношение к садам и огородам. Вероятно, они наблюдали за садами и огородами и ведали какими-то сборами.

9) Термином *کشت بانان* – «кшти банан», по мнению издателя, обозначались «судовые чиновники»¹⁴⁰. Мне кажется, объяснение составителей «Истории Татарии в документах и материалах» более приемлемо. По мнению последних, этим термином обозначались чиновники, собирающие подать с полей¹⁴¹.

10) Термин *کذر بانان* – «кзр банан» был переведен издателем как полицейские чиновники¹⁴². Такой перевод вполне приемлем.

11) Термин *توتقاؤل* – «туткагул» почему-то переведен издателем как «чиновники на заставах»¹⁴³. Это объяснение было принято последующими авторами. Так, например, в «Истории Татарской АССР» туткагулы определяются как «заставщики»¹⁴⁴. Не лучше ли принять перевод А.Ю. Якубовского для термина «туткагул» как «пограничник» из тарханного ярлыка Менгли-Гирея на имя хакима Яхьи 857 г. х. (1453 г.)?¹⁴⁵

12) Тамгачи (*تمغاجی*) означает таможенных чиновников, ведавших сбором с торгово-промышленных предприятий.

Из приведенного перечня видно, что основной функцией местных органов управления в Казанском ханстве был сбор податей и повинностей. Такая дифференциация татарского государственного аппарата на местах была необходима для того, чтобы он мог простираť свою деятельность на всю подвластную хану территорию. Большинство этих должностей подчинено специальной задаче создания материальной базы для государственной власти. «Для содержания этой общественной власти необходимы взносы граждан – налоги.

¹³⁸ См.: И.П.Петрушевский. Указ. соч. С. 81.

¹³⁹ Там же. С. 152.

¹⁴⁰ ВНОТ. № 1–2. С. 33.

¹⁴¹ История Татарии в документах и материалах. С. 132. Прим. 22.

¹⁴² ВНОТ. № 1–2. С. 33.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ История Татарской АССР. Т. I. С. 175.

¹⁴⁵ См.: Akdes Nimet Kurat. Указ. соч. С. 64; Б.Д.Греков и А.Ю.Якубовский. Указ. соч. С. 144.

Последние были совершенно неизвестны родовому обществу».¹⁴⁶ Обширный список прямых и косвенных налогов и податей, существовавших в Казанском ханстве, был мною уже приведен на основании источников в разделе о положении крестьянства. Конечно, было трудно установить, какие подати и повинности взимались в пользу хана и его феодалов.

Татарское феодальное государство было организацией класса феодалов-землевладельцев для подавления и эксплуатации крестьян. Государство закрепляло за представителями господствующего класса возможность обращать в свою пользу труд татарских крепостных крестьян. Феодалы приобретали права носителей государственной власти по отношению к населению своих владений. Крупные феодалы получали от хана право самостоятельно производить сбор податей и набор войска, право суда и осуществления полицейской власти в пределах своих владений. Ханским наместникам запрещался въезд на территорию таких владений. Эти права за феодалами закреплялись выдачей специальных сойюргальных грамот (например, ярлык Сахиб-Гирея 1523 г.). Привилегии татарских феодалов по своему содержанию напоминали иммунитет, которым пользовались в средние века русские и западноевропейские феодалы. Происхождение и развитие этого иммунитета было связано с постепенным складыванием и развитием феодальной ренты. Известное указание К. Маркса: «... в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности»¹⁴⁷ хорошо вскрывает природу татарского иммунитета, который был юридическим выражением формы феодального властвования¹⁴⁸. При изучении сойюргала мы уже видели, что этот феодальный порядок характеризуется слиянием понятия собственности на землю с верховной властью. Татарский феодал-земледелец в ряде случаев обладал правами, совокупность которых составляла суверенитет, принадлежащий, как правило, государству в целом.

Казанское ханство, как «машина для поддержания господства одного класса над другим»¹⁴⁹, было снабжено специфическими средствами принуждения (вооруженные силы, полиция, суд, тюрьмы и т.д.).

Военная организация Казанского ханства соответствовала господствовавшим там феодальным отношениям. Господство одного класса над другим и осуществление внешней функции государства уже предполагает наличие особых вооруженных отрядов, служащих интересам господствующих клас-

¹⁴⁶ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1. С. 146.

¹⁴⁷ К.Маркс. Капитал. Т. I. 1949. С. [В рукописи Ш. Ф. Мухамедьярова страницы не указаны – ред.].

¹⁴⁸ См.: С.В.Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 377.

¹⁴⁹ В.И.Ленин. Соч. Т. XXIV. С. 369.

сов. Такие отряды были нужны татарскому феодальному классу. Военная организация Казанского ханства была проникнута отношениями вассалитета и сюзеренитета. Верховное командование вооруженными силами государства принадлежало хану, который назывался *المغازى* – «аль-гази» – воитель»¹⁵⁰. Татарские феодалы-вассалы хана были обязаны нести военную службу со своими феодальными ополчениями¹⁵¹. Основное ядро армии составляли кадровые части. Постоянную службу в этих частях несли казаки. Кадровые части, расквартированные в столице государства – Казани, назывались «ички казаки» – «дворные казаки»¹⁵², в отличие от частей, расположенных в улусах и называвшихся «исъники казаки» – «задворные казаки»¹⁵³. Командный состав кадровых частей носил название «уланов»¹⁵⁴. Казаки и уланы за свою службу получали специальные поместья с крестьянами. Представители военных входили в состав съезда казанских феодалов. Во время военных компаний для несения военной службы привлекались отряды из представителей местных народностей (марийцы, чуваша, башкиры и другие) под командой своих князей и сотников¹⁵⁵. Кроме того, хан прибегал также и к помощи наемного войска, обычно, из ногайцев¹⁵⁶. По роду войск татарское феодальное ополчение состояло из пехоты, кавалерии¹⁵⁷ и судовой рати¹⁵⁸.

Осуществлением правосудия в Казанском ханстве занималось мусульманское духовенство. Была распространена система мусульманского права – шариат. Кроме него, признавалось также обычное право (адат), особенно среди немусульманского населения ханства. Вероятно, встречались в виде исключения случаи применения ясы Чингиз хана. Основным органом суда на местах были кадии улусов¹⁵⁹.

В Казани был главный кадий¹⁶⁰. В компетенцию кадиев входили в основном гражданские дела, касающиеся вещного и обязательственного права, семейно-брачного и наследственного права. Это объясняется тем, что шариат всесторонне разработал вопросы гражданского права, в то время как уголовный шариат представлял собою сборник архаических обычаев арабов. Поэтому на основании шариата решались гражданские дела, а уголовное право-

¹⁵⁰ Ярлык Сахиб-Гирея. Строчка 1.

¹⁵¹ ПРСЛ. Т. XIX. Стлб. 37.

¹⁵² Там же. Стлб. 392.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ ПРСЛ. Т. XIX. Стлб. 27, 63–64.

¹⁵⁶ Там же. Стлб. 24, 37.

¹⁵⁷ Там же. Стлб. 27.

¹⁵⁸ Л.Л.Титов. Летопись Великоустюжская. М., 1888. С. 37–38.

¹⁵⁹ Ярлык Сахиб-Гирея. Строчка 2.

¹⁶⁰ ПРСЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 202.

судие осуществлялось представителями ханской власти на местах – хакимами в соответствии с принципом «сиаса»: «В мусульманских странах весьма часто уголовное правосудие было в действительности делом администрации, в которое кади не вмешивался»¹⁶¹.

Попытка отрицания за шариатом характера феодального права Казанского ханства равносильна отрицанию классового характера татарского феодального общества. Определенная недооценка шариата как системы права имеется у автора «Истории Татарской АССР» в разделе, посвященном Казанскому ханству: «Не было судебных и единых судебных порядков, кроме мусульманского шариата, носившего совершенно клерикальный характер»¹⁶². Шариат был своеобразной, весьма развитой формой феодального права в мусульманских странах¹⁶³. Эта система права тщательно регламентирует все стороны гражданской жизни последователей ислама, как общественной, так и частной. Основными источниками мусульманского права были: священная книга мусульман «Коран» и толкования и разъяснения, данные самим пророком Мухаммедом («Хадис»). Шариат в основном состоит из 2-х частей – правила и постановления, касающиеся чисто религиозных вопросов, и правила и постановления о гражданском быте мусульман. Шариат был в Казанском ханстве важным орудием классового господства в руках феодалов для эксплуатации и подавления крестьян.

Таким образом, весь механизм татарского феодального государства был подчинен одной цели и действовал в интересах господствующего класса феодалов и выполнял их волю. Это был механизм диктатуры татарского феодального класса. Казанское ханство, как государство, было организацией татарских феодалов. Казанское ханство – «машина в руках господствующего класса для подавления сопротивления своих классовых противников»¹⁶⁴. Государственная организация Казанского ханства обладала всеми признаками, необходимыми для осуществления воли класса татарских феодалов.

Во-первых, государственная организация осуществлялась специально поставленными для управления людьми (чиновники).

¹⁶¹ G.-H.Bousquet. *Precis elementaire du droit musulman*. Alger-Paris, 1935. P. 33. Цитирую по И.Левину (Советское государство. 1938. № 5. С. 106).

¹⁶² История Татарской АССР. Т. I. С. 175.

¹⁶³ В советской юридической литературе краткая характеристика шариата как системы мусульманского права имеется у И.Левина (Советское государство. 1938. № 5. С. 98–109), С.В.Юшкова (см.: Всеобщая история государства и права. Ч. 2. М., 1947. С. 57–67; История государства и права. Т. I. М., 1949. С. 271–284), Х.М.Хашаева (Шариат, адат и преступления, составляющие пережитки родового быта в Дагестане. М., 1949. С. 6–7).

¹⁶⁴ И.Сталин. Вопросы ленинизма. Изд-е 2. С. 29.

Во-вторых, государственный аппарат был устроен по территориальному признаку, позволяющему простираť деятельность государства на всю подвластную территорию.

В-третьих, государственный аппарат ханства был снабжен специфическими средствами насильственного принуждения (армия, суд и т.д.).

В-четвертых, была создана специальная материальная база для этого аппарата в виде развитой налогово-податной системы.

Казанское ханство, как государство, было важнейшей надстройкой над экономическим базисом татарского феодального общества и выполняло возложенную на нее служебную классовую роль.

Заключение

Изучение социально-экономического и государственного строя Казанского ханства показывает, что на территории ханства господствовали феодальные отношения. Казанские татары и другие народности края переживали в IV – первой половине XVI вв. феодальную формацию.

Земледелие было главным занятием жителей, было основой феодального способа производства в Казанском ханстве. Земледельческая культура Казанского ханства была преемственно связана с предшествовавшей ей богатой земледельческой культурой волжских болгар. Основными земледельческими районами были Заказанье и Горная сторона. В Казанском ханстве была распространена примитивная паровая система земледелия в форме так называемого трёхполья. Народы Среднего Поволжья в XV–XVI вв. знали развитое плужное земледелие, которому было известно садоводство и огородничество. Скотоводство имело характер подсобный к земледелию, сохранив своё самостоятельное значение только в степях Закамья.

Земля в Казанском ханстве являлась основным средством и условием производства. Отношением к земле определялось положение в обществе отдельных лиц, групп и классов. Фактически складывавшиеся поземельные отношения определяли классовую структуру общества.

Татарское феодальное общество состояло из двух основных групп населения: из феодалов и крестьян. Самым крупным феодалом-землевладельцем был хан. За фикцией о принадлежности всех земель хану скрывались вполне определённые формы частной поземельной собственности. За юридическими формами землевладения мусульманского права скрывались определённые формы феодальной собственности на землю, отражавшие классовую структуру татарского общества. Верхушку феодальной знати составляли эмиры (беги, князья). Вторую категорию феодалов составляли мурзы – дети эмиров. Третью категорию составляли огланы – служилые феодалы-военачальники. Самой низшей категорией феодалов были казаки. Особую влиятельную группу феодалов составляло высшее мусульманское духовенство.

Типичной формой поземельных отношений в Казанском ханстве была военно-ленная система в виде наследственного владения (феод-сойюргал – вотчина).

Феодалы пользовались иммунитетом, основой которого были не пожалования ханов, а владение феодалов землёй. Сойюргал, соответствующий лену-феоду, представлял наиболее типичные отношения развитого казанского феодализма.

Характерные признаки татарского сойюргала:

- 1) владение землёй обусловлено несением военной или иной службы;
- 2) наследственность сойюргального владения;
- 3) налоговый иммунитет;
- 4) административно-судебный иммунитет.

Собственность феодала на землю была основой внеэкономического принуждения, сидевших на этой земле непосредственных производителей – крестьян. Вся система производственных отношений в Казанском ханстве представляла собою непосредственное отношение господства и зависимости. Личная зависимость населения от феодалов была основой феодального строя в ханстве. Основным, непосредственным производителем в Казанском ханстве был не раб, а феодально-зависимый крестьянин.

В Казанском ханстве была распространена такая совершенная форма ренты, как продуктовая. Развитие денежной ренты было связано с распространением товарно-денежных отношений в Казанском ханстве.

Неоднократные вооружённые восстания крестьянского населения (1496 г., 1546 г., 1551 и т.д.) против казанских ханов и их феодалов наглядно свидетельствуют о сильных внутренних противоречиях в татарском феодальном обществе.

Рост производительных сил и связанное с этим ростом разделение труда, отделение ремесла и торговли от сельского хозяйства способствовали развитию поселений городского типа на территории Казанского ханства. Наличие в Казани значительного ремесленно-торгового населения показывает, что Казань была крупным торговым центром ханства – важнейшим рынком сбыта сельскохозяйственных продуктов. Казань была также средоточием внешней торговли ханства. Наиболее активными контрагентами татар были русские купцы, которые вели постоянную торговлю с Казанью, начиная с середины XV века.

Феодальным производственным отношениям Казанского ханства соответствовало феодальное государство и феодальное право. Казанское ханство было орудием политического господства татарских феодалов над крестьянами, было диктатурой татарских феодалов. По своей форме Казанское ханство было организовано так, что массы отстранялись от влияния на дела государства. Казанское ханство было феодальной монархией, в которой деятельность монарха-хана направлялась феодальной курией и съездами феодалов. Государственные учреждения ханства носили классовый характер и обслуживали нужды господствующего класса феодалов.

Подводя эти итоги, мне хотелось бы подчеркнуть одну сторону настоящей работы. Я не ставил своей целью разработку всех проблем феодального развития ханства. Поэтому отдельные мои выводы и предположения могут

при дальнейшем изучении истории народов Татарской АССР подвергнуться пересмотру и уточнению. Это объясняется также тем, что в диссертации впервые в исторической литературе ставятся различные проблемы развития феодальных отношений у народов Среднего Поволжья.

«Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики», – говорит товарищ И.В.Сталин в своём труде «Относительно марксизма в языкознании»¹.

¹ И.В.Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Изд-во «Правда», 1950. С. 26.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. Труды классиков марксизма-ленинизма

1. Краткий курс истории ВКП(б). М., 1948.
2. Ленин В. И. Великий почин. Соч. Изд. 3. Т. XXIV.
3. Ленин В. И. О государстве. Соч. Т. XXIV.
4. Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Соч. Т. III.
5. Маркс К. Капитал. Т. I–III. М., 1949.
6. Маркс К. Немецкая идеология. Соч. Т. IV.
7. Маркс К. Нищета философии. Соч. Т. V.
8. Маркс К. Секретная дипломатия XVIII в.
9. Маркс К. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса. Т. V–VIII.
10. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма. 1947.
11. Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. 1948.
12. Пропаганда и агитация в решениях и документах ЦК ВКП(б). Огиз. Госполитиздат. 1947.
13. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 2.
14. Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. Изд-во «Правда», 1950.
15. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. Соч. Т. II.
16. Сталин И. В. О диалектическом и историческом материализме. 1949.
17. Сталин И. В. Организация Российской Федеративной Республики. Соч. Т. IV.
18. Сталин И. В. Приветствие Москве. Газета «Правда» от 7 сентября 1947 г.
19. Сталин И. В. Речь на обеде в честь Финляндской правительственной делегации. 7 апреля 1948 г. Журнал «Большевик». 1948. № 7. С. 1–2.
20. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. 1948.
21. Энгельс Ф. О разложении феодализма и развитии буржуазии. Соч. Т. XVI. Ч. 1.
22. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Соч. Т. XVI. Ч. 1.
23. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке.
24. Энгельс Ф. Франкский период. Соч. Т. XVI. Ч. 1.

II. Источники на русском языке (опубликованные)

25. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. 1334–1598. СПб., 1841.

26. Акты об отпуске в Казань тамошнего архиепископа Гурия, 1555 г. мая. ААЭ. Т. I. № 241. С. 257–261.
27. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской Академии наук. Т. II. 1294–1598. СПб., 1836.
28. Ардашев Н. Н. Татарские земляные письма XV в. и спорное дело XVШ в. о ясашных землях. М., 1908.
29. Воскресенская летопись. ПСРЛ. Т. VIII. СПб., 1859.
30. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. I. Саранск, 1940.
31. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. I. СПб., 1846.
32. Досифей архимандрит. Географическое, исторические и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Ч. 3. М., 1836.
33. Ермолинская летопись. ПСРЛ. Т. XXIII. СПб., 1910.
34. История о Казанском царстве неизвестного сочинителя XVI столетия по двум старинным спискам. СПб., 1791.
35. История о Казанском царстве (Казанский летописец). ПСРЛ. Т. XIX. СПб., 1903.
36. История Татарии в документах и материалах. М, 1937.
37. Курбский А. М. История о великом князе Московском. РИБ. Т. XXXI.
38. Летописец, содержащий в себе Российскую историю от 6360 (852) до 7103 (1598) года, т.е. по кончину царя и великого князя Федора Ивановича. М., 1781.
39. Львовская летопись. ПСРЛ. Т. XX. СПб., 1910.
40. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. I. М.–Л., 1936.
41. Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565–1568 гг. и 1646 г. Л., 1932. (Труды историко-археологического института. Вып. 2).
42. Мельников С. Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных [в рукописи «соседних» – ред.] губерний. Т. I. Казань, 1859.
43. Московский летописный свод конца XV века. ПСРЛ. Т. XXV. М.–Л., 1949.
44. Никоновская летопись. ПСРЛ. Т. XIII. Первая половина. СПб., 1904.
45. Новгородская вторая летопись. ПСРЛ. Т. III. СПб., 1841.
46. Новгородская четвертая летопись. ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. 1925.
47. Новгородская четвертая летопись. ПСРЛ. Т. IV. СПб., 1848.

48. Окружное послание митрополита Симона о милостыне на Афонский монастырь (1495–1505). АИ. Т. I. № 103. С. 145–146.
49. Отписка кайгородцев пермичам. 1609. АИ. Т. II. № 145.
50. Описание царского архива (1575–1584). ААЭ. Т. I. № 289. С. 335–355.
51. Пересветов И. С. Сочинения. Чтения в обществе истории и древностей Российских. 1908. Кн. 1. Отд. II.
52. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. СПб., 1910.
53. Послание митрополита Ионы в Казань князю Шаптяку. 1455 г. АИ. Т. I. № 266. С. 497–498.
54. Послание митрополита Ионы (1460–1461) Казанскому царю Мамутяку. АИ. Т. I. № 67. С. 119–120.
55. Продолжение древней Российской вивлиофики. СПб., 1793. Ч. 7, 8, 9 и 10.
56. Роспись государева жалования архиепископу Гурию и архимандриту Варсонофию и Герману. ААЭ. Т. I. № 241.
57. Русский хронограф. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 г. ПСРЛ. Т. XXII. СПб., 1911.
58. Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII в., изданный под редакцией Д. А. Корсакова. Казань, 1908.
59. Сборник Русского исторического общества. Т. 41 и 95. (Памятники дипломатических сношений Русского государства с Турцией, Крымским ханством и Нагайской Ордой).
60. Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913.
61. Сказание о зачатии царства Казанского. Казань: Издание Ф. Т. Васильева, 1902.
62. Софийская первая летопись. ПСРЛ. Т. V–VI. СПб., 1851–1853.
63. Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Н. В. Борисова и Д. А. Кикина (1565–1567). Казань, 1909.
64. Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. Издан Советом Казанской Духовной академии к IV высочайше разрешенному Археологическому съезду в Казани. Казань, 1877. 88 с.
65. Типографская летопись. ПСРЛ. Т. XXIV. СПб., 1921.
66. Титов Л. Л. Летопись Великоустюжская. М., 1888.
67. Тихомиров М. Н. Новый памятник московской политической литературы XVI века. Труды общества изучения Московской области. Вып. 6. Московский край в его прошлом. Ч. 2. М., 1930.
68. Указатель к актам археографической экспедиции. СПб., 1838.
69. Указатель к первым десяти томам дополнений к актам историческим. СПб., 1875.
70. Царственная книга. ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 2. СПб., 1910.

71. Центральный государственный архив древних актов (путеводитель). Т. I–II. М., 1946–1947.

III. Источники на русском языке (неопубликованные)

72. Выпись из писцовых книг на земли Троице-Сергиева монастыря в Казани 7102 году (1594 г.). ЦГАДА. Фонд ГКЭ. Дело № 6431/23.

73. Данная на озеро Башкабан. 1556 г. ЦГАДА. Фонд ГКЭ. Дело № 6413/5.

74. Дозорная книга Григория Кузьминского Чаллынского городищу по Зюрейской дороге. ЦГАДА. Фонд 1209. Кн. 153. Лл. 390–396.

75. Книга Казанского уезду поместных земель детей боярских, казанских старых жильцов, письма и меры Д. А. Кикина с товарищи лета 7073 (1565 г.). [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова датировка архивной книги отсутствует – ред.]. ЦГАДА. Фонд 1209. Кн. 152. Лл. 103 об.–134 об.

76. Книги Казанского уезду новых поместных дач письма и отделу окольничего Н. В. Борисова да Д. Кикина с товарищи лета 7075 в октябре (1567 г.). ЦГАДА. Фонд 1209. Кн. 152. Лл. 134 об.–195 об.

77. Книга Казанского уезду сел и деревень и починков и пустошей и селищ архиепископских и Преображенского монастыря письма и меры Д. А. Кикина 7075 г. (1567 г.). ЦГАДА. Фонд 1209. Кн. 152 [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова архивная книга не указана – ред.]. Лл. 202–213.

78. Книга отдельная письма Домашнево Васянина Силе Веревкину да толмачю Дмитрею Овсяникову в деревне Ковалях 125 году (1617 г.). ЦГАДА. Фонд 1209. Кн. 153. Лл. 120–127 об.

79. Книги межевые Казанского уезду новых поместных дач письма Н. В. Борисова да Д. А. Кикина. Лета 7073–7075 гг. (1565–1567 гг.). ЦГАДА. Фонд 1209. Кн. 152. Лл. 218 об.–255 об. [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова ошибочно указан л. 155 об. – ред.].

80. Копийная книга Троице-Сергиева монастыря в Казани. 1683 г. ЦГАДА. Фонд ГКЭ. Дело № 6529/121.

81. Перечень мельниц на 7074 г. (1566 г.). ЦГАДА. Фонд 1209. Кн. 152. Лл. 196–201.

82. Подлинная переписная книга оброчных лугов по дорогам Ногайской, Зюрейской, Арской, Алацкой и Галицкой переписи Сергея Москотиньева. ЦГАДА. Фонд 1209. Кн. 153. Лл. 20–44 об.

83. Подлинная переписная книга оброчных лугов по дорогам Арской, Галицкой и волости Беткукмор. ЦГАДА. Фонд 1209. Кн. 153. Лл. 45–47.

84. Список с дозорных книг Посника Белокурова Савиной вотчинной земле Аристова деревни Кудамердееве 127 году (1619 г.). ЦГАДА. Фонд 1209. Кн. 153. Лл. 163–168 об.

85. Список с писцовой книги Казанского уезда письма и меры Ивана Болтина 7111 году (1603 г.). ЦГАДА. Фонд 1209. Кн. № 642. [В рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова листы архивной книги не указаны – ред.].

86. Турецкие дела за 1512–1590 гг. ЦГАДА. Фонд Сношения России с Турцией. Кн. 1–2.

IV. Источники на восточных и западных языках

87. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1938.

88. Барбаро И. Путешестве в Тану. Библиотека иностранных писателей о России. Т. I. СПб., 1836.

89. Березин И. Н. Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках Санкт-Петербурга. ЖМНП. Отд. III. Ч. 50, 54, 59, 68.

90. Березин И. Н. Ханские ярлыки (в четырех выпусках 1850–1854 гг.).

91. Березин И. Н. Ярлыки крымских ханов. Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея. Записки Одесского общества истории и древностей. Т. VIII. Одесса, 1872.

92. Библиотека иностранных писателей о России. Т. I. СПб., 1836.

93. Васият-намэ *وسيات نامه* [в оригинале рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова см. понятие на арабской графике – ред.] Аликея Аталыка. В. В. Вельяминов-Зернов. Исследования о касимовских царях и царевичах. Т. III. С. 232–240.

94. Васият-намэ *وسيات نامه* [в оригинале рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова см. понятие на арабской графике – ред.] Кишь-бика-бикачи. В. В. Вельяминов-Зернов. Исследования о касимовских царях и царевичах. Т. III. С. 449–452.

95. Вахидов С. Г. Татарские легенды о прошлом Волжско-Камского края. ВНОТ. № 4. С. 82–91.

96. Герберштейн С. Записки о московитских делах. Пер. И. Малеина. СПб., 1909.

97. Дженкинсон А. Путешествие. В кн.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1938.

98. Ибн-Халдун. В кн.: В. Тизенгаузен. Том I (см. №...) [так в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова. – ред.].

99. Исәнбәт Н. Казан ханлыгы чоры әдәбиятыннан Мөхәммәдъяр Мөхмүд углы әсәрләре. Совет әдәбияты. 1941. № 4.

100. Кадыр Али Бий. *جامع التواريخ* Джамии-ат таварих (собрание летописей).

101. Кампензе А. Письмо к папе Клименту VII о делах Московии. Библиотека иностранных писателей о России. Т. I. СПб., 1836.

102. Катанов Н. Ф. Исторические песни казанских татар. ИОАИЭ. Т. XV. Вып. 3. [В рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова стр. не указаны – ред.].

102. Катанов Н. Ф. Татарское предание об учреждении базара в Казани. Деятель. 1900. № 12.
104. Катанов Н. Ф. Татарские предания об озере Кабан в городе Казани. Деятель. 1898. № 1.
105. Катанов Н. Ф., Покровский И. М. Отрывок из одной татарской летописи о Казани и Казанском ханстве. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1905. (Оттиск из XXI т., вып. 3 ИОАИЭ 1905 г.).
106. قايوم ناسىرىنىڭ موچارچى باسلىماغان نە سە رلە رى. Каюм Насыриның моңарчы басылмаган әсәрләре (Не напечатанные произведения Каюма Насыри). Казань, 1926.
107. Де Клавихо Рюи Гонзалес. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403–1406. Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. XXVIII. СПб., 1881.
108. Козин С. А. Сокровенное сказание Юань Чею Би ши. Т. I. М.–Л., 1941.
109. Контарини А. Путешествие к персидскому государю Узун-Гассану. Библиотека иностранных писателей о России. Т. I. СПб., 1836.
110. Мухамедьяр Махмуд углы. تحفه مردان. Тохфэи-мардан. نوری سدور Нуры-сыдур. (Использованы выписки Б. Яфарова).
111. Kurat A. N. (Курат А. Н.). Kazan hanlığıni kuran Uluğ Muhammet Hanın yarıliğı (Ярлык основателя Казанского ханства Улу-Мухаммеда). Стамбул, 1937.
112. Kurat A. N. (Курат А. Н.) Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına ait Yarılik ve bitikler. Istanbul, 1940.
113. Nizammuddin Şami. Histoire des conquets de Tamerlan intitulee Zafar nama... Т. I. Прага, 1937. (Цитирую по А. Беленицкому, см. № 139).
114. Д’Оссон К. История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана. Т. I. Иркутск, 1937.
115. Радлов В. В. Ярлыки Токтамыша и Тимур Кутлуга. ЗВОРАО. Т. III. Вып. 1–2.
116. Рахим А. О новом списке татарского исторического сочинения XVII века. ВНОТ. № 7. Казань, 1927. С. 133–148.
117. Рахим А. Татарские эпиграфические памятники XVI века. Труды ОИТ. Т. I. Казань, 1930. С. 145–173.
118. Мухаммед Зариф Хусейнов. تواریخ بلغاریه. Таварихи Болгария (История Болгар). Казань, 1883.
119. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. (Извлечения из арабских сочинений). СПб., 1884. 536 с.; Т. II. (Извлечения из персидских сочинений). М.–Л., 1931. 306 с.

120. Фейзханов Х. Три надгробных болгарских надписи. Известия археологического общества. № 4. СПб., 1863.
121. Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906.
122. Хальфин И. احوال جنكز خان و افساق تيمر Ахуале Чингиз-хан вэ Аксак Тимур (История Чингиз-хана и Аксак Тимура). Казань, 1819.
123. Хвольсон Д. А. Известия Ибн-Дасты... СПб., 1869.
124. Хисамутдин аль Муслими. رسالة تواريخ بلغاريه Рисала-и товарах Болгария (Книга по истории Болгар). Казань, 1902.
125. Шильтбергер И. Путешествия. Одесса, 1866.
126. Ярлык Сахиб-Гирея. ВНОТ. № 1–2. Казань, 1925.
127. Ярцов Я. О. и Григорьев В. В. Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Гирея. Одесса, 1844.

V. Исследования и справочные издания на русском языке

128. Али-Заде А. А. К истории феодальных отношений в Азербайджане в XIII и XIV вв. Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. 1. Баку, 1949.
129. Артемьев А. И. Список населенных мест Российской империи. Вып. XIV. Казанская губерния. СПб., 1866.
130. Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. Под редакцией В. В. Гольмстен. М.–Л.: АН СССР, 1941. 327 с.
131. Бартольд В. В. И. Н. Березин как историк. Записки коллегии востоковедов. Т. II. Вып. 1.
132. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.
133. Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. Конспект лекций, читанных студентам Казахского Высшего педагогического института в 1926–1927 учебном году. Ташкент, 1928.
134. Бартольд В. В. Персидская надпись на Анийской мечети. Анийская серия. № 5. СПб., 1911.
135. Бадер А. Н. Археологические памятники Прикамья и их научное выявление. М., 1950.
136. Баженов Н. Казанская история. Казань, 1847.
137. Бахрушин С. В. Казанское ханство. БСЭ. Т. 30.
138. Бахрушин С. В. Ясак в Сибири. Сибирские огни. 1927. № 3.
139. Беленицкий А. К истории феодального землевладения в Средней Азии при Тимуридах (институт сойюргал). Историк-марксист. 1941. № 4.
140. Березгин И. П. Словарь татарского языка. Уральск, 1914.
141. Березин И. Н. Булгар на Волге. Ученые записки КГУ. 1851. Кн. 3. С. 100–135.

142. Березин И. Н. Внутреннее устройство Золотой Орды. ЖМНП. 1850. Ч. 68. Отд. 2.
143. Березин И. Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Т. VIII.
144. Бернштам А. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М.–Л., 1946.
145. Бернштам А. Уйгурские юридические документы. Проблемы источниковедения. Сборник третий. М.–Л., 1940.
146. Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII в. М., 1946.
147. Большаков А. И., Рожков Н. А. История народного хозяйства в России в материалах и документах. Вып. 1. Л., 1926.
148. Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий (в двух томах). СПб., 1869.
149. Будовниц И. У. Русская публицистика XVI века. М.–Л., 1947.
150. Булатов А. Светинский и Альменовский клады монет. (Цитирую по Х. Г. Гимади, см. № 170).
151. Валидов Д. О диалектах казанского татарского языка. ВНОТ. 1927. № 6.
152. Васильев А. Новые находки золотоордынских монет в ТР [в Татарской республике – ред.]. Труды ОИТ. Т. I. Казань, 1930.
153. Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царицах (в четырех частях). СПб., 1863.
154. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М.–Л., 1948.
155. Верещагин П. А. Указатель достопримечательностей города Казани. Казань, 1895.
156. Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926.
157. Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М.–Л., 1947.
158. Веселовский Н. И. Рецензия на книгу М. Д. Приселкова. ЖМНП. 1917. № 3–4.
159. Вильямс В. Р. Почвоведение (в двух томах). М., 1948.
160. Вильямс В. Р. О травопольной системе земледелия. М., 1949.
161. Вопросы истории чувашского народа. Чебоксары, 1950.
162. Воробьев Н. И. Археологические и этнографические исследования в Татарской АССР в 1946 году. Советская этнография. 1947. № 1.
163. Воробьев Н. И. Материальная культура казанских татар. Казань, 1930.
164. Всеобщая история государства и права. Ч. 2. Феодализм. М., 1947.

165. Высоцкий Н. «Немецкая куртина» – древнеармянское кладбище в Казани. ИОАИЭ. Т. VII.
166. Вяткин М. П. Батыр Срым. М.–Л., 1947.
167. Гераклитов А. А. Мордовский беляк. Известия Краеведческого института при Саратовском университете. Т. II. Саратов, 1927.
168. Гиганов И. Словарь российско-татарский. СПб., 1804.
169. Гимади Х. Г. Из истории народов Булгарии под игом Золотой Орды (в связи с этногенезом казанских татар). М., 1949.
170. Гимади Х. Г. Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды. Материалы по истории Татарии. Вып. 1. С. 186–225.
171. Гимади Х. Г. Некоторые вопросы истории Татарии. Ученые записки КГПИ. Вып. 4. Казань, 1941.
172. Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. I. Ч. 1. 1901.
173. Гордлевский В. Государство Сельджукидов в Малой Азии. М.–Л., 1941.
174. Греков Б. Д. Волжские болгары в IX–X веках. Исторические записки. № 14. М., 1945.
175. Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949.
176. Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М.–Л., 1946.
177. Греков Б. Д., Калинин Н. Ф. Болгарское государство до монгольского завоевания. Материалы по истории Татарии. Вып. 1.
178. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда. Л., 1937.
179. Греков Б. Д. и Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1950.
180. Губайдуллин Г. С. Татарская АССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1948 г. Казань, 1948.
181. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.–Л., 1948.
182. Евгений митрополит. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. Ч. 1. СПб., 1818.
183. Егоров Б. Г. Чувашско-русский словарь. Чебоксары, 1935.
184. Есяян А. М. Мульддарское право в Армении. (Очерки по истории крупного частного землевладения в дореволюционной Армении в XVIII–XX вв.). Ереван, 1948. 161 с.
185. Жирнов О. Очерк экономического положения татар Кошкинской волости Малмыжского уезда. Вятка, 1896.
186. Загоскин Н. П. Спутник по Казани. Казань, 1895.
187. Зайковский В. К вопросу о «мордовках». Труды Нижне-Волжского областного научного общества. Вып. 36. Ч. 1. Археологическая секция. Саратов, 1929.

188. Зайтов Б. М. О Чаллыском городище в Лаишевском уезде, близ дер. Чаллы Шумбутской волости. ИОАИЭ. Т. III.
189. Залкинд Г. М. Очерк истории горнозаводской промышленности Татарстана (XVII–XIX ст.). Труды ОИТ. Т. I. Казань, 1930.
190. Заринский П. Очерки древней Казани. Казань, 1877.
191. Заринский П. Сборник исторических и археологических исследований о Казанском крае. Ч. 1. Вып. 1. Казань, 1880.
192. Заходер Б. Н. История восточного средневековья. М., 1944.
193. Зеленин Д. К. Библиографический указатель русской этнографической литературы. СПб., 1913.
194. Золотницкий Н. И. Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1875.
195. Иконников В. Библиографические сведения о новых книгах. Университетские известия. Киев, 1877. № 8.
196. Ильин А. А. Топография кладов древних русских монет X–XI вв. и монет удельного периода. Труды нумизматической комиссии. РАИМК. Вып. 5. Л., 1924.
197. Ильин М. И. Разбор слова «Му-Кылчин». Труды научного общества по изучению Вотского края. Ижевск, 1928.
198. Ильинский Н. И. Татарские надписи из времен Казанского царства в Лаишевском уезде. Записки арх. [археологического – ред.] общества. Т. III.
199. Иречек К. И. История Болгар. Одесса, 1878.
200. История государства и права. Т. I. М., 1949.
201. История СССР. Т. I (с древнейших времен до конца XVIII в.). Под ред. В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова и С. В. Бахрушина. М., 1939.
202. История СССР. Т. I. Под ред. В. И. Пичета, М. Н. Тихомирова и А. В. Шестакова. Госполитиздат, 1941.
203. Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии. Вып. 3. Казанский уезд. Казань, 1916. (Приложение к «Известиям по Казанской епархии» за 1916 г., № 7–8).
204. История народов Узбекистана. Т. II. Ташкент, 1947.
205. История Татарской АССР. Т. I (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Казань: Татгосиздат, 1950. 709 с. (На правах рукописи).
206. Калинин Н. Ф. К вопросу о происхождении казанских татар. Сборник «Происхождение казанских татар». Казань, 1948.
207. Катанов Н. Ф. Краткий обзор татарских исторических книг. ИОАИЭ. Т. XXVIII. Вып. 4–5. Казань, 1912.

208. Катанов Н. Ф. О татарских изданиях, касающихся истории Болгарского и Казанского царств. Газета «Казанский телеграф» за 1895 год от 13 января.
209. Катанов Н. Ф. Предисловие к «Сказанию о зачатии царства Казанского». Казань, 1902.
210. Каюм Насыри. Материалы научной сессии, посвященной 120-летию со дня рождения. Казань, 1948.
211. Кирьянов А. В. География использования навоза в европейской части СССР. Удобрение и урожай. 1929. № 2.
212. Кисляков Н. А. Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием, у таджиков бассейна реки Хингод. Советская этнография. 1947. № 1.
213. Комиссаров Г. Чуваши Казанского Заволжья. ИОАИЭ. Т. XXVII. Вып. 5.
214. Корсаков Д. А. Меря и Ростовское княжество. Казань, 1872.
215. Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.–Л., 1950.
216. Кротков А. А. К вопросу о северных улусах Золотоордынского ханства. Известия общества обследования и изучения Азербайджана. № 5. Баку, 1926.
217. Кунцевич Г. История о Казанском царстве или Казанский летописец. СПб., 1905.
218. Кунцевич Г. Рецензия на «Сказание о зачатии царства Казанского». Казань, 1902.
219. Лебедев В. И. История СССР до XIX века. М., 1945.
220. Левин И. К вопросу о феодальном государстве на Востоке. Советское государство. 1938. № 5.
221. Лэн-пуль Стэнли. Мусульманские династии. СПб., 1899.
222. Лепехин И. Дневные записки. СПб., 1771.
223. Лихачев Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. Историко-археологический очерк. СПб., 1891.
224. Мавродин В. В. Русское многонациональное государство и финно-угорские народы (к постановке вопроса). Ученые записки ЛГУ. № 105. Серия востоковедческих наук. Вып. 2. Л., 1947.
225. Макаров Г. Происхождение и развитие земледелия. М.–Л., 1930.
226. Малов С. Е. Булгарские и татарские эпиграфические памятники. Эпиграфика Востока. Вып. 1. М.–Л., 1947.
227. Марков А. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896.
228. Материалы по изучению Татарстана. Вып. 2. Казань, 1925.

229. Материала по истории Татарии. Вып. 1. Казань, 1948. 487 с.
230. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II. М.–Л., 1938.
231. Материалы по статистике Вятской губернии. Т. I. Малмыжский уезд. М., 1886.
232. Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791.
233. Мозговой В. Плуг и соха (историко-экономический очерк). Труды Императорского Вольного экономического общества. 1881. Т. III. Вып. 1.
234. Муртазин С. Ярлык хана Сахиб-Гирея как исторический источник. Просвещение и жизнь. 1929. № 6–7. С. 31–34.
235. Мухамедьяров Ш. Ф. Рецензия на книгу «Материалы по истории Татарии. Вып. 1». Журнал «Вопросы истории». 1950. № 4.
236. Насонов А. Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.–Л., 1940.
237. Насыри К. Полный русско-татарский словарь. Казань, 1892.
238. Насыри К. Полный русско-татарский словарь. Казань, 1902.
239. Насыри К. Татарско-русский словарь. Казань, 1878.
240. Насыри А. К., Поляков П. А. Сказки казанских татар и сопоставление их со сказками других народов. ИОАИЭ. Т. XVI. Казань, 1900. (Приложение к «ИОАИЭ» за 1900 г.).
241. Невоструев К. И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. М., 1871.
242. Невоструев К. И. Симбирское городище. Симбирский сборник. Т. II. Симбирск, 1870.
243. Новиков Н. И. Опыт словаря о российских писателях. СПб., 1772.
244. Нофаль Н. Курс мусульманского права. Вып. 1. О собственности. СПб., 1886.
245. Орбели И. Синхронистические таблицы для перевода исторических дат по хиджре на европейское летоисчисление. Л., 1940.
246. Орлов А. С. Казанский летописец. История русской литературы. Т. II. М.–Л., 1945.
247. Островский Д. Вотяки. Труды общества естествоиспытателей при КГУ. Т. IV. № 1. Казань, 1873.
248. Пассек Т. С. Круг чувашских праздников. Академия Наук СССР академику Н. Я. Марру. М.–Л., 1935.
249. Пашуто В. Т. Хозяйство и техника средневековой Литвы. Вопросы истории. 1947. № 8. С. 74–81.

250. Пель. Хозяйственные заметки о Казанской и некоторых частях Нижегородской, Пензенской, Симбирской и Вятской губерний. ЖМГИ. 1845. Ч. 16. Отд. 2.

251. Перевощиков С. Т. Порядок общественного, по окончании полевых работ, моления. Труды научного общества по изучению Вотского края. Вып. 5. Ижевск, 1928.

252. Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках. М., 1877.

253. Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII веках. Одесса, 1882.

254. Петрушевский И. П. К вопросу о прикреплении к земле в Иране в эпоху монгольского владычества. Вопросы истории. 1947. № 4.

255. Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв. Л., 1949.

256. Петрушевский И. П. Персидские официальные документы XVI – нач. XIX в. как источник для истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении. Проблемы источниковедения. Сборник третий. М.–Л., 1940.

257. Петрушевский И. П. Хамдуллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья. АН СССР. Отд. общественных наук. 1937. № 4.

258. Пичета В. И. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии. Ч. 1 (до конца XVI века). Минск, 1927.

259. Покровский И. Бортничество (пчеловодство) как один из видов натурального хозяйства и промысла близ Казани в XVI–XVII вв. Казань, 1900.

260. Покровский И. Казанский архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года. Казань, 1906.

261. Покровский И. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Т. I. Казань, 1897.

262. Поливанов В. П. Муранский могильник. М., 1896.

263. Порфирьев С. К истории сборника болгарских надписей. Отд. оттиск из «ИОАИЭ» за 1922 год. С. 41–44.

264. Порфирьев С. Рецензия на книгу М. Г. Худякова «Очерки по истории Казанского ханства». Казань, 1923. В кн. «Записки коллегии востоковедов». Т. II. С. 181–187.

265. Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.

266. Программы по общественным дисциплинам. Казань: ВПИ, 1928.

267. Происхождение казанских татар. Казань, 1948.

268. Радлов В. В. Опыт словаря тюрских наречий. Т. II. СПб., 1895.

269. Рахманкулов С. и Карам А. Полный русско-татарский словарь. Казань, 1920.

270. Рождественский С. В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. 403 с.
271. Рожков Н. Сельское хозяйство в Московской Руси XVI в. М., 1899.
272. Руденко С. Чувашские надгробные памятники. Материалы по этнографии. Т. I. СПб., 1910.
273. Русско-башкирский словарь. М., 1948.
274. Русско-татарский словарь. Казань, 1939.
275. Рычков П. И. Журнал или древние записки путешествия по разным провинциям Российского государства 1769 и 1770 году. СПб., 1770.
276. Рычков П. И. История Оренбургская (1730–1750 годы). Оренбург, 1896.
277. Рычков П. И. Опыт Казанской истории древних и средних веков. СПб., 1767.
278. Рычков П. И. Письмо о земледельчестве в Казанской и Оренбургской губерниях. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих. 1758. Июнь.
279. Рычков П. И. Продолжение журнала и дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства. 1770 г. СПб., 1812.
280. Саблуков Г. С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства. ИОАИЭ. Т. XIII. Отд. оттиск. Казань, 1895.
281. Савельев В. К. Русские монеты, найденные в 1854 году, близ Казани. Записки ИАО. Т. IX. Вып. 1. СПб., 1856.
282. Савич А. Золотая Орда. История в школе. 1936. № 2.
283. Самойлович А. Н. Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш хана. Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Вып. 1 (58). Симферополь, 1927.
284. Самойлович А. Н. Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга. ИРАН. 1918.
285. Сафаргалиев М. Ногайская орда во второй половине XVI века. Сборник научных работ Мордовского государственного педагогического института им. А. Н. Полежаева. Саранск, 1949.
286. Сафаргалиев М. Рецензия на книгу «История Татарии в документах и материалах». Историк-марксист. 1938. № 3 (67).
287. Сбоев В. А. Исследования об инородцах Казанской губернии. Ч. 1. Заметки о чувашах. Казань, 1865.
288. Сбоев В. А. О быте крестьян в Казанской губернии. Казань, 1854.
289. Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства. Труды САГУ. Серия II. Ташкент, 1929.
290. Семенов Н. Национальные праздники в Татарии, их физкультурное значение. Казань, 1945.

291. Семенов Н. Сабан-туй. Казань, 1929.
292. Слободин В. М. Учение Вильямса о травопольной системе земледелия. М.: Сельхозгиз, 1948. 111 с.
293. Смирнов А. П. Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Козьмодемьянск, 1949.
294. Смирнов А. П. Древняя история чувашского народа до монгольского завоевания. Чебоксары, 1948.
295. Смирнов А. П. Очерки по истории древних болгар. Труды ГИМ. Т. XI. М., 1940.
296. Смирнов А. П. Социально-экономический строй восточных финнов в IX–XIII веках нашей эры. Труды секции теории и методологии Института археологии и искусствоведения РАНИОН. Вып. 2. М., 1928.
297. Смирнов А. П. Финские феодальные города. Ученые записки научно-исследовательского института народов Советского Востока при ЦИК СССР. Вып. 2. 1931.
298. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII в. СПб., 1887.
299. Смирнов И. И. Восточная политика Василия III. Исторические записки. № 27.
300. Смирнов И. И. С позиций буржуазной историографии. Вопросы истории. 1948. № 10.
301. Смирнов И. Н. Вотяки. Казань, 1890.
302. Смирнов И. Н. Мордва. Казань, 1895.
303. Смирнов И. Н. Черемисы. Казань, 1889.
304. Советов А. О системах земледелия. СПб., 1867.
305. Соловьев С. М. История России. Т. V.
306. Срезневский И. М. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–II. СПб., 1893–1902.
307. Стратонитский. Монгольское управление покоренными Китаем и Арменией. М., 1913. (Из «Ученых записок Императорского лица в память царевича Николая»).
308. Сыроечковский В. Н. Мухаммед-Герай и его вассалы. Ученые записки МГУ. Вып. 61. История. Т. II. М., 1940.
309. Тагиров Р. Ш. Методологические предпосылки экскурсионного изучения татарской Казани. Казань, 1929.
310. Татищев В. Н. История Российская. Кн. 1. СПб., 1768; Кн. 3. М., 1774.
311. Тер-Аветисян С. В. Город Джуга. Материалы по истории торговых сношений джугульфинских купцов XV–XVII вв. Тбилиси, 1937.

312. Тихомиров М. Н. Выступление на сессии отделения истории и философии АН СССР 25–26 апреля 1946 г.. Сборник «Происхождение казанских татар». Казань, 1948.
313. Тихомиров М. Н. Город Дмитров. Дмитров, 1926.
314. Тихомиров М. Н. Древняя Москва. М., 1947.
315. Тихомиров М. Н. Курс источниковедения истории СССР. Т. I. М., 1940.
316. Тихомиров М. Н. Присоединение Чувашии к Русскому государству. В кн.: Вопросы истории чувашского народа. Чебоксары, 1950.
317. Тихомиров М. Н., Дмитриев С. А. История СССР. Т. I. М., 1948.
318. Торнау Н. Е. О праве собственности по мусульманскому законодательству. СПб., 1872.
319. Третьяков П. Н. Памятники древнейшей истории чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948.
320. Третьяков П. Н. Подсечное земледелие в Восточной Европе. Известия ГАИМК. Т. XIV. Вып. 1.
321. Третьяков П. Н. Сельское хозяйство и промыслы. История культуры древней Руси. Т. I. М.–Л., 1948.
322. Труды IV Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля до 18 августа 1877. Т. I. Казань, 1884.
323. Турчинович О. История сельского хозяйства России от времен исторических до 1850 г. СПб., 1854.
324. Усманов А. Н. Присоединение Башкирии к Московскому государству. Уфа, 1949.
325. Усов С. М. О системах хлебопашества. СПб., 1854.
326. Фандерберг [в рукописи «Фан дер берг» – ред.]. Основные начала мусульманского права. СПб., 1882.
327. Фехнер М. В. Торговые связи России со странами Востока в XVI в. М., 1949.
328. Фирсов Н. А. Обзор внутренней жизни инородцев перед временем вступления их в состав Московского государства. Ученые записки КГУ по отд. историко-филологических и политико-юридических наук. Вып. 1. Казань, 1864. С. 69–123.
329. Фирсов Н. А. Положение инородцев в северо-восточной России в Московском государстве. М., 1866.
330. Фирсов Н. Н. Лекции по истории Поволжья. Казань, 1906.
331. Фирсов Н. Н. Некоторые черты из истории торгово-промышленной жизни Поволжья. Казань, 1898.
332. Фирсов Н. Н. Прошлое Татарии. Казань, 1926.

333. Фирсов Н. Н. Рецензия на работу С. Вахидова «Ярлык Сахиб Ги-рея». Новый восток. 1925. № 10–11.
334. Фирстов Г. В. Грубые пахотные орудия восточной полосы России. Записки Императорского Казанского экономического общества. Казань, 1854.
335. Фирстов Г. В. Земледельческие орудия восточной полосы России. Казань, 1854.
336. Френ Х. М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды. СПб., 1832.
337. Фукс К. История города Казани. Казань, 1914.
338. Фукс К. Краткая история города Казани. Казань, 1817.
339. Фукс К. Праздники казанских татар. Казань, 1834.
340. Хашаев Х. М. Шариат, адат и преступления, составляющие пережитки родового быта в Дагестане. М., 1949.
341. Хомяков М. И. Религия удмуртов и древнее право. Труды научного общества по изучению Вотского края. Вып. 5. Ижевск, 1928.
342. Худяков М. Г. Деревянное зодчество казанских татар. Казанский музейный вестник. 1924. № 1.
343. Худяков М. Г. Казань в XV–XVI столетиях. В кн.: Материалы из истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565–1568 гг. и 1646 г. Л., 1932. С. VII–XXV.
344. Худяков М. Г. Мусульманская культура в Среднем Поволжье. Казань, 1922.
345. Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923.
346. Худяков М. Г. Татарская Казань в рисунках XVI столетия. ВНОТ. № 9–10. 1930.
347. Целинский Ф. Агрономическое путешествие по некоторым уездам Казанской и Нижегородской губерний в 1855 году. ЖМГИ. Ч. 61. 1856. № 4.
348. Чежегов М. Вятские молитвы. Труды научного общества по изучению Вотского края. Вып. 5. Ижевск, 1928.
349. Чернышев Е. И. Обзор материалов русско-нагайских отношений в XVI веке. ВНОТ. № 1–2. 1925.
350. Чернышев Е. И. Облик казанской жизни в XVI веке. Сборник «Старая и новая Казань». Казань, 1927.
351. Шпилевский С. М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники Казанской губернии. Казань, 1877.
352. Шпилевский С. М. Указатель исторических достопримечательностей г. Казани. Казань, 1873.
353. Штукенберг А. А. Земледельческие орудия древних болгар. Ученые записки КГУ. 1896. № 6–7.

354. Эммауский А. В. Вятская земля в период образования Русского государства. Киров, 1949.
355. Юшков С. В. История государства и права СССР. Т. I. М., 1947.
356. Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.
357. Яблоков А. Предисловие к книге: «Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда». Казань, 1909.
358. Якубовский А. Ю. Рецензия на книгу И. П. Петрушевского «Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв.». Вопросы истории. 1950. № 4.
359. Якубовский А. Ю. Развалины Ургенча. Известия ГАИМК. Т. VI. Вып. 2. Л., 1930.

VI. Исследования и справочные издания на восточных и западноевропейских языках

360. Авыл хужалык истилахлары اول حوجالوق يستيلاحلرى (Сельскохозяйственные термины). Казань, 1924.
361. Atamalar syzlege (Словарь терминов). Вып. 9. Термины по сельскому хозяйству и лесоводству. Казань, 1931.
362. Атласов Х. قزان خانلغى Казан ханлыгы (Казанское ханство). Казань, 1913.
363. Ахмаров Г. قزان تاريخى Казан тарихы (История Казани). Казань, 1910.
364. Бартольд В. Булгар. Энциклопедия ислама: Enzyklopaedie des Islam (нем. издание). Т. I.
365. Бартольд В. Казань. Энциклопедия ислама: Enzyklopaedie des Islam (нем. издание). Т. III.
366. Beresine E. Catalogue des Monnaies et des medailles du cabinet Numismatique de l'Universite imperiale de Casan. Casan, 1855.
367. Валиди Д. تاتار تلنك تولى سوزلغى Татар теленең тулы сүзлеге (Полный словарь татарского языка). Т. I. Казань, 1929.
368. Губайдуллин Газиз. تاتار تاريخى Татар тарихы (История татар). Казань, 1922.
369. ... 1927. Т. 4. [Так в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова, других данных об издании не имеется – ред.].
370. Заляй Л. Диалектологик сүзлек (Диалектологический словарь). Казань, 1948.
371. Заляй Л. Эдәбияттан хрестоматия-дәрәслек. Урта мәктәпнең VIII классына. Казань: Татгосиздат, 1947. 480 [с.], II р. [так в рукописи – ред.].

372. Исәнбәт Н. Табышмаклар. Казан, 1941.
373. Курбангалеев М., Газизов Р., Кулиев И. *Tatarça-ursça syzlek* (Татарско-русский словарь). 2-е изд. Казань, 1931.
374. S. Lane-Poole. *Catalogue of the Oriental Coins in British Museum. Vol VI. The Coins of the Mongols in the British Museum.* London, 1881.
375. Марджани Ш. *علاوة الزمان فى تاريخ بلغار و قزان* Гулалят-уз-заман фи тарихи Булгар вэ Казан. Труды IV Археологического съезда в России. Т. I. Казань, 1887.
376. Марджани Ш. *مستفاد الاخبار فى احوال قزان و بلغار* Мустафадуль ахбар фи ахуале Казан вэ Болгар (Полезные сведения о прошлом Казани и Болгар). Т. I–II. Казань, 1885–1900.
377. Насыри К. Жыен бәете. В кн.: *Әсәрләр*. Казань, 1945.
378. Насыри К. *Ләһжәи татари* (Толковый словарь татарского языка). Т. I. Казань, 1895.
379. Рахманкулов С. *تاتارچا روسچا لوعات* Татарча-русча лөгать (Татарско-русский словарь). Казань, 1913.
380. Сагди Г. *تاتار نهدهبيت تاريخى* История татарской литературы. Казань, 1926.
381. *Tabigat һәм biologiyә terminnarь* (Термины по естествознанию и биологии). Казань, 1935.
382. Тукай Г. *Академик басма*. Т. II. *Прозаик әсәрләр*. Казан, 1948.
383. Френ Х. М. *Recensio numorum muhammedanorum Academiae Imp. Scientiarum Petropolitanae.* St. Petersburg, 1826.
384. Эрдман Ф. *Numi asiatici Musei universitatis Caesariae literarum Casanensis quos recensuit et illustravit Franciscus Erdmann.* Pars I. Casani, 1834.

Список принятых сокращений

I. Серии публикаций и периодические издания

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «Археологической» – ред.] экспедицией Императорской Академии наук

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «Археологической» – ред.] комиссией

ВНОТ – Вестник научного общества татароведения (г. Казань)

ЖМГИ – Журнал Министерства государственных имуществ

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

ЗВОРАО – Записки восточного отделения Русского археографического [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «археологического» – ред.] общества

ИАН – Известия Академии наук СССР

ИОАИЭ – Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете

ИРАН – Известия Российской Академии наук

Пр. ДРВ – Продолжение древней российской вивлиофики

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РИБ – Русская историческая библиотека

РИО – Русское историческое общество

СГГ и Д – Собрание государственных грамот и договоров

ССИА – Сборник статей по истории Азербайджана (г. Баку)

ТВОИАО – Труды восточного отделения Императорского Археографического [в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова «Археологического» – ред.] общества

Труды ГИМ – Труды Государственного исторического музея (г. Москва)

Труды ОИТ – Труды Общества изучения Татарстана (г. Казань)

II. Учреждения и издательства

АГУ – Азербайджанский государственный университет

АН СССР – Академия наук СССР

ВПИ – Восточный педагогический институт (г. Казань)

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры

КГУ – Казанский государственный университет

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

МГУ – Московский государственный университет

РАИМК – Российская академия истории материальной культуры

РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

САГУ – Среднеазиатский государственный университет

Фонд ГКЭ – Фонд Грамот коллегии экономики

ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов [ныне РГАДА – ред.] (г. Москва)

III. Разные сокращения

бол. – большой

дер. – деревня

изд. – издание

кн. – книга

кол. – количество

крест. – крестьяне, крестьянский

Л. – Ленинград

лл. – листы

М. – Москва

мал. – малый

об. – оборот [листа – ред.]

прим. – примечание

П. к. – писцовая книга

рус. – русский

служ. – служилые татары

соч. – сочинения

СПб. – Санкт Петербург (место издания)

ст. – старый

стлб. – столбец

стр. – страница

т. – том

тат. – татарский

указ. соч. – указанное сочинение

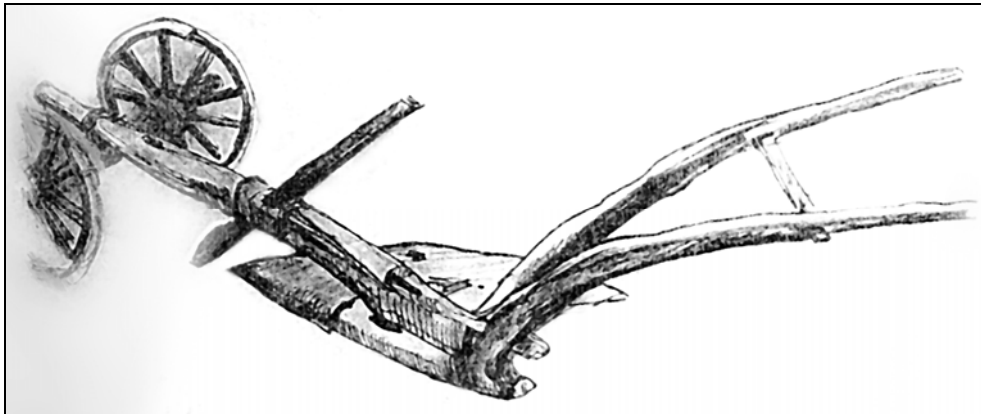
ч. – часть

Приложения

Приложение № 1

Старинный сабан.

По материалам Чувашского краеведческого музея в г. Чебоксары
(рисунок карандашом предоставлен
в наше распоряжение проф. А. П. Смирновым)

Приложение № 2

(см. изображение ярлыка на цв. вклейке)

Татарский текст ярлыка Сахиб-Гирея

(Вестник научного общества татароведения. 1925. № 1–2. С. 31)

يارليقنك نيكستى

- 1 (السلطان ا) لعازى صاحب گراي (سوزم)
- 2 و أمرا و حکام و سدات عظام و قضاة اسلام
- 3 و موالى ذويلاحترام و ارباب و کلاتان و مقمان و ايلجيان و باغجيان
- 4 و کشتى بانان و کذر بانان و توتقاوان و تمغاجيان و جمهور سکنه و عموم
- 5 ولايات غزان و ممالک محروسه حمت عن يلافات و البلديات لارغه بو نشان
- 6 يتکه چ سوز اوليکم بو محمد اوغلي شيخ احمد V داغي سيد احمد V
- 7 انسى محمدنک اوغلي موسى
- 8 سيد اوغلي بعقوب V بو یدی کيم ايرسا بزکا کليب باش اوردي لار
- 9 اول خان آغالاريمزدان ترخان بولغان کشى لار ايکاندور بزداغي سيورغاب
- 10 بو مذکور کيم ايرسه لارني تنکري تعالی رضاسی و تقی محمد رسول الله شفاعتي اوچون
- 11 تارخان قلديم من بعد بو مشار اليم لارغه يوللاريندا و ايزلاريندا
- 12 سفرلاريندا و حضرلاريندا اولتورغان لاريندا و تورغان لاريندا کشى لارينه
- 13 و قرالارينه يوکلارينه و جاروالارينه فردمن يلافات و وجه من الوجوه
- 14 دخل و تقارض قلماسون لار يساق قلان ساليغ مسمى سالماسون لار قولوش
- 15 قلتقه باج و خرج قراجات ديب تيلاماسون لار مال و الماک لارينه اق و آب زمين لارينه
- 16 دست تطاول قيلماسون لار اوي لارينه کوچ بله ايلجی قوناق قوندرماسون لار
- 17 صلہ خرجي يرخبله سی توتون سانى ديب الماسون لار سوسون علوفه تيلاماسون لار
- 18 قايوما ياندين نقصان ضرر تکورماسون لار اوز فراغتي بله اولتوروب
- 19 شام و صباح و غد و رواج بزکا و بزنيک اورغيمزغه دعا و القيش
- 20 قيلسون لار و هر نوع دين کوچ بسيج زحمت ينجوغ تیکورماسون لار بسا
- 21 بولايو تيؤ تورغاچ يرليغ تينکللامي کوچ سچ زحمت ينجوغ تیکورکان کشى لارنيک
- 22 اوزلارينه ني يخشى سی بولغاي ديب آل نشان ليغ يرليغ بريلدي
- 23 تاريخ توقوز يوز يکرمي توقوزدا موباراک سفر آيني نيک اون اوچنچی کون
- 24 ايردي
- 25 نيشانى: – بسم الله الرحمن الرحيم لا اله الا الله محمد رسول الله

السلطان الاعظم عز الدنيا والدين ابو المظهر صاحب	26
گرای بهادر خان خلد الله ملكه وايد سلطنته	27

[Справа на полях]

انسى بولانس داغى انسى نور سيد داغى شيوخ احمدنيك او غلى ابدال

Русский перевод ярлыка Сахиб-Гирея

(Вестник научного общества татароведения. 1925. № 1–2. С. 33)

«(Могущественного) воителя Сахиб-Гирея (слово) эмирам, хакимам, великим сеидам, кадиям (народным судьям), почетным лицам, уполномоченным лицам, чиновникам на местах, посланникам, садовым чиновникам, судебным чиновникам, полицейским чиновникам, чиновникам на заставах, таможенными чиновниками, всему населению, вообще всем Казанским областям и всем государствам, да будут они хранимы от бедствий и несчастий. Когда до них дойдет этот приказ, слово мое таково: – этот Шейх-Ахмет сын Мухаммеда, потом сын Шейх-Ахмеда Абдал, потом Сейид-Ахмед, его брата Мухаммеда сын Муса, Якуб сын Сейида, его брат Буланс, его брат Нур-Сейид – эти семь человек, пришедши к нам, били челом, что они были тарханами прежних наших старших ханов; мы вновь, пожаловав упомянутых лиц во имя великого бога и ради пророка Мухаммеда, сделали их тарханами. К названным лицам на дорогах, в жилищах, в пути, дома во всякое время: когда они сидят и когда встают, к их крестьянам, поместьям, возам и скоту не смеют пусть прикоснуться злые намерения и не вмешиваются злые поступки и действия ни одного человека. Ясак, оброк, подать, именуемую салыг, не взимать. Подать кулыш-култыка, таможенную пошлину, харадж и хараджат не требовать. К имуществу, собственности, деньгам, водам, землям никто рук пусть не протягивает. В дом их насильно посланников-гостей не ставить. Деревенскую подать, земельный налог, налог с трубы (с них) не собирать. Продовольствия, фуража не требовать. Ни с каких сторон вреда и притеснения (им) не причинять. Пребывая в спокойствии, вечером, утром, днем и ночью они воссылали бы нам и нашим потомкам молитвы и добрые пожелания. От всякого рода насилия, беды, вред, беспокойства (им) не причинять. Если же кто, не слушая поведений [так в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова – ред., «поведаний» – ?] ярлыка, причинит насилие, беды, вред, беспокойство, то им хорошо не будет. В удостоверение чего пожалован ярлык с алой печатью.

Дата девятьсот двадцать девятого (929) года гиджри в 13 день священного месяца Сафара.

П е ч а т ь: – Во имя всемилостивого милосердного бога, нет бога кроме единого бога, Мухаммед посланник божий.

– Могущественный султан, знаменитый для мира и веры великий завоевать [так в рукописи Ш.Ф. Мухамедьярова – ред., «завоеватель» – ?] Сахиб-Гирей, Герай хан, пусть бог вечно хранит его государство и возвеличит его царствование».

Приложение № 3

**Болгарские археологические памятники X–XIII веков
в пределах современной Татарской АССР**
(по данным «Истории Татарской АССР». Т. I. Казань, 1950)

Список селений с болгарскими памятниками (по порядку номеров на карте)

См. форзац I.

1. Булгар Великий	21. Зеленовка
2. Ага Базар	22. Булымер
3. Тенишево	23. Ст. Баран
4. Щербеть	24. Налеткинское
5. Куйбышев	25. Б. Поляна
6. Косяково	26. Болховка
7. Куралово (Утя)	27. Шапкино
8. Антоновка	28. Тяжбердино
9. Гусиха	29. Ср. Биктемирово
10. Хланеевка	30. Ст. Матаки
11. Ямбухтино	31. Ст. Нохраты
12. Кошки	32. Ст. Ургагар
13. Ниж. Борисково (оз. Хреновское)	33. Баз. Матаки, Репьевка, Старосельское, Гурьевка
14. Красный Ключ	34. Караваево
15. Р. Тюгульбаево, Т. Тюгульбаево	35. Войкино и Ямкино
16. Городище Калабаш	36. Бураково, Кожаевка, Дол- горуково
17. Сувар	37. Базяково
18. Пановка	38. Девичий городок
19. Маклашеевка	39. Алексеевское
20. Волосниковка	40. Кубасы

41. Березовка
42. Джукетау
43. Змиево
44. Байтеряково
45. Утяково
46. Сосновый Ключ
47. Ст. Толкиш
48. Ст. Ромашкино
49. Булдырь
50. Ачи
51. Тубулга тау
52. Горшково
53. В. Никиткино
54. Ямаши
55. Елантово
56. Шахмайкино
57. Изгары
58. Нов. Тат. Майна
59. Биляр
60. Емелькино
61. Тарханка
62. Чув. Енарускино
63. Нов. Альметevo
64. Щербень
65. Аксубаево
66. Н. Демкино
67. Кыз тау, Караса
68. Тат. Сунчелеево
69. Еряпкина
70. Ст. Камкино
71. Чув. Броды
72. Шибашы, Верхн. Качеевское, Ниж. Качеевское
73. Кадка
74. Ижевское
75. Оз. Отарка
76. Чертово городище
77. Грем. Ключ
78. Керменчук
79. М. Ошняк
80. Б. Ошняк
81. Новоселка
82. Т. Яншых
83. Стрюково
84. Б. Елга
85. Кашан Малый
- 85а. Кашан Большой
86. Сергеевка
87. Рождественское
88. Карадули
89. Арышхазда
90. Черемышево
91. Елань
92. Тау-Термень
93. Нырсы
94. Измя
95. Кибяк Кози
96. Камаевское городище
97. Ст. Урмат
98. Тат. Айша
99. Ст. Кишит
100. Ашияз
101. Зилантова Гора
102. Архьер. дача
103. Чикильдым
104. Тат. Черепаново
105. Кильна
106. Кулаш
107. Богдашкино
108. Урюм
109. Тетюши
- 109а. Ст. Тетюши
110. Кищаки
111. Киять
112. Яшевка
113. Куланга
114. Степановка
115. Б. Фролово
116. Зеленовское
117. Кр. Поляна

118. Льяшевское	130. Танай-Тураевское
119. Б. Шемякино	131. Деушево Апаст. р-на
120. Б. Отрясы	132. Тояба
121. Маринкин Дол (у Сюкеева)	133. Байдеряково
122. Сюкеевское	134. Б. Яльчик
123. Кирельское, Армянское надгр. XIV в.	135. Тайбатырево
124. Янтиковское (Ошель)	136. Тигашево
125. Уразлино	137. Арабузи (Первомайское)
126. Б. Кляри	138. Нов. Барышево
127. Б. Кармалы	139. Б. Кокузы
128. Шонгуты	140. Куралово
129. Чуру-Барашево	141. Косяково
	142. Н. Кирмели

[Далее на л. 374 рукописи монографии Ш.Ф. Мухамедьярова дается карта – «Булгарские археологические памятники X–XIII веков в пределах современной Татарии» – ред.]

Приложение № 4

Карта распространения болгаро-татарских надгробных памятников на территории Татарской АССР (по данным Г. В. Юсупова за 1949 г.)

Список населенных пунктов (по порядку номеров на карте)

См. форзац 2.

№№ на карте	Название населенного пункта	Название района	Примечание
Эпиграфические памятники XIII–XIV вв.			
1.	Булгары	Куйбышевский	
2.	Ямбухтино	—“—	
3.	Сухие Курнали	Алексеевский	
4.	Кубассы	Чистопольский	
5.	Городище Жукэ-Тау	—“—	
6.	Змиево	—“—	
7.	Сосновый Ключ	—“—	
8.	Верхн. Толкиш	—“—	
9.	Ст. Ромашкино	Кзыл-Армейский	

10.	Тат. Тукмаклы	—“—	
11.	Верх. Никиткино	Ново-Шешминский	
12.	Красная Кадка	Шереметьевский	
13.	Ст. Сауруш	Аксубаевский	
14.	Барское Енарускино	—“—	
15.	Н. Демкино	—“—	
16.	Тяжбердино	Алькеевский	
17.	Тат. Шапкино	—“—	
18.	Матвеевка	Ульянов. обл.	
19.	Б. Тарханы	Б. Тарханский	
20.	В лесу, на правом берегу Волги	—“—	
21.	Урюм	—“—	
22.	Тетюш	Тетюшский	
23.	Б. Шемякино	—“—	
24.	Б. Атрясы	Апастовский	
25.	Кульгуны	—“—	
26.	Салтыганово	Камско-Устьинский	
27.	Байглычево	Чуваш. АССР	
28.	Б. Яльчики	—“—	
29.	Байтеряково	—“—	
30.	Б. Ошняк	Корноуховский	
31.	Дигитли	Мамадышский	
32.	Ср. Кирмени	—“—	Предположительно Кирменское городище
33.	Б. Нырсы	Тюлячинский	Там же XV, XVII вв.
34.	Таутермень	—“—	—“—
35.	Кибя-Кози	—“—	Там же XVI в.
36.	г. Казань	—“—	Ферма № 2 на дальнем Кабане
37.	Измя	Сабинский	
38.	Ст. Кишитский	Атнинский	Там же XVI в.
39.	Ст. Ашит	Кзыл-Юльский	—“—
40.	Рус. Сарсазы	Чистопольский	
41.	Ст. Баран	Кузнечихинский	
Эпиграфические памятники XV в.			
1.	Б. Нырсы	Тюлячинский	Там же XIV, XVII вв.
2.	Тат. Ходяшево	Пестречинский	Там же XVI, XVII вв.
3.	Урывкино	— «—	Предположительно XV в.
4.	Камаево (гордище Иски-Казан)	Высокогорский	Там же XVI в.

5.	Тат. Азелей	Нурлатский	
Эпиграфические памятники XVI в.			
1.	Ниж. Ура	Кзыл-Юльский	Там же XVII в.
2.	Ст. Узюм	—“—	—
3.	Ст. Ашит	—“—	Там же XIV в.
4.	Ст. Кишит	Атнинский	Там же XIV в.
5.	Ст. Менгер	—“—	
6.	Мал. Агня	—“—	
7.	Ниж. Верески	—“—	
8.	Б. Березе	—“—	
9.	Верх. Серда	—“—	
10.	Сая	Дубъязский	
11.	Ибра	—“—	
12.	Б. Бирюли	Высокогорский	
13.	Ямаширма	—“—	
14.	Чепчуги	—“—	
15.	Куркачи	—“—	
16.	Русск. Урмат	—“—	
17.	Камаево (городище Иски-Казан)	—“—	Там же XV в.
18.	Чемерцы	—“—	
19.	Кишметьево	Арский	
20.	Сред. Серда	—“—	
21.	Сред. Аты	—“—	
22.	Верх. Аты	—“—	
23.	Наласы	—“—	
24.	Б. Берези	—“—	
25.	Ниж. Метески	—“—	
24.	Козылино	—“—	
27.	Верх. Корса	—“—	
28.	Ст. Масра	—“—	
29.	Измя	Сабинский	Там же XIV в.
30.	Верх. Кибя-Кози	Тюлячинский	Там же XIV в.
31.	Тямти	—“—	
32.	Ст. Зюри	—“—	
33.	Тямти (кряшен.)	—“—	
34.	Шадки	—“—	
35.	Кибячи	—“—	Предположительно XVI в.
36.	Мамли	Кзыл-Юлдузский	
37.	Кутлу-Букаш	—“—	
38.	Б. Салтань	Корноуховский	
39.	Пановка	Пестречинский	

40.	Тат. Ходяшево	—“—	
41.	г. Казань		Найден у господного [так в рукописи – ред.] двора
42.	Епанчино	Лаишевский	
43.	Васюково	Нурлатский	
44.	Кушушево [Кугушево – ред.]	—“—	
45.	Бакарчи	—“—	
46.	Молвино	—“—	
47.	Тат. Танаево	—“—	
48.	М. Кайбицы	Кайбицкий	
49.	Шигали	Чув. АССР	
50.	Смаил	Ципьинский	Предположительно XVI в.

Камней неизвестной даты на территории Чув. АССР всего в 22 пунктах (по данным краевед. музея Чув. АССР).

[Далее на л. 378 рукописи монографии Ш.Ф. Мухамедьярова дается карта – «Карта распространения болгаро-татарских надгробных памятников на территории ТАССР (1949 г.)» – ред.]

Приложение № 5

Карта центральной части Казанского ханства
(по данным «Истории Татарской АССР». Т. I. Казань, 1950)

Список населенных пунктов (по порядку номеров на карте)

См. карту на стр. 274–275.

1. д. Ягодная Поляна	9. Городище и кладбище на «Архиерейской даче»
2. Зилантов монастырь	10. д. Борискова
3. Починок Батутина	11. д. Атары (Отары)
4. д. Биш-Балта	12. с. Девлекеево (Деулет- Кильдеево)
5. с. Круглая Поляна	13. д. Салмачи
6. Слоб. Кураишева	14. д. Кабачищи (Кабак, Капка)
7. Слоб. Армянская и д. Кулмаметева	
8. д. Аметева	

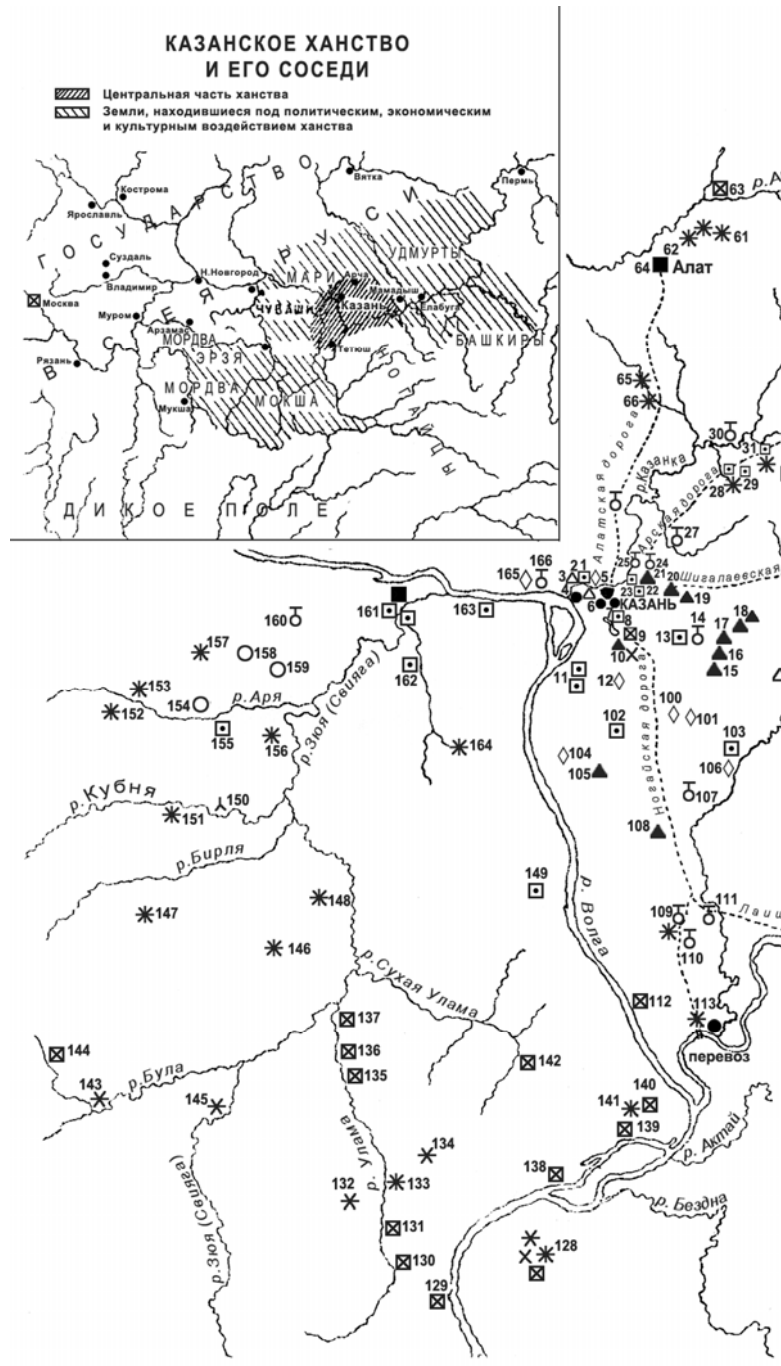
15. с. Куюки
16. д. Чернопенье
17. д. Починок Сафаров
18. д. Янгильдина
19. д. Самосырово (Шамасыр)
20. д. Клыки
21. д. Средние Клыки
22. с. Царицино
23. с. Подсека
24. с. Аки
25. с. Дербышки
26. с. Кадыш
27. с. Кендыр
28. с. и кладбище Янчурино (Калинино)
29. с. Клетли
30. с. Бимери
31. с. Бирюли
32. д. Шапши
33. д. Куюки и Чепчуги
34. д. Куркачи
35. д. Ямашурма
36. д. Сосмаги
37. с. Камаево и городище Иски- Казань
38. Кладбище «Святой Ключ»
39. д. Урмат и кладбища
40. д. Молнина
41. с. Красна
42. с. Ср. Серда
43. с. Верх. Серда
44. д. Черемыш
- 44а. Наласы
- 44б. Ср. Аты
- 44в. В. Аты
45. с. Мемери
46. д. Шурма
47. Тимурчи (Чемерцы)
- 47а. Кишметево
48. д. Айша
49. д. Чуриле (Чурилино)
50. Бол. Везези
51. г. Арск
52. Ниж. Метески
53. Казанбаш
- 53а. Ст. Масра
- 53б. Ст. Карса
54. Ст. Ашит
55. Ст. Смаил
56. Ст. Узюм
57. Ниж. Ура
58. Ст. Кишит
59. Ст. Менгеры
60. М. Атня
61. Ниж. Верески
62. Березя
63. Ашияз
64. г. Алат
65. Сая
66. Ибря
67. Измя
68. В. Кибя-Кози
69. Б. Кибя-Кози
70. с. Тюбяк-Кози
71. д. Трюк-Тамти
- 71а. Тямти
72. д. Метески
73. Урывкино
74. д. Б. Метески
75. д. Ксна [«Кска»]
76. Зюри
77. с. Шармаши
78. Тямти
79. Нырсы
80. Шадки
81. Таутермень
82. Кибячи
83. Читы
84. Пановка

85. Тат. Ходяшево
86. с. Кишкильды
87. д. Енасалы
88. с. Кадыли
89. с. Черемыш
90. с. и д. Елань
91. с. Шигалеево (Шах-Али)
92. с. Шихазда (Шейх-задэ)
93. д. Дюртюли
94. д. Карамыш
95. д. Петрецы
96. д. Кебек Черемыш
97. д. Кулаево
98. с. Арышхазда
99. д. Бима
100. с. Каракчей Кабан
101. с. Б. Кабан
102. Пустошь Ковали
103. с. Сокур-Кадыш
104. д. Кумкес
105. д. Тарлаши
106. д. Караиш
107. с. Кирби
108. д. Тат. Кабан
109. с. Тамгачи (Тангачи)
110. с. Сенгили
111. с. Укречь (Рождествено)
112. Городище Тат.
Саралинское
113. Епанчино
114. г. Лаиш
115. с. Шуран
116. Б. Кашан
117. М. Кашан
118. Рыбная Слобода
119. Б. Ошняк
120. Б. Салтань
121. Жукотинское
122. Чаллы
123. Пимерь
124. Шейхзадэ
125. Кутлу-бугуш
126. Берды-бекхан
127. Кладбище Старо-
билярское
128. – «– Старо-
булгарское
129. г. Тетюш
130. Зеленовское
131. Льяшевское
132. Б. Шемякино
133. Ямбухтино
134. Б. Атрясы
135. Танай-Тураево
136. Чуру-Барашево
137. Шонгуты
138. Сюкеевское городище
139. Янтиковское – « –
140. Уразлинское – « –
141. Салтыганово
142. Б. Кляринское – « –
143. Яльчики
144. Тоябинское городище
145. Кульгуны
146. Тоябинское городище
[повтор – ред.]
147. М. Кайбицы
148. Аз-баба
149. Теньки
150. Тат. Азелей
151. Тат. Танаево
152. Бакарчи
153. Кугушево
154. д. Исламово
155. д. Нур-Даулет (Нурлаты)
156. Молвино
157. д. Васюково (Баджюк)
158. с. Б. Ачасыры
159. д. Бишбатман
160. с. Ширданы

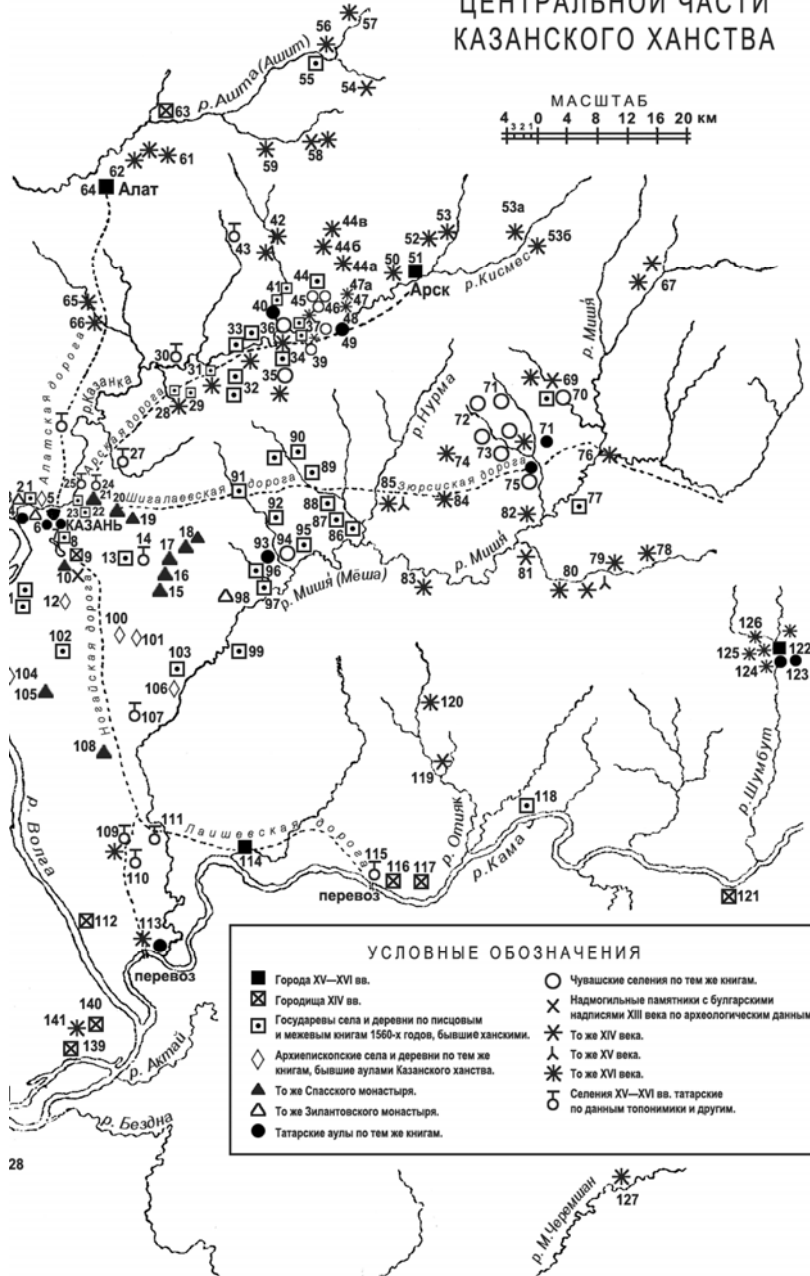
161. с. Свяжск и его
слободы
162. д. Шигалеева
163. с. Моркваши

164. Сеитово
165. д. Кеземетева
166. д. Уракчи (Аракчино)

[Далее на л. 381 рукописи монографии Ш.Ф. Мухамедьярова дается карта – «Карта центральной части Казанского ханства» – ред.]

КАРТА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Мухамедьяров Шамиль Фатыхович

**Социально-экономический и государственный строй
Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.)**

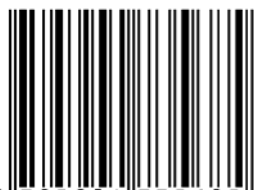
Научное издание

Оригинал-макет – *Р.Ф. Гатауллина*

Подписано в печать 01.03.2012 г. Формат 70×100 ¹/₁₆

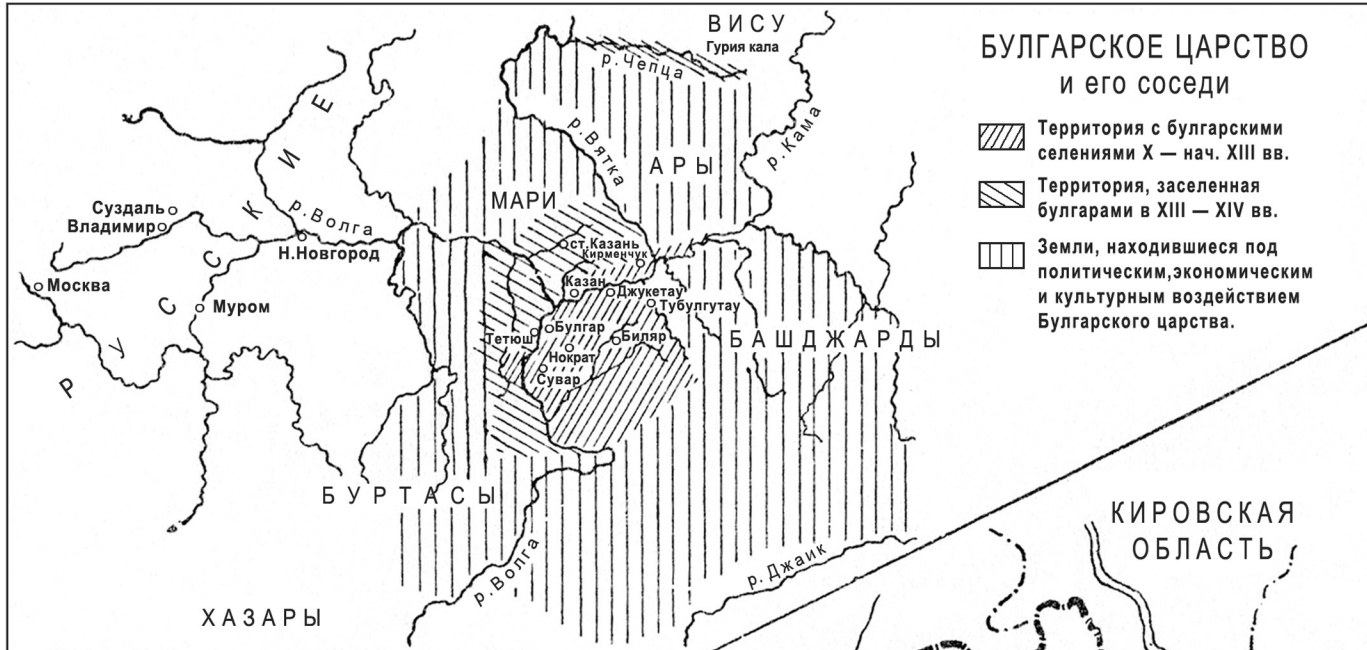
Усл. печ. л. 17,25. Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-904735-68-5

9 785904 735685 >

Отпечатано в множительном центре
Института истории АН РТ
г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел. (843) 292-95-68, 292-18-09

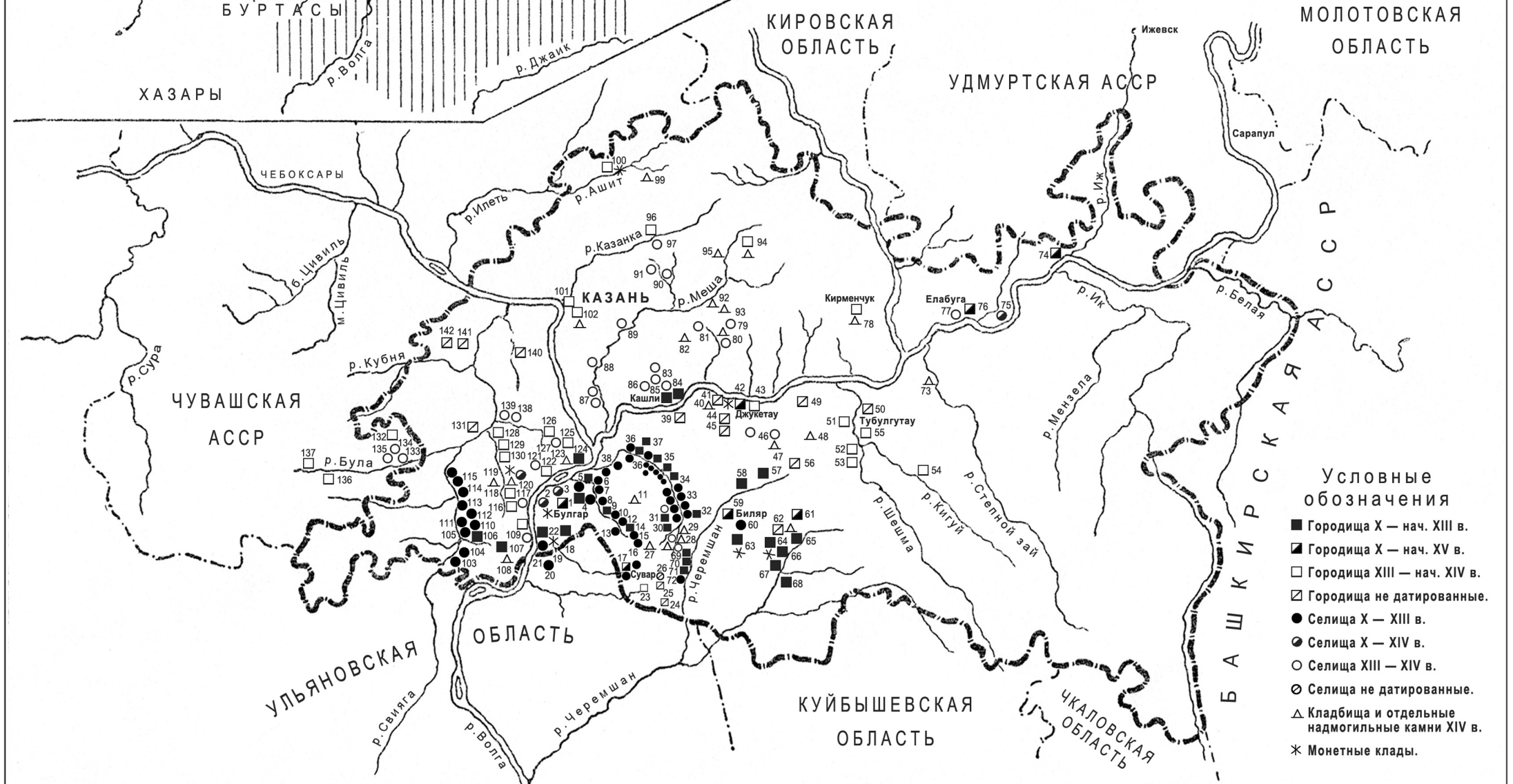
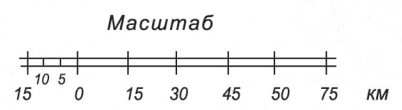

**БУЛГАРСКОЕ ЦАРСТВО
и его соседи**

- Территория с болгарскими селениями X — нач. XIII вв.
- Территория, заселенная булгарами в XIII — XIV вв.
- Земли, находившиеся под политическим, экономическим и культурным воздействием Булгарского царства.

ФОРЗАЦ 1

**БУЛГАРСКИЕ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
X—XIII веков
в пределах современной Татарии**

Условные обозначения

- Городища X — нач. XIII в.
- Городища X — нач. XV в.
- Городища XIII — нач. XIV в.
- Городища не датированные.
- Селища X — XIII в.
- Селища X — XIV в.
- Селища XIII — XIV в.
- Селища не датированные.
- Кладбища и отдельные надмогильные камни XIV в.
- Монетные клады.

КАРТА

распространения
булгаро-татарских
надгробных памятников
на территории ТАССР
(1949 г.)

ФОРЗАЦ 2

